

ФГБУ НМИЦ
ПСИХИАТРИИ
И НАРКОЛОГИИ
ИМ. В.П. СЕРБСКОГО

МИНИСТЕРСТВО
ПРОСВЕЩЕНИЯ

МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

СБОРНИК ТЕЗИСОВ УЧАСТНИКОВ

СОЗДАЁМ ВМЕСТЕ ИСТОРИЮ,
РАЗВИВАЕМ НАУКУ,
ПРОДВИГАЕМ ПРАКТИКИ

ВСЕРОССИЙСКАЯ
ОНЛАЙН-КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

П **Ю** **К** **О** **Ч** **Е** **Н** **О** **В** **С** **К** **И** **Е**
Ч **Т** **Е** **Н** **И** **Я**

**«КОЧЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ—2020.
ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»**

МОСКВА

2020 НОЯБРЬ 11-13

ББК 88.47

К75

Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2020. 295 с.

Редакторы:

*В.В. Рубцов, Ю.М. Забродин, А.А. Марголис, З.И. Кекелидзе,
Н.В. Дворянчиков, И.Б. Бовина, Н.В. Богданович, О.П. Вечерина, В.В. Делибалт,
М.Г. Дебольский, Е.Г. Дозорцева, А.С. Калашикова, И.Н. Коноплева, З.В. Луковцева,
И.Б. Путалова, Ф.С. Сафуанов, Р.В. Чиркина*

Составитель:

О.Р. Бусарова

ISBN 978-5-94051-223-3

© МГППУ, 2020.

Уважаемые участники и гости конференции!

Мы рады приветствовать Вас на Всероссийской конференции «Коченовские чтения. Психология и право в современной России». В этом году мероприятие впервые за период своего существования пройдет полностью в онлайн режиме в связи с проведением противоэпидемиологических мероприятий в Москве по недопущению распространения COVID-19 и в соответствии с Указом мэра Москвы от 16 марта 2020 г. (№ 21-УМ). Несмотря на новый формат, конференция, организованная факультетом Юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета совместно с Национальным медицинским исследовательским центром психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского, неизменно собирает специалистов в области юридической психологии как из разных стран, так и из многих городов России.

Научное мероприятие посвящено памяти выдающегося ученого М.М. Коченова (1935 – 1999), внесшего большой вклад в становление российской юридической психологии. В продолжение развития его идей мы видим в качестве важнейших целей конференции объединение профессионалов из различных областей криминальной, судебной, пенитенциарной и правовой психологии, знакомство с современными научными трендами, обсуждение и обобщение опыта практических разработок как ведущих ученых и практиков из различных областей юридической психологии, так и будущих специалистов – студентов, магистрантов, аспирантов, а также определение перспектив развития этой отрасли психологической науки.

В данном сборнике представлены материалы конференции, охватывающие широкий спектр актуальных проблем юридической психологии. В целях обеспечения эффективной работы участников тезисы выступлений систематизированы в следующих разделах: Криминальная и судебная психология; Юридическая психология детства; Пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний; Психологическое обеспечение правоохранительной деятельности; Юридическая психология и риски цифрового общества; Судебная психологическая экспертиза опосредованной межличностной коммуникации в сети Интернет; Международный опыт профилактики социальных рисков детства; Медиация как социально значимая практика.

Желаем Вам вдохновения, продуктивной и интересной работы на конференции!

Оргкомитет конференции

Этно-культуральные аспекты патопсихологического обследования

Алёхин А.Н.

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Литвиненко О.А.

СПб ГКУЗ «Городская психиатрическая больница №6»
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Основы патопсихологии были заложены Б.В. Зейгарник, С.Я. Рубинштейн, Ю.Ф. Поляковым, В.М. Блейхером и другими выдающимися учеными в середине прошлого столетия. Ими были разработаны основы патопсихологического эксперимента, обоснованы экспериментальные методики исследования психических процессов, описаны основные патопсихологические симптомы и синдромы (Блейхер В. М., 1986; Зейгарник Б. В., 1973; Поляков Ю. Ф., 1974). Вместе с тем, методологический принцип культурно-исторической обусловленности психического развития, обоснованный Л.С. Выготским, постулирует, что изменения культурно-исторической ситуации развития психики сопровождаются появлением новых психологических феноменов, обусловленных изменениями психической организации человека. Ранее, в работах (Алёхин А.Н., Литвиненко, О.А., 2013, 2014) было показано, что трансформации социокультурной ситуации в новейшей истории России транслируются в психической организации людей, психическое развитие которых пришлось на различные этапы социально-экономических преобразований российского общества. В научной литературе представлены данные кросс-культурных исследований, в которых убедительно показано, как когнитивная деятельность и представления о мире отличаются в различных культурах и, следовательно, в различных условиях развития (Пузыревский В. Ю., 2012).

В современных условиях проблема социокультурной детерминированности патопсихологических симптомов психического расстройства актуализируется в ряде практических задач. Так, в связи с массовой миграцией представителей разных этносов, психическое развитие которых осуществлялось в иной социокультурной среде, в иной системе образования, в иной системе ценностно-смысловых ориентаций, анализ результатов патопсихологического эксперимента становится проблематичным. Особенно ясно это проявляется при решении экспертных вопросов, для качественного разрешения которых понимание роли этнических и культуральных особенностей психической организации подэкспертных становится необходимым. Речь не только о языковых барьерах, но и о специфике психологических отношений личности, которые формируются в иных условиях психического развития. Эта специфика проявляет себя и в поведении подэкспертных, в том числе в

инкриминируемых ситуациях, и в способах участия в патопсихологическом эксперименте. Так, уроженцы Кавказа нередко демонстрируют яркие эмоциональные реакции, импульсивность, раздражительность, особенно в ситуациях, задевающих их самооценку. Они поспешны в своих умозаключениях, и такая поспешность формально может быть расценена как «поверхностность», «легковесность» суждений. Недостаточно усвоив инструкции, они нередко отказываются от дополнительных пояснений, демонстрируя понимание. Такое поведение может расцениваться как «уплощенность мотивационно-личностного компонента мышления», однако, те же испытуемые проявляют достаточную синтонность в беседе, успешно справляются с решением абстрактных задач. Представители средне-азиатских республик в ситуации патопсихологического эксперимента чаще демонстрируют растерянность, медлительность, сходную с «инертностью психических процессов». При изучении особенностей их мышления легко отметить обобщения на основе конкретно-ситуационного объединения предметов в группу, что внешне напоминает «конкретизацию мышления», «обстоятельность». Необходимо принимать во внимание и то, что мигранты нередко испытывают стресс в чуждой для них языковой и культурной среде, в ситуациях уголовного преследования они просто теряются, что также сказывается на результатах классических патопсихологических экспериментов.

Таким образом, современные прикладные задачи медицинской психологии и патопсихологии актуализируют задачи уточнения и диагностических критериев оценки индивидуально-психологических особенностей личности и интеллектуально-мнестических функций представителей различных этнических групп.

Литература

1. Алёхин А. Н., Литвиненко, О. А. Психологические аспекты клинического патоморфоза психотических переживаний // Вестник психотерапии. – 2013. – №48 (53). С. 57-67.
2. Алёхин А. Н., Литвиненко, О.А. Социо-культурные матрицы бреда // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2014. №4 (27) [Электронный ресурс] URL: http://medpsy.ru/mprj/archiv_global/2014_4_27/nomer/nomer10.php (дата обращения: 05.10.2020).
3. Блейхер В. М., Крук И.В. Патопсихологическая диагностика К.: Здоровья, 1986. 280 с.
4. Зейгарник Б. В. «Основы патопсихологии: Учеб. Пособие для студ. фак. психологии гос. ун-тов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. 367 с.
5. Поляков Ю. Ф. Патология познавательной деятельности при шизофрении – М.: Медицина, 1974. 86 с.
6. Пузыревский В. Ю. Этнокультурные стили мышления и образование СПб., 2012. 172 с.

Исследование родительского отношения у матерей, находящихся под диспансерным наблюдением в связи с шизофренией

Андрианова С.Б.

ГБУЗ «Психоневрологический диспансер №21» (ПКБ №1 им. Н.А. Алексеева ДЗМ) (г. Москва, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00921 А.

Как было показано ранее, применение психосемиотического подхода к анализу родительского отношения позволяет не только охарактеризовать его особенности по формальным параметрам, но и достоверно выделить отдельные группы родителей, чье отношение к ребёнку имеет качественные отличия (Русаковская О.А., Новикова-Грунд М.В., Андрианова С.Б., 2019; Шведовская А.А., Русаковская О.А., Абрамова С.С., 2020; Rusakovskaya O., Novikova-Grund M., 2019). Ранее нами были описаны формальные текстовые характеристики, отличающиеся у матерей, находящихся на стационарном лечении в психиатрическом стационаре в сравнении со здоровыми матерями, имеющими детей того же возраста (Андрианова С.Б., Новикова-Грунд М.В., Русаковская О.А., 2018).

Целью настоящего исследования была оценка родительского отношения матерей, страдающих шизофренией и находящихся в ремиссии. Выборку составили 15 женщин, находящихся на диспансерном наблюдении с диагнозом из рубрики F.20 (МКБ 10), имеющие несовершеннолетних детей. Результаты сравнивались с первичными данными, полученными в предыдущем исследовании.

В качестве методики использовалось родительское сочинение в форме незаконченных предложений (Шведовская А.А., 2006). В ответах основной и контрольных групп сравнивалось количество следующих параметров: центрированность высказывания, временная перспектива, безличные высказывания, конкретные высказывания, внутренние предикаты относительно себя и внутренние предикаты относительно ребенка, эмоциональная оценка, болезнь (упоминание заболевания/проблем со здоровьем). Для определения существенных различий между тремя группами использовался Критерий Краскела-Уоллиса и анализировался отдельно каждый вопрос методики «Незаконченные предложения». Анализ проводился использованием Statistica 12.

Результаты

1. Между пациентами диспансерного наблюдения и пациентами стационара были выявлены следующие различия: в высказываниях пациентов, находящихся на диспансерном наблюдении, чаще встречаются эмоционально-положительные оценки, центрированность на ребенке, негативная оценка отношений между родителем и ребенком; значимо меньше безличных высказываний, внутренних предикатов по отношению к себе и упоминаний болезни.

2. Между пациентами диспансерного наблюдения и контрольной группой: в высказываниях пациентов диспансера значимо больше негативных оценок

относительно качеств ребенка, ориентации на настоящее с акцентом на достижениях ребенка, центрированности на ребенке, упоминаний болезни родителя, а также дается негативная оценка отношениям.

Таким образом, пациенты диспансерного наблюдения преимущественно говорят о ребенке и чаще дают ему эмоционально-положительную оценку, беспокойность и тревога родителей преимущественно направлена на ребенка, а также на себя относительно непонимания и непринятия ребенком в связи с заболеванием.

Литература

1. Андрианова С.Б., Новикова-Грунд М.В., Русаковская О.А. Оценка отношения к детям больной параноидной шизофренией с помощью текстовых методик // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2018. С. 49–50.
2. Русаковская О.А., Новикова-Грунд М.В., Андрианова С.Б. Психосемиотический подход к оценке родительского отношения // Российский психиатрический журнал. 2019. №4. С. 27–35.
3. Шведовская А.А. Использование методики «Родительское сочинение» в диагностике детско-родительских отношений в дошкольном возрасте // Психолог в детском саду: ежеквартальный научно-практический журнал – Москва-Обнинск, 2006. №4 октябрь-декабрь 2006. С. 96-130.
4. Шведовская А.А., Русаковская О.А., Абрамова С.С. Психосемиотические особенности отношения родителей к детям с нарушениями психического развития // Сборник научных статей по материалам III Конгресса «Психическое здоровье человека XXI века». М., 2020. С. 331-333.
5. Rusakovskaya O., Novikova-Grund M. Motherhood of women with schizophrenia in Russia and psycholinguistic analysis of their affection towards child // XVI EUROPEAN CONGRESS OF PSYCHOLOGY. 2019. С. 2109.

Материнство и отцовство лиц, страдающих психическим расстройством, в условиях пандемии

Андрианова С.Б., Цух Е.А., Дрыкина Л.Л.

ГБУЗ «Психоневрологический диспансер №21» (ПКБ №1 им. Н.А. Алексеева ДЗМ) (г. Москва, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00921 А.

Ситуация пандемии COVID-19 кардинально изменила привычный ритм жизни всего населения. Самоизоляция, переход на дистанционное обучение, редкие

прогулки и т. д. оказались непростым испытанием как для родителей, так и для детей. В такой ситуации родители, имеющие психическое расстройство, являются более уязвимой группой. Ситуация пандемии COVID-19 стала дополнительным стрессором, нарушающим уже устоявшийся уклад жизни и влияющим на эмоциональную стабильность семьи, особенно если родитель страдает психическим расстройством. В связи с этим повышается необходимость медико-психологической помощи и поддержки данным семьям.

На базе Психоневрологического диспансера №21 нами проведено исследование, в ходе которого было обследовано 30 пациентов с психическим расстройством, имеющих несовершеннолетних детей. Среди них 20 женщин и 10 мужчин. По результатам исследования мы можем выделить основные направления актуальных запросов по теме детско-родительских отношений: 1) ситуационные вопросы по воспитанию/ семейным конфликтам/ обучению детей в школе (преимущественно запросы от пациентов, самостоятельно справляющихся с воспитанием и находящихся в ремиссии); 2) психологическое просвещение по вопросам воспитания детей, имеющих психическое расстройство; 3) психотерапевтическая работа по темам чувства вины и тревоги о влиянии психического расстройства родителя на развитие и состояние ребенка.

Соответственно, с учетом ситуации пандемии COVID-19 на базе Психоневрологического диспансера № 21 пациентам, имеющим несовершеннолетних детей, предлагались онлайн консультации с психологами по вопросам, связанным с воспитанием детей в условиях пандемии и самоизоляции. По итогу дистанционного общения с пациентами удалось выявить ряд трудностей, с которыми столкнулись родители: 1) вопросы досуга ребенка; 2) организация дистанционного обучения. В ответ на данный запрос психологами ПНД № 21 были разработаны буклеты «Рекомендации для родителей в период пандемии», где отражены ответы на актуальные вопросы: как адаптироваться к новым условиям жизни, как организовать взаимодействие родителя и ребенка в условиях самоизоляции, как помочь ребенку в ситуации дистанционного обучения, как организовать досуг семьи. Также специалистами разработан буклет «Лучшие книги по детской психологии для родителей», где представлена рекомендуемая литература по вопросам воспитания и детско-родительских отношений, и создана группа в социальной сети «ВКонтакте» под названием «Медико-психологическая поддержка родителей», где доступны видео с творческим мастер-классом и рекомендациями по выбору мультипликационных фильмов для совместного семейного просмотра.

Стоит отметить, что несмотря на возникшие трудности, связанные с самоизоляцией, пациенты отмечали достаточно успешную адаптацию к новым условиям жизни и распределение обязанностей в семье по уходу за ребенком и его воспитанию. Однако, не все семьи имеют здоровые модели поддержки друг друга, которые помогают семье пережить трудности, такие как, например, пандемия. В связи с чем повышается важность и необходимость создания службы медико-психологической поддержки родителям, имеющим психическое расстройство.

Литература

1. Журавлева Е.В., Андрианова С.Б., Ныркова А.А. Особенности родительского отношения у матерей, страдающих шизофренией / Материалы IV-ой Всероссийской Костромской школы молодых ученых и специалистов в области психического здоровья 16-20 апреля 2018 г. : сборник тезисов. Кострома, 2018.
2. Карницкая Л.А. Семейное функционирование матерей, страдающих шизофренией: обзор литературы // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. Минск, 2016. №4. С. 545-556.
3. Овчарова Р.В. Родительство как психологический феномен: учебное пособие – М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 496 с.
4. Русаковская О.А., Новикова-Грунд М. В., Андрианова С.Б. Психосемиотический подход к оценке родительского отношения // Российский психиатрический журнал. 2019. №4. С. 27–35.

Феномен обыденного садизма и антисоциальное поведение

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.

ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

Одной из основных проблем, связанных с изучением антисоциального поведения, является проблема индивидуальных различий. Приблизительно одна треть всех индивидов с антисоциальным поведением характеризуется нормальным интеллектуальным развитием на фоне эмоциональных нарушений по типу психопатии, таких, как отсутствие эмпатии, черты холодной бесчувственности и др. Психопатия также входит в Темную триаду личностных черт наряду с нарциссизмом и макиавеллизмом – метаконструкт, который в настоящий момент является предметом возможного переструктурирования (Muris et al., 2017).

Накопленные эмпирические данные свидетельствуют о целесообразности включения в Темную триаду нового конструкта – обыденного садизма, который имеет теоретическую и практическую ценность как самостоятельный феномен (Buckels, 2018). Экспериментальные исследования обыденного садизма показали, что садистические личности склонны выбирать ситуации, позволяющие им проявлять агрессию, в том числе без какой-либо провокации, и получать удовольствие от этого (Buckels et al., 2013). Наряду с психопатией, садистические черты являются предиктором антисоциального поведения в виртуальном пространстве, например, в форме кибербуллинга и троллинга (Sest et al., 2017). Наконец, обыденный садизм успешно предсказал антисоциальное поведение независимо от его сочетанности с другими «темными» чертами (Chabrol et al., 2009). В этом свете изучение обыденного садизма как психологического феномена представляется важным для прояснения механизмов формирования антисоциального поведения.

В то время как в зарубежной клинической литературе достаточно обширно представлены эмпирические исследования указанных явлений, в русскоязычной

литературе малый объем подобных работ обусловлен во многом недостаточностью методического инструментария. На настоящий момент отечественными авторами апробирована методика измерения черт Темной триады (Егорова М.С. и др., 2015); на финальном этапе адаптации находится методика измерения психопатических черт К.Патрика (Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н., 2015), однако вопрос операционализации черт обыденного садизма остается открытым. На английском языке существует несколько методик измерения садистических черт, однако новейшей разработкой в этой области является мультифакторная шкала Всесторонней оценки садистических черт (CAST; Buckels, 2013). Сегодня этот инструмент находится в процессе апробации на русскоязычной общепопуляционной выборке и в перспективе откроет новые пути исследования психологических особенностей, являющихся одними из ключевых для формирования антисоциального и криминального поведения.

Литература

1. Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н. Апробация методики диагностики психопатии К. Патрика на российской выборке // Психологическая наука и образование. 2015. Том 20. № 4. С. 75–85. doi:10.17759/pse.2015200407.
2. Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В. Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 04.10.2020).
3. Buckels E. (2018) The Psychology of Everyday Sadism. Dissertation. University of British Columbia.
4. Buckels E. Jones D., & Paulhus D. (2013) Behavioral Confirmation of Everyday Sadism. Psychological science, 24.
5. Chabrol H., Van Leeuwen N., Rodgers, R., & Séjourné N. (2009). Contributions of psychopathic, narcissistic, Machiavellian, and sadistic personality traits to juvenile delinquency. Personality and Individual Differences, 47, 734–739.
6. Muris P., Merckelbach H., Otgaar H., & Meijer E. (2017) The Malevolent Side of Human Nature: A Meta-Analysis and Critical Review of the Literature on the Dark Triad (Narcissism, Machiavellianism, and Psychopathy). Perspectives on Psychological Science, 12(2), 183–204.
7. Sest N., & March E. (2017) Constructing the cyber-troll: Psychopathy, sadism, and empathy. Personality and Individual Differences, 119, 69-72.

Синдром патологического фантазирования у девочек 8-12 лет и его роль в возбуждении уголовных дел по сексуальным преступлениям ненасильственного характера

Баранская Л.Т.

ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» МЗ РФ
(г. Екатеринбург, Россия)

Попова Т.В.

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени Первого Президента РФ Б.Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, Россия)

Патологическое фантазирование принято рассматривать в качестве психопатологического синдрома, формирование которого обусловлено вымышленными рассказами пациентов о событиях, не имеющих реальной основы (P. Koreniz at al, 2015).

В судебной практике данный синдром наиболее часто встречается у девочек 8-14 лет, показания которых ложатся в основу возбуждения уголовных дел по сексуальным преступлениям ненасильственного характера.

За пятилетний период (2016-2020 гг.) нами составлено 17 заключений специалиста, в большинстве случаев альтернативных по отношению к имеющимся в материалах уголовных дел экспертным заключениям. Во многом это обусловлено использованием клинико-психологических и психолого-лингвистических методов исследования материалов уголовного дела (в основном, переписки в социальных сетях и пр.), а также анализом речи потерпевших, представленной в их объяснениях и допросах.

Для большинства девочек 8-14 лет основным симптомом изучаемого синдрома являются сексуальные фантазии на тему преследования их взрослыми мужчинами: либо, знакомыми, которые вызывают у них симпатию, либо незнакомыми, случайно встреченными ими.

Патологическое фантазирование отличается от псевдологии и бредовых построений следующими характеристиками: а) сочинение историй носит хронический характер; б) истории всегда отличаются излишней драматизацией, детализированы, содержат интригу; в) в историях рассказчик выступает героем или жертвой, вызывающим симпатию или сострадание; г) в историях трудно установить последовательность событий и пространственно-временные характеристики.

Указанный возрастной период соответствует второму этапу психосексуального развития, стержневой характеристикой которого является формирование полоролевого поведения подростка на основе его психофизиологических особенностей и стереотипов мужественности и женственности, господствующих в микросоциальном окружении (семье, детском коллективе). В результате вырабатывается и усваивается мужской и женский половой стереотип.

Анализ изученных нами уголовных дел показывает, что для всех девочек характерен повышенный интерес к сексуальной сфере, интимным отношениям.

Так, одна из признанных следствием потерпевшей, 12-летняя учащаяся шестого класса (обвиняющая отчима, внимание которого она «завоевывала» всеми доступными ей способами, в сексуальных домогательствах) во время допроса проявила поразительную для возраста осведомленность о всех анатомо-физиологических особенностях орального сексуального контакта, заявив при этом, что она все понимала и знала, так как «в школе мне преподавали биологию», но

боялась отказаться, поскольку это расстроило бы их взаимную симпатию. По утверждению девочки такие контакты были около сорока раз, в том числе, когда мать находилась дома, в другой комнате.

Клинико-психологический анализ позволяет утверждать, что патологическое фантазирование характерно для детей и подростков с нормальным интеллектом, но имеющим сложности в контроле за речевыми высказываниями, что обнаруживается при сравнении различных текстов, описывающих противоправную ситуацию.

В тоже время, анамнестические данные свидетельствуют о том, что более 40,0% обследованных девочек имеют раннюю биологическую неполноценность ЦНС (эпилепсия и эпилептиформные расстройства, стойкие нарушения ЭЭГ, травмы головы или инфекции центральной нервной системы). Для 50,0% потерпевших характерны соматоформные расстройства и симуляция различных соматических недугов.

В социальном плане патологическое фантазирование позволяет девочкам получить признание и самоутвердиться среди сверстников, повысить самооценку, заслужить особое внимание со стороны взрослых, особенно родителей, избежать наказания за проявленный ранний интерес к вопросам секса и взаимоотношения полов.

Таким образом, распознавание клиническими психологами и психиатрами синдрома патологического фантазирования может внести существенный вклад в исследование материалов уголовного дела.

Литература

1. Korenis P [et al.] Pseudologia fantastica: forensic and clinical treatment implication // Comprehensive Psychiatry. 2015. Vol.56. PP. 17-20.

Особенности социальной перцепции больных шизофренией с различной выраженностью и структурой нарушений мышления, совершивших общественно опасные действия

Белякова М.Ю.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России

(г. Москва, Россия)

Среди лиц, страдающих психическими расстройствами и представляющих повышенную общественную опасность, преобладают больные шизофренией с дефицитарной симптоматикой и изменениями личности (Булыгина В.Г., 2015). В судебной психиатрии и судебной психологии наряду с оценкой когнитивного функционирования и эмоционально-волевой сферы больных шизофренией особое внимание уделяется изучению роли восприятия и переработки информации в генезе их криминального поведения (Савина О.Ф., Макушкин Е.В., Морозова М.В., 2018,

Monahan J., 2014). Снижение социальной направленности и социальной регуляции деятельности и поведения больных шизофренией определено в качестве ведущего фактора в структуре патопсихологического синдрома, специфического для шизофренической патологии (Руденко С.Л., 2013).

В выборку исследования вошли 83 больных шизофренией мужского пола с криминальным анамнезом в возрасте от 18 до 49 лет.

Методический комплекс исследования включал в себя:

1. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (Моросанова В.И., 1999).
2. Авторская проективная Методика изучения социальной апперцепции (Белякова М.Ю., Булыгина В.Г., 2012).
3. Данные экспериментального патопсихологического исследования.

Результаты и обсуждение. Выборка была разделена на 3 группы по характеру преобладающих в структуре патопсихологического симптомокомплекса нарушений мышления. Для лиц с преобладанием нарушений динамики мыслительных процессов характерно наличие нарушений внимания, что может быть связано с игнорированием деталей ситуации и недостаточным пониманием ситуационного контекста. Недостаточная сформированность способности продумывать последовательность своих действий в сочетании со склонностью к оценочным суждениям может способствовать совершению импульсивных поступков. Импульсивность наряду с неспособностью к распознаванию эмоций участников ситуации, а также с отсутствием эмпатии по отношению к персонажу-жертве может обуславливать предпочтение идентификации с персонажем-агрессором. Представители данной группы продуцируют минимальное количество вариантов развития ситуации, что может снижать вероятность выбора конструктивного решения.

Лица с преобладанием нарушений операциональной стороны мышления склонны предлагать социально неприемлемые способы разрешения ситуации, которые могут способствовать достижению сиюминутных целей, но при этом не быть конструктивными в долгосрочной перспективе.

Больные шизофренией с преобладанием нарушений мотивационного компонента мышления способны к пониманию заданного контекста ситуации. При этом привнесение личностных смыслов в интерпретацию отношений между ее участниками, а также неспособность к четкой идентификации и наличие трудностей в распознавании модальностей эмоций изображенных персонажей могут способствовать продуцированию неадекватных контексту вариантов развития событий.

Чем менее выражены нарушения мышления в целом, тем выше регуляторная гибкость обследованных и количество предложенных ими сценариев развития ситуации. Больные шизофренией с менее выраженными нарушениями мышления избегают идентификации с жертвой или агрессором, предпочитая продуцировать способы разрешения проблемной ситуации от имени нейтрального персонажа.

Литература

1. Булыгина В.Г. Психологическая концепция профилактики общественно опасных действий лиц с тяжелыми психическими расстройствами: дис.... д-ра психол. наук. М., 2015. 393 с.
2. Савина О.Ф., Макушкин Е.В., Морозова М.В. Алгоритм экспертного исследования дизрегуляции деятельности в криминальной ситуации у лиц с психическими расстройствами // Российский психиатрический журнал. 2018. № 1. С. 31–42.
3. Руденко С.Л. Нарушение социального восприятия у больных параноидной шизофренией. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 2013. 34 с.

Психологические факторы нарушения противоэпидемических мер в пандемию COVID-19

Бойко О.М.*, Воронцова О.Ю.*, Ениколопов С.Н.*,
Казьмина О.Ю.*, Логинова И.О.***, Медведева Т.Ю.*, Петрова А.И.***
*ФГБНУ Научный центр психического здоровья (г. Москва, Россия)
**КрасГМУ им.В.Ф. Войно-Ясеньского (г. Красноярск, Россия)
***КГБУЗ ККБ№2 (г. Хабаровск, Россия)

Соблюдение противоэпидемических правил – одно из важных условий в борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19. Выявление психологических факторов, увеличивающих риск нарушения противоэпидемических рекомендаций, может помочь определить мишени воздействия для снижения встречаемости данного вида девиантного поведения.

Материалы и методы. Материалом исследования стали данные, полученные с использованием анонимного интернет-опроса, проводимого с 22.03.20 по 04.07.20 с использованием google-forms. За этот период в нём приняли участие 1251 человек в возрасте от 18 до 68 лет (средний возраст $40,1 \pm 11,7$), из них 1045 женщин (83,45%), 206 мужчин (16,56%). Опрос включал в себя социодемографический блок, в рамках которого задавался вопрос о соблюдаемых противоэпидемических мерах, общие вопросы об испытываемом стрессе, уровне переживаемой тревоги и страха. Также предъявлялся опросник COPE. Статистическая обработка проводилась в статпакете SPSS, с использованием коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение

Полученные данные помогают выделить следующие психологические факторы нарушения противоэпидемических мер.

1. Совладание с тревогой и страхом посредством задействования механизма отрицания. В его рамках для субъективного изменения ситуации используются интерпретации по типу отрицания ($-0,179^{**}$), рационализации ($-0,135^{**}$) и теорий заговора ($0,123^{**}$) ($^{**}p \leq 0,01$; $^{*}p \leq 0,05$). Причиной актуализации отрицания может быть:

а. Отсутствие столкновения с реальностью заболевания, на что указывают корреляции с меньшим числом заболевших в городе (0,126**) и отсутствие заболевших среди знакомых (0,157**).

б. Дефицит действенных способов изменить ситуацию, на что указывают снижение представленности таких копинг-стратегий как обращение за инструментальной (0,135**) и эмоциональной поддержкой (0,108**), планирование (0,081*), активное совладание (0,092*), наряду с отсутствием работы (0,075*) и более низким уровнем образования (0,094**).

с. Нарушение эмоциональной саморегуляции, трудности с осознанием собственных эмоций и самоуспокоением. На это указывает снижение использования стратегий обращения за эмоциональной поддержкой (0,108**), концентрации на эмоциях (0,089*), обращение к религии (0,093*), сопровождающихся снижением уровней тревоги (- 0,269**) и подавленности (- 0,153**). Этим может объясняться преобладание мужчин (0,103**), так как именно это идет в рамках гендерной социализации у мужчин, в соответствии с которой табуированы как переживания и проявления страха, так и забота о собственном здоровье, что проявляется в декларации отсутствия страха заболеть (0,413**) и поощрение к склонности к риску (0,067*).

2. Ситуативное проявление эгоцентрических черт как личностных особенностей (Miguel F.K. et al). Именно на них может указывать отсутствие страха заразить других людей (-0,219**), стать причиной их страданий и смерти (-0,203**), вместе с повышением отмечаемой склонности к риску (0,067*), коррелирующие с количеством выполняемых противоэпидемических рекомендаций.

Выводы: психологические факторы нарушения противоэпидемических мер в пандемию COVID-19 связаны как с действием психологических механизмов, способствующих совладанию с эмоциональной реакцией на пандемию, так и с личностными особенностями.

Литература

1. Miguel F.K., Machado G.M., Pianowski G., de Francisco Carvalho L. Compliance with containment measures to the COVID-19 pandemic over time: Do antisocial traits matter? *Personality and Individual Differences*. Vol. 168, 1 January 2021, 110346 <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110346>.

Проблема физической агрессии у взрослых с детским диагнозом аутистических расстройств

Бородина Л.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Несмотря на высокую частоту агрессивного поведения среди детей и подростков с аутизмом (S.E. Fitzpatrick с соавт., 2016), научных данных о его встречаемости и особенностях у взрослых с расстройствами аутистического спектра (РАС) явно недостаточно. Агрессия связана с плохим исходом аутистического расстройства, а её частота, по данным немногочисленных работ, колеблется от 7,3% для насильственных действий до 26% для противоправного поведения (N. Langstrom с соавт., 2009).

Целью настоящего исследования было выявление частоты встречаемости и особенностей физической гетероагрессии у взрослых, имевших диагноз РАС в детстве.

Было обследовано 64 пациента с детскими диагнозами “детский аутизм”, “атипичный аутизм” и “синдром Аспергера” в возрасте от 18 лет до 38 лет. Среди обследованных преобладали лица мужского пола. На момент обследования практически все пациенты имели диагнозы из группы шизофренического спектра.

Варианты функционального статуса были представлены довольно равномерно. Физическая гетероагрессия наблюдалась примерно у трети (28,1%) взрослых, все они были мужского пола. Подавляющее большинство (77,8%) агрессивных взрослых были низкофункциональными; из них преобладали пациенты с выраженной кататонической симптоматикой. Начало агрессивных действия приходилось обычно на подростковый период, средний возраст начала – 14,8 лет.

Пациенты кусали, хватали, в том числе за волосы, щипали, толкали, били руками; практически никогда не использовали предметы для агрессивных действий. В подавляющем большинстве случаев агрессия пациентов приводила к травмам жертв. Объектом агрессии становились люди из ближайшего окружения пациентов, чаще всего – матери.

Были выделены три основных мотива агрессии у взрослых с РАС:

- 1) Отреагирование психического дискомфорта;
- 2) Получение положительных или смягчение отрицательных эмоций при ожидаемом аффективном ответе жертвы, в том числе, агрессивном;
- 3) Прямая реализация агрессивно-садистического импульса.

Мотивы у данного контингента часто были недостаточно осознанными, а совершаемые агрессивные акты часто имели оттенок импульсивности. Отмеченной закономерностью было присоединение мотива получения удовольствия или успокоения к первичному мотиву отреагирования или прямой реализации агрессивного импульса. В силу стереотипности поведения агрессивные акты легко закреплялись и повторялись в неизменном виде, образуя характерный цикл.

Особого внимания заслуживает положение семей с взрослым агрессивным больным РАС. Появление агрессии у подростка или взрослого резко дезадаптировала и так дисфункциональную семейную систему. В трети случаев на высоте одного из агрессивных эпизодов родители обращались за неотложной психиатрической помощью, за чем обычно следовала неотложная и/или недобровольная госпитализация пациента. Изменение привычного образа жизни и непонимание

социальных норм пребывания в отделении стационара нередко приводило к усилению возбуждения пациента и к наращиванию седативной терапии.

Наиболее эффективная помощь – поведенческая терапия, осуществляемая психологом, – для агрессивных взрослых с аутизмом оказывалась недоступной.

Литература

1. Bronsard G, Botbol M, Tordjman S. Aggression in low functioning children and adolescents with autistic disorder // PloS one. 2010, 5(12): e14358.
2. Fitzpatrick SE, Srivorakiat L, Wink LK, Pedapati EV, Erickson CA. Aggression in autism spectrum disorder: presentation and treatment options. *Neuropsychiatr Dis Treat.* 2016; 12:1525-1538. doi:10.2147/NDT.S84585
3. Langstrom N, Grann M, Ruchkin V, Sjostedt G, Fazel S. Risk factors for violent offending in autism spectrum disorder: a national study of hospitalized individuals // *J Interpers Violence.* 2009; 24: 1358– 70.

О связи эмоционального интеллекта и антисоциальной креативности у курсантов и кадетов

Бочкова М.Н.

магистр психологии, (Москва, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-013-00240-А «Возрастные и гендерные особенности негативной и антисоциальной креативности».

Изучение связи эмоционального интеллекта (ЭИ) и антисоциально направленной креативности (АК) продиктовано тем, что а) существует связь между ЭИ и девиантным и криминальным поведением (см. Бочкова М.Н., Мешкова Н.В., 2018; Бочкова М.Н., 2020) и б) креативное мышление может использоваться для нанесения намеренного вреда другим людям (Антропова М.Ю., Мешкова Н.В., 2017; Мешкова Н.В. и др., 2018а; Бочкова М.Н., Мешкова Н.В., 2019). На примере осужденных было показано, что огромное значение в антисоциальной креативности имеет гнев и понимание собственных эмоций (Бочкова М.Н., 2020). Актуальность изучения связи ЭИ и АК у сотрудников правоохранительных органов обусловлена явлениями коррупции и различного рода правонарушениями (Мешкова Н.В. и др., 2018б).

Анализировались данные одного из наших исследований (Мешкова Н.В. и др., 2020). На выборке мужского пола, состоявшей из 119 курсантов и 72 кадетов, использовались опросники: адаптированная версия «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» (Мешкова Н.В. и др., 2018с), агрессии Басса–Перри, «ЭМИн». Гипотеза исследования: существуют различия в уровне АК и ЭИ у кадетов и курсантов.

Сравнение выборок по критерию Манна-Уитни показало, что в группе курсантов АК, агрессия, гнев и враждебность ниже, а понимание собственных эмоций выше по сравнению с кадетами ($p < 0.01$). В обеих группах враждебность значимо положительно коррелирует с показателями АК и отрицательно с ЭИ (понимание собственных эмоций) ($p < 0.01$ для АК и $p < 0.05$ для ЭИ соответственно). Полученные результаты подтвердили гипотезу.

Мы сделали выводы о том, что связь антисоциальной креативности и эмоционального интеллекта может быть опосредована враждебностью; обучение в высшем учебном заведении может способствовать повышению эмоционального интеллекта, пониманию собственных эмоций и снижению враждебности у мужчин. Направлением дальнейшего исследования может стать выявление полученных на выборках кадетов и курсантов закономерностей у сотрудников правоохранительных органов, имеющих среднее и высшее образование.

Литература

1. Антропова М.Ю., Мешкова Н.В. О ситуационных характеристиках креативности в социальном взаимодействии старших школьников [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2017. Том 9. № 3. С. 175–185. doi:10.17759/psyedu.2017090318.
2. Бочкова М.Н. Эмоциональный интеллект и креативность: связь и взаимодействие на примере разных категорий осужденных [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 92–102. doi:10.17759/psylaw.2020100108.
3. Бочкова М.Н., Мешкова Н.В. Эмоциональный интеллект и социальное взаимодействие: зарубежные исследования // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. № 2. С. 49–59. doi:10.17759/jmfp.2018070205.
4. Бочкова М.Н., Мешкова Н.В. Поведенческие особенности негативной и антисоциальной креативности на примере подростков // Психолого-педагогические исследования. 2019. Том 11. № 1. С. 93–106. doi:10.17759/psyedu.2019110108.
5. Мешкова Н.В. и др. Особенности креативности в социальном взаимодействии у осужденных, совершивших корыстные и агрессивно-насильственные преступления // Психология и право. 2018а. Том 8. № 1. С. 147–163.
6. Мешкова Н.В. и др. Личностные особенности и антисоциальная креативность на примере кадетов и сотрудников МВД // Психология и право. 2018б. Том 8. № 3. С. 83–96. doi:10.17759/psylaw.2018080306.
7. Мешкова Н.В. и др. Адаптация опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» // Психологическая наука и образование. 2018с. Том 23. № 6. С. 25–40.
8. Мешкова Н.В. и др. Возрастные и половые особенности личностных предикторов антисоциальной креативности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 1. С. 59–71. doi: 10.17323/1813-8918-2020-1-60-72.

Вина как личностное содержание пациентов с психическими расстройствами и противоправным поведением

Гребень Н.Ф.

ГУ «Республиканский научно-практический центр психического здоровья»
(г. Минск, Республика Беларусь)

Профилактика и предотвращение повторных противоправных действий лиц с психическими расстройствами является одной из главных задач, реализуемых специалистами в области психического здоровья. При ее решении оценивается уровень осознания пациентом совершенного им противоправного деяния, наличие у него вины по отношению к содеянному, другим людям.

Вина как форма эмоционального переживания тесно связана с моралью, совестью и ценностями человека. На сегодняшний день основным методом установления наличия у пациентов чувства вины выступает клиническая беседа, которая не застрахована от социально желаемых ответов. Количество психодиагностического инструментария, выявляющего чувство вины, весьма ограничено и большинство методик ориентированы на оценку деструктивного чувства вины, а не вины как компонента совести. Методика «TOSCA-3», признанная специалистами одной из самых востребованных для оценки моральных эмоций человека – вины и стыда, также имеет определенные ограничения, к. т. имеются трудности в ее понимании пациентами с интеллектуальной недостаточностью, а ряд утверждений теста оперируют к опыту, которого у пациентов никогда не было.

Цель исследования – выявить переживания чувства вины как личностное содержание пациентов с психическими расстройствами и противоправным поведением.

Обследовано 67 пациентов, находящихся в условиях принудительного лечения в психиатрическом стационаре. Среди них 20,9 % женщин и 79,1 % мужчин, средний возраст – $38,8 \pm 11,5$; время нахождения на принудительном лечении – от 2-х месяцев до 12 лет; 67,2 % пациентов впервые пребывают на принудительном лечении.

Для выявления чувства вины как актуального личностного содержания использовалась беседа и проективный метод «Персональная сказка» (Агеенкова Е.К., 2018). Представившись пациенту, мы просили его рассказать о себе, не задавая напрямую вопрос о причинах его нахождения на принудительном лечении. Затем просили сочинить сказку, которая была записана вслед за ее озвучиванием.

По результатам беседы 38,8 % пациентов сообщили о причинах пребывания на принудительном лечении как некую значимую информацию о себе. Анализ персональных сказочных нарративов пациентов с психическими расстройствами показал, что только у 11,9 % опрошенных присутствует информация о чувстве вины в повествовании. В целом сквозь сказку были проведены четыре основания для переживания чувства вины: совершенное правонарушение, неправильное поведение, нарушение родительских запретов или непослушание, негативное следствие

проступка или наказание. У 3 % пациентов в конце сказки сообщалось о решении недопустимости противоправного поведения.

Полученные данные свидетельствуют о том, что для большинства участников исследования, чувство вины не является актуальным переживанием. Такого рода результат может быть обусловлен рядом причин: работой механизма психологической защиты – вытеснение, временем – отдаленность совершенного проступка, ограничениями метода исследования, несовершенством реабилитационных мероприятий. Тем не менее, у большинства лиц, страдающих психическими расстройствами, чувство вины либо отсутствует, либо остается неосмысленным и личностно непереработанным и, соответственно, не является регулятором социального поведения.

Таким образом, беседа и проективная методика «Персональная сказка» позволяют спроецировать в зону сознания имеющиеся переживания. Было установлено, что чувство вины редко выступает как актуальное личностное содержание у пациентов с психическими расстройствами, совершивших противоправные деяния. Считаем, что работа с чувством вины пациентов принудительного лечения психиатрического стационара, требует дальнейших научных изысканий, как в плане диагностики, так и психокоррекции.

Литература

1. Агеенкова Е.К. Снаружи и внутри: проективная диагностика в психологическом консультировании. Минск: БГПУ, 2018. 148 с.

ИмPLICITное отношение к смерти у лиц с аутоагрессивным поведением

Гриненко У.Б., Калашникова А.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Ежегодно около 800 000 человек прекращают свою жизнь и еще больше совершают попытки самоубийства. Так, Российская Федерация занимает второе место в пятерке стран с самым высоким уровнем самоубийств (31 самоубийство на 100 тыс.). Суицид является второй по значимости причиной смерти молодых людей в возрасте 15–29 лет для обоих полов. Отношение к смерти можно рассматривать как фактор, оказывающий влияние на суицидальное поведение.

Целью исследования является изучение психологических особенностей имPLICITного (скрытого) отношения к смерти у лиц с аутоагрессивным поведением. Выборку исследования составили 32 человека с аутоагрессивным поведением, совершивших две и более суицидальных попыток преимущественно путем самопорезов и самоотравления, реже – путем асфиксии. На момент обследования 27 респондентов были без психической патологии и 5 – с наличием депрессивного

эпизода средней тяжести (F32.1) и находились в терапевтическом отделении ПКБ № 4 им. П.Б. Ганнушкина ДЗМ.

В исследовании применялись следующие методики: «Семантический дифференциал» Ч. Осгуда (С.Е. Osgood, G.J. Suci P.H Tannenbaum, 1957) использовался для выявления имплицитного отношения к смерти путем предъявления матрицы с конструктами «Я», «Смерть», «Жизнь»; методика «Отношение к смерти» (И.Ю. Кулагина, Л.В. Сенкевич, 2011); «Моральные дилеммы» (J.D Greene, L.E. Nystrom, 2004); методика «Отношение к смерти» (К.А. Чистопольская, С.Н. Ениколопов, 2012).

Согласно результатам исследования, лица с аутоагрессивным поведением выражают положительное отношение к смерти, воспринимая ее как переход в новую жизнь, лишённую огорчений, боли и страданий. Ощущение невыносимой боли от наличия психотравмирующей ситуации подталкивает их к принятию «рационального» решения о суициде. При наличии негативного самоотношения, смерть респондентами субъективно рассматривается как заслуженное наказание. Также присутствует конкуренция между жизнью и смертью, где смерть, занимая активную позицию, неподвластна контролю респондентов, в связи с чем возможно наличие попыток суицида в анамнезе данной группы людей. Наблюдается снижение субъективной значимости жизни, которое соотносится с имплицитным предпочтением смерти, бегством в «лучший» мир, а также с неустойчивостью моральных предпочтений. Инфантильное отношение к жизни как источнику интенсивных страданий также способствует положительному отношению к смерти, несущей в себе надежду и ожидания лучшего.

Изучение психологического отношения к смерти позволило выявить имплицитные характеристики, которые дали возможность более качественно рассмотреть проблему отношения к смерти, выступающую одним из значимых факторов, оказывающих серьёзное влияние на суицидальное поведение. Анализ субъективных предпочтений позволил рассмотреть как отношение к смерти, так и отношение к жизни и собственному «Я», более полно понять мотивацию совершения агрессии в отношении себя, что в дальнейшем может быть использовано специалистами при работе с людьми из групп риска, а также находящимися в кризисных ситуациях.

Литература

1. World Population Review. Suicide rate by country, 2019. <http://worldpopulationreview.com/countries/suicide-rate-by-country/> (accessed October 14, 2020) (дата обращения: 13.09.2020)
2. World health statistics 2019: monitoring health for the SDGs, sustainable development goals. Geneva: World Health Organization; 2019. License: CC BY-NC-SA 3.0 IGO.

Особенности правосознания в юношеском возрасте

Добрякова А.Р.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

Сложившаяся на данный момент в российском обществе ситуация, когда молодежь массово протестует против принимаемых законов и правоохранительной системы в целом, говорит нам об актуальности изучения правосознания, понимания его структуры и учета возрастных особенностей для наиболее эффективного разрешения острых конфликтных ситуаций.

Можно назвать раннюю и позднюю юность сензитивными для формирования правосознания. Этот возрастной период наполняет до этого чисто теоретические знания в сфере права личностными смыслами, ценностями, личным опытом. Находясь в положении нестабильного социального статуса, молодые люди склонны отвергать существующие порядки, воспринимать сложившиеся нормы как устаревшие и не могущие в полной мере удовлетворить их потребности в самоопределении и самовыражении. Небольшой жизненный опыт может препятствовать анализу и прогнозу правовых последствий своих действий в социуме. Недостаток осведомленности в правовом контексте может приводить к совершению правонарушений, которые молодыми людьми не расцениваются как таковые, и это повышает риск противодействия правоохранительным органам.

Целью нашего исследования было выявить особенности правосознания в младшем и старшем юношеском возрасте. Также мы считаем важным рассмотреть особенности восприятия справедливости и правовой активности. Представляя собой особую ценность в человеческих взаимоотношениях, справедливость выступает регулятором поведения и непосредственно накладывает отпечаток на оценочное восприятие права. Правовая активность личности непосредственно отражает поведенческий компонент правосознания.

Методологической основой для исследования послужили теоретические и эмпирические работы таких авторов, как А. Р. Ратинов, О.А. Гулевич, Дж. Тапп, Ф. Левин, Е. О. Голынчик, М. Шмидт, А. В. Петровский, К. А. Абульханова-Славская.

Выборку составили 60 респондентов:

- 30 - студенты московских вузов (18-23 лет)
- 30 - учащиеся московских школ (15-17 лет)

Нами были использованы следующие методики: «Спонтанные ассоциации» к предложенным понятиям, «Незаконченные предложения», опросник «Чувствительность к справедливости» М. Шмитта, опросник Дж. Тапп и Ф. Левина, Цветовой тест отношений, проективные ситуации.

Выявленные особенности правосознания, такие как преимущественно критическая оценка работы правоохранительных органов и судебной системы (превышение ими полномочий, неэффективность, коррумпированность); восприятие

существующих законов как несправедливых, формальных, требующих изменений; неравенство людей перед законом во многом согласуются с международными исследованиями (Гулевич О. А., Голынчик Е. О., 2003), и скорее являются культурально обусловленными.

Особенности восприятия феномена справедливости, содержание данного понятия, уровень чувствительности к справедливости, а также особенности правовой активности в младшем и старшем юношеском возрасте во многом совпадают. Это может служить признаком социальной обусловленности рассматриваемого явления. Ведь культурно-исторические условия и социальная ситуация для возрастных категорий 15-17 лет и 18-23 года во многом сходны.

В целом можно отметить, что для младшего юношеского возраста (15-17 лет) характерно более «шаблонное» смысловое наполнение правовых терминов, формальные характеристики. Возможно, это связано с тем, что в этом возрастном периоде ценностно-смысловая сфера находится еще в процессе формирования и вследствие небольшого жизненного опыта правовая сфера воспринимается отдаленно, как нечто чужое и непонятное (тем более индивиды еще ограничены в выражении своих гражданских прав по причине несовершеннолетия).

Литература

1. Гулевич О. А., Голынчик Е. О. Правосознание и правовая социализация. Аналитический обзор: Учебное пособие для студентов факультетов психологии высших учебных заведений по специальности «Психология». М.: Международное общество им. Л. С. Выготского, 2003. 270 с.

Особенности личностной беспомощности – самостоятельности у молодых мигрантов из стран ближнего зарубежья

Евстафеева Е.А., Климова М.О.

Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия)

Исследование выполнено при поддержке РФФИ по гранту 19-013-00949 А.

Миграция является одним из факторов социального развития во всем мире. При этом она порождает ряд серьезных социальных и политических проблем, решение которых во многом зависит от исследования групповых и индивидуальных характеристик самих мигрантов. Включение в новую среду является для мигранта стрессовым событием, способным вызвать чувство беспомощности, особенно у тех, для кого свойственна личностная беспомощность как определенная совокупность психологических и поведенческих особенностей. Личностная беспомощность определяется как «качество субъекта, представляющее собой единство определенных личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними, определяющее низкий уровень субъектности, т.е. низкую

способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить и достигать целей, преодолевая различного рода трудности» (Циринг Д.А., 2010, с.10).

Задачей нашего исследования было сравнение показателей личностной беспомощности у мигрантов из стран ближнего зарубежья и российских граждан. В исследовании использовался опросник личностной беспомощности (Климова М.О., 2018). Проведенный сравнительный анализ при помощи t-критерия Стьюдента позволил выявить ряд статистически значимых культурных различий в проявлении личностной беспомощности.

При сравнении российской выборки (N=169) с выборкой мигрантов (N=92) были обнаружены особенности в ряде частных проявлений личностной беспомощности, но при этом общий уровень выраженности личностной беспомощности в данных группах существенно не различается ($t=1,044$; $p=0,298$). Что касается обнаруженных различий, для выборки мигрантов характерна более низкая продуктивность дивергентного мышления (показатель когнитивного компонента личностной беспомощности), чем у российских респондентов ($t=-2,027$; $p=0,044$); более низкий уровень притязаний как составляющей мотивационного компонента личностной беспомощности ($t=-3,080$; $p=0,002$). В свою очередь для российской выборки характерна более высокая эмоциональная неустойчивость ($t=2,169$; $p=0,031$) и более высокий уровень астении ($t=2,410$; $p=0,017$) как показатели эмоционального компонента личностной беспомощности, а также низкое самообладание ($t=2,034$; $p=0,043$), которое является составляющей волевого компонента беспомощности.

В целом, на основе полученных данных можно предположить, что личностная беспомощность в равной степени характерна для российской выборки и мигрантов из стран ближнего зарубежья, проживающих в России, но при более детальном рассмотрении мы можем видеть различия в ее частных проявлениях. Для мигрантов более характерны показатели когнитивного и мотивационного компонентов беспомощности, которые проявляются в сложности нахождения разных вариантов решения проблемы, выхода из стандартных рамок оценки ситуации, а также неуверенности в собственных силах и возможностях, что проявляется в постановке менее значительных целей и ожидании невысоких результатов. Для российских граждан более характерны эмоциональные и волевые дефициты, такие как сложность в управлении своим эмоциональным состоянием, низкий уровень энергии, необходимой для реализации активных действий по преодолению трудностей. Таким образом, можно предположить, что существуют различные профили личностной беспомощности, которые связаны с культурными особенностями испытуемых. Анализ этих профилей, а также вклада в их становление отдельных показателей является предметом дальнейших научных исследований.

Литература

1. Климова М.О. Особенности регуляции поведения у подростков с личностной беспомощностью: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2018. 170 с.

2. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2010. 43 с.

К вопросу об актуальности проблемы агрессии на рабочем месте

Емелин Г.Д.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова» (г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Ениколопов С.Н.

Феномен агрессии на рабочем месте остается вне поля зрения обывателя, так как в СМИ освещаются лишь крайние формы. Чаще всего агрессия на рабочем месте проявляется в вербальной форме. Однако эти проявления также наносят серьезный урон как отдельному человеку, так и компании.

Агрессия на рабочем месте – это усилия лиц, направленные на причинение вреда людям, с которыми они работают, работали, и организациям, в которых они работают, работали (Baron R.A., Neumann J.H., 1996).

Бэрн и Ньюман предложили три уровня агрессии на рабочем месте (Neumann J.H., Baron R.A., 1998):

1) враждебное поведение; 2) обструкционизм; 3) открытая агрессия.

На данный момент отсутствует интерес как в отечественной науке – за последние 20 лет была адаптирована лишь одна методика (ШАСО адаптирована Фурмановым и Гулис в 2012 году), так и на уровне государства в исследованиях и превенции агрессии на рабочем месте. Нет единой базы статистики, дающей представление о масштабах проблемы. По данным отдельных исследований, 45% людей сталкивались с травлей на работе (Современные проблемы..., 2011), 9% россиян сталкивались с сексуальными домогательствами, 3% с изнасилованиями на работе (ВЦИОМ, 2020). Данные западных исследований показывают, что с агрессией на рабочем месте в различных формах сталкиваются от 3,5% до 46,8% населения (Sturmev et al., 2017).

Показателен экономический аспект – потери от агрессии на рабочем месте в Польше составляют от 2,07% до 4,59% ВВП, 77,6% урона приходится на уровень компании (Szarek S.J., Szarek E., 2018). Метаанализ исследований по пяти странам показал, что урон от разных видов агрессии на рабочем месте составляет от \$114,64 млн. до \$35,9 млрд. в год (Hassard et al., 2017).

В правовой сфере работник в ситуации агрессии незащищен. В ТК РФ отсутствуют нормы правовой регуляции коммуникации на работе, поэтому у жертвы нет права просить компенсаций и наказания агрессору. Пострадавший может требовать разбирательств через суд по ГК РФ ст. 151, по ч. 1 КоАП ст. 5.61, однако прецедент сложно доказать. По ТК РФ ст. 8 работодатель может устанавливать локальные нормативные акты, но в подобных документах нет конкретизации понятий агрессии, насилия и т.д.

Итак, разработка методик выявления и превенции агрессии на работе, накопление эмпирического материала, знакомство с международным опытом поможет избежать финансовых потерь на разных уровнях, а также обеспечить безопасную рабочую среду.

Литература

1. ВЦИОМ (2020) Аналитический обзор №4299 от 03 августа 2020 «Приставания и харассмент на работе: не сталкивались, но осуждаем!» [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10390> (дата обращения: 25.08.2020).
2. Современные проблемы управления человеческими ресурсами : монография / Под ред. Л. В. Свиридовой, В. В. Романова. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2011. 372 с.
3. Baron, R. A., & Neuman, J. H. (1996). "Workplace Violence and Workplace Aggression: Evidence of their Relative Frequency and Potential Causes." *Aggressive Behavior*, 22: 161-173.
4. Hassard J., Kevin R.H. Teoh, Gintare Visockaite, Philip Dewe & Tom Cox (2017): The financial burden of psychosocial workplace aggression: A systematic review of cost-of-illness studies, *Work & Stress*.
5. Neumann, J.H. & Baron, A. (1998). Workplace violence and workplace aggression: Evidence concerning specific forms, potential causes, and preferred targets. *Journal of Management*, 24 (3), 391-420.
6. Sturmeу, P., Hogh, A., Conway, P.M. and Mikkelsen, E.G. (2017). Prevalence and Risk Factors for Workplace Bullying. In *The Wiley Handbook of Violence and Aggression*, P. Sturmeу (Ed.).
7. Szarek, S.J., & Szarek, E. (2018). Economic Effects of Mobbing and Violence in the Workplace // *PRZEDSIĘBIORCZOŚĆ I ZARZĄDZANIE* – 2018. – Tom XIX, № 3.2 – pp. 255-269.

Геномика + психология: перспективы психодиагностики и судебной психолого-психиатрической экспертизы

Жукова Н.В.,* Виноградова Е.П.,** Трофимова И.Н.,*** Макеев М.К.****

*ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург, Россия);

***McMaster University (Hamilton, Canada);

****ФГАОУ ВО «Первый МГМУ им. И. М. Сеченова» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Применение молекулярно-генетических методов в области психодиагностики «личностных черт» (personality traits) в ближайшем будущем займет ключевые позиции, которые трудно переоценить (Plomin R., 2018): не секрет, что многие психологические методики (опросники) могут заполняться с учетом «социальной желательности», субъективная интерпретация психологов не всегда корректна, что искажает объективность «психологического портрета». В целом, междисциплинарные исследования, выявляющие закономерности генотип-средового взаимодействия и генотип-средовой ковариации (Human Behavior Genetics), являются мощным перспективным вектором развития всех отраслей современной психологической науки (Жукова Н.В., 2019).

На сегодняшний день в комплексе судебных наук (Forensic science) применяются генетические анализы, связанные с выявлением индивидуализирующих личность структурных особенностей ДНК для криминалистики («ДНК-фингерпринт»). Образовано международное общество судебной генетики ISFG (Жукова Н.В., 2019). Хотя перспективы использования генетического поиска с помощью цифровых технологий (Big Data) требуют дополнительной разработки правовых норм, современная юридическая практика использования ДНК-типирования уже глубоко изменила систему уголовного правосудия – это позволило эффективнее выявлять подозреваемых, либо защищать, обосновывать\выбирать меру наказания для достижения целей наказания (с учетом условий отбывания наказания), персонифицированно подбирать воспитательные, профилактические и коррекционные программы и т.д.

Как мы отметили выше, на этом возможности использования геномных анализов в межпрофессиональном комплексе судебных, юридических наук не заканчиваются: в аспекте развития комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) естественнонаучная фундаментальная основа психогенетики (молекулярная биология, нейробиология, нейропсихология и т.д.) предоставляет убедительные доказательства в пользу положения о том, что разнообразные индивидуально-психологические характеристики («личностные черты»), проявляемые в поведении, определяются общим вкладом влияния генов (генотипа) и среды (+ эпигенетические закономерности). При этом прослеживается возрастная динамика: по мере того, как дети, подростки начинают выбирать и строить свой собственный путь, субъект (индивид, личность) ищет и создает для себя среду (Plomin R., 2018), коррелирующую с генетически обусловленными склонностями (нейротизм, склонность к социальному взаимодействию (кооперативность, «Virtuous Character», альтруизм), к агрессивному, девиантному поведению и т.п.), в формирование которых, безусловно, вносит вклад множество факторов (Belsky J. et al., 2009; Caspi A. et al., 2002; Sapolsky R.M., 2017).

Авторы тезисов хотели бы подчеркнуть практическую значимость современных междисциплинарных исследований поведенческой генетики в юридической психологии: в экспертизе (КСППЭ) и при изучении асоциального, антисоциального поведения, при разработке персонифицированных рекомендаций

воспитания, обучения, коррекции, мер профилактики, эффективных, ориентированных на индивидуальные особенности программ психологической помощи жертвам преступлений и т.д.

Литература

1. Жукова Н.В. Перспективные направления судебно-психологической экспертизы: геномика & психология // Сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (22–25 мая 2019 года). М.: МГППУ, 2019. С. 8-12.
2. Plomin R. Blueprint: How DNA Makes Us Who We Are // Allen Lane, 2018. 288 p.
3. Role of genotype in the cycle of violence in maltreated children / Caspi A. et al. // Science, 2002. Vol. 297. P. 851–854.
4. Sapolsky R. Behave: The Biology of Humans at Our Best and Worst. Penguin Press, 2017. 790 p.
5. Vulnerability genes or plasticity genes? / Belsky J. et al. // Molecular psychiatry, 2009. Vol. 14 (8). P. 746-754.

Специфика криминальной активности в отношении несовершеннолетних в сети Интернет у лиц, страдающих психическими расстройствами

Корчагин Н. Ю.

ГБОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»

(г. Москва, Россия)

Дворянчиков Н. В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Выявление влияния психического расстройства на специфику криминальной активности лица, совершающего преступления сексуальной направленности против несовершеннолетних с использованием сети Интернет, имеет важное теоретическое и прикладное значение. Теоретические сведения, полученные в ходе данного исследования, способны обогатить юридическую психологию, а также упростить процесс идентификации неизвестного лица в случае, если у последнего предполагается наличие психического отклонения.

Материалом исследования послужили 34 обвинительных заключения, составленные в соответствии со ст. 132, 133, 134, 135, ч.1 241, 242 УК РФ, включающие в себя фактуру уголовного дела, материалы переписок обвиняемого с потерпевшими, заключения судебных экспертов психологов, психиатров, сексологов.

Подтвержденные клинические нарушения присутствовали у 10 обвиняемых. В выборке были представлены следующие психические отклонения:

- 1) педофилия;

- 2) органический симптомокомплекс;
- 3) аномальный личностный симптомокомплекс по шизоидному типу.

I. Для лиц с клинически диагностированной педофилией характерен выбор в качестве жертвы преступных посягательств несовершеннолетних, не достигших стадии полового созревания, серийность самих преступных посягательств, как в отношении одного потерпевшего, так и в отношении общего числа криминальных эпизодов с различными потерпевшими. В ходе взаимодействия с несовершеннолетним лица, страдающие от педофилии, характеризуются стремлением склонить несовершеннолетнего к изготовлению детской порнографии, а в ходе переписки проявляют интерес к степени выраженности вторичных половых признаков несовершеннолетнего. Предпочтение в качестве жертвы преступных посягательств несовершеннолетнего, не достигшего стадии полового созревания, может быть обусловлено нахождением последних на латентной стадии психосексуального развития (Васильченко Г. С., Агаркова Т. Е., Агарков С. Т., 1990) и, как следствие, неспособностью распознать сексуальный подтекст в действиях преступника (Ткаченко А. А., Догадина М. А., Дворянчиков Н. В., 1999), что позволяет злоумышленнику избегать предусмотренного законодательством наказания.

II. Для лиц с выявленным органическим симптомокомплексом характерен выбор в качестве жертвы преступных посягательств несовершеннолетних, не достигших стадии полового созревания, серийность самих преступных посягательств как в отношении одного потерпевшего, так и в отношении общего числа криминальных эпизодов с различными потерпевшими, а также демонстрация интереса к степени выраженности вторичных половых признаков у потерпевших. Отличительной чертой лиц с диагностированным органическим симптомокомплексом является склонение потерпевших к аутоэротической стимуляции, что может быть обусловлено сексуальной расторможенностью, в ряде случаев присущей данному патопсихологическому синдрому (Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., 2003).

III. Для лиц с диагностированным аномальным личностным симптомокомплексом является характерным серийность самих преступных посягательств, как в отношении одного потерпевшего, так и в отношении общего числа криминальных эпизодов с различными потерпевшими, а так же инициация контакта с несовершеннолетним посредством направления последнему материала порнографического характера, что может свидетельствовать о дезадаптации в сфере половых отношений (Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В., 2015).

Выявленная специфика отражает тенденции, существующие среди генеральной совокупности лиц, совершающих подобные преступления.

Литература

1. Васильченко Г.С., Агаркова Т.Е., Агарков С.Т. Сексопатология: справочник. М: Медицина, 1990. 576 с.

2. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е. Аномальное сексуальное поведение. СПб.: Юридический центр пресс, 2003. 657 с.
3. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М.: БИНОМ, 2014. 648 с.
4. Ткаченко А.А., Догадина М.А., Дворянчиков Н.В. Онтогенетические механизмы формирования способности к восприятию гендерных качеств у несовершеннолетних жертв сексуального насилия // Российский психиатрический журнал. 1999. № 2. С. 12–18.

Криминально-психологическое исследование личности террориста

Кроз М.В., Ратинова Н.А.

ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»

(г. Москва, Россия)

Психологические исследования проблем терроризма активно разворачивались, начиная с 70-х годов XX века в Западной Европе и США, что было обусловлено всплеском террористической активности во многих европейских странах. В России научный интерес к этой теме актуализировался примерно на 20 лет позже, в 90-х годах. Он был связан с многочисленными террористическими актами, сопровождавшими войны в Чечне.

Зарубежные ученые провели многочисленные эмпирические исследования личности террориста. В них были выявлены и описаны некоторые характерные индивидуально-психологические особенности участников террористической деятельности, их ценностной и мотивационной сфер, предложены различные классификации типов террористов, в том числе и по психологическим основаниям, изучены социально-психологические предпосылки включения субъекта в террористическую активность.

В России таких работ было значительно меньше, причем большинство из них носило описательный характер. Вероятно, часть исследований в этой области, в особенности проведенных специалистами ФСБ России, носит закрытый характер, они недоступны научной общественности. По данным открытых источников, подавляющее большинство исследований проведено психологами системы ФСИН России (см., например: Казберов П.Н., 2015; Казберов П.Н. и др., 2019; Сочивко Д.В. и др., 2012). В них был получен крайне интересный материал, выявлены важные закономерности. Вместе с тем личность террориста в них изучалась с позиций не столько криминальной, сколько пенитенциарной психологии, что было обусловлено актуальными практическими задачами, стоящими перед специалистами ведомства.

Не менее важной являются задачи изучения психологических предпосылок включения индивида в деятельность террористических групп и организаций, деструктивных изменений, происходящих в личности в процессе террористической активности, то есть круга вопросов, традиционно относимых к сфере криминальной

психологии. Как показывает опыт, исследование этих проблем наиболее эффективно в рамках междисциплинарных проектов с участием юридических психологов и криминологов.

Такое комплексное исследование в настоящее время проводится в Университете прокуратуры Российской Федерации. Его задачами является изучение значимых психологических характеристик личности террориста. К их числу, на наш взгляд, относятся: особенности ценностной сферы личности, системы целеполагания; особенности диспозиционной сферы, определяющие отношение террористов к людям, «своим» и «чужим», выше- и нижестоящим; установки в области межличностного общения, в частности уровень агрессивности личности; склонность к переживанию чувства вины и механизмы, определяющие отчуждение моральной ответственности субъекта за совершенные действия, характер их влияния. Методиками исследования являлись «Тест руки» («Hand-test) Э. Вагнера; авторская версия проективной методики «Неоконченные предложения»; «Шкала отчуждения моральной ответственности» (MD-24) Я.А. Ледовой и др., а также краткое полуструктурированное интервью с обследуемыми лицами, отбывающими заключение за совершение преступлений террористической направленности. Программа исследования, к сожалению, была скорректирована из-за эпидемии коронавируса. Его завершение планируется 2021 году.

Литература

1. Казберов П.Н. Типологизация уголовно-исполнительных, психологических и социально-демографических характеристик лиц, осужденных за преступления террористической направленности // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2015. Т. 25. Вып. 5. С. 115–120.
2. Казберов П.Н., Бовин Б.Г., Фасоля А.А. Психологический профиль террориста [Электронный ресурс] // Психология и право, 2019. № 3. С 145–146. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/19/n3/109355.shtml> (дата обращения: 26.08.2020).
3. Сочивко Д.В., Гаврина Е.Е., Боковиков А.К., Белокуров Г.И. Подсознание террориста / Под ред. Д.В. Сочивко. М.: ПЕР СЭ, 2006. 192 с.

Психологические особенности суицидального поведения

Кузнецова С.О., Ениколопов С.Н., Абрамова А.А., Ефремов А.Г.
ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

В последнее время феномен суицидального поведения находится в фокусе внимания многочисленных исследователей (Вассерман Д., 2005; Ениколопов С.Н., 2002). В нашей стране отмечается устойчивое снижение среднего возраста аутоагрессоров при одновременном росте числа совершения повторных попыток. Аутоагрессия осуществляется через действия, намерения, высказывания, угрозы, попытки и даже внешнее бездействие. Выделяют следующие типы аутоагрессивного

поведения: 1) суицидальное поведение: осознанные действия, направленные на добровольное лишение себя жизни; 2) суицидальные эквиваленты и аутодеструктивное поведение: неосознанные действия (иногда преднамеренные поступки), целью которых не является добровольное лишение себя жизни, но ведущие к физическому (психическому) саморазрушению или к самоуничтожению; 3) несуйцидальное аутоагрессивное поведение: различные формы умышленных самоповреждений, целью которых не является добровольная смерть (заведомо неопасные для жизни).

Суицидальные пациенты описываются А.Бекком склонными преувеличивать размах и остроту проблем, которые оцениваются как неразрешимые и невыносимые (Бек А., 2003). Другая отличительная особенность суицидентов состоит в том, что смерть для них является приемлемым и единственно возможным способом избавления от трудностей. Таким образом, неадаптивные, искажающие реальность когнитивные схемы, нарушение аффективной регуляции, когнитивная ригидность, дихотомичное мышление, по мнению авторов этого направления, являются основными характеристиками суицидальных пациентов (Вассерман Д., 2005). Следует указать на уязвимость аутоагрессоров к фактору неопределённости ситуации, низкую способность переносить неизвестность и ожидания, а также на неэффективность способности к контролю над побуждениями и эмоциями, неспособность к их отсрочке.

Можно выделить следующие индивидуально-психологические характеристики, способствующие риску совершения аутоагрессивных попыток: 1) психологическая ригидность и повышенная тревожность; 2) эмоциональная лабильность, отсутствие конформности, патологическая чувствительность и уязвимость к эмоциональному стрессу, склонность к острым ощущениям, противоречивый стиль разрешения конфликтов, сочетающий ригидность целевых установок и импульсивность, пассивность, бегство в ситуации фрустрации и недоверие к другим; 3) снижение толерантности к эмоциональным нагрузкам, неполноценность коммуникативных навыков, неадекватно заниженная самооценка, неустойчивое и неразвитое представление о себе, слабость психологической защиты, утрата ценности жизни, смысловых ориентиров; 4) эгоцентризм, проявляющийся, с одной стороны, как фиксация на себе, с другой - как манипулятивная позиция в общении; 5) пессимистическая личностная установка на перспективы выхода из кризиса; склонность к аутоагрессии, самообвинениям; паранойяльность, сверхценный характер какой-либо ценности; психологическая зависимость, заключающаяся в сочетании чувства личностной неполноценности с эмоциональной незрелостью, недостаточной ответственностью за свое поведение, нестойкостью самооценки; 6) восприятие окружающего мира как равнодушного, непредсказуемого и другого человека как условия собственной жизни; 7) наличие сензитивного, истероидного, эмоционально - лабильного радикалов в структуре личности суицидентов.

Литература

1. Бек А. Методы работы с суицидальным пациентом // Журнал практической психологии и психоанализа (Ежеквартальный научно-практический журнал электронных публикаций). 2003. №1. URL: <https://psyjournal.ru/articles/metody-raboty-s-suicidalnym-pacientom> (дата обращения: 08.10.2020).
2. Вассерман Д. Напрасная смерть: причины и профилактика самоубийств / Ред. Д. Вассерман; пер. Е.Ройне. М.: «Смысл», 2005. 310 с.
3. Ениколопов С.Н. Некоторые проблемы психологии агрессивного поведения детей и подростков // Социальная и клиническая психиатрия. №2. 2002. С. 40–45.

Тенденции развития педофилии в современном информационном обществе

Ламыкина С.О., Пантелеева А.О.

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации», (г. Санкт-Петербург, Россия)

Научный руководитель – Ю.В.Воронова

Преступления против половой неприкосновенности лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, составляют существенную долю от общего числа преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних. Особая опасность состоит в том, что последствия таких преступных действий для развития личности несовершеннолетнего и его психического здоровья могут быть непредсказуемы. В настоящее время чаще всего именно сеть «Интернет» используется для совершения подобных преступлений и пропаганды педофилии. Так, на территории России, начиная с 2005 г. в сети «Интернет» педофилы объединились в сообщества и создали форумы, где вели активную переписку, сопровождающуюся фото- и видео-порнографическими изображениями с участием несовершеннолетних. Создание подобных электронных площадок для общения – это социально опасное явление, которое развивается в современном обществе.

В 1974 году в Великобритании появляется первая организация под названием «Обмен информацией по педофилии», она создавалась для борьбы за права педофилов как сексуального меньшинства. В Канаде ученые утверждали, что «педофилия – это не психическое заболевание, а особый вид сексуальной ориентации, наравне с гомо- и гетеросексуализмом». Целью данных сообществ и групп является: во-первых, реабилитация педофилов в глазах общественности, во-вторых, либо снижение возраста, с которого будет правомерно вступать в половые отношения с несовершеннолетними, либо декриминализация данного деяния (Баландина А., 2020).

В свободном доступе сети «Интернет» можно встретить пособие, написанное активистами, оправдывающими педофилию: «Практика детской любви. Советы профессионалов». Данное пособие можно рассматривать как алгоритм действий

педофилов по выбору «объекта любви» и выстраиванию с ним взаимоотношений. В пособии описываются правила, регламентирующие поведение педофилов, например:

1. Они «не поддерживают насилие ни в какой форме».
2. Всегда относятся с уважением к выбору слабого.
3. Минимальный возраст ребенка должен составлять минимум 2 года.
4. «Ни при каких обстоятельствах не пытайтесь найти ребенка через интернет или другие электронные устройства» и другие.

Информационные потоки, освещающие педофилию, приводят к формированию в обществе определенных стереотипов о данном явлении. Можно выделить следующие стереотипы:

1. По гендерному признаку: большинство педофилов- мужчины.
2. По социальному статусу: люди с высшим образованием, положительно характеризующиеся в обществе (педагоги, воспитатели, тренеры, няни).
3. По возрастному критерию: 35-60 лет.
4. В обществе все лица, совершившие преступление на сексуальной почве против несовершеннолетних, отождествляются с педофилами. При этом не все преступники, совершивший сексуальное насилие над ребенком, имеют сексуальное расстройство (педофилия).
5. Выработалось устойчивое мнение: педофил заслуживает самого строгого наказания – смертную казнь или кастрацию.

В этой связи интересно рассмотреть технологию «Окно Овертона», согласно которой для каждой идеи или проблемы в социуме существует так называемое Окно возможностей, данную тему в своей научной работе рассмотрел Стальбовский В.В. Механизм такого Окна предполагает движение идеи от стадии «немыслимое» до стадии «допустимая норма». Оценка допустимости идеи проходит следующие стадии: немыслимые, радикальные, приемлемые, разумные, стандартные, действующая норма. В настоящее время неприемлемая тема о педофилии введена в оборот, табу десакрализовано – созданы «градации серого», что подтверждается научными дискуссиями о вопросах легализации педофилии и исключения из списка МКБ-10. (Стальбовский В.В., 2018).

Таким образом:

1. Необходимо ввести уголовную ответственность за действия, направленные на пропаганду педофилии, а также на формирование толерантного отношения к педофилии.
2. Внести поправки в Федеральный закон от 27.07.2006 года № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и защите информации" в ст.15.1 о запрете размещения информации, пропагандирующее сексуальное насилие над несовершеннолетними.
3. На федеральном уровне необходимо осуществлять контроль за публикуемой информацией в СМИ и сети «Интернет» (создание специальных комиссий).

Литература

1. Баландина А. «Сексуальная эксплуатация»: кто пытается легализовать педофилию [Электронный ресурс]// Газета.ru 2020. URL: https://m-gazeta.ru.cdn.ampproject.org/v/s/m.gazeta.ru/amp/social/2020/07/11/13148815.shtml?usqp=mq331AQHKAFAQrABIA%3D%3D&amp_js_v=0.1(дата обращения: 10.10.2020).
2. Инициатива №77Ф9091. Запрет на распространение информации, направленной на пропаганду педофилии [Электронный ресурс] // Российская общественная инициатива URL: <https://www.roi.ru/9091/> (дата обращения: 09.10.2020).
3. Стальбовский В.В. Казус «педофилии» как явления согласно теории Овертона // Вестник академии МВД Республики Беларусь.2018. №1 (35). С. 165-169.

Домашнее насилие и психические расстройства в подростковом возрасте

Луковцева З.В., Ретя С.Э.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Домашнее насилие (ДН) – одна из наиболее остро стоящих проблем в РФ. Его изучение и пресечение осложняются санкционирующим общественным восприятием, спецификой законодательства и правоприменительной практики. Принятый в 2017 г. закон о декриминализации побоев в семье (изменения в ст. 116 УК РФ, внесенные ФЗ №323 от 03.07.2016) не только не защищает пострадавших, но и может поставить их в ещё более опасное положение (Симонова М.А., Терехова И.А., 2020).

Безотносительно состояния психического здоровья подросток в силу особенностей своего возраста высоко уязвим по отношению к психической травматизации, в особенности – к насилию в ближайшем окружении (значимы и те ситуации, когда насилию подвергается не сам подросток, а, например, его мать). Современные исследования позволяют разграничить психологические последствия продолжительного и впервые возникшего насилия в семье для подростка. *В первом случае* преобладают эмоциональная напряженность, снижение порога фрустрационных реакций, чувство вины, ненависть к агрессору и человеку, который мог изменить ситуацию, но не сделал этого, снижение самооценки и аутоагрессия. *Во втором случае* ведущую роль играют переживания страха и социальной изоляции на фоне общего накопления негативных эмоций. Общими для обоих случаев являются стыд и нежелание говорить о случившемся (Васкэ Е.В., 2015).

Переживание ДН подростками с психическими расстройствами отчасти освещают исследования по материалам СПЭ и КСПЭ (в основном в рамках проблематики половых преступлений). Определено, что наличие когнитивных нарушений мешает понимать социальное и личностное значение произошедшего, снижая аффективный и поведенческий отклик потерпевшего на ситуацию. При неспособности оказывать сопротивление у интеллектуально сохранных потерпевших наблюдаются признаки психической травматизации, а впоследствии развиваются

психогенные расстройства (Муллахметова Н.Е., 2017). Перенесенное в детстве сексуальное насилие считается основным неспецифическим фактором риска развития психопатологии – от острой реакции на стресс до более поздних аффективных и поведенческих расстройств (Качаева М.А., Дозорцева Е.Г., Нуцкова Е.В., 2017).

Обобщая результаты современных исследований, можно отметить следующее. Помимо факторов распространения ДН и его последствий, интерес вызывают особенности общественного восприятия ДН. Вне фокуса внимания остается такой аспект проблемы, как особенности внутреннего состояния и отношения потерпевшего к произошедшему – субъективное переживание ситуации насилия и ее взаимосвязь с возникновением, развитием и/или усилением признаков психической патологии. Дальнейшее изучение обозначенных проблем представляется важным для оказания эффективной психологической помощи пострадавшим от ДН. Подробный анализ переживания опыта ДН в связи с психическими расстройствами у пострадавших послужит повышению эффективности психотерапевтических интервенций, в том числе на уровне всей семейной системы, а также совершенствованию судебно-экспертного инструментария.

Литература

1. Вакэ Е. В. Психологические механизмы переживания сексуального насилия малолетними жертвами инцеста // Прикладная юридическая психология. 2015. №. 1. С. 66-76.
2. Качаева М.А., Дозорцева Е.Г., Нуцкова Е.В. Отсроченные последствия пережитого домашнего насилия у женщин и девочек [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 3. С. 110–126. doi:10.17759/psylaw.2017070309.
3. Муллахметова Н.Е. Жертвы преступлений с психическими расстройствами: виктимологический и уголовно-процессуальный аспекты // Виктимология. 2017. №. 2 (12). С. 46-50.
4. Симонова М.А., Терехова И.А. Проблема домашнего насилия на современном этапе // Modern Science. 2020. №2(1). С. 179-189.

Психология жертвы: взаимосвязь тенденции к самообвинению и конформности личности

Макаревская Ю.Э., Беленко С.С.

ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет» (г. Сочи, Россия)

Виктимология – «одна из наук о человеке, которая изучает поведение, отклоняющееся от нормы безопасности» (Ривман, 2002) и «социально-психологическая область знаний, изучающая различные категории людей – жертв неблагоприятных условий социализации» (Малкина-Пых И.Г., 2016).

В юридической виктимологии известно, что роль потерпевшего, его влияние на возникновение, развитие и последствия преступления не ограничивается изучением только ситуации, непосредственно предшествовавшей преступлению. Мы не можем рассматривать виктимность личности и её ситуационное поведение в изоляции от категории личностного отношения человека к самому себе и другим людям, так как в ситуации совершения преступления жертва уже в разной степени сформированная личность, «обладатель определенных виктимных предрасположений». Если личность обладает чертами повышенной индивидуальной виктимности, тогда криминогенная ситуация приобретает виктимогенный характер, преломляясь через спектр личностных качеств жертвы (реальной или потенциальной).

В психологии жертвы известны различные типологии, изучены демографические, ролевые, национальные признаки потерпевших, понимание потерпевшими динамики и перспективы развития ситуации, отношение потерпевших к последствиям своих и преступника действий, отношение жертвы к исходным обстоятельствам ситуации (Ривман Д.В., 2002; Ривман Д.В., Устинов В.С., 2000). Однако, самоотношение жертвы как возможный виктимогенный фактор не изучено, при том, что в психология именно через категорию «отношение» описывается развитие, формирование, проявление личности. В оценках себя и других люди проявляют, по мнению В.Н. Мясищева, отношения самоуважения и уважения других (Мясищев В.Н., 2004). Предположим, что личность в позиции жертвы имеет специфику самоотношения, которая закрепляется в устойчивый когнитивный паттерн самообвинения и виктимный поведенческий паттерн.

Формирование паттернов поведения и самоотношения личности, как известно, не свободно от социального влияния. То ли научением, то ли закреплением, то ли определённым смыслообразованием у личности под воздействием общества формируется ролевое поведение, в том числе и конформное. В исследованиях показано, что конформность преобладает над нонконформизмом, то есть чаще люди ведут себя так, как им предписывает общество (Аш С., 1956; Милгрэм С., 2016; Петровский А.В., Ярошевский М.Г., 1990; Свенцицкий А.Л., 2016; Чудновский В.Э., 2000 и др.). Следовательно, можем предположить, что на фоне общественного обвинения жертвы самообвинение жертвы может быть связано с конформностью личности.

В исследовании на первичном этапе анкетирования по частоте ответов были выделены 2 группы: «самообвиняющие» и «сочувствующие себе». Объем выборки 68 чел. (50% - жен. и 50% муж., в возрасте от 20 до 52 лет).

Методики: авторская анкета жизненных ситуаций с вариантами ответов обвинения и сочувствия жертвам; личностный опросник Р.Кеттела (16ФЛО-5); опросник Шварца (изучение ценностных ориентаций).

Обработка результатов проводилась с использованием аппаратно-программного психодиагностического комплекса «Мультитсихометр», статистический анализ результатов был проведен при помощи U-критерия Манна-Уитни.

Статистически значимые различия были обнаружены по следующим показателям:

1. В группе респондентов в ситуации самообвинения преобладает фактор конформизма (0,090, $p \leq 0,001$), как стремление не выделяться и выраженное приспособление, пассивное согласие с мнением, взглядами, ценностями значимой группы, даже если те противоречат личному мнению и убеждениям индивида.

2. В группе склонных к самообвинению было выявлено предпочтение такой черты характера как гибкость (0,024, $p \leq 0,001$).

Итак, при тенденции к самообвинению в виктимогенной ситуации у личности зафиксированы значительно более высокие показатели конформности и гибкости.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в определении качественной специфики обвинения/самообвинения жертв и возможного влияния данного феномена на виктимогенность жизненных ситуаций.

Литература

1. Аш С. Е. Исследования независимости и конформизма: меньшинство одного против единодушного большинства. 1956. № 146. С. 1-70.
2. Милгрэм С. Подчинение авторитету. Научный взгляд на власть и мораль: Альпина нон-фикшн. М., 2016. 282 с.
3. Малкина-Пых И.Г. Психология поведения жертвы. М.: Изд-во Эксмо. 2016. 1008 с.
4. Мясищев В.Н. Психология отношений: избр. психол. тр. / Под ред. А. А. Бодалева. М. ; Воронеж, 2004. 398 с.
5. Психологический словарь /Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., Политиздат. 1990. 494 с.
6. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. 304 с.
7. Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. СПб., 2000. 332 с.
8. Свенцицкий А. Л. Социальная психология: учебник для бакалавров 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2016. 408 с.
9. Чудновский В. Э. О некоторых исследованиях конформизма в зарубежной психологии // Социальная психология. М., 2000. С. 241-248.

Возможности составления проспективного портрета в отношении «чистых» типов серийных сексуальных преступников

Мартынова А.О., Дворянчиков Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия).

Сексуальные преступления – это серьезная международная проблема, наносящая ущерб жизни большого числа людей. За последние 20 лет был достигнут

значительный научный прогресс в отношении природы сексуальных правонарушений, особенно повторных правонарушений, а также основ для принципов и практики как оценки, так и вмешательства для уменьшения частоты и воздействия сексуальных преступлений. Однако, для более эффективного расследования и задержания такого вида преступников крайне необходима совместная работа и юристов, и психологов.

За основу своей работы мы взяли типологию серийных сексуальных убийц О.Д. Ситковской и Л.Н. Коньшевой, берущую “чистые” типы серийных сексуальных убийц (Ситковская О.Д., Коньшева Л.П., 2002).

Для исследования использовался качественный и дисперсионный однофакторный анализ (критерий Фишера, $p > 0.05$) архивных материалов ФГБУ «НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» по выборке из 23 представителей «чистых» типов серийных сексуальных преступников ($N=9$ в группе «ситуативников», $N=7$ в группе «силовиков» и $N=7$ в группе «маньяков» соответственно). С помощью качественного анализа были рассмотрены личностные, поведенческие особенности, а также особенности жертвы, убийства и сексуального насилия “чистых” типов. Мы выделили основные закономерности, отобрали массивы данных со схожими проявлениями у всех трех типов, которые впоследствии были проанализированы попарно с помощью критерия Фишера, и получили следующие результаты:

1. Личностные особенности “чистых” типов серийных сексуальных преступников были описаны с помощью 28 критериев, включающих особенности семьи, воспитания, расстройств, возраста, выбора работы и т.д. «Ситуативникам», «силовикам» и «маньякам» одинаково свойственны ($p > 0,05$) такие критерии, как: наличие детей, наличие эмоциональной неустойчивости, отсутствие эмоционального отвержения матерью, отсутствие физического насилия отца к ребенку и к матери.

2. Поведенческие особенности “чистых” типов серийных сексуальных преступников были описаны с помощью 14 критериев, включающих способы сокрытия трупа, противодействие разоблачению, похищение и хранение вещей жертвы, а также особенностей поведения при допросе и т.д. В проявлении поведенческих особенностей у «ситуативников», «силовиков» и «маньяков» не наблюдается схожестей ни в одном из рассматриваемых критериев: необходимы дополнительные исследования в этом блоке.

3. Особенности жертвы, убийства и сексуального насилия “чистых” типов серийных сексуальных преступников были описаны с помощью 24 критериев, включающих пол, возраст, характер жертвы, особенности полового акта, попытки убийства, способы сокрытия трупа и т.д. «Ситуативникам», «силовикам» и «маньякам» одинаково не свойственен ($p > 0,05$) такой критерий, как выбор жертв в возрасте 41-60 лет.

Можно предположить, что наличие выделенных общих особенностей характерно не только “чистым” типам, но и серийным сексуальным преступникам в принципе – то есть можно ожидать общие закономерности в личностных и

поведенческих особенностях, несмотря на разные механизмы их деятельности и специфику типа, так как имеются определенные личностные предпосылки и факторы формирования.

Литература

1. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника: Криминологическое психологическое исследование. М.: Норма, 2010. 368 с.
2. Логунова О.А., Демидова Л.Ю., Дворянчиков Н.В. Типологические особенности личности и поведения серийных сексуальных убийц [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. Том 4. № 2. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53494.shtml (дата обращения: 08.10.2020).
3. Ситковская О.Д., Конышева Л.П. Участие психолога в раскрытии и расследовании убийств: научно-методическое руководство. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 2002. 54 с.

Моральные решения, особенности мышления и копинги во время пандемии

Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Бойко О.М., Воронцова О.Ю.

ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

Одной из основных проблем исследования правосознания является изучение принятия моральных выборов в различного рода ситуациях. Ковид-19 ставит проблемы морального выбора перед большим количеством людей – выбора между собственным удобством, привычным образом жизни и ограничениями ради «общего блага».

Цель исследования – оценить влияние стресса во время пандемии на принятие моральных решений.

Материалы и методы

Использовались данные интернет опроса, который включал опросники: *SCL-90-R*, *COPE*, *Опросник конструктивного мышления «СТИ»*; тест «*Моральные дилеммы*», в которых оценивалось «количество личностных выборов», оценивающее способность лично совершить насилие над другим человеком ради спасения других и «соотношение личностных и безличностных» – для оценки различия личного или «дистанционного» насилия (Greene, 2004; Ениколопов и др., 2018).

Результаты

С 30.03.20 по 20.07.20 получено 340 ответов. Анализ показал, что «личностные выборы» и «соотношения личностных и безличностных» отрицательно коррелируют с возрастом (-0,260** и -0,289**). Больше личностных делают мужчины (3,48 по сравнению с женщинами 2,83). «Личностные выборы» положительно коррелируют со страхом за себя или близких. В *SCL-90* личностные выборы коррелируют с наличным дистрессом (0,151**).

В СТИ личностные выборы коррелируют с категорическим и личностно – суеверным мышлением (0,108* и 0,128*). «Соотношение личностных и безличностных» отрицательно коррелирует с эзотерическим мышлением (-0,111*). Если количество личностных выборов превышает 4, снижено поведенческое совладание.

В СОРЕ личностные выборы коррелируют с мысленным уходом (0,130*). «Соотношение личностных и безличностных» отрицательно коррелирует с обращением к религии (-0,110*),

Обсуждение

Результаты показали, что количество личностных выборов связано с уровнем наличного дистресса и растет вместе с ростом страхов за себя и близких. Большое количество личностных выборов связано со снижением поведенческого совладания, которое говорит о трудностях действовать эффективно. При этом повышенные значения категорического мышления облегчают принятие решений без учета «лишней» информации, на основе сложившихся стереотипов. А высокие показатели личностно-суеверного мышления позволяют избежать слишком сильного расстройства из-за неудач. Этому же способствует мысленный уход – использование различных видов активности для отвлечения от неприятных мыслей. Все это может объяснять легкость принятия личностных решений, когда самому нужно причинить вред другому человеку, и позволяет респонденту не вовлекаться эмоционально в ситуацию.

«Соотношение личностных и безличностных» не связано со страхами и стрессом, и скорее отражает личностные особенности – преобладание рациональных механизмов в принятии моральных решений, так как связано с более низкими показателями эзотерического мышления, которое предполагает опору на тонкие необъяснимые ощущения, а не на логику. А сниженное «обращение к религии» допускает самоличное принятие решение о жизни и смерти другого человека.

Выводы

Количество личностных выборов увеличивается при увеличении уровня дистресса и страха за свою жизнь и связано со снижением способности действовать эффективно в сложной ситуации.

Соотношение личностных и безличностных выборов не связано со страхами и, вероятно, отражает личностные особенности – преобладание рациональных механизмов в принятии моральных решений.

Литература

1. Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Казьмина О.Ю., Воронцова О.Ю. Моральные суждения и имплицитное отношение к смерти при суицидальном риске // Суицидология. 2018. Том. 9. N 1 (30). С. 44-52.

- Greene J.D., Nystrom L.E., Engell A.D., Darley J.M., Cohen J.D. The neural bases of cognitive conflict and control in moral judgment // *Neuron*. 2004. V. 44. N 2. p. 389-400.

О высоких и низких макиавеллистах в рамках исследования симптомокомплекса жертв мошенничества

Мешкова Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 20-013-00709 «Психологические особенности жертв манипулятивного поведения (на примере мошенничества)».

Мошенничество - одно из распространенных видов криминальных деяний. Оно связано с обманом, злоупотреблением доверием, а сами мошенники очень креативны и изобретательны. Все более актуальным становится изучение факторов подверженности воздействию манипулятивного поведения, а также устойчивости по отношению к нему.

Исходя из результатов исследований связи макиавеллизма и девиантного/криминального поведения в рамках исследования антисоциальной креативности (Мешкова Н.В. и др. 2018а, б), а также особенностей низких и высоких макиавеллистов (Знаков В.В., 2005), мы пришли к выводу о том, что для изучаемых нами проблем симптомокомплекса жертв мошенничества представляет интерес макиавеллизм и способность понимать ложь. Мы предположили, что жертвы мошенничества и мошенники могут отличаться выраженностью следующих характеристик: чертами «Большой пятерки», враждебностью, ценностями и уровнем антисоциальной креативности. Наблюдение за жертвами мошенничества показывает, что они не способны видеть ситуации с других позиций, верят в возможность обогащения в ситуациях, противоречащих здравому смыслу, доверчивы, у них отсутствует критичность, что дает возможность предположить, что жертвы мошенничества и устойчивые к манипулятивным действиям люди будут отличаться особенностями мышления.

Наши предположения мы проверили в пилотажном исследовании в рамках изучения профиля низких и высоких макиавеллистов на выборке курсантов (N=150). Использовались следующие русскоязычные версии опросников: NEO PR, антисоциальной креативности (Мешкова Н.В. и др., 2018а), Мак-IV, ценностей (Шварц Ш. и др., 2012), агрессии, опросник Конструктивного Мышления (Ениколопов С.Н., Лебедев, С.В., 2004).

Было показано (критерий Манна-Уитни), что группы низких и высоких макиавеллистов имеют значимые различия: в первой группе выше «Согласие», «Добросовестность», ценности социального фокуса, «Наивный оптимизм» и ниже

антисоциальная креативность, ценности личного фокуса, «Категорическое мышление», враждебность. Неожиданными оказались значимые корреляции параметра «Наивный оптимизм»: отрицательные с антисоциальной креативностью и макиавеллизмом; и положительные с ценностями социального фокуса. Интересно, что только в группе низких макиавеллистов этот параметр положительно коррелировал с ценностями достижения и межличностной конформностью. Данный факт говорит о том, что низкие макиавеллисты склонны использовать неконструктивные стратегии, у них может проявляться слишком оптимистичное отношение к жизни, неспособность осознавать угрозу и принимать адекватные меры при актуализации мотивационных целей достижения успеха в соответствии с социальными стандартами и избегания причинения вреда другим людям.

Результаты пилотажного исследования позволяют выделить ключевые параметры для исследования симптомокомплекса жертв мошенничества.

Литература

1. Ениколопов С.Н., Лебедев С.В. Адаптация методик исследования посттравматических стрессовых расстройств // Ж. Психологическая диагностика. 2004. № 3. С. 19–38.
2. Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: «Институт психологии РАН», 2005. 448 с.
3. Мешкова Н.В., Дебольский М.Г., Ениколопов С.Н., Масленков А.А. Особенности креативности в социальном взаимодействии у осужденных, совершивших корыстные и агрессивно-насильственные преступления [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 1. С. 147–163. doi:10.17759/psylaw.
4. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Митина О.В., Мешков И.А. Адаптация опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» // Психологическая наука и образование. 2018. Том 23. № 6. С. 25–40. doi:10.17759/pse.2018230603.
5. Шварц Ш. и др. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Ж. Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.

Гендерные особенности виктимности к разным видам преступлений

Мынкина В.С., Коноплева И.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Актуальность данной темы определяется тем, что различные процессы в обществе являются детерминантами роста виктимизации населения. Особенности виктимности посвящено небольшое количество работ, и, соответственно, виктимология является одной из малоизученных областей. В различных источниках

можно наблюдать различия в виктимности и виктимном поведении мужчин и женщин, что так же дает основание для углубленного изучения данного вопроса.

Изучение гендерных особенностей виктимности к различным преступлениям позволяет понять, жертвой каких преступлений чаще всего могут стать женщины и мужчины, и чем это обусловлено.

Цель нашей работы – изучение гендерных особенностей виктимности к разным видам преступлений. **Предметом явились** гендерные особенности виктимности личности.

Выборка исследования: всего было обследовано 62 человека в возрасте от 18 до 27 лет, из них 31 респондент женского пола и 31 респондент мужского пола, проживающие на территории РФ.

Методики и процедура исследования

Были использованы две методики, а именно – методика «Типы ролевой виктимности» (авторы М.А. Одинцова и Н.П. Радчикова) и методика «Жизнестойкость» (авторы Д.А. Леонтьев и Е.И. Расказова).

Данные методики были представлены респондентам в виде анкеты, сначала предлагалось указать свой пол и возраст, далее после ответа на вопросы методики «Тип ролевой виктимности» респондент сразу перенаправлялся на вопросы методики «Жизнестойкость».

Исследование проводилось на онлайн платформе GoogleForms. Респондентам было предложено перейти по ссылке на исследование и ответить на вопросы 2-х методик. Исследование было анонимным и занимало не более 10 минут времени на прохождение. Инструкции, данные в методиках, были отображены на экране перед началом прохождения каждой.

Далее результаты исследования были обработаны с помощью программ Excel 2013 и IBM SPSS Statistics.

Результаты

Результаты нашего исследования показали, что женщины более виктимны, чем мужчины. Женщинам чаще свойственна социальная роль жертвы, а показатели игровой роли жертвы у большинства женщин на среднем уровне. Мужчинам чаще свойственны средние значения и по социальной роли жертвы, и по игровой роли жертвы. Это может говорить о том, что представители мужского пола менее виктимны. Не наблюдается выделения какой-либо роли жертвы, они практически в равной степени могут быть жертвами разных преступлений, хоть и с меньшей вероятностью к виктимизации в целом.

Исходя из того, что более половины респондентов женского пола имеют социальную роль жертвы, можно сказать, что женщины более склонны к чувству собственной ущемленности, склонны быть изгоем. Данная роль может накладывать стигму одиночества, а окружающие представляются враждебными. Также они менее гибки в различных ситуациях, но готовы к новому опыту, могут успешно анализировать ситуацию, обладают высоким уровнем понимания происходящего.

При этом женщины больше полагаются на судьбу и других людей, чем на себя, зависимы от других.

Мужчины склонны в некоторых случаях быть изгоями и полагаться на волю случая, но выражается это не ярко. Говоря о том, что у мужчин средние результаты по игровой роли виктимности, можно сказать, что они могут манипулировать людьми, в некоторых случаях проявляют неосмотрительность, но при этом они гибкие и общительные. Также чаще проявляют агрессию, если не добиваются желаемого.

Выводы

Женщины более виктимны, чем мужчины, и обладают более низким уровнем жизнестойкости по сравнению с мужчинами.

Женщины в большей степени склонны стать жертвами домашнего насилия, изнасилования, буллинга. Также они сильнее подвержены вероятности стать жертвами торговли людьми и разбойных нападений в квартире или доме. Мужчины в большей степени подвержены угрозе стать жертвами мошенничества, грабежа, убийства, побоев, жертвами преступлений, связанных с пагубными привычками и неосторожностью.

Этиология зависимого поведения серийных сексуальных убийц

Нечесова С.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Задача современного клинического психолога в судебной экспертизе состоит в том, чтобы понимать основы криминального поведения, его истоки. Последние годы учеными активно изучаются биогенетические основы преступного поведения. До сих пор на вопрос: «Преступниками рождаются или становятся?» нет однозначного ответа.

Из числа тяжких и особо тяжких преступлений, которые за последние несколько лет имеют высокие показатели роста, наиболее опасными являются серийные сексуальные убийства. Большинство из них основано на клинических аспектах реализации парафильных интересов, диктующих зависимое сексуальное поведение (Balon Richard, 2016).

Исследования пренатального и постнатального развития «центра эрекции», который генетически влияет на диморфизм половых путей мозга еще в утробе матери, выявляют фиксацию парафильного поведения в результате патологических процессов, возникающих в нервных путях *Redunculi cerebri* (ножек мозга) и варолиевом мосту, возбуждение которого производится в пещеристых телах при посредстве поясничных сегментов нервов, связанных с эрекцией (Mony J., 1989). В постнатальный период изменения глубинных структур ментальной карты индивида, которые завершают формирование шаблона сексуального сценария, происходят под

влиянием описанного выше процесса диморфизма. Они не корректируются социальными и средовыми воздействиями, а лишь усугубляются на протяжении жизни и закрепляются в результате получения неудачного сексуального опыта и смещения либидо с нормофильного объекта на парафильный.

Автором тезисов был проведен мета-анализ 60-ти кейсов зарубежных уголовных дел, связанных с серийными сексуальными преступлениями, что позволило выявить некоторые критерии зависимого поведения, составляющие «modus operandi». Большинство из них связаны с клиническими аспектами различных парафильных расстройств.

Такие расстройства, как: геронтофилия, шизофрения, расстройство личности, нарциссические расстройства – обнаруживали закономерности криминального поведения (Julien Chopin, 2019). Сексуальный садизм отличался от поведенческих аспектов сексуального убийства. Психопатии, шизоидные и пограничные расстройства личности обнаружили интенсивную связь между психопатией и садизмом (Julien Chopin, 2019). Шизоидные расстройства обнаруживали при совершении преступлений высокий уровень неконтролируемого насилия с нанесением жертвам множественных ран и увечий. Лишь в немногих случаях парафильные расстройства являлись теми переменными, которые обнаруживали связь между сексуальным насилием в детстве и сформировавшейся впоследствии парафилией (Chloe I. Pedneault, 2019). Также выявлены взаимосвязи между Пограничным расстройством личности (BPD) и Антисоциальным расстройством личности в контексте совершения серийных сексуальных убийств (ASPD) (Nicole Cardona, 2018).

Таким образом, степень зависимого поведения, которое формируется под влиянием парафильной карты у серийных сексуальных убийц, очень высока, поэтому можно сделать вывод о существовании клинических аспектов зависимого криминального поведения. При этом их этиология обнаруживает более тесную связь с биогенетическими предпосылками, чем с социальными.

Литература

1. Balon Richard. Practical Guide to Paraphilia and Paraphilic Disorders Department of Psychiatry and Behavioral Neurosciences, 2016.
2. Chloe I. Pedneault (2019). The association between childhood sexual abuse and sexual coercion in men: a test of possible mediators.
3. Julien Chopin, (2019) The Unusual Victim: Understanding the Specific Crime Processes and Motivations for Elderly Sexual Homicide.
4. Julien Chopin, (2019) Lethal combinations: A conjunctive analysis of crime scene behavior associated with sexual homicide.
5. Mony J. Vandalized Lovemaps: Paraphilic Outcome of Seven Cases in Pediatric Sexology, 1989.
6. Nicole Cardona, (2018) Covariates of the Severity of Aggression in Sexual Crimes.

Особенности совладания со стрессом и защитных механизмов личностей, склонных к созависимому поведению

Пантелеева В.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет» (г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Бусарова О.Р.

Актуальность и связь данной темы с юридической психологией выявляют необходимость своевременной коррекционной и профилактической работы с факторами возникновения девиантного поведения у детей и подростков. Выявление неадаптивности совладающего поведения в зависимости от степени склонности к созависимости позволяет считать её одним из факторов возникновения поведенческих деструкций. Работа с деструктивными, созависимыми семьями, таким образом, даёт возможность предотвратить факторы формирования девиантного поведения у детей. Более того, проблемой является тот факт, что созависимость родственников препятствует выздоровлению зависимого больного (Горьковая И. А., 1994). Необходимость разрешения выявленных противоречий определяет проблему исследования: высокая степень склонности к созависимому поведению может приводить к поведенческим деструкциям. В 2020 году нами было проведено исследование, целью которого являлось выявление связи созависимости с копинг-стратегиями и защитными механизмами в юношеском возрасте. Мы предположили, что люди с высокой степенью выраженности защитных механизмов и копинг-стратей имеют более высокий уровень склонности к созависимости. В исследовании приняли участие жители Москвы 19-35 лет, имеющие высшее и неоконченное высшее образование, 106 человек, 82 женщины и 24 мужчины. В качестве методов исследования были использованы: опросник “Шкала созависимости” Дж. Фишера в модификации А.А.Бердичевского и соавт. (Бердичевский А.А., Падун М.А., Гагарина М.А., 2019), опросник Плутчика-Келлермана-Конте “Методика Индекс жизненного стиля”, опросник Хайма “Диагностика копинг-стратегий”.

В результате выявлена связь склонности к созависимости и неадаптивных стратегий совладающего поведения ($p < 0,05$). Обнаружено, что люди с низким уровнем склонности к созависимости чаще используют такие продуктивные (*адаптивные*) копинг-стратегии, как оптимизм и сотрудничество, а люди с высоким уровнем склонности к созависимости чаще используют такие неадаптивные копинг-стратегии, как отступление, растерянность, покорность и подавление эмоций. Эти данные подтверждают большую адаптированность к стрессовым ситуациям не склонных к созависимости людей и дезадаптированность в виде неверия в собственные силы, подавленного эмоционального состояния, состояния безнадежности и недопущения чувств у людей, склонных к созависимости. Была выявлена тенденция роста общей напряженности психологических защит с ростом склонности к созависимости. Обнаружено, что чем больше выражена склонности к созависимому поведению, тем чаще используются эмоциональные и поведенческие

копинг-стратегии совладающего поведения. Также по результатам анкетирования можно предположить связь склонности к созависимому поведению и наличия в близком окружении лиц с наркотической или алкогольной зависимостью.

Данные результаты позволяют сделать вывод о наличии особенностей в использовании копинг-стратей у людей, склонных к созависимому поведению, о тенденции роста у данных личностей общей напряженности психологических защит, а также о большей адаптивности к стрессовым ситуациям не склонных к созависимости людей и дезадаптивность у склонных к ней.

Полученные в исследовании данные имеют как теоретическую, так и практическую значимость и могут быть полезны, в частности, для специалистов в области работы с семьями детей и подростков с отклоняющимся поведением.

Литература

1. Бердичевский А.А., Падун М.А., Гагарина М.А. Апробация модифицированной версии методики «Шкала созависимости Спенн–Фишер» [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2019. Том 8. № 1. С. 215–234. doi:10.17759/cpse.2019080113.
2. Горьковая И. А. Влияние семьи на формирование делинквентности у подростков // Психологический журнал. 1994. № 2. С. 57-65.

Агрессия и гендерная идентичность у лиц, практикующих БДСМ

Пуговкина Д.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Агрессия и гендерная идентичность являются важными индивидуально-личностными характеристиками, влияющими на жизнь человека в социуме. На обе эти характеристики направлен пристальный интерес психологов в течение последнего десятилетия.

Проблема агрессивности рассматривается многими отраслями психологии: социальной, психологией личности, возрастной психологией и др.

Проблема гендерной идентичности также освещена в науке широко, так как в современном обществе происходит постепенное размывание границ между мужской и женской ролью, что зачастую провоцирует в детском возрасте повышенную агрессию у девочек и тревожность у мальчиков. В связи с этим в настоящее время проблеме гендерной идентичности уделяется большое внимание.

Использование выборки из лиц, практикующих БДСМ, объясняется интересом к степени выраженности агрессии у этих людей, так как существует множество стереотипов о БДСМ-сообществе, как о нездорово агрессивных и в целом

ненормальных людях. Также существует множество стереотипов о мужской и женской гендерной роли внутри БДСМ.

Объектом нашего эмпирического исследования выступило проявление агрессивности у лиц от 18 до 55 лет (23 человека); предметом - взаимосвязь между гендерной идентичностью, агрессией и позиционированием в БДСМ.

Были выдвинуты предположения, что существует взаимосвязь между гендерной идентичностью и позиционированием в БДСМ: люди с маскулинным типом идентичности предпочитают Верхнюю (активную роль), а люди с фемининным типом идентичности чаще выбирают Нижнюю (пассивную роль). А также, что существует связь между гендерной идентичностью и уровнем агрессии: люди с маскулинным типом гендерной идентичности имеют более высокую степень агрессии, чем люди с фемининным типом идентичности. Использовались опросники маскулинности-фемининности личности в интерпретации И.С. Клециной, опросник агрессивности Басса-Дарки в модификации Рогова Е.И., тест А.Ассингера «Агрессивность межличностных отношений».

В исследовании гендерных особенностей проявления агрессивности было выявлено, что усредненные баллы у практикующих БДСМ обоих полов находятся в границах нормы. Также результаты обеих методик показали, что мужчины агрессивнее женщин, однако это разрыв незначителен. Примечательно также, что чувство вины у мужчин и женщин находится на одинаковом уровне. Исследование гендерной идентичности показало, что между уровнем агрессивности по методике Басса-Дарки и гендерной идентичностью, то есть индексом IS, существует сильная обратная связь. Соответственно, у людей с маскулинной идентичностью уровень агрессии выше, чем у людей с фемининной идентичностью. То есть индекс IS уменьшается с увеличением уровня агрессии и наоборот.

По результатам проведенного исследования подтвердилась лишь одна из двух гипотез, а именно: статистически на данной выборке было доказано, что существует связь между агрессивностью поведения и гендерной идентичностью. Испытуемые с маскулинной идентичностью показали более высокий уровень агрессии, чем люди с фемининной идентичностью. Так как в данной выборке у испытуемых мужчин преобладала андрогинная и маскулинная идентичность, и не было ни одного испытуемого мужского пола с выраженной фемининной идентичностью, то можно предположить, что это связано с мужской гендерной социализацией, подразумевающей напористость, агрессивность и другие подобные качества в межличностных отношениях.

Литература

1. Бендас Т.В. Гендерная психология : учебник. СПб. : Питер, 2017. 431 с.
2. Ожигова Л.Н. Психология гендерной идентичности личности. Краснодар: КГУ, 2006. 290 с.
3. Таормино Т. Библия БДСМ. М.: Эксмо. 2014. 496 с.

Определение недостоверной информации: теория лакун

Романова Н.М.

Национальный исследовательский Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия)

Состояние проблемы. В современном научном знании лакуна рассматривается как пробел, «разрыв», «пустота» в познании. Лакуны связаны с возникновением у субъекта непонимания или ограниченного понимания, они ассоциируются с «темными местами», завуалированными значениями в содержании какого-либо явления.

Понятие «лакуна» исследуется в рамках различных теорий, в том числе, в контексте теорий постмодернизма. Лакуна рассматривается как показатель отсутствия явления либо как пробел или противоречие в смысловой сфере (Ю. Кристева, 2000; М. Фуко, 1996), Лакуна ассоциируется с неясностью, непониманием (Т.Ю. Данильченко, В.П. Гриценко, 2009); национально-культурной спецификой отражения картины мира субъектами контактирующих культур (Г. Г. Почепцов, 1990; И. Ю. Марковина, 1993).

Лакуны в качестве предмета исследования рассматриваются в рамках межкультурной коммуникации, лингвистики, культурологии, социологии. Однако теория лакун не нашла достаточного распространения в психологической науке, понятие «лакуна» не разработано как психологическое понятие, оно не описано с точки зрения психологической науки.

Между тем теория лакун и понятие «лакуна» могут быть использованы в качестве психологического инструментария для исследования феномена недостоверной (скрываемой) информации, предъявляемой участниками следственных действий в процедурах допросов.

Актуальность. Современное состояние проблемы диагностики скрываемой субъектом информации не соответствует требованиям юридической практики, вызовам времени в плане противодействия преступности в современном обществе. На сегодняшний день не разработаны валидные и надежные способы диагностики скрываемой субъектом информации. Существующие крайне немногочисленные исследования в данной области носят описательный характер, поверхностны и реальной практической пользы в плане борьбы с преступностью не представляют. Кроме того, ощущается явный недостаток научных исследований, направленных на психологическую диагностику индикаторов скрываемой информации в тексте.

Полученные результаты. В теоретическом плане сущность предлагаемого авторского подхода представляет собой развитие идей отечественной психологической школы (деятельностный подход), представленный исследованиями А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, А.В. Брушлинского, К.А. Абульхановой-Славской, А.А. Леонтьева, И.А. Зимней и теории лакун применительно к нуждам юридической практики в области оперативно-следственной деятельности. При этом лакуна понимается нами как «пробел», имеющийся в

описании, даваемом допрашиваемым, в структуре конкретной криминальной деятельности. В показаниях допрашиваемого лакуна предстает как «выпадение» одного из основных ее компонентов.

В прикладном аспекте авторский подход предполагает выявление в тексте допроса лакун применительно к каждому из компонентов анализируемой криминальной деятельности; реконструкцию содержания криминальных деяний.

Известно, что имеется совокупность многообразных факторов, связанных с дачей необъективных показаний допрашиваемым (прежде всего подозреваемыми и обвиняемыми). К ним относятся: умышленная ложь, преднамеренное и непреднамеренное искажение информации, утаивание и сокрытие информации, психологические защиты, передача двусмысленной или размытой информации.

Данный подход позволит, на наш взгляд, выявить «точки незнания», нестыковки в содержании текста, увидеть в нем противоречия.

Литература

1. Данильченко Т.Ю., Гриценко В.П. От смысла к лакунам. Краснодар: Изд-во КГУКИ, 2009. 250 с.
2. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. С. 427–457.
3. Марковина И. Ю., Сорокин Ю.А. Социоментальные картины мира: опыт моделирования коллизий сознания // Языки сознания: парадоксальная рациональность. М.: ИЯ РАН, 1993. С. 118-134.
4. Почепцов Г. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 115.
5. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.

К проблеме экспертного анализа суицидоопасного состояния у несовершеннолетних

Савина О.Ф., Морозова М.В.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им В.П. Сербского» Минздрава России
(г. Москва, Россия)

Одной из проблем КСППЭ по факту смерти несовершеннолетних является маскированность суицидоопасного состояния. Материалы уголовного дела не всегда позволяют установить реальную психотравму и отношение суицидента к происходящему. При отсутствии устойчивого снижения настроения, активной включенности в разные сферы жизни, наличии перспектив у подростка часто отмечается интерес к суициду как явлению с проекцией его на себя. Мысль об этом во внутренней картине мира сосуществует с жизнелюбием, не вызывая когнитивного

диссонанса и борьбы мотивов, не формируя внутриличностного конфликта как такового. Подросток живет в широком информационно-событийном поле, его *Я* в разных реалиях жизни не тождественны, а потребности в самоинтеграции зачастую нет. Это явление можно рассматривать как способ адаптации к реальности, копинг-стратегию и защитный механизм, снижающий внутреннее напряжение. При подвижности психики подростка быть разными *Я* при смене условий и окружения достаточно естественно и зачастую рефлексивируется им.

Взаимодействие подростка в семье приводит к формированию у него различных личностных смыслов (от неприятия и обвинения родителей до безответной любви, желания отвечать их ожиданиям) и комплекса переживаний с этим связанных, в которых он особенно уязвим и скрытен. У родителей же имеется ложное представление о близости с ребенком и доверительности контакта с ним, они нередко отождествляют подростка с его достижениями, лишая самооценности и не удовлетворяя потребность в безусловной любви, формируя чувство вины и эмоциональное напряжение с приравниванием неудач жизненной трагедии.

В учебной деятельности подросток, адаптируясь к среде, проявляет себя иначе, чем дома, ориентируясь на образовательный процесс и взаимодействие со сверстниками. Включаясь в учебу и коллективную деятельность, он отвлекается от отрицательных эмоций и переключается на актуальное «поле». Ракурс его личностной самореализации среди одноклассников зависит от групповой динамики, сочетания индивидуальных и общих приоритетов, доступных и эффективных способов коммуникации, доверительности и открытости в общении, желаемого образа *Я* в кругу сверстников, а также статуса, роли и имиджа в восприятии его коллективом. Если учителя, как правило, не информированы о наличии у ребенка антивитальных переживаний, то ситуативные высказывания и даже аутоагрессивные действия, наблюдаемые одноклассниками, не воспринимаются ими как реально угрожающие жизни.

В дружеском окружении проявляется еще одна «личность» подростка, именно там он реализует потребность в интимно-личностном общении, ему важно не быть отвергнутым и иметь эмоциональный резонанс. Ради сохранения чувства общности многие аспекты своего реального *Я* приносятся им в жертву, он наиболее уязвим в этой сфере, переживает глубоко лично и, как правило, мало с кем может поделиться переживаниями.

В онлайн пространстве проявляется еще один аспект *Я* несовершеннолетнего; в интернете он получает сведения как совершить суицид, узнает об опыте и размышлениях других, мировоззренческих позициях. Общась в социальных сетях, подросток развивает «вариант» наиболее интимного и сокровенного *Я*, отличного от других «*Я*-статусов», но совпадающего с проецируемым в собственную продукцию и дневниковые записи. Множественность *Я*, способность к переключению между ними с вхождением в разные системы деятельности маскируют истинное суицидоопасное состояние. Пестрота, неоднородность рисунка поведения, диссоциация между отсутствием внешних проявлений пресуицидального состояния, объективно острой

психотравмирующей ситуации и самим поступком маскируют меру субъективной непереносимости для несовершеннолетнего его положения, истинные мотивы и поводы суицида, транслируемые и скрывааемые им эмоции.

Практика комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы: ключевые проблемы

Сафуанов Ф.С.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России,

ФГБОУ «Московский государственный психолого-педагогический университет», (г. Москва, Россия)

В Российской Федерации существуют разнообразные формы использования психологических знаний в следственной деятельности и судопроизводстве. К не регулируемой процессуальным законодательством форме относится справочно-консультативная деятельность. К процессуальным формам относятся психологическое сопровождение несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля (ст. 191, 425 УПК РФ), участие в процессе в качестве специалиста (ст. 58 УПК РФ, ст. 118 ГПК РФ) и эксперта (ст. 57 УПК РФ, ст. 79 ГПК РФ). Важной проблемой является недостаточное понимание психологами круга вопросов, входящих в их компетенцию при консультативном обследовании. Особенно ярко это проявляется в досудебном обследовании ребенка при спорах между родителями об его воспитании.

Комплексные судебные психолого-психиатрические и судебно-психологические экспертизы проводятся как в государственных учреждениях (Минздрава, Минюста), так и негосударственными экспертами. Среди последних много лиц с низкой квалификацией, не прошедших дополнительного обучения по экспертной специальности. В результате в стране проводится много дополнительных и повторных экспертиз, возможны судебные ошибки. Решение данной проблемы видится в принятии Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в РФ», в которой изложены четкие квалификационные требования к негосударственным судебным экспертам.

Медицинские психологи, согласно Приказам Минздрава России должны быть в штате всех судебно-психиатрических экспертных учреждений. На текущий момент существует потребность в 1146,5 ставок медицинских психологов. Занятых ставок – 504,25 (44%), физических лиц – 347. Актуально решение проблемы нехватки медицинских психологов, участвующих в проведении судебных экспертиз. В настоящее время квалификационные требования к должности «Медицинский психолог», работающему в экспертизе, сводятся к высшему психологическому образованию или профессиональной переподготовке по специальности «Клиническая психология» и повышению квалификации по медицинской и судебной психологии каждые 5 лет. В системе Минюста России, где психологи занимают должность

эксперта, они должны проходить дополнительное обучение по экспертным специальностям и аттестоваться на право самостоятельного производства судебной экспертизы. Возникает необходимость дифференцировать деятельность медицинского психолога, выделив отдельную должность «медицинский психолог – судебный эксперт».

Изменения в законодательстве приводят к возникновению новых видов экспертиз с участием психолога. Вполне обоснованы теоретические и методологические основы таких видов экспертиз как КСППЭ по делам о защите интересов ребенка; о деятельности, направленной на побуждение детей к суициду; об ограниченной дееспособности. Все они активно внедряются в деятельность государственных судебно-экспертных учреждений. В то же время предпринимаются активные попытки ввести в практику такие сомнительные виды экспертиз как экспертиза достоверности показаний, психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа, психолого-педагогические экспертизы по делам об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей и другие. Пока данная проблема решается с помощью привлечения внимания правоохранительных органов путем публикации информационных писем о неправомерности такого рода экспертиз, что нередко поддерживается руководителями судебно-следственных органов. Однако проблема существует, такие исследования все равно проводятся в негосударственных судебно-экспертных учреждениях, а также частными лицами в форме досудебных исследований и судебных экспертиз. Решить ее возможно только путем принятия Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Выявление осведомленности лица о деталях преступления через анализ динамики кожно-гальванической реакции на неосознаваемые визуальные стимулы

Свободный Ф.К*., Свободный** Б.Ф.

*ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

**Алтайский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
(г. Барнаул, Россия)

В процессе расследования преступлений следователи периодически сталкиваются с ситуацией отрицания допрашиваемым лицом своей осведомленности об обстоятельствах преступления. При этом подозреваемые часто демонстрируют так называемые «улики поведения» – вербальные и невербальные реакции, которые косвенно могут свидетельствовать о знании ими обстоятельств преступления (Чегодаева С.С., 2000).

С развитием технологий стала возможна объективная фиксация реакций человека в ответ на предъявляемые стимулы. В следственной практике такая фиксация производится при помощи полиграфа.

Исследование на полиграфе предполагает восприятие испытуемым осознаваемых стимулов (Детков А.П., Свободный Ф.К., 2015). При этом испытуемый может получать информацию о преступлении от специалиста, что значительно затрудняет дальнейшую диагностику осведомленности лица о преступлении.

Перспективным представляется изучение осведомленности лица о преступлении через анализ его реакций на неосознаваемые стимулы. Реакции на неосознаваемые стимулы являются важной составляющей психической деятельности человека, при этом неосознаваемые стимулы, имеющие для человека эмоциональную значимость, вызывают более выраженные реакции организма (Костандов Э.А., 1977).

Мы пытались выявить осведомленность лица о преступлении через анализ динамики его кожно-гальванической реакции (КГР) на неосознаваемые визуальные стимулы, содержащие информацию о расследуемом преступлении.

В качестве испытуемого выступил подозреваемый в совершении кражи, отрицавший факт своего знакомства с человеком, который, по оперативным данным, являлся сообщником подозреваемого.

Для эксперимента нами были отобраны 4 фотографии лиц мужского пола, сопоставимых с фотографией предполагаемого сообщника. Были составлены четыре последовательности фотографий для предъявления в режиме, исключавшим осознание фотографий подозреваемым. При этом одна из четырех последовательностей фотографий содержала фотографию предполагаемого сообщника подозреваемого. В процессе предъявления фотографий осуществлялась запись динамики КГР испытуемого.

В результате проведенного нами эксперимента было установлено, что КГР подозреваемого на последовательность фотографий, содержащих фотографию предполагаемого сообщника подозреваемого, по интенсивности устойчиво превышали КГР, возникавшие в ответ на последовательности фотографий, не содержащих фотографию предполагаемого сообщника. Был сделан вывод, что фотография предполагаемого сообщника является для подозреваемого эмоционально значимой и, вероятно, подозреваемый знаком с предполагаемым сообщником.

Результаты исследования были сообщены следователю и подозреваемому, после чего подтвердились признательными показаниями подозреваемого и результатами других следственных действий.

Литература

1. Детков А. П., Свободный Ф. К. Определение предмета, объектов и компетенции судебной психологической экспертизы информированности личности о расследуемом событии // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2/2, С. 32-36.
2. Костандов Э.А. Восприятие и эмоции. М.: Медицина, 1977. 247 с.

3. Чегодаева С.С. Криминалистическое исследование улик поведения: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2000. 32 с.

Возможности экспертной психологической оценки «беспомощного состояния» в иных категориях насильственных преступлений

Семёнов В.Н.

Государственный комитет судебных экспертиз (г. Минск, Республика Беларусь)

В Уголовном кодексе (далее – УК) Республики Беларусь отсутствуют дефиниции «беспомощного состояния» как на уровне общего обстоятельства, так и частного квалифицирующего признака. Разъяснения относительно конкретного содержания категории-признака «беспомощного состояния» появляются лишь в Постановлениях Пленумов Верховного суда Республики Беларусь.

В предлагаемой статье предметом обсуждения является первый опыт экспертного психологического исследования категории-признака «беспомощного состояния» у несовершеннолетних потерпевших в результате противоправных действий, предусмотренных ст. 154 («Истязание») УК Республики Беларусь. Согласно Постановлению Пленума Верховного суда Республики Беларусь № 1 от 29 марта 2006 года под «беспомощным состоянием» понимается состояние (вызванное физическими либо психическими причинами), вследствие которого лицо оказывается не способным «правильно воспринимать происходящее» и/или «оказывать активное сопротивление» (Постановление..., 2006).

В обсуждаемых случаях назначение двух амбулаторных комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз было обусловлено необходимостью определения «беспомощного состояния» у потерпевших, которые, находясь в приемной семье, на протяжении длительного (продолжительность следствием точно не установлена) периода времени подвергались жестокому обращению («истязанию»). При проведении психиатрических экспертных исследований было установлено, что у потерпевших не выявлено психических расстройств, как на момент обследования, так и в период совершения в отношении них противоправных действий. Уровень психического развития потерпевших соответствовал нормативным показателям. В связи с этим экспертам-психологам в рамках своей компетенции предстояло оценить два параметра «беспомощного состояния» потерпевших: «способность правильно воспринимать происходящее» и «способность оказывать активное сопротивление».

Для оценки первого параметра был использован экспертный критерий, условно обозначенный как «понимание направленности противоправных действий». Суть указанного критерия заключается в том, что потерпевший в период совершения в отношении него насильственных действий способен понимать их противоправный характер (в данном случае способен рассматривать их как издевательство, как неправомерные и недопустимые действия и т.п.).

Экспертная оценка второго параметра «беспомощного состояния» при констатации интактности «способности правильно воспринимать происходящее» осуществлялась на основе изучения характеристик поведения потерпевшего, связанных с осуществлением активных, целенаправленных и адекватных ситуации действий, направленных на ее прекращение либо предотвращение.

Таким образом, в рамках проведенных экспертиз для оценки «беспомощного состояния» у несовершеннолетних потерпевших были использованы описанные выше экспертные психологические критерии. Дальнейшие исследования практики экспертной психологической оценки «беспомощного состояния» при иных категориях насильственных деяниях позволят уточнить использованные нами критерии и разработать методическое обеспечение для рассматриваемого предметного вида судебных экспертиз.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного суда Республики Беларусь 29 марта 2006 г. № 1 «О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// belzakon.net/ Законодательство/Постановление_ Пленума_Верховного_Суда_РБ/2006/75550](https://belzakon.net/Законодательство/Постановление_Пленума_Верховного_Суда_РБ/2006/75550). (дата обращения: 14.09.2020).

Диагностика риска суицида с помощью контент-анализа текстовых документов

(на примере творчества М. Цветаевой)

Смирнова М. В., Голованова Е. Е., Сорокина Е.С.

ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта» (г. Москва, Россия)

Одной из актуальных проблем современного общества является добровольный уход из жизни. Так, количество самоубийств на 100 тыс. населения в России является одним из самых высоких в мире. В этой связи вопрос своевременной и надежной диагностики суицидального риска является актуальной научно-практической задачей.

Как показывает анализ научной литературы, для повышения надежности диагностики риска суицида необходимо исследовать весь комплекс суицидогенных и антисуицидогенных факторов. Поэтому наряду с тестовыми методиками и клиническими способами оценки уровня суицидального риска следует применять и другие методы исследования личности, и, в первую очередь, биографический метод и метод анализа документов (сочинения, стихи, картины, фильмы и другие продукты творческой деятельности). Применяя данные методы, можно своевременно выявить антивитаальные переживания, суицидальные мысли и провести оценку степени риска суицида по шкале внутреннего суицидального поведения (Амбрумова А. Г., Тихоненко В.А., 1980) или по шкалам суицидального риска в классификации ВОЗ.

Для примера ниже приведены результаты контент-анализа сочинений М. Цветаевой, которые были сопоставлены со значимыми событиями в жизни поэтессы в период с 1908 по 1941 гг. (Саакянц А. А., 1997 и др.). При проведении контент-анализа стихов поэта было подсчитано количество высказываний и слов, указывающих на антивитаальные переживания.

В результате проведенного исследования было установлено, что количество антивитаальных высказываний в поэтических сочинениях М. Цветаевой резко возрастало в периоды жизненных кризисов, обусловленных стрессогенными событиями в ее жизни. Так, максимальное значение слов и выражений суицидальной направленности, зарегистрированное в стихотворениях поэтессы в 1912 году, составляет 2,8%, 1925 – 1,7%, 1934 – 1,5%, 1940 – 1,9% и 1941 – 2,5%.

Исследование биографии Цветаевой показало, что резкий рост количества слов и выражений антивитаального характера в сочинениях М. Цветаевой отмечен за год до ее самоубийства, а максимальная доля высказываний суицидальной направленности приходится на год смерти Цветаевой. В этот период начинается Великая Отечественная война, поэтесса с сыном уезжает в эвакуацию, муж и дочь находятся в заключении. Данные результаты контент-анализа показывают, что пресуицидальный период у М. Цветаевой длился в течение одного года.

В результате проведенного корреляционного анализа по методу Ч. Спирмена были установлены статистически значимые взаимосвязи ($r_s = 0,493$, $p \leq 0,01$) между показателями накопленного стресса (по методике Холмса и Раге) за рассматриваемые временные периоды и количественными показателями антивитаальных переживаний в стихотворениях М. Цветаевой. Данный результат прямо указывает на роль психогенных факторов в формировании суицидального поведения.

Таким образом, для выявления комплекса суицидогенных и антисуицидогенных факторов необходимо наряду с клиническими способами оценки суицидального риска использовать тестовые методики, а также метод анализа документов в сопоставлении со значимыми фактами биографии. Полученные в ходе исследования выводы имеют прикладное значение и могут быть применены в области диагностики и профилактики суицида, проведении психологической экспертизы психического состояния граждан, совершивших самоубийство.

Литература

1. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Диагностика суицидального поведения. Методические рекомендации. М.: Моск. НИИ психиатрии МЗ РСФСР, 1980. 48 с.
2. Саакянц А. А. Марина Цветаева: Жизнь и творчество М.: Эллис Лак, 1997. 816 с.
3. Цветаева М. И. Книги стихов. М.: Эллис Лак 2004. 895 с.

Экзистенциальная психодинамика исправления личности осужденного

Д.В.Сочивко

Академия ФСИН России (г. Рязань, Россия)

Первый и главный тезис, который нам хотелось бы заявить, содержит некоторый экзистенциальный контекст для постановки самой проблемы исправления осужденного. Мы утверждаем, что эффективность исправления наказания заключается не в его интенсивности и даже не в его неотвратимости, а в его морально нравственной определенности.

Обретение такой морально-нравственной определенности представляет собой момент экзистенциально-психодинамического прорыва (ср. «экзистенциальный прорыв» К.Ясперса) осужденного из временности в вечность.

Для обычного правопослушного человека – это момент его социализации как обретения экзистенциальной свободы и экзистенциальной ответственности (т.е. свободы внутренней, психодинамической, не «свободы от...», а «свободы для...») (по В. Франклу), также и ответственности внутренней, т.е. перед самим собой и перед вечностью). Для осужденного это момент ресоциализации как нового обретения своего присутствия (по М. Хайдеггеру - *Dasein*) в мире.

Экзистенциальная психология основана на максимально глубоком осознании этого момента ситуации, в которой находится человек. Именно тогда он ощущает себя свободным и ответственным перед вечностью (С. Кьеркегор) и самим собой, способным взглянуть на происходящее со стороны, в том числе и из вечности, через так называемый «просвет» (М. Хайдеггер). Само существование есть осознание своего бытия-в-мире присутствия в нем (*Dasein* – по Хайдеггеру), которое переживается изначально как «ужас брошенности» в чуждый нам мир и как «забота» (М. Хайдеггер), собственно и представляющая само это бытие-в-мире. Это и есть источники криминализации. Но затем наступает (в процессе тюремного срока или минуя его в вольном самоопределении) самоактуализация в субъективном психодинамическом времени, которое неразрывно связано с вечностью. Как это выразил Карл Ясперс: «Существование абсолютно временно, экзистенция во времени есть *больше*, чем время (*физическое* – курсив наш Д.С.)». Как можно видеть, в этой экзистенциальной психодинамике, подробно описанной в нашей одноименной книге (Сочивко Д.В., 2020), не остается места инстинктам или архетипам, которые могли бы быть как-то присоединены к экзистенциальному моменту встречи человека с вечностью. Субъективное прошлое полностью подчиняется экзистенциально-психодинамической самости настоящего, соприкасающегося с вечностью, открытого миру и мировым ценностям, что и исключает возможность совершения преступления как экзистенциального коллапса личности. Вновь возникшая экзистенциальная наполненность жизни смыслом не позволяет личности втянуться обратно в «экзистенциальный вакуум» (В. Франкл).

Такой путь исправления осужденного возможен

- посредством его спонтанной самоактуализации и приобщения к вечным мировым ценностям;
- посредством помощи психотерапевта, знакомого и с экзистенциальной психотерапией (И.Ялом);
- посредством приобщения к религии.

Так один из основателей философского и психологического экзистенциализма Серен Кьеркегор высшей формой экзистирования считал христианство и христианское самобытие, специфическим примером которого была его собственная (подробнее см. нашу книгу «Экзистенциальная психодинамика»). Также особое внимание морально-нравственной определенности развития человека придавал и Николай Бердяев, опираясь в том числе и на С. Кьеркегора. В своей книге «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» Бердяев указывает, в частности, на начала экзистенциально-вакуумного, криминального, и, одновременно, экзистенциально наполненного пути развития человека: «человек есть существо падшее и греховное (*в нашем контексте криминально зараженное – Д.С.*), раздвоенное и жаждущее исцеления и спасения, и человек есть существо творческое, призванное к миротворению и получившее для этого дары свыше». При этом творчество как акт самоактуализации человека понимается исключительно в экзистенциально-психодинамическом смысле: «творческий акт может вводить в вечность, и вечность может быть творческой динамикой».

В заключение можно сказать, что объединение в единой системе воспитательного воздействия на осужденных всех трех вышеописанных путей достижения полноценного экзистенциального самобытия на методолого-теоретической основе экзистенциальной психодинамики может обеспечить поставленную нами в начале статьи цель достижения морально-нравственной определенности наказания и исправления.

Литература

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/o_naznachenii_cheloveka (дата обращения: 05.10.2020).
2. Сочивко Д.В. Экзистенциальная психодинамика. Москва – Рязань: Высш. Шк. психологии, Академ. ФСИН России 2020. 224 с.

Особенности допроса подозреваемого/обвиняемого, страдающего психическим расстройством

Тимошенко С.О.

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Научный руководитель – Воронова Ю.В.

Нормы уголовно-процессуального законодательства напрямую обязывают следователя проводить допрос с подозреваемым/обвиняемым, т.к. это позволяет установить отношение лица к совершенному преступлению, а также получить более детальное описание произошедшего.

На практике следователь взаимодействует, в том числе, с лицами, имеющими психические расстройства, что предполагает выбор следователем особого подхода при взаимодействии с ними. Вместе с тем, до настоящего времени не выработан единый подход к проведению допроса и иных следственных действий с людьми, имеющими нарушения психического здоровья. В связи с чем следователю приходится часто действовать интуитивно.

Здесь мы хотели бы отразить некоторые аспекты взаимодействия с обозначенной категорией лиц (выступающих в качестве подозреваемого/обвиняемого), которые, по нашему мнению, имеют значение при расследовании.

Понимание следователем того, что перед ним находится психически нездоровый человек очень важно и, чем раньше это произойдет, тем выше вероятность успешного завершения расследования. При возникновении таких подозрений, прежде всего, необходимо собрать информацию о лице, которая позволит прояснить особенности его психического состояния. В качестве источников информации выступают родственники, близкие друзья, коллеги, если речь идет о несовершеннолетнем – учителя и одноклассники. Также необходимо получить информацию, состоял ли подозреваемый/обвиняемый на учете в психоневрологическом диспансере, получал ли лечение там и в связи с каким заболеванием. Если лечение получал, то провести выемку медицинской документации. Собрав достаточный объем информации, характеризующей психическое состояние лица, следователю целесообразно проконсультироваться с психиатром, который может помочь определить тактику проведения следственного действия, составить вопросы.

Некоторые ученые предлагают проводить освидетельствование подозреваемого/обвиняемого до допроса с целью установления его психического состояния. Однако, в отличие от заключения эксперта, составленного по результату проведения судебно-психиатрической экспертизы, освидетельствование не повлечет таких юридических последствий как вынесение постановления о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера. Кроме того, допрашиваемому станет известно о сомнениях следователя, что может повлиять на выбор тактики поведения лица на допросе. Таким образом, к проведению освидетельствования подозреваемого/обвиняемого до допроса нужно быть очень внимательным и учитывать все нюансы.

Установление контакта на допросе также осуществляется с учетом психического состояния допрашиваемого. При проведении допроса лучше создать спокойную атмосферу, осуществлять контроль за направлением беседы (например, в силу специфики мышления допрашиваемый может соскальзывать на другие темы), минимизировать вероятность влияния собственного эмоционального состояния.

Показания рекомендуется протоколировать дословно, чтобы в дальнейшем при назначении судебно-психиатрической экспертизы была представлена более полная информация о ходе допроса, об образе мыслей допрашиваемого (Дейнеко Т.В., 2011).

Целесообразность применения при производстве допроса видео- или звукозаписи обусловлена тем, что следователи несколько искажают полученную информацию при переводе устной речи допрашиваемого в письменную.

Таким образом, эффективность допроса лиц, имеющих расстройства личности, зависит от ряда нюансов, обусловленных особенностями их психического состояния, а взаимодействие с психиатром поможет их обнаружить и оптимальным образом учесть.

Литература

1. Дейнеко Т.В. Особенности тактики допроса подозреваемого (обвиняемого), страдающего нарушениями психики // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 1. С. 315-321.

Личностные предпосылки формирования преступного мотива безопасности у несовершеннолетних правонарушителей

Устинов Д.В.

Отдел по делам несовершеннолетних МВД ДНР (Донецк, ДНР)

Преступный мотив безопасности – побуждение, действуя запрещенным законом способом, избежать страха, беспокойства, тревоги от воздействующей или ожидаемой угрозы (Устинов Д.В., 2018).

Особенность мотива заключается в актуализированной потребности избавиться от неудобного состояния и отсутствии стремления что-либо обрести или повысить (имущество, личностное качество, свойство). Такой характер побуждений предопределяет значимую роль преступного мотива безопасности в структуре мотивации преступного имущественного поведения несовершеннолетних.

Вопрос внутренней допустимости использования противоправного способа удовлетворения потребности в безопасности крайне актуален для подростков и юношей, которым характерны рассогласованность компонентов потребностно-мотивационной сферы (желания, интересы, идеалы, установки, мировоззрение), негативизм и аффект неадекватности, проблемы несоответствия ожиданий и реальной жизненной ситуации.

Разнонаправленное воздействие страха, провоцирующего преступное поведение, и страха ответственности за преступное поведение ввиду многогранности подростково-юношеских эмоций обуславливает непредсказуемость поведения.

Специфические виды страхов, характерные подросткам и юношам:

1. Страх, связанный с предполагаемой реакцией близких людей.

На фоне усиления стремления к автономии и поиску признания собственной личности, роста взаимного с родителями недовольства потребность в аффилиации порождает страх ухудшить межличностные связи в семье или лишиться их, а несформированная самостоятельность вызывает страх материальных проблем родителей и потери родителей (Тарасова С.Ю., 2014).

2. Страх, связанный с психологическим воздействием посторонних.

Обоснованный страх подростков и юношей вызывает угроза психологического и физического буллинга со стороны сверстников, а также производного от них экономического буллинга, прямо предполагающего незаконные имущественные отношения (Сафронова М.В., 2014).

Специфически воздействуют на подростков и юношей формы психологического буллинга:

- социальное исключение, воздействующее на жертву, у которой нормативно превалирует потребность в групповом общении;
- кибербуллинг, вызывающий у поколения Z чрезмерно чувствительную реакцию на виртуальную агрессию.

Регулярная травля провоцирует у жертвы желание откупиться от булера или понравиться ему с помощью материальных вложений, невзирая на отсутствие легальной возможности обеспечить такие желания. Жертвам буллинга, провоцируемым на совершение иных правонарушений, характерны заниженная самооценка, слаборазвитые коммуникативные способности, эмоциональный дискомфорт и неустойчивость, тревожность, а также неспособность скрыть свои слабости, экстернальное отношение к происходящему, нежелание отстаивать свои позиции (Сафронова М.В., 2014).

Страх, провоцирующий подростков и юношей совершить преступление, вызывает шантаж. Как правило, несовершеннолетняя жертва ограничена в выборе правомерных способов владения материальными ресурсами, необходимыми для удовлетворения требований шантажиста и вынуждена прибегать к совершению преступлений.

Исследование мотивационной сферы несовершеннолетних правонарушителей (82 испытуемых) и их законопослушных сверстников (134 ребенка) не выявило значимых различий в показателях встречаемости 63,4:64,1) и интенсивности (43,1:43,4) потенциального преступного мотива безопасности у представителей различных групп, что свидетельствует о схожем уровне потенциальной готовности к противоправному имущественному поведению ради избавления от страха, тревоги.

Литература

1. Сафронова М.В. Буллинг в образовательной среде – мифы и реальность. Мир науки, культуры, образования. 2014. №3(46), С. 182-185
2. Тарасова С.Ю. Социальные и психологические аспекты буллинга. Гуманитарные и социальные науки. 2014. №2. С. 844-848

3. Устинов Д.В. Содержание потребности как критерий классификации мотивов противоправного имущественного поведения детей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 1. С. 63–76. doi:10.17759/psylaw.2018080105.

Специфика полового самосознания и межличностного восприятия у лиц, осужденных без изоляции от общества за половые преступления

Шипицын Д.Ю., Дворянчиков Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Статистика половых преступлений имеет тенденцию к росту за последние 10 лет. Категорией лиц, которым до сих пор не уделялось достаточно внимания в плане оценки их структуры полового самосознания, являются осужденные за половые преступления без лишения свободы. Их жертвами являлись подростки 14-15 лет. Данный контингент осужденных практически не направляется судами на экспертизу. В итоге не ясно, является ли сексуальный деликт проявлением аномальной сексуальной потребности (Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., 1997) либо чем-то иным.

Объект исследования: половое самосознание при девиантном сексуальном поведении.

Предмет исследования: специфика полового самосознания у лиц, осужденных по половым преступлениям без лишения свободы.

Цель исследования: выявить специфику полового самосознания у лиц, осужденных за половые преступления без изоляции от общества.

Гипотеза:

1. У отбывающих срок условно за совершение половых преступлений половое самосознание характеризуется дисгармонично сформированными компонентами половой идентичности, имеются аномалии полоролевого поведения, сексуальных предпочтений, с преобладанием нарушений на когнитивном уровне, что обуславливает характерные образы восприятия себя и объекта.

Исследование проводилось на двух группах по 30 человек в каждой. Первую (основную) группу составили мужчины, осужденные за половые преступления и отбывающие наказание без лишения свободы. Вторую (контрольную) группу составили мужчины, условно отнесенные к норме. Методики: «МиФ», «ВиД», «Кодирование», «ЦТО» (Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К., 2011).

Выводы:

1. Психосексуальная сфера лиц, осужденных за половые преступления без лишения свободы, характеризуется дисгармонично сформированными структурными элементами «Я-концепции». Образ «Я-реальное» данных лиц низкомаскулинен и высокофемининен. Мужская группа не является для них референтной. Выявлены недостаточная интериоризация мужской гендерной роли на эмоциональном и когнитивном уровне, дефицит мужского полоролевого поведения. Идентичность

испытываемых основной группы и предпочитаемого сексуального объекта приближены друг к другу, что объясняется потребностью в стабилизации собственного «Я».

2. Испытуемые основной группы наделяют образ ребенка более взрослыми чертами, собственная возрастная идентичность недостаточно зрелая. На эмоциональном уровне выявляется связь «я-ребенок», «я-женщина». Реальный сексуальный партнер выражено инфантилен и недостаточно маскулинен, предпочтительным является еще более инфантильный сексуальный партнер.

3. Образы ребенка при восприятии нагружены взрослой сексуальностью, при этом прослеживаются феномены деперсонифицированного отношения к нему. Вместе с тем образ желаемого сексуального партнера эмоционально сопряжен с переживанием тревоги, опасности, риска.

Таким образом, структура полового самосознания лиц основной группы указывает на потребность в незрелом сексуальном объекте, необходимости назначения судебных экспертиз. В дальнейшем планируется детальное изучение характеристик эмоционального интеллекта у основной группы, выявление структур, способствующих ингибированию реализации аномального сексуального поведения с несовершеннолетними, создание теоретических моделей (Демидова Л.Ю. и др., 2020) поведения данных категорий лиц.

Литература

1. Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К. Половое самосознание и методы его диагностики: учеб. Пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 216 с.
2. Демидова Л.Ю., Зобнина Н.В., Дворянчиков Н.В., Введенский Г.Е., Каменсков М.Ю., Купцова Д.М. Измененное восприятие возраста при педофилии / педофильном расстройстве [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9. № 1. С. 104–120. doi:10.17759/cpse.2020090106.
3. Ткаченко А. А., Введенский Г. Е. Аномальное сексуальное поведение. М.: ГНЦССП им. В. П. Сербского, 1997. 426 с.

Психологическая экспертиза свидетеля:

о тенденциях в развитии

Шипшин С.С.

ФБУ Южный РЦСЭ Минюста России, (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Оценка достоверности показаний участников процесса (прежде всего, свидетелей) является одной из важнейших задач при осуществлении деятельности по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. Уже длительное время существует запрос органов следствия и судов на использование специальных знаний для оказания помощи в решении этой задачи. В разное время этой проблеме уделяли внимание В.

Штерн, К. Марбе, А.Е. Брусиловский, В.А. Внуков, М.М. Коченов, другие известные психологи.

Существующий в настоящее время и ставший традиционным является подход, когда в ходе проведения судебной психологической экспертизы (СПЭ) решается вопрос о способности свидетеля правильно воспринимать и запоминать юридически значимую информацию (ЮЗИ), давать о ней правильные (суть точные и полные) показания. Данный вид СПЭ представляет собой ретроспективное исследование, позволяющее на основе выявленных потенциальных способностей субъекта к полному и точному отражению событий и явлений, интересующих следствие/суд, и анализа исследуемой ситуации, установить возможность реализации данной способности (мог ли субъект правильно воспринять, запомнить и сообщить ЮЗИ). Однако эта возможность связана с особенностями ситуации, имевшей место в прошлом, обусловивших специфику психического состояния субъекта, особенности его когнитивной сферы, что и определило возможность отражения ЮЗИ. Для решения этого вопроса эксперт обладает необходимыми методическими средствами психологической оценки ситуации и диагностики познавательных процессов, психического состояния, иных свойств психики. Однако в части ответа на вопрос о возможности давать показания о ЮЗИ эксперт, как правило, ориентируется преимущественно на оценку потенциальных возможностей субъекта. Это связано с тем, что решение вопроса в полном объеме (возможность воспринимать, запоминать информацию и давать о ней показания) предполагает экспертную оценку двух разных, непосредственно не связанных между собой ситуаций – ситуации восприятия информации о событиях, составляющих предмет расследования/судебного разбирательства, и ситуации дачи показаний. Последняя ситуация всегда имеет определенную специфику: отстоит во времени от исследуемых событий (нередко значительно); порождена процессом межличностного взаимодействия (коммуникации) источника информации (свидетеля) и процессуального лица (следователя, дознавателя, судьи), получающего ЮЗИ в процессуально определенной форме (допрос, проверка показаний на месте, др.). Здесь возникает иная проблема – возможность сообщать информацию (дать показания) определяется не только наличием информации у свидетеля, но и особенностями процесса/ситуации межличностного взаимодействия. Эти особенности обуславливают специфику психического состояния свидетеля как интегративной характеристики психической деятельности, определяя продуктивность психической деятельности (в том числе познавательной), эмоциональные реакции, способность к осознанно-волевой регуляции своего поведения с учетом требований ситуации. Очевидно, что решение задачи установления способности/возможности свидетеля давать показания, учитывая вышеуказанные ситуативные особенности, в рамках традиционной СПЭ свидетелей не представляется возможным, но возможно в рамках СПЭ видеозаписей следственных действий. Следует отметить, что в данном случае объектом исследования является зафиксированный на видеозаписи процесс межличностного взаимодействия (как юридически значимая ситуация), психическое состояние,

особенности психической деятельности и поведения допрашиваемого лица (свидетеля), доступные опосредованному наблюдению и экспертному анализу. В рамках данной экспертизы, помимо диагностики психического состояния, дается экспертная оценка его влияния на способность/возможность давать показания. Кроме того, исследованию подлежат особенности межличностного взаимодействия, способные оказывать влияние на способность к даче показаний (психологическое воздействие, реализуемое в стратегиях ведения взаимодействия, приемах как вербального, так и невербального воздействия), выявление направленности психологического воздействия на снижение осознанно-волевой регуляции психической деятельности и поведения участника коммуникации, установление характер воздействия, его адресата, а также результатов такого воздействия, если оно имело место.

Таким образом, в развитии СПЭ свидетеля выявляется тенденция к расширению возможностей использования психологической экспертизы для решения вопроса о надежности источника ЮЗИ в целях оценки следствием и судом достоверности получаемой информации – от экспертного ретроспективного исследования психики свидетеля в процессе отражения ЮЗИ – к исследованию психики свидетеля в процессе извлечения информации и ее сообщения в ходе процессуального действия (дачи показаний). Однако параллельное существование двух видов СПЭ способности свидетеля давать показания может влечь за собой определенную опасность в виде противоречия между заключениями очной СПЭ и СПЭ информационных материалов (когда в рамках очной экспертизы установлена потенциальная способность давать показания, но экспертизой видеозаписи процессуального действия выявлены обстоятельства, препятствующие реализации этой способности, по существу приводящие к выводу об ограничении или блокировке способности давать показания). Выход в данном случае лежит на пути интеграции возможностей двух видов экспертизы, когда исследованию должна подлежать психика свидетеля, одновременно, как в процессе получения юридически значимой информации, так и в процессе сообщения ее в ходе процессуального действия (дачи показаний).

Литература

1. Брусиловский А.Е. Судебно-психологическая экспертиза. Предмет, методы и пределы. – Юридическое издательство Украины, 1929. С.40 – 65.
2. Внуков В., Брусиловский А. Психология и психопатология свидетельских показаний малолетних и несовершеннолетних. Юридическое издательство Наркомюста УССР, 1929.
3. Коченов М.М., Осипова Н.Р. Психология допроса малолетних свидетелей. Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. М.: Генезис, 2010. С. 226 – 263.

Ценностные ориентации лиц экстремистской направленности, совершивших преступления ненависти

Щеглова А.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Преступления ненависти все еще вносят существенный вклад в криминальную статистику по всему миру. Их общественная опасность усугубляется тем, что большинство из них связаны с насилием, а также отсутствием у преступника иной мотивации, кроме ненависти к представителям той или иной социальной группы. Также значимым фактором для такого рода преступлений является эффект функциональной автономии мотива. В случаях, когда преступнику удается долгое время оставаться безнаказанным, основной мотивацией к противоправной деятельности может стать стремление совершить сам по себе акт насилия, а принадлежность жертвы к социальной группе отходит на второй план.

Крайне важным моментом в предупреждении преступлений ненависти являются профилактические мероприятия, для планирования которых необходимо всестороннее изучение как характерологических особенностей лиц, склонных к совершению такого рода деяний, так и сформированных у них ценностных ориентаций.

Достаточно подробно проблема ценностных ориентаций рассматривалась в научной работе Дворянчикова Н.В. и его соавторов. В исследовании, описанном в данной работе, участвовали лица, являющиеся членами националистической группы, совершившие насильственные действия по отношению к личности другой национальности и активно участвующие в жизни своей группы. Возраст испытуемых 21-27 лет. По результатам этого исследования можно сделать вывод, что на более высоком уровне у лиц с экстремальной агрессией находятся такие ценности как «власть», то есть для этих людей важно доминировать над людьми, однако, как показывает исследование, тип «достижение» находится ниже в иерархии ценностей, чем «безопасность», «традиции» и «конформность» (Дворянчиков Н.В., 2010).

В качестве метода исследования был использован ценностный опросник Ш. Шварца в адаптации В.Н. Карандашева. Данный опросник наилучшим образом подходит для изучения ценностных ориентаций, так как является наиболее современным и усовершенствованным, а также подходит для исследования ценностных ориентаций как различных по количеству групп, так и отдельных личностей (Карандашев Н.В., 2004).

По результатам анализа полученных в ходе исследования данных делается вывод, что статистически значимых отличий при проверке нормативных ценностей у лиц, совершивших преступления ненависти, в сравнении с контрольной группой не выявлено. Однако некоторые различия наблюдаются в распределении значимости ценностей внутри групп испытуемых по следующим шкалам: конформизм, традиции

и гедонизм. Уровень конформизма более значим для лиц экстремистской направленности, это объясняется тем, что испытуемые совершали преступления ненависти, разделяя определенную идеологическую модель, сформировавшуюся в социальной группе «националисты», и должны были полностью соответствовать нормам и правилам, принятым в данной группе. Также для них характерно отсутствие критического восприятия своей деятельности, то есть они демонстрируют нежелание и неспособность к адекватной оценке результатов своей преступной деятельности.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что первичные понятия о ценностях формируются у всех в равной степени. Однако в последствии люди по-разному реализуют данные ценности в своем поведении и в своей деятельности.

На деятельность лиц экстремистской направленности влияют в большей степени некоторые психологические и характерологические особенности, которые Т. Адорно описал как черты авторитарной личности. К таким чертам он отнес конвенциализм, авторитарную агрессию, суеверность и стереотипизм, гипертрофированное представление о таких понятиях, как «господство – подчинение», «сильный – слабый», деструктивность, цинизм и др. (Адорно Т., 2012).

Литература

1. Адорно Т.В. Исследование авторитарной личности. М.: Астрель, 2012. 473 с.
2. Дворянчиков Н.В., Ениколопов С.Н., Сокольская М.Д., Фурсова И.А. Ценностные ориентации правых экстремистов // Психологическая наука и образование. 2010. Том 15. № 5. С. 92–103.
3. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. «Речь», 2004. 72 с.

Специфика эмоциональных переживаний детей в ситуации высококонфликтного развода родителей

Адмакина Т.А.

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Ребенок в ситуации высококонфликтного развода, когда родители не могут договориться по вопросам, касающимся воспитания, содержания, места жительства ребенка и/или порядка общения с отдельно проживающим родителем, испытывает серьезную эмоциональную нагрузку. Особую психологическую травму ребенку наносит поведение родителя, направленное на отчуждение другого родителя из его жизни (что можно квалифицировать как эмоциональное насилие).

В одном из наших исследований сравнивались изображения несуществующего животного у детей, участвующих в психолого-педагогической экспертизе (назначаемых судом по спорам о праве на воспитание ребенка), и у детей, воспитывающихся в полноценных, условно гармоничных семьях. Было обнаружено, что вероятность появления в рисунке ребенка двухголового существа из первой группы в 17,5 раз превышает популяционную норму (Адмакина Т.А., 2019). Данный признак можно рассматривать в качестве референта внутреннего противоречия, эмоционального конфликта у мальчика/девочки. В межличностном и правовом споре (дошедшем до суда) родители испытывают отторжение друг к другу, пребывают в состоянии антагонизма, что и транслируют своим детям.

В настоящей работе предпринята попытка более детального рассмотрения специфики эмоциональных переживаний детей, чьи родители находятся в ситуации острого конфликта по вопросам права на воспитание ребенка.

В качестве диагностического средства была использована методика «Несуществующее животное» (Дукаревич М.З., 1991). Детям предлагалось нарисовать вымышленное существо цветными карандашами. Исследовались содержательные характеристики рисунка – наличие и выраженность различных органов чувств, частей тела, характер изображения вымышленного существа. Измеряемые признаки были закодированы в дихотомической шкале (0-нет признака, 1-есть признак). Исследуемую выборку составили 63 ребенка, участвующих в судебной психолого-педагогической экспертизе. Возраст группы варьирует от 8 до 14 лет. Средний возраст – 9,8 лет. 62% (39 человек) – мальчики, 38% (24 человека) – девочки. С целью математико-статистической обработки данных применялся коэффициент контингенции Пирсона (φ-коэффициент).

Обнаружено, что рисуночный параметр «двухголовое животное» положительно взаимосвязан с таким изобразительным признаком как «наличие игл, шипов»

($r=0,323$, $p<0,05$). В интерпретационной практике наличие игл и шипов у вымышленного существа является референтом защиты от внешней агрессии и конфликтов (Музыченко Г.Ф., 2013). Ребенок в ситуации острого развода испытывает страх перед проявлением межличностного конфликта родителей и стремится оградить себя от исходящей от них враждебности, почувствовать безопасность и стабильность.

Таким образом, эмоциональная сфера ребенка в ситуации судебного спора родителей представляет собой констелляцию эмоционального напряжения, внутреннего противоречия, а также страха проявления мамой и/или папой негативных стенических эмоций (гнева, враждебности, агрессии). Обозначенные эмоциональные переживания обнаруживаются в изобразительной деятельности ребенка.

Литература

1. Адмакина Т.А. Эмоциональное содержание внутреннего конфликта у детей школьного возраста (в ситуации развода родителей) // Психология психических состояний: сб. статей студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых / Под ред. А.В. Чернова, М.Г. Юсупова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. С.202–205.
2. Дукаревич М.З., Яньшин П.В. Рисунок несуществующего животного // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции / под ред. А.И. Зеличенко, И.М. Карлинской, С.Р. Пантилеевой и др., М.: МГУ М., 1990. С. 54–73.
3. Музыченко Г.Ф. Проективная методика «Несуществующее животное». Руководство и результаты психодиагностического исследования взрослых пациентов с различными расстройствами эмоционально-личностной сферы. СПб.: Речь., 2013. 556 с.

Становление представлений о сексуальных отношениях у подростков в аспекте судебно-психологической экспертизы

Бизюкова Е.С.

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

Научный руководитель – Алёхин А.Н.

В ходе уголовного судопроизводства по делам о сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних назначаются судебно-психологические экспертизы (СПЭ), одним из вопросов, подлежащих разрешению в которых является понимание потерпевшим характера совершаемых с ним действий. Основным вопросом, который ставится перед психологом-экспертом в ходе СПЭ при анализе дел о сексуальном

насилии в отношении несовершеннолетних, является: «С учетом индивидуально-психологических особенностей потерпевшего, его психического состояния и особенностей исследуемой ситуации, мог ли он правильно понимать характер и значение совершаемых с ним действий?»

В качестве такого понимания анализируются психологические особенности потерпевшего, способствующие пониманию сексуальной направленности действий преступника, возможных биологических и социальных последствий этих действий, принятых в обществе нравственно-этических оценок посягательств на половую неприкосновенность (Ситковская О.Д., Коченов М.М., Конышева О.Д., 2000). Однако, как таковые психологические критерии понимания, особенности представлений о сексуальных отношениях в различных возрастных группах в практической психологии не определены.

Авторами была сформулирована гипотеза о том, что понимание подростками 14-16 лет существа (характера) совершаемых с ними действий зависит от сложности их представлений о сексуальных отношениях, формирующихся в процессе психического развития, но, главное, приобретенного уже опыта. Проводилось клинико-психологическое обследование юношей и девушек, имеющих или не имеющих опыта сексуальных отношений. Исследование проводилось с использованием тематического апперцептивного теста (Генри А. Мюррей, 1971). В круг тем, затрагиваемых в ходе уточняющих бесед с респондентами, входили осведомленность в области сексуальных отношений, уровень их сформированности, морально-нравственные суждения относительно сексуальных отношений, установки в отношении сексуального здоровья.

Под пониманием потерпевшим ребенком характера и значения совершаемых с ним действий принято понимать правильное отражение содержательной стороны этих действий в сознании, которое основывается на осведомленности ребенка в вопросах пола. Осведомленность включает в себя понимание существа сексуальных отношений и принятых норм их проявления, одобряемое моралью начало половой жизни, физиологию половых отношений, зачатия, деторождения, функциональные особенности мужчин и женщин (Кудрявцев И.А., 1988).

В результате проведенных исследований установлено, что, несмотря на наличие у юношей и девушек определенных представлений о сексуальных отношениях, о понимании ими значений действий сексуального характера не всегда есть основания утверждать. Все ситуации сексуального взаимодействия, описанные подростками обоих полов, представляют собой определенный набор шаблонов, а именно: двое, как правило, ровесников, по обоюдному согласию и при наличии соответствующих чувств по отношению друг к другу, решают вступить в сексуальные отношения, которые, как правило, носят «традиционный» характер. Иные формы и сценарии сексуального взаимодействия, в том числе со старшими партнёрами, респондентами практически не упоминаются. Полученные результаты свидетельствуют о том, что подросток, начиная с некоторого возраста, в целом способен распознавать характер совершаемых им (с ним) действий, но понимание их

значения в контексте вопроса к эксперту и, соответственно, оценка таких действий существенно ограничены вследствие ограниченного опыта сексуальных отношений в подростковом возрасте.

Литература

1. Кудрявцев И. А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.: Юрид. лит., 1988. 224 с.
2. Мюррей Г.А., сотрудники Гарвардской Клиники Психологии «Thematic Apperception Test: Руководство»/ Перевод Кошкина К.А. М.: Московский Институт Психиатрии МЗ РФ, 1971. 16 с.
3. Ситковская О.Д., Конышева П.П., Коченов М.М. «Новые направления судебно-психологической экспертизы» // Издательство «Юрлитинформ» М., 2000. 160 с.

Связь совестливости как личностного проявления совести и уровней выраженности морального развития и нравственности у молодежи

Богданович Н.В., Мельник М.Р.

ФГБОУ ВО

«Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Такие понятия, как «совесть», «совестливость», «нравственность», «моральное развитие» используются людьми в обществе очень давно. В настоящее время некоторые исследователи пытаются изучать с помощью методик, насколько человек совестлив или, с учетом смежных понятий, морально или нравственно адаптирован к обществу.

У каждого человека есть свой уровень нравственного, морального развития и определенный уровень совестливости. Исходя из определения понятий совести и смежных с ним понятий, можно сказать, что совесть - это то, как ведет себя человек, а совестливость – личностная черта, которая может направлять человека в действиях, причем многие авторы не дифференцируют эти понятия, и совесть выступает и как характеристика поведения, и как личностная черта. Нравственность и моральное развитие сознания близки по значению с совестью и совестливостью. Но они выступают как некое базовое свойство человека, сформированность отношения к социуму, поведения и установок, понимания того, что правильно, а что нет. Нарушения этих установок, несоответствие им, может привести к эмоциональному дисбалансу, который часто определяется как совесть.

Нами было проведено исследование, в котором приняли участие 49 респондентов, студенты от 19 до 25 лет, проживающие в Москве и Московской области, 21 респондент мужского пола, 28 женского.

В данном исследовании на выявление взаимосвязи совестливости и смежных с ней понятий использовались следующие методики: «Шкала совестливости» из

методики «Психодиагностический тест (ПДТ)» В.М. Мельникова и Л.Т. Ямпольского; «Нравственный потенциал личности» Г.В. Резапкиной; «Справедливость – забота» С.В. Молчанова; «Методика многомерного исследования нравственности (ММИН)» Я.В. Подоляк в адаптации А.А. Родионовой; и два вопроса: 1. С какими словами у вас ассоциируется слово "совесть" (не менее трех ассоциаций). 2. Дайте собственное определение понятия "совесть".

Были выделены критерии совести как личностной черты, ее среднего и низкого уровня проявления.

Для респондентов мужского пола больше свойственны низкий уровень совестливости и показатели первой стадии шкалы «Самопожертвование», которые схожи в описании – проявление некоторого легкомыслия и небрежности в поведении, стремление действовать так, как велит им «внутренний голос», с возможным уклонением от своих обязанностей, а также проявление доверчивости.

Для женского пола характерны средний уровень совестливости и третья стадия конвенционального уровня по Л. Колбергу, которые схожи со шкалами коллективизма и культуры поведения в общественных местах. Такой человек старается следовать нормам и правилам, установленным в обществе, и их пониманию, требователен в их выполнении, но с возможными отступлениями от общепринятых норм, может ставить свои интересы ниже интересов других, чтобы избежать конфликтов, проявляет порядочность, стремление быть «хорошим», общительность, дружелюбие, в то же время присуща подозрительность и ориентированность на материалистическое миропонимание.

Данные характеристики могут служить дополнительными описанием к понятию совести, а конкретнее - среднего и низкого уровня совестливости.

Выделение шкалы «доверчивость-подозрительность», возможно, связано с тем, что многие испытуемые характеризовали слово «совесть» словом «честность», т.е. для них совесть больше ассоциируется с некоторой проверкой достоверности, и чем выше совестливость, возможно, тем сильнее и строже будет применяться данная проверка.

Исходя из всех полученных данных и информации, можно сказать, что для более высокого уровня совестливости необходимы более высокие уровни понимания моральных норм и нравственности, развитие которых зависит от самого человека, его окружения и общества в целом.

Джокер – идеал отверженных?

Бойкина Е.Э.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Воронина В.Г.

ЧУ «Ковалевский центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей»

(с. Ковалево, Костромская обл., Россия)

17 августа 2020 г. Верховный суд России признал общественное движение АУЕ (Арестантский уклад един) молодежным движением экстремистской направленности. В ряде случаев несовершеннолетние вступали в АУЕ по принуждению с применением угроз и насилия, но нередко решение принималось добровольно, под эгидой идей романтизма, принадлежности к группе и ярко выраженной маскулинности. Иными словами, за радостью победы (решение ВС РФ) не стоит забывать, что «доминанта романтизма» (по Выготскому Л.С.) никуда не делась: сегодняшние подростки и молодежь чуть меньше, но все так же стремятся к риску, им, как и прежде, более важно мнение и признание сверстников, чем взрослых, им свойственна реакция группирования как стратегия преодоления фрустрирующей ситуации, и, да, это первое поколение, «рожденное с кнопкой на пальце».

В этой связи родителям и специалистам, работающим с несовершеннолетними, приходится всегда быть начеку и обладать навыками прогнозирования, некой системой «раннего обнаружения угроз». В данном контексте приводим опыт работы ряда Центров пребывания детей, оставшихся без попечения родителей (далее – Центры), которые своевременно распознали признаки зарождения неформальной подростковой группировки, *маскирующейся под обычные интересы несовершеннолетних*, но прогностически имеющей шанс на формирование антисоциальных паттернов поведения.

Около года назад один из воспитанников Центра, после выхода в прокат фильма «Джокер», создал одноименную группу из числа таких же, как и он, детей, оставшихся без попечения родителей. Как показал последующий анализ, в задачи группы не входило обсуждение художественных аспектов фильма. «Джокеры» сразу позиционировались как группа с четкой иерархией и, главное, с идеологией, подразумевающей воспитание его адептов на основе определенных ценностей. По факту она оказалась организованной группой, имеющей все предпосылки просектантской организации: во главе – харизматичный подросток (основной Джокер), которому в короткие сроки удалось объединить вокруг себя разновозрастных детей; группа быстро обрела свою территорию; разработала атрибутику и ритуалы; определила кастовость её членов (мы – исключённые, не из семьи). Миссия «Джокера» – *двуличие как принцип жизни*, т.е. осознанное формирование двойственной жизненной позиции с низкими морально-этическими ценностями: «маска» добропорядочного гражданина может в любой момент смениться на «второе лицо Джокера» – на проявление жестокости и насилия. *Данный паттерн поведения представляется в группе как норма*. «Основной Джокер» группы так объясняет свою идеологию: «Джокер неуловим. Он отомстил всем, кто его обижал и игнорировал».

Анализ деятельности лидера «джокеров» внушает у специалистов оправданные опасения, поскольку, в соответствии с моделью остракизма К.Д. Вильямса, его действия явно направлены на укрепление кластера потребностей во власти и провокации (в контроле и осмысленном существовании) (Williams, K.D., 2007). В отличие от инклюзивного кластера потребностей (в признании и самоуважении)

данный кластер ассоциируется с выбором именно анти-, а не просоциальной стратегии реагирования, что в итоге имеет высокий шанс перейти в разряд не просто девиантного, но криминального поведения.

В данной статье мы намеренно не описываем комплекс мер, предпринятых администрацией Центра, по предупреждению негативного воздействия данной группы. Основная цель – обратить внимание и поделиться «кейсом», поскольку за самыми прозаическими моментами может скрываться чёткая схема, цель которой – направить несовершеннолетнего на путь девиации и деструкции, ядро которой – мощный агент правовой социализации: представитель референтной группы – подросток.

Литература

1. Williams, K.D. Ostracism [Электронный ресурс] // The Annual Review of Psychology. 2007. Vol. 58. P. 425–452. doi:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641.

Влияние народных игр на дезадаптивное поведение детей старшего дошкольного возраста

Валевич А.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Научный руководитель - Чернушевич В.А.

Проблема дезадаптации все чаще отмечается специалистами и родителями (Литвиненко Н.В., Гасилина М.А., 2016). Особенно эта проблема актуальна и тревожна для детей дошкольного возраста – сензитивного периода развития. Новый коррекционно-развивающий метод, использующий ресурсы игровой деятельности и культурного наследия, может дать ресурс для работы с детьми дошкольного возраста, частично или полностью утратившими способность адаптации к условиям социальной среды.

Адаптация – приобретение новых способов существования в новой для индивида среде. Дезадаптация - психическое состояние внутренних и внешних отношений, когда статус ребёнка не соответствует требованиям общества в новой социальной ситуации развития (Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю., 2001). В нашем исследовании предполагается работа с социально-психологической адаптацией и дезадаптацией ребёнка, на которые народные игры оказывают значительное коррекционно-развивающее воздействие.

В качестве основных показателей дезадаптивного поведения взяты высокий уровень тревожности и агрессивного поведения, низкий социометрический статус и уровень коммуникативных умений.

Для успешного формирования гармоничной личности, способной легко адаптироваться к новым условиям среды, необходима особая, безопасная социальная среда, где ребёнок сможет сформировать и развить собственные адаптивные возможности. Нам представляется, что именно народная игра может стать этой социальной средой развития.

Любая народная игра содержит в себе определенные модели поведения, ролевые модели, этические нормы и правила, она включает в себя весь опыт предыдущих поколений и обладает особыми элементами, которые оказывают значимое влияние: форма, правила, пение и слова, мелодия, ритм, особенности движения, выбор, роли (Теплова А.Б., Чернушевич В.А., 2019).

Содержанием экспериментальной части работы стало проведение серии игровых программ: 12 занятий, по 1 занятию один раз в неделю, в течение 30-40 минут, с конца сентября по конец декабря 2019 года с участниками экспериментальной группы исследования. Статистическая обработка проводилась с помощью программы IBM SPSS Statistics.

Выборку составили воспитанники детских садов, в количестве 197 детей в возрасте 5-7 лет; 115 детей вошли в экспериментальную и 82 ребёнка - в контрольную группу.

Выводы: трудности в адаптации, дезадаптивное поведение, наблюдаются у 91% детей экспериментальной и 45% детей контрольной группы, составивших выборку. Народные игры способствуют тенденции снижения проявлений тревожности, агрессии (у 96% детей был снижен до среднего уровня). Оказывают положительное влияние на социометрический статус ребёнка в группе (у 30,3% детей экспериментальной группы статус перешел в группу «дружба»), уровень коммуникативных умений старших дошкольников (у 30% детей уровень коммуникативных умений повысился до высокого и среднего уровня, в контрольной группе динамики не наблюдалось).

Литература

1. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Педагогический словарь: Для студ. высш. и сред. пед. учеб. Заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. С. 33-34.
2. Литвиненко Н.В., Гасилина М.А. Тревожность и агрессия как показатели проявлений дезадаптации детей 6-7 лет к образовательной среде дошкольной организации // Интернет-журнал «Мир науки» 2016, Том 4, номер 3. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/19PDMN316.pdf> (дата обращения: 06.10.2020).
3. Теплова А.Б., Чернушевич В.А. Коррекционно-профилактический потенциал традиционной игры (планирование экспериментального исследования) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 296–309. doi:10.17759/psylaw.2019090321

Можно ли изменить знания о налогах детей 8-10 лет, применяя интервенцию?

Ванагайте К., Валицкас Г., Чунихина К., Микуличюте В.
Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)

Неуплата налогов (т. е. нарушение налогового законодательства) во многих странах пока остаётся актуальной проблемой. В последнее время исследователи всё больше внимания уделяют факторам уплаты налогов, так как доход, получаемый посредством налогов, помогает стабилизировать экономику стран, обеспечивает осуществление функций государства, увеличивает блага всего общества и отдельных её членов. Несмотря на то, что традиционно исследователи чаще всего концентрируют своё внимание на экономические факторы (не)уплаты налогов, однако в последнее время признаётся, что этого недостаточно и необходимо принимать во внимание и психологические факторы (например, знания людей о налогах, предубеждения об уплате налогов, усвоенные нормы поведения и др.). Кроме того, исследователи основное внимание пока уделяют поведению взрослых налогоплательщиков и почти не интересуются знаниями и убеждениями будущих налогоплательщиков, т. е. детей и подростков.

Цель нашего исследования – оценить влияние непосредственной и косвенной интервенции на знания детей 8-10 лет о налогах (акцентируя негативные последствия неуплаты или позитивные последствия уплаты налогов).

В исследовании участвовало 195 детей из трёх школ города Вильнюса. Возраст испытуемых – 8-10 лет ($M = 8,91$, $SD = 0,629$), из них 51,8 проц. ($N = 101$) были девочки и 48,2 проц. ($N = 94$) – мальчики. Основываясь на квазиэкспериментальной схеме исследования, все участники исследования были разделены на 5 групп: непосредственной ($N = 46$) и косвенной ($N = 31$) интервенции положительных последствий уплаты налогов, непосредственной ($N = 47$) и косвенной ($N = 46$) интервенции негативных последствий неуплаты налогов, а также контрольная группа ($N = 25$), которая вместо интервенции слушала рассказ о психологии. Для оценки знаний детей о налогах применялся специально для этой цели подготовленный опросник. Все участники заполняли опросник знаний о налогах три раза: за неделю до интервенции, через неделю после интервенции и через месяц после интервенции. Применялась интервенция двух типов: непосредственная (на урок приходил исследователь и рассказывал детям о налогах) и косвенная (детям показывался мультипликационный фильм «заячий город» о налогах).

Результаты исследования показали, что применение непосредственной интервенции значимо ($p < 0,001$) увеличило знания детей о налогах. Независимо от того, позитивные последствия уплаты или негативные последствия неуплаты налогов акцентировались детям во время непосредственной интервенции, знания о налогах значимо увеличились спустя неделю после применённой интервенции и значимо не изменились спустя месяц.

В случае применения косвенной интервенции наблюдается временное изменение знаний детей о налогах: спустя неделю после косвенной интервенции знания значимо ($p < 0,001$) увеличились, однако спустя месяц – значимо ($p < 0,05$) уменьшились (в сравнении с результатами второго измерения).

Независимо от формы подачи информации об уплате налогов детям (акцентируя положительные последствия уплаты или негативные последствия неуплаты), спустя как неделю, так и месяц после применённой интервенции знания детей о налогах статистически значимо не различались.

Проблемы реализации внутришкольного учета в условиях действующего законодательства

Велигодская К.Д.

ФГБОУ «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Научный руководитель - Пимонов В.А.

Образовательные организации обязаны осуществлять индивидуальную профилактическую работу с отдельными категориями обучающихся и их семьями. Общий контекст норм ст. 14 Федерального закона от 24.06.1999 N 120-ФЗ (далее - закон № 120-ФЗ) позволяет заключить, что выявление и учёт является основой индивидуальной профилактической работы.

При подготовке доклада нами было исследовано 500 локальных норм средних общеобразовательных школ 12 регионов России. Во всех исследованных локальных нормах общеобразовательных школ используется термин «внутришкольный учёт». Однако нет ни одного нормативно-правового акта, наделяющего образовательные учреждения обязанностями либо правом по ведению учёта отдельных категорий несовершеннолетних.

Согласно п. 2 ст. 14 закона N 120-ФЗ образовательные организации обязаны осуществлять не учёт, а деятельность по выявлению и оказанию социально-психологической и педагогической помощи в отношении несовершеннолетних:

- 1) имеющих отклонение в поведении либо проблемы в обучении;
- 2) находящихся в социально опасном положении,
- 3) не посещающих или систематически пропускающих по неуважительным причинам занятия.

Таким образом, если следовать нормам закона N 120-ФЗ, то органы управления образованием обязаны вести учёт несовершеннолетних учащихся, не посещающих или систематически пропускающих занятия, а школы обязаны выявлять таких несовершеннолетних, но не наделены обязанностью и правом их учёта. С другой стороны, школы наделены обязанностью по выявлению несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, тогда как учёт таких несовершеннолетних законом вообще не регламентирован.

Реальность же такова, что именно школы ведут учёт различных категорий несовершеннолетних.

С целью придания внутришкольному учёту правового характера, представляется правильным на законодательном уровне обязанностями по учёту отдельных категорий несовершеннолетних наделить образовательные организации.

Без законодательного закрепления за образовательными организациями такой обязанности внутришкольный учёт является внеправовой мерой, в результате чего ряд несовершеннолетних учащихся выпадает из поля зрения школ.

Так, в исследованных нами положениях общеобразовательных школ одной из категорий, подлежащих внутришкольному учёту, являются несовершеннолетние, систематически пропускающие занятия без уважительных причин. При этом школы по-разному подходят к толкованию понятия «систематический пропуск занятий». Например, в локальных нормах образовательных организаций встречаются следующие формулировки: «от 40 и более уроков» (получается, что 39 уроков можно прогулять); «суммарно 15 дней за учебную четверть» и т.д. Иногда же пропуск занятий и вовсе не является основанием для постановки несовершеннолетнего обучающегося на внутришкольный учёт.

В ряде случаев на внутришкольный учёт ставятся подростки без достаточных оснований, что приводит к излишней стигматизации, явно навязчивому контролю за их внешкольным поведением. Например, за причёску или одежду, за причисление себя к неформальным объединениям антиобщественной направленности (то есть, самого факта участия в этих объединениях даже не требуется).

Думается, что основания, а также порядок постановки отдельных четко определённых категорий обучающихся на школьный учёт должны быть сформулированы в законе N 120-ФЗ.

Литература

1. Федеральный закон от 24.06.1999 N 120-ФЗ (ред. от 26.07.2019) "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних"// Собрание законодательства РФ, 28.06.1999, N 26, ст. 3177.
2. Письмо Минобрнауки России от 28.04.2016 N АК-923/07 "О направлении методических рекомендаций" (вместе с "Методическими рекомендациями по вопросам совершенствования индивидуальной профилактической работы с обучающимися с девиантным поведением")// Администратор образования. N 12, июнь, 2016 (Методические рекомендации).

Психологическое сопровождение младших школьников в период дистанционной формы обучения и самоизоляции

Власова Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Одной из самых актуальных проблем младших школьников является повышение уровня тревожности, которое обусловлено комплексом социально-психологических и педагогических факторов: необходимостью адаптации к обучению, ростом эмоциональных и физических нагрузок, трудностями установления межличностных отношений с одноклассниками и учителями, высокими требованиями родителей к детям в связи с их успеваемостью (Власова Н.В., 2019).

Существенные изменения условий обучения в образовательных учреждениях в марте 2020 года, обусловленные введением режима самоизоляции из-за пандемии новой коронавирусной инфекции, привели к еще большему нарастанию уровня тревожности у детей младшего школьного возраста. В связи с этим становится актуальным вопрос о создании программ психологической поддержки и помощи детям в этот сложный период воздействия множества стрессогенных факторов.

Повышенная тревожность в данном возрасте приобретает характер устойчивого личностного образования, что впоследствии может проявиться в различных формах девиантного поведения.

Цель исследования: разработка эффективной программы психологического сопровождения младших школьников в форме организованного онлайн-тренинга, что позволило бы оказать психологическую поддержку детям и снизить уровень тревожности, вызванный переходом на дистанционный формат обучения в период проведения карантинных мероприятий.

В исследовании приняли участие 50 учащихся г. Москвы (28 мальчиков и 22 девочки) в возрасте 9-10 лет. В состав экспериментальной группы вошли 24 ребенка, контрольную группу составили 26 детей.

В рамках исследования были использованы следующие методики: тест «Школьной тревожности» Филлипса, методика Спилбергера-Ханина и проективный тест «Рисунок несуществующего животного».

Согласно результатам исследования, выявлено, что после перехода на дистанционное обучение общий уровень тревожности детей повысился на 27%. Наиболее высокие показатели обнаружены по шкалам: «Переживание социального стресса» (50%), «Фрустрация потребности в достижении успеха» (29%), «Страх самовыражения» (75%), «Страх не соответствовать ожиданиям окружающих» (83%), «Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу» (75%).

После проведения тренинговой программы в экспериментальной группе общий уровень тревожности детей снизился на 8%. Такие данные свидетельствуют об эффективности оказанного воздействия, особенно для детей с высоким уровнем общей тревожности. Значимые различия были получены по следующим шкалам:

«Переживание социального стресса» (итоговые показатели стали ниже на 17%) , «Фрустрация потребности в достижении успеха» (снизились на 13%), «Страх самовыражения» (на 21%), «Страх ситуации проверки знаний» (на 17%), «Страх не соответствовать ожиданиям окружающих» (на 8%) и «Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу» (на 17%). При проведении в этот же период диагностического среза в контрольной группе изменений как по общему уровню тревожности, так и по отдельным ее показателям выявлено не было.

В то же время необходимо отметить, что данные по изучаемым показателям, полученные в экспериментальной группе после проведения тренинговой программы, оказались выше, чем они были до перехода на дистанционную форму обучения. Следовательно, экспериментальная работа по созданию и проведению комплекса профилактических и коррекционных мероприятий по снижению тревожности у детей младшего школьного возраста в форме тренинговых онлайн-программ должна быть продолжена.

Литература

1. Власова Н.В. Детско-родительские отношения как фактор профилактики аддиктивного поведения в младшем школьном возрасте // Семья и дети в современном мире. Сборник материалов Международной научно-практической конференции / Под общей и научной редакцией В.Л. Ситникова. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2019. С. 207-213.

Особенности модели психического подростков с делинквентным поведением

Гартвик Е.В.

Управление судебного департамента в г. Санкт-Петербурге

Экономические и социальные перемены, произошедшие в России в начале XXI века, повлекли нестабильность и неопределенность в обществе, а также кризис института семьи. В этом контексте как следствие подростки, в силу психологических особенностей этого возраста, находятся в зоне риска в части формирования делинквентных форм поведения.

Под делинквентным поведением мы понимаем нарушение социальных норм с тенденцией к правонарушениям, особенно в серьезных проявлениях, что подразумевает уголовную ответственность.

Делинквентность может выступать причиной социальной некомпетентности личности, ограничив развитие модели психического как способности понимания ментального мира и основы социального познания, социального взаимодействия, социализации в целом.

Модель психического подразумевает способность человека понимать собственные психические состояния (эмоции, мысли, чувства, намерения, причины действий), психические состояния других людей и прогнозировать их поведение (Сергиенко Е.А., 2005, с. 113).

Как показали ранее проведенные научные исследования, дети в возрасте до трех лет более успешно распознают положительные эмоции, понимают намерения других людей и только начинают предсказывать и объяснять поведение других людей в самых простых ситуациях. Развитие и усложнение ментальной модели позволяет детям легко определять все основные эмоции и понимать их причины, предсказывать и объяснять поведение других людей, а также влиять на них, основываясь на знаниях об их психических состояниях (Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А., 2009, с. 325).

Для оценки модели психического, в котором приняли участие 90 подростков мужского пола от 14 до 17 лет, использовались нарративы, специально разработанные для данного исследования, которые отражали жизненные задачи, предполагающие проекцию субъекта на заданные ситуации.

В результате исследования были получены данные, демонстрирующие более низкие показатели у подростков, совершивших преступления, как при распознавании эмоций, так и в понимании причин и морально-нравственных аспектов поведения других людей.

На основании проведенного в этом же исследовании анализа личностных особенностей подростков с делинквентным поведением, которые в отличие от своих законопослушных сверстников продемонстрировали такие качества личности, как жестокость, низкий уровень умственного и эмоционального интеллекта, чувство отвергнутости, не вовлеченности в значимые отношения, нами было выдвинуто предположение, что при исследовании модели психического среди тех, кто совершал преступления, распознавание и понимание заложенных в нарративы аспектов будет хуже. Наши предположения подтвердились по всем показателям.

Результаты анализа понимания эмоций показали, что подростки с делинквентным поведением испытывают трудности в эмоциональной сфере. А.В. Найденова при исследовании детей-сирот также установила дефицит психической модели у детей в условиях депривации семьи, который проявился в неправильном понимании несовместимости ситуации и выражении эмоций (Найденова А.В., 2012).

Полученные результаты позволяют заключить, что подростки с делинквентным поведением испытывают дефицит модели психического, что может быть обусловлено сниженным эмоциональным интеллектом в условиях семейной депривации, когда когнитивная способность понимать различие между причиной эмоции и ее проявлением не сформирована.

Литература

1. Найденова А.В. Модель психического детей-сирот: автореф. дис. ...канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2012. 28 с.
2. Сергиенко Е.А. Развитие модели психического как ментальный механизм становления субъекта // Субъект, личность, психология человеческого бытия. М., 2005. С. 113-146.
3. Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического в онтогенезе человека. М., 2009. 415 с.

Психологический тренинг в практике сопровождения взросления подростков с противоправным поведением

Григорова З.Н.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет (г. Санкт-Петербург, Россия)

Подростковый возраст является переходом от одной эпохи развития к другой – от детства к взрослости. В современном обществе претерпевают серьёзные изменения основные «пространства взросления». Всё чаще доминирует модель принятия «взрослых привилегий» (удовольствий) без принятия ответственности. В таком случае свобода носит разрушительный характер: «Свобода, если её реализация не сопряжена с ответственностью, угрожает выродиться в простой произвол» (Франкл В., 1990). Взросление проходит нормально, если постепенное возрастание свободы происходит пропорционально с осознанием и принятием ответственности в поступках и поведении ребёнка. Такое освоение взрослости возможно лишь при включённой заинтересованности и активном участии значимых взрослых в жизни ребёнка (Остапенко А.А., 2013).

Особенно актуальным является сопровождение взросления подростков с противоправным поведением. С такими детьми в Санкт-Петербурге с 2004 года успешно работает БФ «Центр святителя Василия Великого» (далее Центр). Это единственная в России организация открытого типа, где подростки, находящиеся в конфликте с законом, могут пройти в режиме стационара курс социальной реабилитации.

Деятельность Центра ориентирована на создание благоприятных условий для взросления подростков, на раскрытие их потенциалов и способностей. Это происходит путём формирования безопасной терапевтической среды, моделирования социальных ситуаций, в которых воспитанники Центра учатся принимать решения и брать на себя ответственность, прогнозировать последствия поступков. Важным элементом реабилитационного курса являются психологические тренинги, в которых принимают участие воспитанники, сотрудники и волонтеры Центра. Совместная работа в тренинговой группе позволяет продемонстрировать воспитанникам

различные модели позитивного поведения взрослого, минимизировать характерное для подросткового возраста противостояние взрослым.

Основная цель тренингов заключается в обучении подростков неконфликтному взаимодействию, выстраиванию конструктивных и безопасных отношений. Работая в группе, они формулируют и вербализуют свои проблемы, чувства, переживания, что способствует самоанализу, развитию рефлексии. В формате психологического тренинга обсуждается важность соблюдения норм и правил, возможности, которые при этом открываются. Ведущий тренинга обращается к позитивным сторонам личности подростков, не акцентируя внимания на негативных аспектах.

Введение ограничительных мер, связанных с пандемией, повлекло за собой сложности в реализации реабилитационного курса, который должен был осуществляться в обстановке организации закрытого типа. Чтобы избежать этого, специалисты Центра успешно адаптировали технологию социальной реабилитации для реализации в условиях самоизоляции в сельском поселении. Это позволило не прерывать сопровождение процесса взросления подростков с противоправным поведением в период карантина. Реабилитационные мероприятия продолжались в условиях деревенской жизни воспитанников и сопровождавших их сотрудников. В таком формате курса социальной реабилитации был проведен психологический тренинг с элементами экотерапии: занятия на открытом воздухе, использование образов животных, релаксационные упражнения на природе. Посредством этих методов удалось успешно достичь цель и решить задачи тренинга. Планируется дальнейшая разработка цикла психологических тренингов с использованием методов экотерапии для подростков с противоправным поведением.

Литература

1. Остапенко А. А. Взросление подростков: дисфункции детско-взрослой общности и пути их преодоления // Риски взросления в современной России: концепции и факты / Под ред. Т.А. Хагурова. М.: Институт социологии РАН; Краснодар: КубГУ, 2013. С.11-18.
2. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

К вопросу о критериях выявления признаков фантазирования

Дёмина М. Л.

Восточно-Сибирский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Иркутск, Россия)

На разрешение экспертов следствием и судом в качестве отдельных частных вопросов нередко ставятся вопросы о таких индивидуально-психологических особенностях, как внушаемость и фантазирование. Эти вопросы задаются в рамках КСПИЭ в следующей форме:

- Обнаруживаются ли у испытуемого признаки повышенного (или патологического) фантазирования?

- Обнаруживаются ли у испытуемого признаки повышенной (или патологической) внушаемости? (Морозова М. В., 2016).

На наш взгляд, эксперт-психолог может ответить на данные вопросы и в рамках судебно-психологической экспертизы, не рассматривая патологический аспект, который, несомненно, является прерогативой психиатров.

Стоит отметить, что, решая эти вопросы, эксперт-психолог должен помнить о том, что сами по себе ответы на них могут и не нести важной информации для конкретной ситуации правонарушения. Если у допрашиваемого обнаруживается склонность к внушаемости и фантазированию и они оказывают влияние на его способность давать показания по рассматриваемому уголовному делу, то даже в тех случаях, когда вопрос об их наличии перед экспертом не стоит, он в своем заключении обязан указать степень их выраженности и возможность влияния на способность давать показания. Если же подэкспертный обнаруживает склонность к внушаемости и (или) фантазированию, но, однако, в исследуемой ситуации данные качества никак не проявляются, то экспертный вывод об их наличии у обследуемого не дает важной информации о возможности или невозможности давать правильные показания по конкретному уголовному делу и может даже приводить к неверным судебным решениям. В таких ситуациях эксперт-психолог в своем экспертном выводе должен указать не только на наличие установленной им склонности к внушаемости и фантазированию у подэкспертного, но и на отсутствие какого-либо влияния данных качеств на способность давать показания относительно исследуемого юридически значимого события.

Так, анализ литературы по данной проблематике показал (Бибчук М.А., Щедрина О.М. 2016; Осорина М. В., Чечик А. А., 2013), что к нормальному, непатологическому фантазированию относится ряд отличительных признаков. Например, фантазии и игра носят произвольный характер, связаны с реальностью, имеют понятные для окружающих сюжеты и образы, характеризуются быстрой сменой сюжета, движения и действия обычно соответствуют сюжету фантазии (игры). Фантазии отличаются гибкостью в выборе предметов для игры, могут подходить как для индивидуальной, так и для совместной игры (к обычной игре, в которую ребенок играл один, возможно присоединение других детей или взрослых с продолжением, изменением и развитием сюжета и правил), при этом у ребенка есть готовность договариваться о сюжете игры. Игры и фантазии могут иметь различную эмоциональную окраску, как по интенсивности (слабые, сильные переживания), так и по знаку (положительные или отрицательные чувства). Ребенок может отказаться от своей игры в пользу более привлекательной игры. Фантазии будут проявляться в игровых ситуациях, но если игра окончена – ребенок будет готов разговаривать на другие темы, выполнять просьбы, заниматься самостоятельно или с кем-то, т.е. дети с удовольствием или по обязанности занимаются другими видами деятельности.

Литература

1. Бебчук М.А., Щедринская О.М. Феномен патологического фантазирования у детей, или «Что в имени тебе моем?..» // Наука и школа. 2013, № 1. С. 150-156.
2. Морозова М.В. // Медицинская и судебная психология. Курс лекций : учебное пособие / Под ред. Т. Б. Дмитриевой, Ф. С. Сафуанова. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Генезис, 2016. С. 556-578.
3. Осорина М.В., Чечик А.А. Исследование повседневного фантазирования взрослых. Часть I: подходы методы // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2013. Вып. 3. С.25–34.

Агрессивное поведение подростков и сеть Интернет

Дозорцева Е.Г.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Развитие сети Интернет продемонстрировало обществу не только позитивные стороны виртуального общения в социальных сетях, но и существенные проблемы, новые негативные феномены, связанные с проявлением агрессии пользователями Интернета. Особенно отчетливо эти феномены обнаруживаются у подростков, что привлекает к ним внимание многих исследователей. Различные варианты киберагрессии, в том числе кибербуллинг, хейтинг, киберсталкинг и другие, получили широкое распространение в подростковой среде, чему способствует анонимность, доступность и одновременно дистанцированность контактов в Сети. Помимо агрессии, реализуемой непосредственно в сети Интернет, можно выделить другие виды агрессивного поведения несовершеннолетних, которые имеют с связь с Интернетом. Комбинированный характер имеет так называемый «хэппи слэппинг», или избивание жертвы сверстниками с видеозаписью и ее последующим размещением в социальных сетях, так, чтобы усилить унижение и страдания потерпевшего от публичности и невозможности повлиять на происходящее. Склонение подростков к самоубийству с помощью специально разработанных технологий, получившее несколько лет назад распространение под названием «Синие киты», выполнялось «кураторами», нередко несовершеннолетними. Несмотря на дружественный, особенно на начальной стадии, стиль общения, целью подобных действий была смерть подростков, что свидетельствует об их безусловно агрессивной направленности. Наконец, отчетливо прослеживается связь агрессивных действий несовершеннолетних, совершивших нападения на школы, с влиянием социальных сетей и специфических радикальных групп. Описанные явления могут рассматриваться как своего рода континуум агрессии от чисто виртуальных форм до

тяжелых преступлений в реальности, однако связанных с влиянием Сети. Этот спектр многообразен и нуждается в исследованиях. Некоторые из них уже начаты.

Так, в работах, выполненных нашими студентами, определялись связи агрессивности подростков как индивидуальной черты и склонности к агрессивному поведению в сети Интернет. Эта связь была обнаружена на различных выборках, также были получены интересные данные о возрастной динамике формирования индивидуальных характеристик, поддерживающих агрессивные тенденции (Веневская И.А., 2018). Подобные тенденции могут проявляться не только в действиях подростков, но и в том, как они формируют вербальное и образное оформление своего аккаунта в социальной сети, при этом выявляются гендерные различия (Старцева Е.М., 2019). Результаты некоторых работ, посвященных соотношению агрессивных тенденций, погруженности в сеть Интернет и особенностям самовосприятия и самопрезентации в социальных сетях (Рузяк Т.О., 2020), позволяют строить дальнейшие гипотезы о психологических механизмах поведения молодых людей в виртуальном мире.

Новая реальность, вошедшая в нашу жизнь и во многом ее формирующая, постоянно ставит перед нами новые задачи. К ним относится выяснение психологических причин и факторов агрессивного поведения в сети Интернет и влияния Интернета на реальную физическую агрессию и аутоагрессию. Решение этой задачи служит еще более важной цели - предупреждения агрессии и ее последствий как в виртуальном, так и в реальном мире.

Литература

1. Веневская И.А. Склонность несовершеннолетних к агрессивному поведению в сети Интернет // Сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (21-24 мая 2018 года). М.: МГППУ, 2018. С. 141–148.
2. Рузяк Т.О. Индивидуально-психологические особенности и поведение подростков в социальных сетях // Сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (18-21 мая 2020 года). М.: МГППУ, 2020. С. 275–279.
3. Старцева Е.М. Признаки агрессивности у молодых пользователей социальных сетей // Сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (22-25 мая 2019 года). М.: МГППУ, 2019. С. 217 – 220.

Кибербуллинг: негативные последствия и профилактика

Загайнов А.А.

Областное государственное бюджетное образовательное учреждение "Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи "Развитие"
(г. Ульяновск, Россия)

Современная цифровая среда – значимая часть жизни многих людей в большинстве стран мира. Для российских подростков Интернет является также и важным фактором социализации и личностного развития. Сеть становится не только местом реализации новых возможностей, но и местом появления новых типов рисков, влияющих на жизнь информационного общества. Так, коммуникационные риски, выделяемые многими специалистами (Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Дренёва А. А., Илюхина С. Н., 2019) возникают в процессе общения и межличностного взаимодействия пользователей в сети.

Наиболее часто встречаемое явление – кибербуллинг или интернет-травля: целенаправленное регулярное психологическое воздействие на определенную жертву, человека или группу людей через оскорбления, попытки унижения, морального негативного воздействия (Солдатова Г. У., Ярмина А. Н., 2019). В виртуальном мире это явление становится одним из наиболее опасных, что связано с рядом специфических особенностей кибербуллинга:

- конкретность унижений и оскорблений;
- запугивание реализацией угроз в офлайне;
- иллюзия анонимности и безнаказанности «агрессора»;
- неограниченность во времени и пространстве;
- быстрое распространение информации и ее устойчивое хранение;
- преднамеренность совершаемой агрессии;
- неограниченное число свидетелей;
- регулярность совершаемых действий.

Кибербуллинг представляет серьезную опасность для психологического благополучия всех сторон конфликта. Так, для «жертвы» последствия кибертравли выходят из тех негативных эмоций, которые она испытывает (обида, раздражение, гнев, страх), и, зачастую, выражаются в депрессии, тревожных расстройствах, нарушениях пищевого поведения, агрессии, самоповреждениях, суицидальных мыслях (вплоть до попыток совершения), скулшутинге. Для «агрессора» основными последствиями кибертравли может стать закрепление насилия как способа коммуникации, развитие девиантного поведения.

Избежать возникновения интернет-травли, снизить ее урон для «жертвы» можно двумя путями: широкое информирование и антикризисная профилактика (АНО «Защита», г. Череповец, 2020).

Информирование может быть направлено как на взрослых, так и на детей и должно затрагивать две основные темы, которые являются также и основными преимуществами кибербуллинга, по мнению «нападающих»: анонимность и безнаказанность. Практика проведения подобной работы с подростками показывает, что, по крайней мере, желание однажды стать участником кибертравли отпадает у четверти опрошенных.

Антикризисная профилактика направлена на минимизацию вреда и остановку уже начавшейся кибертравли. Сюда можно отнести несколько возможных путей – контроль правил поведения в сети и цифровая гигиена.

Широкая распространенность Интернета и высокая потребность подростков в общении в сети, зачастую крайне низкая осведомленность об опасностях, с которыми в ней можно столкнуться и способах их избегания или преодоления, указывает на то, что проблема кибербуллинга является актуальной в настоящее время. Это явление представляет серьезную угрозу для психологического здоровья подрастающего поколения, в связи с чем очевидна необходимость просвещения и профилактики.

Литература

1. Бенгина Е.А., Гришаева С.А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психологическому здоровью личности подростка // Вестник университета. 2012. №2. С 153-157.
2. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Дренёва А.А., Илюхина С.Н. Мы в ответе за цифровой мир: Профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете: Учебно-методическое пособие. М.: Когито-Центр, 2019. 176 с.
3. Солдатова Г.У., Ярмина А.Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. 2019. № 3 (35). С. 17–31.

Исследование представлений о своих правах воспитанников учреждений для детей-сирот

Иванова И.В.

ГКУ «Тверской областной центр ППМС-помощи» (г. Тверь, Россия)

В современной обстановке изменения законодательных актов происходят очень стремительно. Важен целенаправленный процесс формирования юридических знаний у детей, особенно детей-сирот. После выхода из образовательного учреждения они попадают в самостоятельную жизнь, где нет родителей, которые могут подсказать и помочь.

В работах И.А. Егорова и Ф.С. Сафуанова (Егоров И.А., Сафуанов Ф.С., 2014) показана роль образовательной деятельности в формировании правосознания современной молодежи: «Наибольшее влияние организация и реализация образовательного процесса в конкретной школе оказывает на формирование показателя А (юридические знания), что является вполне ожидаемым результатом...». Показатель «юридические знания» относится к интеллектуальному (Ратинов А.Р., 1981), когнитивному компоненту правосознания.

Результаты исследования представлений о своих правах как части когнитивного компонента правосознания получены при мониторинге

психологического комфорта детей-сирот, находящихся под надзором в школах-интернатах Тверской области (5 школ). Охвачено 88 подростков 13 -16 лет, из них 57 мальчиков, 31 девочка. Применялось анкетирование. Три вопроса касались когнитивного компонента правосознания: «Знаешь ли ты свои права?», «Какие права есть у детей?», «Кто тебе рассказывал о твоих правах?».

Практически все дети написали, что они знают свои права (97%), назвали их 86%. Называли права: на образование - 61%; на отдых - 47%; на лечение - 42%; «на досуг» - 18%; «на имя» - 8%; «на личную переписку» - 6%; «слушаться воспитателя», «хорошо учиться», «не курить», «не пить», «не воровать», «не хамить» - 6%; «на жилье» - 3%; «на работу» – 2%; «свое мнение», «здоровый образ жизни», «помощь учителя», «право на прикосновения», «право играть, гулять», «кормиться», «право на личное пространство» - по 2-3%.

Большинство детей знает о наличии права на образование, что является сейчас их основной деятельностью. Также называют «право на отдых». Конституция РФ содержит право на отдых для работающих людей. Дети же понимают его как право отдохнуть после учебы, шло через запятую с «правом на досуг».

Как видно из результатов, те права, которые называют дети, в основном – это права, декларируемые Конституцией. Дети слабо знают более узкие конкретные права, напрямую связанные с их будущей жизнью. К примеру, только 3% детей назвали свое право на получение жилья. Также нормативное поведение некоторые дети называли правами - «хорошо учиться», «не курить», «не пить», «не воровать», «не хамить» - что опять же говорит об отсутствии четкого понятия прав. Источниками своей осведомленности о правах дети называли взрослых и учителей в школе (100%), очень редко – родителей (8%).

Таким образом, было выявлено, что знания подростков школ-интернатов своих прав в основном касаются прав, закрепленных Конституцией, не всегда корректно понимаются. Менее информированы дети в области конкретных прав, непосредственно связанных с их успешной адаптацией в будущем. Многие дети путают или смешивают понятия «право» и «правило», режим проживания в интернате. Необходимо целенаправленно формировать правовое сознание детей-сирот, разработать специальную программу. Чтобы правовое сознание формировалось не только на уроках обществознания и на основе стихийного получения информации из СМИ или от взрослых. Видится, что необходимо начинать формирование правосознания детей с диагностики правосознания сотрудников школ-интернатов с их последующим специальным обучением.

Литература

1. Егоров И.А., Сафуанов Ф.С. Образовательный процесс как фактор формирования правосознания [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Том 6. № 3. С. 61–69. doi:10.17759/psyedu.2014060307.
2. Ратинов А.Р. Структура правосознания и некоторые методы его исследования //Методология и методы социальной психологии. М., 1981. С. 201-214.

К вопросу об инструментарии судебно-психологической экспертизы детско-родительских отношений

Кулькова Ж.Г.

«Центр психологической диагностики и консультирования»

(г. Челябинск, Россия)

Для ответа на поставленные судом вопросы о характеристиках детско-родительских отношений эксперты широко используют как стандартизированные бланковые психодиагностические методики, например, АСВ, РОД (Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В.) и МЭДОС (Р.В. Овчарова), так и проективные тесты, например, САТ (С.Беллак) или вариации «Рисунка семьи» – «Моя семья», «Семья в образах животных», «Семья в образах сказочных героев», «Моя семья в образах растений», «Кинетический рисунок семьи» (В. Хьюлс, Р.К. Бернс, С.К. Кауфман, Л. Корман, Г.Т. Хоментаскас, Ч. Ширн и К. Рассел, А.И. Захаров, А.А. Бодалев, В.В. Столин, Л.А. Лебедева). Информативным, энергоемким и психологически безопасным, с нашей точки зрения, остается метод наблюдения. Следует отметить, что качество анализа и интерпретации результатов наблюдения зависит от квалификации и опыта работы психолога.

Представляем проективную методику изучения взаимодействия в паре «ребенок-родитель» «Космос». На базе «Центра психологической диагностики и консультирования» за пять лет методика применялась более чем в 90 случаев.

Практика применения включает работу с детьми от 3,5 лет. Используется лист ватмана формата А1 или А2, изосредства (мелки, карандаши, фломастеры, краски и пр.).

Инструкция: Вы будете рисовать. Это будет космос. Представьте, что каждый из вас – капитан космического корабля. Каждый – умный, смелый, самостоятельный, настоящий капитан! На этом листе вы нарисуете космическое пространство, два космических корабля и какую-то планету. На эту планету вы можете приземлиться, если захотите. Что это за планета, какими будут ваши корабли, что ещё будет в этом космическом пространстве – решать вам.

Анализ результатов проективной методики «Космос» заключается в анализе процесса выполнения задания и интерпретации непосредственно продукта совместной деятельности – рисунка.

В ходе выполнения ребенком и родителем задания фиксируется и анализируется уровень их речевой активности и характеристики вербального общения (частота обращения друг к другу, лексические конструкции, используемые в ходе монолога или диалога, интенсивность и эмоционально-чувственный контекст общения), дистанция между ними и характеристики невербального общения (наличие/отсутствие визуального и тактильного контакта, жесты, пантомимические и мимические проявления в ходе контакта).

Протокол наблюдения за ходом выполнения методики «Космос» включает в себя также понимание инструкции участниками, заявления об отказе и нежелании

работать, заявления о необходимости присутствия кого-либо ещё, самостоятельность и инициативность, стремление к лидерству и доминированию или подчиняемость, управляемость, стремление оказать помощь другому и/или готовность к принятию помощи от другого, В протоколе фиксируется динамика или стабильность эмоционального состояния ребенка и родителя, действия и суждения, свидетельствующие об эмоциональном состоянии ребенка и родителя, демонстративность или естественность поведения, пр.

Интерпретация продукта совместной творческой деятельности родителя и ребенка заключается как в анализе изображений кораблей, выполненных каждым из них, так и в сопоставлении изображений корабля ребенка и корабля родителя друг с другом. Анализируемые характеристики корабля каждого из участников: размер, оснащённость, наличие\отсутствие вооружения, экипаж, средства связи и пр. Анализируемые характеристики общей планеты: обитаемость и возможности существования на ней, необходимость приспособления капитанов к условиям планеты, наличие востребованных для каждого капитана условий и ресурсов на планете и пр.

Пятилетний опыт применения проективной методики «Космос» при проведении опытно-экспериментального исследования детско-родительских отношений в ходе судебно-психологических экспертиз в гражданском судопроизводстве показал её целесообразность, информативность, энергоёмкость и психологическую безопасность для участников – родителей и ребенка.

Особенности проспективной памяти у подростков

Куныкина К.Г.

ФГБОУ ВПО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Научный руководитель - Русаковская О.А.

Способность помнить о намерениях является одним из компонентов целенаправленного поведения, что определяет актуальность исследований возрастных особенностей проспективной памяти в юридической психологии детства.

Прспективная память – память на намерения и на запланированные в будущем действия. Она представляет собой способность реализовывать отложенные намерения при определенных условиях, т.е. выполняет функции планирования, сохранения и извлечения. Преимущественно она ориентирована на запоминание обстоятельств и времени, при которых необходимо воспроизвести информацию. Несмотря на то, что данный тип памяти широко распространен в обыденной жизни, исследования в этой области до недавнего времени практически игнорировались. Эта способность имеет большое значение для качества повседневного функционирования человека, так как предыдущие исследования показали, что проблемы проспективного запоминания

являются наиболее частыми сбоями памяти в повседневной жизни (Харитоновна Н.К., Русаковская О.А, 2020).

Возрастные эффекты проспективной памяти первоначально изучались с помощью временных и событийных задач проспективной памяти в лабораторных условиях с двумя группами испытуемых: молодыми людьми и лицами пожилого возраста. Благодаря этому исследованию был обнаружен возрастной парадокс проспективной памяти.

Одно из наиболее красивых исследований проспективной памяти провели Кеси и Бронфенбреннер (1985), в котором изучались стратегии, используемые детьми в задачах, требующих проспективной памяти (т.е. запоминания того, что нужно сделать в будущем). Было привлечено две группы детей 10-ти и 14-ти лет по 48 человек в каждой. Основной их задачей было извлечь кексы из духовки через 30 минут после того, как они испекутся. Ожидая, пока испекутся кексы, дети играли в популярную видеоигру в соседней комнате, оборудованной часами, которые они могли использовать для наблюдения за временем. Проверка часов детей в период ожидания оценивалась в их собственных домах или психологической лаборатории. Интерес экспериментаторов состоял в том, чтобы выяснить, во-первых, будут ли дети вынимать кексы из духовки в соответствующее время, и как часто они будут проверять часы в течение получаса, а во-вторых, возрастет ли с возрастом эффективность использования стратегии и снизится ли в незнакомой обстановке или при выполнении задачи, связанной с более высокими ожиданиями в отношении половой роли.

В результате выяснилось, что в дети, наблюдаемые в домашних условиях, в большей степени использовали стратегический контроль времени, т.е. такое наблюдение за часами, которое обеспечит достижение поставленной цели с минимальными затратами времени и без риска для эффективного функционирования проспективной памяти. Дети, наблюдаемые в лабораторных условиях, использовали тревожный мониторинг времени, который приводил к большему количеству времени, потраченного на общее наблюдение за часами. Лаборатория, будучи незнакомой и поэтому вызывающей тревогу средой, активизировала вариативность результатов исследований в зависимости от характеристик как самого человека (например, возраста и пола), так и непосредственной ситуации (например, характера задачи).

Дети в возрасте до 10 лет были способны использовать довольно сложные когнитивные стратегии в поддержку проспективной памяти, однако подростки проводили меньше времени в наблюдении за часами, чем 10-летние дети. Стоит заметить, что разница в возрасте была значимой только в лабораторных условиях. В условиях лаборатории дети лучше справлялись с задачей достать кексы вовремя, тем временем 14 детей, выполнявших задачу дома, опоздали более чем на 1,5 минуты и 7 детей опоздали на 1-1,5 минуты.

Литература

1. Кунякина К.Г. Исследования перспективной памяти в зарубежной литературе // Сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (18-15 мая 2020 года). М.: МГППУ, 2020. С.345-349.
2. Харитоновна Н.К., Русаковская О.А. Новые подходы к оценке социального функционирования (зарубежные исследования перспективной памяти) // Судебная психиатрия. Актуальные проблемы. Москва, 2020 (В печати).

Мобильная антикризисная бригада: опыт, перспективы

Насонова Д.В.

ГБУВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей»

(г. Воронеж, Россия)

В 2018 году на базе ГБУВО «Центр психолого – педагогической поддержки и развития детей» создана Мобильная антикризисная бригада. В состав бригады включены психологи, прошедшие специальную профессиональную подготовку. Антикризисная бригада реализует комплекс мер по оказанию экстренной и кризисной психологической помощи субъектам образовательной среды Воронежской области. В основу положен разноуровневый подход профилактики: в каждом отдельном случае в зависимости от целевой группы, включенности субъектов в кризисную ситуацию – от первичной до третичной профилактики социально-дезадаптивного поведения обучающихся. Эффективность работы бригады заключается в своевременной и профессиональной экстренной и кризисной (пролонгированной) психологической помощи обучающимся, их родителям (законным представителям), педагогам, администрации образовательных организаций, направленной на снижение интенсивности острых стрессовых реакций у участников ситуации, стабилизации их актуального психического состояния.

Основные мероприятия, проводимые Антикризисной бригадой по запросу в образовательной организации:

1. Сопровождение обучающихся: выездной консультативный пункт (на базе ОО) для обучающихся (в т.ч. в составе семьи), находящихся в кризисных ситуациях/состояниях; скрининговая групповая диагностики факторов риска социально-психологической дезадаптации (в т.ч. суицидальных рисков) среди обучающихся, включенных в кризисную ситуацию; тренинговое занятие, позволяющее провести превенцию возможных рисков социально-психологической дезадаптации обучающихся в виде негативных проявлений.

2. Сопровождение педагогических работников: практикоориентированное занятие для педагогов с элементами тренинга «Принципы эмоциональной регуляции в стрессовых ситуациях. Методы сохранения психологического здоровья»; семинар по применению современных психолого-педагогических технологий профилактики суицидального, агрессивного поведения обучающихся для педагогов, работников

(сотрудники охраны, вспомогательный персонал); групповые и индивидуальные супервизии в очной и дистантной форме, методическое сопровождение педагогов-психологов образовательных организаций, осуществляющих профилактику социально-психологической дезадаптации обучающихся, сопровождение несовершеннолетнего, пережившего психотравмирующее событие.

3. Сопровождение родителей (законных представителей) обучающихся: родительское собрание «Кризисные ситуации в жизни подростка: как пережить их вместе»; выездные, дистанционные консультации родителей обучающихся, находящихся в кризисных ситуациях/состояниях; методическая помощь образовательной организации по организации психолого-педагогического просвещения, информирования родительской общественности об особенностях подросткового возраста, о наличии региональной системы профилактики и оказания медико – социальной и психолого-педагогической помощи семьям, воспитывающих детей.

Администрация образовательной организации по окончании работы бригады в ОО получает рекомендации по выходу из кризисной ситуации.

В 2020 году на территории Воронежской области реализуется пилотный проект по созданию мобильных антикризисных бригад в муниципальных районах области. В рамках проекта специалисты Центра разработали: электронный пакет проектов нормативно-правового регулирования деятельности мобильной антикризисной бригады; комплект методических материалов: алгоритмы действий (оказание экстренной и консультативной психологической помощи, раннего выявления психологического неблагополучия, оказание методической помощи по вопросам профилактики кризисной ситуации и оценке эффективности) и оценки кризисности ситуации в случае выявления в образовательной организации случаев буллинга, конфликтных ситуаций, пролонгированной агрессии в отношении несовершеннолетних и педагогического состава, попыток самоубийства (самоубийства) несовершеннолетних; психодиагностический базовый комплект методик.

Актуальные вопросы психологической диагностики кандидатов в замещающие родители

Пешкова Н.В., Иванова Е.Н.
МБУ ДПО "Учебно-методический центр"
(г. Реутов, Россия)

С 2012г. граждане, желающие принять в свою семью ребенка-сироту, обязаны проходить обучение в школе приемных родителей (СК РФ ст.127, п.6.). Эта норма не решила проблемы жесткого обращения и вторичного сиротства, поэтому на протяжении последних лет обсуждаются, в т.ч. на уровне законопроектов, идея обязательного психологического обследования кандидатов в замещающие родители.

Несмотря на недостаток нормативной базы и критику, органами власти уже вводится добровольное психологическое обследование в ряде регионов.

Например, в письме Министра образования МО от 16.02.2018 службам сопровождения дается рекомендация: «Обеспечить работу по 100% психологическому обследованию слушателей ШПР... возможность добровольного психологического обследования всех членов замещающих семей...». В ежемесячных отчетах службы отчитываются о «плюсовых» и «минусовых» заключениях, а 100% проведение психологического тестирования для слушателей ШПР является одним из показателей эффективности работы самой службы. В приказе Министра образования МО от 03.07.2017 № 2018 содержится запись: «Служба в течение 14 рабочих дней... проводит первичную диагностику замещающей семьи». Следующим приказом министра образования МО от 13.09.2017г. №2666 сопровождение, включающее психологическую диагностику, превращается из добровольного в обязательное для ряда семей.

Такого рода психологическое обследование должно соответствовать уровню психолого-педагогической экспертизы, т.к. его результаты юридически значимы для обследуемых. По факту заключения о готовности кандидатов к приему ребенка и о детско-родительских отношениях в приемной семье в большинстве случаев делаются педагогами-психологами, не имеющими специальной подготовки в области клинической, семейной психологии и т.д., без опыта экспертной деятельности. Не знакомые с методиками СМИЛ, ДМО, УСЦД и т.д. психологи испытывают огромные трудности на всех этапах диагностики: нарушают правила предъявления стимульного материала, допускают ошибки в обработке данных и их интерпретации, подменяют заключение техническим этапом работы психолога: даются описания по тестам, переписывается без разъяснений терминология из методических руководств к тестам.

В вузах Московской области нет кафедры клинической или юридической психологии, которая могла бы составить надежный фундамент для подготовки специалистов-психодиагностов, поэтому попытки решить проблему внутренним региональным обучением малоэффективны. Отсутствуют развернутые методические рекомендации по проведению обследования, среди рекомендаций по выбору психологических методик для оценки детско-родительских отношений отсутствуют вообще какие-либо экспресс-методики (пробы на совместную деятельность), пробы на внушаемость и т.д., что снижает объективность самого обследования, т.к. педагоги-психологи зачастую просто ограничиваются рисуночными пробами.

Таким образом, даже в ситуации существования добровольной психологической диагностики кандидатов в замещающие родители и членов замещающей семьи, остается ключевым вопрос о соответствующей подготовке кадров, разработке качественных методических рекомендаций. Отдельный вопрос – это юридическая основа для осуществления данной деятельности, и в целом целесообразность и правомерность психологического обследования кандидатов в замещающие родители и всех членов замещающей семьи.

Литература

1. Законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты прав детей»// Федеральный портал проектов нормативных правовых актов – [URL:https://regulation.gov.ru/projects#npa=96079](https://regulation.gov.ru/projects#npa=96079) (дата обращения: 15.09.2020).
2. Письмо Министра образования Московской области от 16.02.2018 (Исх. – 2146/16-07д)
3. Приказ Министра образования Московской области от 03.07.2017 №2018
4. Приказ министра образования Московской области от 13.09.2017 №2666

Социально-психологический тренинг как средство профилактики виктимности в старшем подростковом возрасте

Репникова К.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель - Чернушевич В.А.

Вопрос разработки эффективного средства профилактики виктимного поведения актуален для юридической психологии. Мы рассматриваем эффективность тренинга в профилактике виктимности старших подростков.

Профилактика как направление деятельности психолога подразумевает создание условий для успешного развития личностных ресурсов субъекта, влияющих на повышение устойчивости к трудным жизненным ситуациям (Богданович Н.В., Делибалт В.В., 2020). Происходит психологическая закалка подопечных относительно имеющейся у них “слабости”.

Виктимность — это реализованная и потенциальная способность субъекта при определенных обстоятельствах и условии объективно предотвратимой опасности становиться жертвой преступления (Франк Л.В., 1972). Данное явление может рассматриваться и как «совокупность свойств человека, обусловленных комплексом социальных, психологических и биофизических условий, способствующих дезадаптивному стилю реагирования субъекта, приводящему к ущербу его физическому или эмоционально - психическому здоровью» (Андронникова О.О., 2005). Виктимное поведение является “слабостью”, относительно которой мы будем выстраивать программу профилактики.

Результат успешной профилактики - формирование противоположного по значению ресурса: конструкта противостояния, состоящего в способности адекватно оценивать жизненные ситуации, не “теряться” перед лицом опасности.

Действенной формой профилактики виктимности старших подростков, по нашему мнению, может быть тренинг, направленный на приобретение учащимися навыков эффективного взаимодействия с людьми (Бубнова И.С., Терещенко А.Г., 2014). Это обусловлено проявлением психологических факторов виктимности

непосредственно в рамках коммуникации (Максименков А.А., Майоров А.В., 2015). Следовательно, тренинговая программа может быть выстроена на модели классического социально-психологического тренинга М. Форверга, нацеленной на повышение компетентности в общении (Ясвин В.А., 2001).

Главное в содержании нашего тренинга – создание в рамках основных упражнений затруднительной ситуации, разрешаемой подростком самостоятельно с использованием собственных личностных ресурсов. Помимо самих упражнений обязательно проведение шеринга (Вачков И.В., 2007). В ходе него участники делятся своими переживаниями, возникшими в процессе выполнения заданий. Проговаривая это вслух, подросток чётче осознает факторы, препятствующие или способствующие разрешению трудной ситуации.

Итак, социально-психологический тренинг с целью профилактики виктимности старших подростков строится по принципу «погружения и преодоления». Полученный в ходе прохождения тренинга опыт стойкости может быть актуализирован в реальной опасной ситуации.

Литература

1. Андронникова О. О. Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков: дисс. канд.... психол. наук. – Новосибирск, 2005. – 213с.
2. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 1—14. DOI:10.17759/psylaw.2020100201.
3. Бубнова И.С. Терещенко А.Г. Проблема виктимного поведения подростков и его социально-педагогическая профилактика// Психология в экономике и управлении. 2014. №1. С.89-93.
4. Вачков И.В. Психология тренинговой работы. М.: Эксмо, 2007. 416 с.
5. Максименков А.А., Майоров А.В. Психологические аспекты виктимности // Виктимология. -2015.-№4(6). С. 26-30.
6. Франк Л. В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972. 112 с.
7. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию М.: Смысл, 2001. 365 с.

Некоторые аспекты профилактической работы с девиантным поведением подростков в рамках школы

Рудакова Е.Н.

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (Москва, Россия)

АННИО «МИИГУ имени П.А. Столыпина» (Москва, Россия)

Подростковый возраст - это переходный процесс между детством и взрослой жизнью, когда за короткое время происходят заметные физические и

психологические изменения, трансформируются биологические, психологические и социальные потребности – начинается сложный период в личностном развитии. При этом в современном обществе подростки постоянно подвергаются риску негативных воздействий, мотивированных головокружительным темпом жизни, влиянием средств массовой информации и общества в целом. В этот период подростки находятся в состоянии постоянного дисбаланса, поскольку они, с одной стороны, уже не отождествляют себя с детьми, но и не являются частью взрослого мира. Чрезмерный стресс, неуспеваемость, постоянно возрастающий объем работы, бессилие и беспомощность, могут вызывать рискованное поведение. Факторы рискованного поведения в подростковом возрасте можно классифицировать следующим образом: биологические факторы (наследственные и генетические), семейные факторы, социально-образовательные факторы (школа), социально-экологические факторы, социальный класс, дружба, безработица, СМИ и наркотики. Факторы риска, присутствующие в развитии подростков, могут повлиять на их полную интеграцию в общество, каждая из ситуаций, с которыми они столкнутся, будут формировать их характер, поэтому необходимо искать наилучшие способы предотвращать проявления рискованного поведения. Под профилактикой девиантного поведения понимается совокупность профилактических мер: социально-медицинских, общественных и организационных мероприятий, направленных на предотвращение и ликвидацию различных социальных девиаций. Профилактика девиантного поведения у подростков направлена на предотвращение антисоциального поведения у обучающихся и развитие нравственных ценностей (Першина А.В., Артюхина А.С., 2016).

Школа является пространством для общения и личностного развития, которое, помимо академического содержания, дает учащимся опыт взаимоотношений, имеющий большое значение в других социальных сферах. Поэтому создание условий для развития личности подростков, в том числе из группы риска, является одной из целей образовательного процесса. Другой целью является раннее выявление и профилактика девиантного поведения, для чего возможно прибегнуть к следующим видам профилактической работы: диагностика психического развития с целью определения факторов риска, психологическое сопровождение подростков группы риска, просветительская работа с родителями, консультативная работа с учителями и родителями по вопросам воспитания и обучения детей. Образовательное сообщество представляет собой один из лучших ресурсов для преодоления проблемного поведения (Кучеренко П.А., Коровяковский Д.Г., Антонова Н.В., Хромова Н.М., Майстрович Е.В., 2020). При консультативной работе с семьей подростка стоит обращать внимание на стиль воспитания (авторитарный, демократический, попустительский), взаимоотношения как родителей с ребенком, так и между родителями. Однако стоит учитывать, что разногласия и даже развод между родителями сами по себе не вызывают девиантное поведение у детей, но в этих случаях все члены семьи должны продолжать играть свою роль, чтобы избежать травмирования личности ребенка.

Причины девиантного поведения у подростков носят комплексный характер и нуждаются в интеграции различных методов профилактики для предупреждения рискованного поведения. Важно добиться развития тенденции к координации работы внутри школы, семьи и других социальных институтов, так как именно благодаря общим усилиям возможно преодоление проявлений девиантного поведения у подростков.

Литература

1. Кучеренко П.А., Коровяковский Д.Г., Антонова Н.В., Хромова Н.М., Майстрович Е.В. Добровольчество и волонтерство как инструмент профилактики девиантного поведения подростков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 51–63. doi:10.17759/psylaw.2020100205.
2. Першина А.В., Артюхина А.С. Волонтерская деятельность как современное средство профилактики девиантного поведения // Форум молодых ученых. 2016. № 1. С. 80–84.

О необходимости учета интересов ребенка органами опеки и попечительства в брачно-семейных спорах о воспитании детей

Сухотин А.А.

Академия стратегических инициатив (г. Москва, Россия)

Согласно п. 2 ст. 65, п. 2 ст. 67 СК РФ родители и близкие родственники могут обратиться в орган опеки и попечительства для разрешения разногласий по вопросам, касающимся воспитания общих детей, и в случае нарушения своих прав на общение с ребенком. В научной литературе способы, которыми на практике разрешают семейные конфликты сотрудники органов опеки, не раскрыты. По итогам исследования материалов гражданских дел и документов, с которыми обращались благополучатели Академии за правовой помощью, можно прийти к выводу о том, что органы опеки г. Москвы и Московской области выносят «распоряжения», в которых предписывают родителю не чинить препятствий в общении с ребенком, либо обязывают его предоставлять ребенка для общения по определенному графику. Одним из ключевых принципов семейного права является принцип обеспечения приоритетной защиты прав и интересов ребенка (Беспалов Ю.Ф., 2010, с. 105), в связи с чем возникает вопрос о том, каким образом орган опеки определяет интересы ребенка при вынесении распоряжений. Этот вопрос возникает, поскольку из изученных материалов следует, что подобные документы выносятся даже в том случае, если родитель отсутствует по месту жительства вместе с ребенком (укрывается от общения, либо «на отдыхе» с ребенком в другом регионе на протяжении длительного периода). Следовательно, ряд обращений рассматриваются органами опеки без учета позиции второй стороны конфликта, а равно и без опроса ребенка и учета его интересов. В связи с отсутствием ответственности при неисполнении предписаний, содержащихся в распоряжении органа опеки, стороне,

чьи права нарушены, после досудебного этапа приходится обращаться в суд за урегулированием конфликта.

На стадии судебного процесса в семейных спорах орган опеки привлекается судом как уполномоченный орган для представления актов обследования и дачи заключения по делу в соответствии со ст. 47 ГПК РФ, при этом согласно ч. 2 ст. 78 СК РФ «Орган опеки и попечительства обязан провести обследование условий жизни ребенка и лица (лиц), претендующего на его воспитание, и представить суду акт обследования и **основанное на нем** заключение по существу спора». В действительности же орган опеки выполняет более широкий круг задач в судебном процессе. Так, орган опеки в судебном процессе согласно ст. 34 и ст. 47 ГПК РФ является лицом, участвующим в деле, и наделен процессуальными правами, предусмотренными ст. 35 ГПК РФ, а следовательно, может реализовать их в полном объеме для защиты прав и интересов ребенка.

Возникает объективно наблюдаемое противоречие между содержанием ч. 2 ст. 78 СК РФ и реальной практикой участия органов опеки, сотрудники которых должны оценивать все обстоятельства и материалы, представленные в деле, в том числе заключения судебных экспертов, и давать мотивированное заключение по существу спора. Для выполнения данной задачи сотрудники органов опеки должны усвоить ориентировочную основу понятия «интересы ребенка», а также понимать, что подлежащие установлению судом категории, представленные в п. 3 ст. 65 СК РФ, являются отнюдь не оценочными, но наполнены психологическим содержанием и могут быть установлены при проведении судебно-психологической или психолого-психиатрической экспертизы по делу.

Таким образом, органы опеки и попечительства в рамках возложенной на них государством функции по защите прав и охраняемых законом интересов несовершеннолетних должны принимать все решения в семейных спорах исходя из интересов ребенка.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Беспалов Ю.Ф. Рассмотрение и разрешение судами гражданских и семейных дел с участием ребенка. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. 359 с.

Судебно-психологическая оценка в рамках посмертных КСПЭ по делам о самоубийствах несовершеннолетних

Сыроквашина К.В.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России
(г. Москва, Россия)

Проблема суицидального поведения в подростковом возрасте за последние годы вышла на первый план, вызывая озабоченность как общества в целом, так и правоохранительных органов. Были законодательно расширены правовые нормы, регулирующие уголовную ответственность за действия, которые могут привести к самоубийству несовершеннолетнего. Эксперты-психологи столкнулись с ростом посмертных психолого-психиатрических экспертиз по делам о суицидах несовершеннолетних и новыми задачами, которые поставило перед ними современное законодательство.

Помимо основного юридического значения выводов КСППЭ по делам, возбужденным в связи с самоубийством (установление причинно-следственной связи состояния подэкспертного перед суицидом и действий обвиняемого), заключение КСППЭ может использоваться следствием как аналитический инструмент, помогающий прояснить ситуацию случившегося в целом (Кудрявцев И.А., 1999; Сафуанов Ф.С., 2016; Сыроквашина К.В., 2018). Следует учитывать, что в большинстве случаев конкретных обвиняемых лиц в уголовных делах нет, и эксперт, обосновывая связи при формировании состояния суицидента, указывает основные значимые факторы.

В аналитической работе эксперта-психолога выделяются этапы, которые, при условии достаточности материалов, позволяют прийти к ответам на вопросы следственных органов. Эксперт рассматривает основные факторы развития подростка, внешние и внутренние, осмысляет значение актуальной ситуации и наличия в ней юридически значимых действий со стороны других людей, в том числе осуществлённых посредством сети Интернет. В каждом конкретном случае роль влияния отдельных внешних и внутренних факторов на формирование суицидальных смыслов подростка будет разной, однако решающее значение будет иметь один или несколько взаимодействующих факторов.

Установление причинно-следственной связи между действиями определенного лица, даже если оно не указывается в качестве обвиняемого по делу, и психическим состоянием несовершеннолетнего в период, предшествующий суициду, дает основания правоохранительным органам соответствующим образом юридически квалифицировать такие действия. При этом психолог-эксперт не отвечает на чрезмерно широко поставленные или не относящиеся к его компетенции вопросы, такие, например, как выявление в материалах уголовного дела признаков воздействия на несовершеннолетнего со стороны каких-либо лиц.

Итоговое принятие решения о причинно-следственной связи между действиями какого-либо лица и возникновением психического состояния, предшествовавшего суициду, требует внимательной оценки качества взаимодействующих факторов и их содержания. В случае, если единственный или доминирующий фактор формирования пресуицидального эмоционального состояния соответствует указанным в уголовном деле действиям конкретного лица – эксперт имеет основания для заключения о наличии причинно-следственной связи между ними.

Литература

1. Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.: Изд-во МГУ, 1999. 497 с.
2. Сафуанов Ф.С. Комплексная судебная психолого–психиатрическая экспертиза лица, окончившего жизнь самоубийством // Медицинская и судебная психология. Курс лекций. 4–е изд. М.: Генезис, 2016. 658 с.
3. Сыроквашина К.В. «Психологическая аутопсия» при суициде: история вопроса и современное состояние // Суицидология. 2018. Том 9. № 3 (32). С. 80-86. doi: [https://doi.org/10.32878/suiciderus.18-09-03\(32\)-80-86](https://doi.org/10.32878/suiciderus.18-09-03(32)-80-86)

Результаты реализации краткосрочной программы наставничества для детей и молодежи (15-23 лет) в трудной жизненной ситуации

Таран Ю.Ю.

ГБОУ «Центр» Семья» (Липецкая область, Россия)

Проблема социальной адаптации детей-сирот характеризуется реакционной системой их воспитания и подготовки к самостоятельной жизни. Приоритет охраны здоровья над жизненным опытом, в том числе травмирующим, не отражает потребность общества в социально-ответственных согражданах. С другой стороны, дефицит искренних привязанностей со стороны авторитетного лица, депривация здорового доверия и институционализация купирует инициативу самореализации таких лиц.

Процесс менторинга – сопровождения молодых людей в процессе интеграции и адаптации в мире взрослых – призван решить обе эти проблемы: неформальность взаимодействия, фокусировка на применении личных качеств в деловом общении, индивидуализация целей и задач наставляемого, – качественные аспекты процесса социализации. Главный вектор развития системы – продвижение значимых социальных изменений в жизни молодых людей группы риска (детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей и лиц из их числа).

Основной целью реализации данного проекта в Липецкой области была систематизация и методологизация подбора, обучения и сопровождения волонтеров-наставников. Таким образом, фиксация негативного опыта имела одинаковую ценность с положительными результатами. Целью проекта для наставников было выбрано самообразование наставляемых в течение всей жизни, демонстрация его необходимости, умения его организовать с пользой для себя. Из шестидесяти волонтеров, кандидатов в наставники, большая часть отдала предпочтение интуитивному подходу в наставничестве, руководствуясь лишь общими этическими рекомендациями кураторов проекта, ориентируясь на благую цель, выраженную такими понятиями как: «стать друзьями», «оказать поддержку», «помочь в выборе профессии», «научить саморазвитию» и тому подобными. Организаторы при этом предоставляли подробную методику наставничества – «сценарии встреч»,

упражнения и игры для развития и самопознания, тематику бесед, перечень произведений литературы, кино, а также специальную литературу для наставников. По результатам опроса, менее тридцати процентов наставников использовали данные пособия в своей деятельности.

Тьюторы, специально обученные для сопровождения наставников, также продемонстрировали разрозненный подход к поддержке дисциплины наставничества, что при этом коррелирует с результатами программы. Все тьюторы получили опыт взаимодействия как с успешными примерами наставничества, так и с неудавшимися, не зависимо от своего подхода.

Качественными результатами данной программы наставничества стали следующие события:

- ежемесячные встречи наставника с наставляемым и их положительная оценка участниками;
- самоорганизация наставляемого в профессиональном самоопределении;
- участие наставляемых в Церемонии Закрытия проекта;
- самостоятельная разработка наставляемыми своего индивидуального образовательного маршрута.

Таких результатов добились лишь те пары «наставник – наставляемый», в которых применение методических пособий и материалов было значительным, а следование графику, рекомендованному тьюторами – четким и безотлагательным. Взаимоотношения с наставниками крайне положительно повлияли на наставляемых, в сравнении с их коллегами.

Особенности использования различных технологий формирования правосознания в подростковом возрасте

Торопов Д.И.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Н. В. Богданович Н.В.

Одна из наиболее серьезных проблем на сегодняшний день в рамках вопроса о правонарушениях – подростковая преступность. К мерам, предотвращающим развитие подростковой преступности, относятся формирование правосознания в этом возрасте, а также работа с морально–нравственной сферой подростков.

Целью данного теоретического исследования было выделение особенностей технологий формирования правосознания в подростковом возрасте, их сравнение и анализ. Гипотеза исследования – наиболее эффективными технологиями формирования правосознания являются интерактивные образовательные форматы.

На основании анализа литературных данных были сделаны следующие выводы:

1. В подростковый период (11–17 лет) человек проходит через множество физиологических и психологических изменений. В этом возрасте меняется тип ведущей деятельности (преобладают общение, общественно-полезная деятельность), референтная группа (вместо родителей – сверстники), активно развиваются произвольное внимание и абстрактно–логическое мышление, формируется способность к саморефлексии, развивается самосознание (Божович Л.И., 2009; Выготский Л.С., 2005).

2. Нравственное развитие личности в подростковом возрасте характеризуется переходом со стадии взаимных межличностных ожиданий на стадию «социального договора». То есть стремление «быть хорошим» сменяется у подростка стремлением разобраться в действующих в обществе законах и готовностью следовать им. При этом отношение подростка к социальным нормам, по внутренней динамике являясь их исследованием, внешне может напоминать социальный нигилизм (Гулевич О.А., 2018; Мельникова Н.В., 2014).

3. Подростковый возраст – сензитивный период для формирования правосознания. В подростковом возрасте происходит интенсивное формирование ценностно–нормативной системы личности и систематизация первичной правовой социализации: накапливаются теоретические знания, вырабатываются правовые установки, приобретается первичный опыт, связанный с нормативной системой общества (Зубок Ю.А., 2006; Панченко Т.С., 2014). Установки в этом возрасте недостаточно устойчивы и в значительной мере поддаются внешнему влиянию, поэтому важно, чтобы именно в подростковом возрасте институты социализации формировали правосознание в желаемом для общества направлении.

4. В рамках формирования правосознания используются различные методы (лекция, семинар, тренинг, ролевая игра). Наиболее эффективными являются интерактивные технологии (в частности, тренинг и ролевая игра), которые позволяют участникам изучать право не только в теории, но и на практике (Голощапова К.В., 2018; Джелилова С.И., 2015).

Следовательно, гипотеза исследования подтверждена. В качестве направлений дальнейшего исследования может выступать эмпирическое изучение правосознания и методов его развития у подростков.

Литература

1. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. СПб, 2009. 398 с.
2. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Изд–во Смысл, 2005. 1136 с.
3. Голощапова К. В. Формирование правового сознания средствами психологического тренинга. Екатеринбург, 2018. 127 с.
4. Гулевич О. А. Социальная психология: учебник и практикум для академического бакалавриата. – 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2018. 424 с.
5. Джелилова С. И. Формирование правового сознания подростков: содержание и технологии // Гуманизация образования. 2015. №4. С. 98–103.

6. Зубок Ю. А. Правовая культура молодёжи в ракурсе трансформационных стратегий // СОЦИС. 2006. №6. С. 37.
7. Мельникова Н. В. Психология нравственности. Шадринск, 2004. 158 с.
8. Панченко Т. С. Возрастные особенности как фактор формирования правосознания личности // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2014. №1(37). С. 143–148.

Опыт скалолазания как средство профилактики девиантного поведения

Туманова Е.П.

ФГБОУ «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Чернушевич В.А.

Многие дети с девиантным и делинквентным поведением являются воспитанниками центров содействия семейному воспитанию (ЦССВ).

Семейное неблагополучие - насилие над ребенком, ненадлежащие условия ухода, отсутствие интереса к жизни и здоровья малыша, порождает отсутствие у ребенка опыта нормальной семейной жизни.

В ЦССВ возникает потребность комплексного решения проблем, связанных с вышеперечисленными факторами, и создания условий, необходимых для развития жизненно важных качеств у ребенка, среди которых особое место занимает базовое доверие к миру и социально-коммуникативные навыки.

Рассмотрим ресурсы скалолазания (тренажер) при работе с подростками в ЦССВ. В исследованиях отмечено влияние скалолазания на уровень развития психических процессов восприятия, памяти (зрительной, оперативной, произвольной и кратковременной) и её объёма, ведь приходится запоминать различные комбинации прохождения участков трассы. Вырабатывается устойчивость и распределение внимания, логичность мышления и способность к комбинированным мыслительным действиям, без этого не смогут вырабатываться навыки, и человек всегда бы находился на уровне новичка. Эти общепсихологические показатели, по мнению авторов, являются значимыми в структуре психологической подготовленности скалолазов (Ломовцев Д.Ю., Кошелев Д.С., 2015). Нам представляется, что скалодром как тренажер скалолазания предоставляет и другие ресурсы.

Достаточно рассмотреть скалолазание и тренировочную совместную работу как особую социально-психологическую среду. Конечно, во время тренировки у ребенка работают все группы мышц, что способствует повышению общего физического тонуса мышц. Развитию внимания и памяти способствует то, что дети учатся прогнозировать свои действия на сложном маршруте, готовятся заранее страховать и чувствовать напарника. Маршрут выбирается на пределе физических возможностей – развиваются волевые качества, способствующие достижению цели.

Вместе с тем скалолазание вырабатывает ответственность – ребята становятся собранными за счет необходимости быть включенным в процесс постоянно, не важно, лезешь ты или страхуешь. Появляется чувство ответственности не только за себя, но и за жизнь своего друга, напарника. Здесь же рождается чувство доверия другому, в процессе тренировки возникает дух товарищества. Эмоциональная сфера развивается за счет необходимости чувствовать себя, рассчитывать свои силы и навыки.

На тренировке дети вынуждены общаться, но эта необходимость ими принимается как свободный выбор, и они стараются подчиняться правилам взаимодействия на тренировке. Так обеспечивается главное – мотивация на сложные взаимные действия, требующие волевого, эмоционального, мыслительного напряжения, и они всегда сопровождаются радостью позитивных достижений (управляя нагрузкой, хороший тренер это обеспечивает). Это все необходимые условия приобретения социальных навыков (например, принятия своей команды, партнера).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что скалолазание является эффективным способом не только физического развития и развития психических функций, но и хорошим ресурсом в развитии социально-коммуникативных навыков, что в свою очередь является основой профилактики девиантного поведения (Теплова А.Б., Чернушевич В.А., 2019).

Литература

1. Ломовцев Д.Ю., Кошелев Д.С. Модельные характеристики специальной физической подготовленности скалолазов [Электронный ресурс] // Омский научный вестник cyberleninka.ru. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelnye-harakteristiki-spetsialnoy-fizicheskoy-podgotovlennosti-skalolazov/viewer> (дата обращения: 10.09.2020).
2. Теплова А.Б., Чернушевич В.А. Коррекционно-профилактический потенциал традиционной игры (планирование экспериментального исследования) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 296–309. doi:10.17759/psylaw.2019090321 (дата обращения 10.09.2020).

Психологическая профилактика воздействия идеологии терроризма на обучающихся

Ульянина О.А.

Российская академия образования, Академия управления МВД России
(г. Москва, Россия)

Проявления экстремизма и терроризма в условиях современного мира во многом свидетельствуют о нарастающих темпах распространения крайних мировоззрений, когда под сомнение ставятся традиционные формы построения

гражданского общества, права и свободы граждан, а государственные институты утрачивают свое влияние и авторитет.

Борьба с любыми экстремистскими и террористическими проявлениями должна предусматривать широкий комплекс организационных и практических мер со стороны различных государственных структур. Решение данной проблемы особенно актуально в образовательных организациях, где под влияние идеологии терроризма попадают молодые люди, находящиеся на этапе становления мировоззренческих позиций и смысложизненных ориентаций.

Только в январе – июле 2020 года зарегистрировано 1419 преступлений террористического характера (+28,1%) и 524 преступления экстремистской направленности (+41,2%). При этом число молодых людей, связанных со сферой экстремизма, терроризма и входящих в различные организации этой направленности, продолжает расти.

В этой связи особенно важным становится формирование личности молодого человека, нацеленной на построение и реализацию продуктивных сценариев образовательного и профессионального пути. Необходимым условием развития субъекта деятельности становится выявление факторов, влияющих на возможности раскрытия профессионального потенциала и условий, этому способствующих.

Изучение идеологии терроризма как самостоятельного явления и разработка методов соответствующего реагирования на нее имеет и научные, и практические перспективы, но профилактика возможна только путем воздействия в целом на те идеологические системы, составной частью и инструментом которой она является.

Стратегическая цель профилактической работы заключается в формировании устойчивости обучающихся к восприятию идеологии терроризма.

Ключевые задачи могут быть сформулированы следующим образом:

- формирование гражданственности, патриотизма, социальной активности обучающихся;
- формирование представления о роли семейного воспитания в преодолении негативных этноконфессиональных установок;
- актуализация у обучающихся знаний о других этнических группах, повышение уровня толерантности по отношению к ним, снятие остроты этнических стереотипов;
- выработка стратегий совладания с негативными этническими стереотипами и предубеждениями;
- формирование общей надэтнической идентичности (гражданской, региональной, локальной) и этнокультурной компетентности;
- создание представления о межкультурном и межконфессиональном диалоге как консолидирующей основе людей различных национальностей и вероисповеданий в борьбе против глобальных угроз терроризма;
- выработка умения, готовности и способности к взаимодействию в политкультурной среде.

Разработка стандартов психолого-педагогической профилактики воздействия идеологии терроризма на обучающихся позволит обмениваться информацией между должностными лицами, осуществляющими профилактику экстремизма и терроризма в образовательных организациях, эффективно координировать совместную деятельность при поддержке органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Клинико-психологическая оценка и модели экспертных решений при ретардированном психическом развитии у несовершеннолетних обвиняемых

Федонкина А.А., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Терехина С.А.

ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России,

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Анализ практики комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз (КСППЭ) несовершеннолетних обвиняемых свидетельствует о том, что одним из основных факторов противоправного поведения таких подростков является ретардированное психическое развитие (Бадмаева В.Д., Ошевский Д.С., Федонкина А.А., 2019). Этот феномен характеризуется множественностью причин формирования, динамичностью изменений, разнообразием проявлений. Принятие экспертных решений в подобных случаях предполагает глубокий междисциплинарный анализ с оценкой вклада задержек психического развития в произвольную регуляцию деятельности.

Цель исследования – разработка алгоритма проведения КСППЭ и моделей принятия экспертного решения в отношении несовершеннолетних обвиняемых с задержками психического развития.

Материалом послужили заключения КСППЭ 54 несовершеннолетних обвиняемых мужского пола, проходивших экспертизу в ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России. Были выделены 127 клинико-психологических параметров, которые в дальнейшем подвергнуты качественному и математико-статистическому анализу. Выборка испытуемых была разделена на три группы. В первую вошли несовершеннолетние обвиняемые с выраженными психическими расстройствами, подпадавшие под критерии «невменяемости» (n=24). Средний возраст подэкспертных – 16,5±1,3 года. У них были диагностированы органические психические расстройства (ОПР) с ретардированным психическим развитием. Вторая группа включала несовершеннолетних обвиняемых с наличием психической патологии и признаками парциального инфантилизма, к которым применялся критерий «ограниченной вменяемости» (ст. 22 УК РФ), (n=25). Средний возраст – 16,2±1,3 года. В третью группу были включены психически здоровые несовершеннолетние обвиняемые с отставанием в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством, в силу которого подросток «не мог в

полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) и руководить ими» (ч.3 ст. 20 УК) (n=6). Средний возраст–15,2±1,4 года.

Обобщенный анализ результатов позволил разработать алгоритм принятия судебно-экспертного решения в рамках КСППЭ у несовершеннолетних с задержками психического развития (Бадмаева В.Д. и др., 2020; Бадмаева В.Д., Ошевский Д.С., Федонкина А.А., 2019). Он включает в себя определение пределов профессиональной компетенции экспертов психиатров и психологов и позволяет обозначить области интеграции клинико-психологических специальных знаний. Предложены модели принятия экспертного решения на континууме от выраженных психических расстройств до условно нормативных вариантов психического развития. В случаях квалификации психических расстройств предложена система оценок относительно не только медицинского, но и юридического (психологического) критерия неспособности (ограниченной способности) к произвольной регуляции поведения в уголовно релевантных ситуациях. Показано, что совместная деятельность экспертов психологов и психиатров позволяет всесторонне и полно проанализировать сведения об особенностях психического развития и актуального состояния несовершеннолетнего обвиняемого, что делает результаты экспертизы обоснованными и достоверными.

Литература

1. Бадмаева В.Д., Макушкин Е.В., Дозорцева Е.Г., Федонкина А.А., Ошевский Д.С., Терехина С.А. Комплексная психолого-психиатрическая оценка замедления темпов психического развития у несовершеннолетних: Методические рекомендации. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2020. 27 с.
2. Бадмаева В.Д., Ошевский Д.С., Федонкина А.А. Ретардированное психическое развитие в практике комплексной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних обвиняемых [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 178–189. doi:10.17759/psylaw.2019090313

Устойчивость жизненного мира подростка, переживающего трудности взросления: опыт построения психопрофилактической программы

Федорова Е.П.

Московский педагогический государственный университет

(г. Москва, Россия)

Федоров А.А.

ООО «Квалифицированная юридическая помощь» (г. Чита, Россия)

В усложняющейся ситуации развития нашего общества резко возрастают требования к психологической устойчивости личности. В литературе достаточно широко рассмотрены факторы риска возникновения разных форм отклоняющегося поведения у подростков, обоснованы и представлены программы профилактики и коррекции отклоняющегося поведения (А.И. Захаров, Н.В. Дмитриева, Е.В. Беличева, В.А. Гурьева, Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, Е.В. Змановская, Казанская В.Г. и др.) (Гузяева Н.В., Федорова Е.П., Артюхова Т.Ю., 2007).

В современной психологии с антропологических позиций рассматривается совокупность факторов, определяющих конструктивность жизненных процессов человека, обосновывается сущность психологического феномена «устойчивость жизненного мира человека» (Клочко В.Е., 2005; Логинова И.О., 2017). Устойчивость жизненного мира позволяет удерживать «целостность системы «человек – мир» за счет *открытости* (новым возможностям, людям, миру), которые позволяют человеку реализовать себя, осуществить проект собственной жизни (Логинова И.О., 2017).

Развитие устойчивости жизненного мира подростка будет способствовать социальной адаптации, преодолению трудных жизненных ситуаций. В целях подтверждения данного предположения нами осуществлено пилотажное исследование, направленное на изучение психологических особенностей подростков и старшеклассников, переживающих в настоящее время трудную жизненную ситуацию в одной из сфер жизни.

Пилотажное исследование (2014-2019г.г.) включало два этапа – диагностический и опытно-экспериментальный (апробация психопрофилактической программы развития устойчивости подростков), выборка составила $n = 63$, в том числе: 21 мальчик и 42 девочки, диагностическая программа состояла из пяти методик. Анализ данных позволил выявить, что *устойчивые* к отклоняющимся формам поведения подростки, обладают следующими качествами: низкие показатели психологической внушаемости; наличие навыков преодоления стрессовых ситуаций; общение без напряжения; проявление познавательных интересов; адекватная самооценка, проявление способности к рефлексии.

Выделены направления психопрофилактической программы, включающие упражнения на развитие устойчивости личности:

1. *Стрессопрофилактика*. Снижение «внушаемости» в процессе психокоррекционных упражнений, обучение способам преодоления стресса.

2. *Развитие критического мышления*. Работа по снижению эффектов «внушаемости», развитие критического мышления в процессе выполнения психокоррекционных упражнений.

3. *Профилактика психологических зависимостей*. Психологическая коррекция нездорового интереса к переживаниям, вызывающим особые состояния сознания, желание их испытать.

4. *Развитие рефлексии*. Раскрытие внутреннего личностного потенциала, упражнения на развитие рефлексивных компонентов сознания.

Мы приходим к выводу, что предложенная и апробированная программа психопрофилактики трудностей взросления для подростков открывает возможности развития устойчивости жизненного мира как качества, обеспечивающего внутреннюю готовность к преодолению трудных жизненных ситуаций и является психологическим основанием успешного вхождения подростков во взрослую жизнь.

Литература

1. Гузьева Н.В., Федорова Е.П., Артюхова Т.Ю. Деадаптивное поведение подростков: монография. Чита: Тайфун, 2007. 181 с.
2. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск.: Изд-во ТГУ, 2005. 174 с.
3. Логинова И.О. Устойчивость жизненного мира человека как показатель успешности самоосуществления в изменяющемся мире// Новые психологические контексты становления личности в меняющемся мире /Под ред. Э.В. Галажинского, В.И. Кабрина. Томск: Изд-во ТГУ, 2017. С. 69–95.

Ценностно-смысловые аспекты подросткового суицида

Храмцова О. В.

КГБУЗ «Краевая клиническая психиатрическая больница" Министерства здравоохранения Хабаровского края» (г. Хабаровск, Россия)

Для судебной психологии актуальность темы подросткового суицида в последнее десятилетие не снижается.

В экспертной практике АСПЭ психиатрической больницы г. Хабаровска появляются случаи группового ухода подростков из жизни; совместной подготовки друзей к суициду одного из них.

Примеры обесценивания собственной жизни и жизнью близких предполагают связь суицидального поведения с особенностями ценностно-смысловой сферы подростков.

Цель исследования: проанализировать смысловое наполнение подростками понятий: дружба, любовь, совесть и жизнь при помощи контент-анализа (Еремеев Б.А., 2013), изучить особенности уровня соотношения значимости и доступности ценностей: любовь, дружба, счастливая семейная жизнь (Фанталова Е. Б., 2013) для выявления рисков суицидального поведения у подростков. В исследовании приняло участие 28 старшеклассников 15-16 лет.

Понятие дружба у подростков – «отношение–между-люди», «понимание-отношение-интерес», «взаимный–помощь–доверие». Дружба для подростков – это отношение между людьми, основанные на понимании, интересе, взаимопомощи и доверии.

Подростки наполняют понятие любовь смыслами: «отношения-взаимные», «чувство-когда-человек». Для подростков любовь – это чувство, связанное с человеком.

Понятие совесть у подростков - это «помогающий правильно», «чувство», «плохое-что-то-совершает». Для старшеклассников «совесть – это чувство, помогающее правильно», когда «плохое что-то совершает». По теории Л. Кольберга нравственное развитие подростков характеризуется критикой, низвержением авторитетов, традиций и ценностей (Анцыферова Л.И., 1999). Понятие совесть только начинает оформляться в сознании подростка, как нравственное чувство.

Смысловое наполнение понятия жизнь: «мой–друзья-близкие – личность», «это-жизнь», «чередa-люди». Подростки характеризуют жизнь через окружение их друзьями.

По уровню значимости у подростков преобладают ценности: любовь, дружба, счастливая семейная жизнь. Доступной респонденты считают ценность дружба. Наибольший процент (43%) и (32,1%) с индексом расхождения между значимостью и доступностью имеют ценности: любовь и счастливая семейная жизнь. Значимость этих ценностей выше их доступности, что свидетельствует о внутреннем конфликте подростков в сфере интимно-личностного общения. Ценность любовь выступает диспозицией второго уровня, где эмоциональный компонент превышает когнитивный и определяет поведенческие реакции пубертата (Ядов В.А., 2013).

Подростки ценность жизни определяют через дружбу, любовь и счастливую семейную жизнь. В данном смысловом наполнении понятия жизнь намечаются факторы риска подросткового суицида: отсутствие друзей, любимых, одиночество; неудовлетворенность взаимоотношениями с друзьями; буллинг со стороны сверстников и потеря социального престижа, подражательные формы поведения. Понятие совести в данном возрасте еще пластично и ситуационно, оно служит дружбе, любви и может ради своих идеалов допустить аморальные поступки.

В сближении смыслового наполнения понятий: жизнь, дружба, любовь есть и большой профилактический потенциал. При выявлении у старшеклассников суицидальных мыслей посредниками в профилактической работе могут стать именно их друзья, любимые.

Литература

1. Анцыферова Л.И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Л. Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 5-17.
2. Еремеев Б.А. Текст как предмет психологического исследования в контексте семиотической парадигмы // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2013. Т. 13. № 3. С. 102-106.
3. Фанталова Е.Б. Диагностика ценностей и внутренних конфликтов в общей и клинической психологии [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная

психология. 2013. Том 2. № 1. URL:

<https://psyjournals.ru/psyclin/2013/n1/58926.shtml> (дата обращения: 09.10.2020)

4. Ядов. В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.

О предмете юридической психологии

Чернушевич В.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

При работе по ранней профилактике отклоняющегося поведения детей дошкольного возраста, еще не попавших в систему правосудия, возникла необходимость уточнения, является ли эта деятельность предметом юридической психологии, относятся ли исследования в этом направлении к исследованиям юридической психологии.

Проведем логико-генетический анализ. Юридическая (правовая, правоохранительная, законоохранительная) функция появляется вместе с ситуацией противостояния субъектов в процессе отстаивания своего желания удовлетворить свои потребности за счет ресурсов другого субъекта. Позитивный, конструктивный выход из этого противостояния приводит к достижению соглашения, каким-либо образом зафиксированного. Появляется наряду с позициями двух субъектов третья (третейская позиция), слово которой имеет непререкаемую силу для обеих сторон. Третейская позиция – позиция права, законности, требование которой равно обязательно для исполнения обеими сторонами и недоступно для изменения в пользу какой-либо из сторон. Носителями права (законности, правила) могут быть люди с непререкаемым авторитетом для обеих сторон, могут быть тексты, одинаково понимаемые сторонами, вместе с их специально подготовленными толкователями – юристами, доверенными обеих сторон.

Педагоги как субъекты социализации вводят в нормативное (правовое) пространство вновь пребывающих членов подзаконного сообщества, передавая знания о правилах и нормах совместной жизни. Однако встречаются люди, которые, хотя и знают правила, но не в состоянии их принять и им следовать, подчинить им свое существование в данном сообществе. Это люди, имея личные интересы, не воспринимают общественные как что-то значимое и в силу этого склонны нарушать общепринятые правила и законы. Вот здесь и появляется нужда в психологическом анализе состояния этих людей, их поступков и оказании им специфической психологической помощи. Этот вид анализа и помощи, на наш взгляд, и является деятельностью юридического психолога. В центре внимания этой деятельности стоит проблема соотношения своего Я и должного, «Я хочу и Я должен» у людей, нарушающих общепринятые правила.

Особенно ярко эта проблема проявляется в дошкольном возрасте, когда, собственно, и формируется способность принятия Другого, принятия Должного как созидаателя и ограничителя личной свободы.

Подвижные народные игры с правилами, которые мы используем в профилактических целях, выявляют неготовность ребенка вступать в общение, следуя правилам и, особым образом (как среда) влияя на детей, помогают обрести способность распознавать правила в игре, принимать их и им следовать

Именно фольклорная игра обладает для этого комплексом особенностей. Прежде всего, как форма активности, несущая культурную традицию взаимодействия в различных ситуациях. Во-вторых, эмоциональной привлекательностью, соответствующей возрастным потребностям, в-третьих, образностью действия, смысловой насыщенностью, в четвертых, простотой, доступностью, в-пятых, особенностью правил, их обобщенным, рамочным характером, позволяющим каждому участнику проявить свою индивидуальность (например, и прятки, и салки невозможно повторить одинаковым образом) (Теплова А.Б., Чернушевич В.А., 2017). И, самая главная особенность, определяющая воздействие игры – в игре мотивация участников сосредоточена на самом процессе, возможном благодаря правилам, правовому пространству. «Игра, а в том числе и детская, не задается никакой предвзятой целью, а наоборот сама по себе составляет и цель, и действие, и наслаждение» (Покровский Е.А., 2009, с.8).

Литература

1. Покровский Е.А. Русские детские подвижные игры. СПб.: Речь, Образовательные проекты; М.: Сфера, 2009. 184 с.
2. Теплова А.Б., Чернушевич В.А. Ресурсы народной игры как социокультурного средства профилактики девиантного поведения // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 3. С. 51–59. doi:10.17759/chp.2017130307.

Актуальные вопросы в подготовке специалистов по проблемам девиантного поведения личности

Шарафутдинова Н.В.

ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя» (г. Москва, Россия)

Эффективность деятельности сотрудника полиции во многом зависит от психологических знаний и умений осуществлять профилактические мероприятия. Целью исследования является пересмотр накопленных знаний психологии девиантного поведения, учет происходящих изменений в обществе, коррекция методов работы. Ранее в своих работах мы отражали научные концепции и теории, объясняющие девиантное поведение личности. Раскрывали социально-

психологические детерминанты девиантного поведения несовершеннолетних (Шарафутдинова Н.В. и др, 2019), издали серию пособий по проблемам девиантного поведения. Этого оказалось мало в связи с многообразием социальных ситуаций.

Девиантное поведение как система поступков личности, отклоняющихся от принятых в обществе норм, проявляющихся в виде несбалансированности психических процессов, «острых» конфликтов, позволяет увидеть нерешенные проблемы личности и общества, выбрать нужные направления работы. Примеры проблемных ситуаций приведены ниже.

Яркий случай насилия ученика третьего класса одной из школ Южно-Сахалинска над другими детьми привел к пикету одноклассников и родителей с требованиями о переводе данного ребенка в другой класс или на домашнее обучение. Решение данного вопроса было, на наш взгляд, спорным, так как изолируя ребенка от общества, мы лишаем его возможности формирования необходимых социальных умений, травмируем психику (ребенок уже был на домашнем обучении), приводим к изоляции, стигматизации и пр. Единой причины девиантного поведения школьника нет. Необходимо было в данной ситуации изучать индивидуальные особенности ребенка, его здоровье; семью; другие группы, куда входил ребенок, в том числе школьный класс; ситуацию в самой школе (например, есть ли штатный психолог, осуществляется ли тьюторство и пр.). И таких примеров «со спорным решением» множество. Как мы понимаем, дальнейшее решение уже более сложных ситуаций с подобными детьми, развивающихся в домашних условиях, где и формировалась личность с девиантным поведением в данном примере, ложится «на плечи общества».

Еще один пример или «модное» явление - решение родителей о переводе ребенка на семейное обучение из начальной школы без серьезных на то оснований. Основная идея родителей - дифференциация предметов на основные (русский, литература, математика и иностранный) и второстепенные, которым можно уделять мало времени, либо его не уделять. Возможные последствия такого решения: развитие ребенка не в соответствии с развитием сверстников (отставание); обучение ребенка не в соответствии с минимальными требованиями образовательных стандартов; проблемы со сдачей аттестации и перехода на новую ступень обучения; рост тревожности, неуверенности, формирование комплекса неполноценности и пр. Возникает ряд вопросов. Какую выгоду получают родители от такого выбора? Каковы их индивидуально-психологические особенности и склонности? Не входят ли они сами в такие группы, секты, где навязываются асоциальные нормы и ценности?

В связи с этим необходимо своевременно реагировать на проблему, не позволять проявлять «индивидуальность» в решении таких вопросов, как «заберу ребенка из школы» без серьезных на то причин. Обратит внимание на статьи в СМИ с подобными призывами. Минимизировать их количество. Дать негативную оценку такому поведению родителей. Ответить на вопрос, не манипулирует ли кто-либо сознанием, поведением самих родителей. Провести разъяснительную работу с родителями по поводу их «выгоды» не в том, что они заберут ребенка из школы, а в том, что ребенок и они в итоге получат от его развития в школе. Помочь родителям в

прогнозировании последствий такого поступка (от неполучения нужных знаний до глубоких внутриличностных и межличностных конфликтов, которые могут привести и к суицидальному поведению).

Таким образом, осуществленный анализ свидетельствует о недостаточной слаженности в работе различных специалистов и корректности в использовании методов диагностики и воздействия.

Литература

1. Ковальчук М.А., Тарханова И.Ю. Девиантное поведение: профилактика, коррекция, реабилитация: пособие. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2014. 286 с.
2. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения М.: ИД «Городец», 2016. 386 с.
3. Шарафутдинова Н. В. Психология девиантного поведения: Учебно-методич. пособие. М.: АРКТИ, 2019. 208 с.
4. Шарафутдинова Н.В., Простяков В.В., Марьясис И.Б., Гончарова Е.М. Социально - психологические детерминанты девиантного поведения несовершеннолетних // Юридическая психология. 2019. № 1. С. 9-12.
5. Шарафутдинова Н. В., Семчук И.В. Социально-психологический тренинг профессионального общения: учебно-методическое пособие. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. 117 с.

Жизненные планы подростков как фактор профилактики девиантного поведения

Шульга Т.И.

ГБОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»
(г. Москва, Россия)

Проблема построения жизненных планов на будущее в подростковом возрасте представляет интерес у исследователей. Исследование становления временной и событийной собственной организации жизненного пути подростков, особенностей их социализации, социальной ситуации развития и ценностных ориентаций, которые определяют линию их поведения и сферу жизнедеятельности вызывает интерес как у теоретиков, так и у практиков.

В современном мире актуализируются сложности в развитии подростков, связанных с ростом нестабильности взаимоотношений в группах, проявлений тревоги и страха будущего. Современный подросток оказался перед необходимостью определения своего места в обществе. Наряду с проблемными моментами жизни, по данным исследований подросткового возраста, в ряду модных тенденций выделяются «самосовершенствование» и «саморазвитие» в сфере любых увлечений, жажда признания и успеха, ожидание похвалы за любое

действие во взрослой жизни, социальная популярность, которые можно реализовать (Головаха Е.И., 1988).

По мнению отечественных и зарубежных исследователей, именно регулирующее значение процесса планирования своего поведения позволяет предотвратить асоциальное поведение и немотивированные поступки в подростковом возрасте.

Исследователи отмечают, что отсутствие у несовершеннолетних направленности на решение задач своего будущего может приводить к потере учебной мотивации, снижению успеваемости, смещению интересов в область развлечений и потребления, когнитивным искажениям, к неспособности принимать ответственность за результаты своей жизни и последствия совершенных проступков (Гурина О.Д., 2017).

Головаха Е.И. считает, что характеристика будущего осуществляется человеком любого возраста по отдельным составляющим. Одной из составляющих является рассмотрение перспективы, как области отражения человеком мира, как пространства и самореализации. Жизненная перспектива как интегративное понятие объединяет ценностные ориентации, жизненные цели и планы. Именно построение жизненной перспективы подразумевает составление жизненных планов, этапов достижения целей, а также рефлексию смысла реализации поставленных целей для своего будущего (Головаха Е.И., 1988).

По мнению Л.С.Выготского, жизненные планы являются показателем овладения личностью своим внутренним миром и системой приспособления к действительности, целевой регуляции нового типа.

По мнению исследователей, функция регуляции проявляется в том, что психологический образ желаемого будущего и представления о способах его достижения становится реальным регулятором поведения личности.

С целью изучения роли жизненных планов мы провели исследование.

Успешная социализация, предусматривающая включенность в жизнь, подразумевает принятие его ценностей и реальное повседневное участие в жизни в соответствии с ценностями. Именно это побудило нас обратиться к изучению становления жизненных планов в подростковом возрасте.

Литература

1. Головаха Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи / Е. И. Головаха; АН УССР, Ин-т философии. Киев: Наук. думка, 1988. 142 с.
2. Гурина О.Д. Ксенофобия и девиантное поведение у подростков и молодежи: обзор отечественных исследований [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 3. С. 97–109. doi:10.17759/psylaw.2017070308

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Интернет-ресурсы как источник информации об имидже уголовно-исполнительной системы

Агафонов М.С., Дебольский М.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(Россия, г. Москва)

Целью проведенного исследования является сравнительный анализ представленности имиджа уголовно-исполнительной системы в различных источниках информации (Интернет-ресурсах). Тема имиджа УИС является актуальной (Ляпанов, А.В., 2014), однако в контексте интернет-пространства ранее не освещалась.

Методом данного исследования является контент-анализ. Выборка источников составила 400 новостей, включая: 100 – новостных статей на официальном сайте ФСИН, 100 – новостных статей на 10 самых популярных интернет источниках, 100 – новостных статей от ряда правозащитных организаций, 100 – новостных статей и постов из общей ленты социальной сети.

Во всех случаях давался поисковой запрос “УИС” и временные рамки с 01.10.2018 по 31.03.2019.

По результатам контент-анализа: положительная оценка – 178 статей (44,5%), негативная – 156 (39%), нейтральная – 43 (10,75%), сбалансированная (положительная и отрицательная) – 23 (5,75%).

На официальном сайте ФСИН в основном представлена положительная оценка освещаемых событий (94%), также освещаются события с нейтральной позиции (6%), негативная и сбалансированная оценка в данном источнике отсутствует.

Новостные интернет-сайты отражают как положительную оценку (41%), так и негативную (26%), также представлена нейтральная оценка (15%) и сбалансированная (18%). В социальных сетях большая часть излагаемых событий имеет негативную оценку (52%), также присутствует положительная (36%), нейтральная (10%) и сбалансированная (2%) оценка. На сайтах правозащитных организаций преимущественно освещаются события, имеющие негативную оценку (79%) в то время, как положительная оценка представлена всего в 7% статей, что существенно меньше относительно других источников информации; также присутствует нейтральная (11%) и сбалансированная (3%).

Контент-анализ содержания излагаемой информации в контексте источников, показывает, что на официальном сайте ФСИН России больше всего информации было посвящено культурно-массовым мероприятиям, организации досуга для осужденных и поощрению (наградам) сотрудников. В интернет-СМИ самыми популярными

категориями являются темы нарушения законности сотрудниками, увольнения и привлечение сотрудников к ответственности. В социальных сетях самые популярные категории, это негативный юмор и сарказм в отношении сотрудников, тема нарушения законности сотрудниками, информация о привлечении сотрудников к ответственности. На сайтах правозащитных организаций самыми популярными темами являются также нарушение полномочий, тема некомпетентности, жалобы на сотрудников.

Соотношение негативной и позитивной информации в интернет источниках представлено неравномерно, положительная информация преобладает на официальном сайте ФСИН России, что вполне естественно, а негативная – на сайтах правозащитных организаций, одна из функций которых – контроль за деятельностью администрации исправительных учреждений.

В заключение можно сделать вывод: контент-анализ интернет-сайтов показывает, что имидж уголовно-исполнительной системы как государственного органа связан, в первую очередь, с соблюдением законности, а неправомерные действия сотрудников УИС существенно снижают их репутацию. На официальном сайте ФСИН России в новостной информации целесообразно увеличить объем сообщений о принимаемых мерах по поддержанию законности и повышению имиджа сотрудников УИС (Дебольский М.Г., 2017).

Литература

1. Дебольский М.Г. Психологические причины нарушений законности сотрудниками правоохранительных органов. // Актуальные проблемы совершенствования психологической работы в системе МВД России (Васильевские чтения – 2017). СПб.: Санкт-Петербургский Университет МВД России, 2017. С. 93 – 99.
2. Ляпанов А.В. Проблемы повышения имиджа уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 1. С. 25–28.

Инвалидность в тюрьме: современный взгляд на данную проблему

Алигаева Н.Н.

ФГБОУ ВО Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
(г. Калуга, Россия)

По официальным данным Федеральной службы государственной статистики на январь 2020 года численность инвалидов в России составляет около 12 млн. человек. Из них отбывают наказание 22 000 человек, половина из которых имеют инвалидность 1 и 2 групп.

Осужденные с инвалидностью кроме общих потребностей имеют особые, непосредственно связанные с имеющимся заболеванием. В связи с пребыванием в местах лишения свободы самостоятельное удовлетворение многих потребностей

затрудняется. Именно эта невозможность порождает у инвалидов большое количество разнообразных проблем в различных сферах жизни.

В современных условиях выделяют несколько наиболее острых проблем людей с инвалидностью: 1) социально-бытовые проблемы; 2) психологические проблемы; 3) проблемы в получении образования и трудоустройстве; 4) семейные проблемы (Маенков А.А., 2017). У осужденных-инвалидов данные проблемы усугубляются наличием судимости, трудностями установление контактов с родными и близкими, которые чаще всего отказываются поддерживать отношения с родственником, отбывающим наказание в местах лишения свободы.

Социально-бытовые и правовые проблемы в основном решаются действующими законами, в частности Федеральным законом от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», уголовно-исполнительным кодексом РФ, Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденными приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 16.12.2016 № 295, в которых установлены особые права, обязанности, гарантии и льготы для осужденных-инвалидов. Они имеют право на государственное пенсионное обеспечение по инвалидности (ст. 98 УИК РФ), бесплатное предоставление питания, одежды, коммунально-бытовых услуг и индивидуальных средств гигиены (ст. 99 УИК РФ), привлечение к труду и работам без оплаты труда по их желанию (ст. 103, 106 УИК РФ), на увеличение продолжительности ежегодного оплачиваемого отпуска (ст. 104 УИК РФ), на получение среднего профессионального образования по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих (ст. 108 УИК РФ).

В связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов в 2014 году принят Федеральный закон, внесший изменения в разрешение отдельных вопросов социальной защиты инвалидов, в частности принята Государственная программа «Доступная среда» на 2011-2020 годы, способствующая обеспечению доступности и комфортности среды, в которой находится инвалид. Например, на территории большинства исправительных учреждений имеются пандусы, специальное оборудование, книги со шрифтами Брайля (Кулешов Г.Н., 2017).

Трудности возникают в основном при разрешении психологических проблем, которые могут быть внутриличностными, межличностными (при взаимодействии с другими осужденными и сотрудниками учреждения), семейными. У данной категории лиц чаще всего отмечаются различные эмоциональные, тревожно-депрессивные и поведенческие расстройства.

Согласно пункту 194 Правил внутреннего распорядка администрация исправительного учреждения обеспечивает осужденных-инвалидов в соответствии с индивидуальной программой реабилитации необходимым объемом реабилитационных, в том числе психологических мероприятий. И основная задача на данном этапе заключается в разработке специальных психокоррекционных программ конкретно для осужденных-инвалидов с учетом их особенностей, что позволит благополучно их ресоциализировать.

Литература

1. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»
2. Кулешов Г.Н. Обеспечение доступной и безбарьерной среды для инвалидов в рамках ратификации конвенции о правах инвалидов // Социально-политические науки. 2017. №2. С. 80-81.
3. Маенкова А.А. Проблемы инвалидов в современных условиях // Материалы IX Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». 2017. URL: <http://scienceforum.ru/2017/article/2017036548> (дата обращения: 02.09.2020).

Подросток в неволе: ресоциализация и полипрофильная помощь по возвращению к нормальной жизни

Ганузин В.М., Маскова Г.С.

Ярославский государственный медицинский университет (г.Ярославль, Россия).

Проблема преступности несовершеннолетних и связанная с этим их изоляция от общества является одной из актуальнейших в наше время (Ганузин В.М., Маскова Г.С., 2017). В стране создана система специальных учреждений – колонии для несовершеннолетних. В них отбывают наказания подростки в возрасте от 14 до 18 лет. По данным службы ФСИН, в настоящее время в России функционируют 23 воспитательных колонии (ВК), в т. ч. 21 – для содержания осужденных юношей и две – для девушек. Возрастная структура осужденных, находящихся в ВК: в возрасте 14–15 лет – 52, в возрасте 16–17 лет – 804, в возрасте 18–19 лет – 299 подростков.

Письмом Минобрнауки РФ № 07-3188, 2016 предусмотрен ряд мер для подростков, находящихся в ВК. К ним относится психолого-педагогическая, медицинская, социальная, гуманитарная и материальная помощь. Гарантируются права на получение образования, труд и отдых. Разъясняются вопросы по защите жилищных, имущественных, неимущественных и других прав осужденных.

Психологическое обеспечение несовершеннолетних осужденных – неотъемлемая часть исправительного процесса на современном этапе развития УИ системы (Ушков Ф.И., Миронова О.И., 2019). Привлечение несовершеннолетних к уголовной ответственности и отбывание наказания в ВК оказывают существенное влияние на их психическое состояние. В обязанности психологической службы ВК входят задачи обеспечения устойчивого психологического климата, помогающего исправлению несовершеннолетних: психологическая помощь впервые осужденным подросткам для адаптации их к проживанию в колонии; работа психолога с контингентом подростков во время отбывания срока в ВК; психологическое обеспечение работы с впервые и повторно осужденными; психологическое обеспечение работы с педагогическим и вспомогательным персоналом ВК по предотвращению конфликтных ситуаций, как среди осужденных, так и между

осужденными и персоналом; реабилитации подростков с психическими отклонениями и деструктивным поведением; психологическая подготовка несовершеннолетних осужденных к реабилитации и социализации в обществе после выхода их мест заключения.

Медицинская служба занимается вопросами обследования состояния здоровья, лечения, выявления и лечения осужденных, употребляющих ПАВ и алкоголь. Поэтому выявление психических состояний осужденных является предпосылкой профилактики их деструктивного поведения (Дебольский М.Г. и соавт., 2020).

Таким образом, полипрофильная помощь в адаптации, абилитации, реабилитации и ресоциализации осужденных является важной частью работы специалистов ВК по возвращению в общество молодых людей с установкой на нормальный образ жизни.

Литература

1. Ганузин В.М., Маскова Г.С. Полипрофессиональная помощь несовершеннолетним в воспитательных колониях и освобождающимся из мест лишения свободы // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2017. Т. 17. № 2. С. 56-57.
2. Дебольский М.Г., Мельникова Д.В., Месниченко А.С. Выявление психических состояний несовершеннолетних обвиняемых и осужденных как предпосылка профилактики их деструктивного поведения // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 35–50. doi:10.17759/psylaw.2020100204
3. Ушков Ф.И., Миронова О.И. Социально-психологические особенности установления межличностного контакта пенитенциарного психолога с несовершеннолетним осужденным [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 278–295. doi: 10.17759/psylaw.2019090320

Готовность лиц с алкогольной зависимостью и противоправным опытом к психокоррекционным вмешательствам

Григорьева И.В., Кралько А.А., Гребень Н.Ф.

Государственное учреждение «Республиканский научно-практический центр психического здоровья» (г. Минск, Республика Беларусь)

Исследование готовности к проведению психокоррекционных вмешательств у лиц, склонных к противоправному и зависимому от алкоголя поведению, важно для персонализированного подхода, формирования нормативного поведения и восстановления социального статуса. По данным Национального института уголовной юстиции США, психотерапевтические методы применяются в 80% исправительных учреждений США.

В настоящее время по мнению Ю.В. Валентик (1997), Т.Б. Дмитриевой, А.Л. Игониной (2004) существует дефицит программ, основанных на профессиональной психотерапии. Применение психокоррекционных вмешательств, основанных на учете уровня готовности к изменениям зависимых от алкоголя лиц, позволяет результативно воздействовать на анозогнозию, различные формы патологических проявлений психологической защиты.

Цель исследования оценка готовности к проведению психокоррекционных вмешательств лиц, склонных к агрессивному поведению с синдромом зависимости от алкоголя.

В исследовании приняли участие 44 пациента с противоправным опытом мужского пола в возрасте от 25 до 63 лет (средний возраст $38,17 \pm 0,64$ лет) с синдромом зависимости от алкоголя (F 10.24), использовались «Опросник склонности к агрессии Басса-Перри» и опросник для исследования стадий психотерапии «URICA» для определения 4 терапевтических стадий изменения (предразмышление, размышление, действие и сохранение), отношений и установок пациентов в процессе психотерапии.

Результаты анализа показали, что пациенты представляли собой группу риска по совершению различного рода правонарушений. На наличие проблем с законом и правоохранительными органами указали 27% лиц, 66% имели судимость, 36% привлекались ранее к уголовной ответственности более двух раз. Принудительное лечение проходили ранее 20% лиц. Основными противоправными действиями было совершение краж – у 29,5%, хулиганство – у 11,4%, грабеж – у 18,2%, разбой – у 11,4%, умышленное причинение тяжкого телесного повреждения у 2,3% лиц. Под влиянием зависимых от алкоголя стереотипов жизни образовался зависимый и криминогенный динамический стереотип. Общий показатель агрессивности по опроснику Басса-Перри выше среднего уровня у 72,1% лиц. Значения выше нормативных значений зафиксированы по шкалам «Гнев» и «Враждебность». Повышение показателя по шкале «Враждебность» – 25,1 подтверждает преобладание проявлений когнитивного компонента агрессии, проявляющегося в виде повышенной враждебности, ригидности мышления и обидчивости.

Результаты по URICA показали, что только в стадии предразмышлений ($22,00 \pm 5,91$) отмечен высокий уровень готовности, в стадии размышлений ($30,97 \pm 5,29$), стадии действий ($30,43 \pm 6,03$) и стадии размышлений ($29,81 \pm 5,96$) отмечен низкий уровень готовности.

Таким образом большинство пациентов находились на стадии предразмышления и не понимали характер проблем, которые опосредованно связаны с их алкоголизацией, противоправным поведением.

Низкая осознанность алкогольных проблем зависимых от алкоголя лиц определяет необходимость проведения мотивированного интервьюирования и создания такой мотивации, которая способна потенцировать ресурсные точки роста для преодоления зависимости от алкоголя, восстановления социального и правового статуса.

Литература

1. Валентик Ю.В. Вязьмин А.М. Зыков О.В и др. Медико-социальная работа в наркологии. Архангельск. 1977. 112 с.
2. Дмитриева Т.Б., Игонин А.Л. Реабилитационные мероприятия, проводимые в условиях наркологических стационаров. // Клиническая наркология 2004. №8. С.32-34.
3. Рожнов В.Е. Руководство по психотерапии. – 3-е изд., доп. перераб. Ташкент: Медицина, 1985. 283с.

Использование компетентного подхода в процессе применения арт-терапии у лиц с зависимостью от алкоголя

Григорьева И.В.

Государственное учреждение «Республиканский научно-практический центр психического здоровья» (г. Минск, Республика Беларусь)

Лица, страдающие зависимостью от алкоголя, часто утрачивают социальные связи и нуждаются в социальной реабилитации.

Зависимость от алкоголя выступает как попытка решить разные жизненные проблемы и в работе с этими лицами необходим творческий и персонифицированный подход. Зависимость от алкоголя рассматривается как комплекс самодеструктивных привычек, которые могут быть заменены. Процесс освобождения от зависимости включает в себя повторное достижение человеком личной автономии. Главная цель – выработка навыков, взглядов и ценностей, которые ориентированы на свободный от употребления алкоголя стиль жизни.

Важным по мнению Е.А. Андрияновой, С.В. Носковой (2009) является компетентный подход, в том числе и для специалистов, работающих с лицами, находящимися в условиях лечебно-профилактических профилакториев (ЛТП), включающий готовность к познанию, социальные навыки, коммуникативную компетентность, сенситивность к отвержению.

К. Мартисоне (2014) отметила, что повышение уровня компетентности дает возможность использовать ресурсы креативности арт-терапии.

Цель исследования – создание принципов компетентного подхода для специалистов, проводящих арт-терапию.

Разработанная ступенчатая арт-программа выхода из зависимости от алкоголя включила 12 модульных занятий для формирования альтернативной модели опыта, основанной на трезвой жизненной концепции. В программу вошли: библиотерапия, фильмотерапия, образные метафоры, притчи, сказки, направленная визуализация, прайминговое программирование, оригами.

Ключевыми компетенциями для специалистов, использующих в процессе реабилитации зависимых лиц арт-терапию являются: познавательная – готовность к профессиональному саморазвитию; эмоциональная – способность к саморегуляции,

создание условий работы в «зоне психологического комфорта»; рефлексивная – умение и навык анализировать и корректировать собственные действия; личностная – способность к личностному саморазвитию; коммуникативная – знание культурных и нормативных норм в процессе взаимодействия. Учитывая степень дезадаптации лиц, направляемых в ЛТП, необходимым является учет деонтологических принципов: комплаентности; ресурсности для активизации ценностных ресурсов пациента, находящихся вне сферы аддикций; толерантности в понимании позиции пациента, так как он ожидает реальной помощи в преодолении зависимого поведения; гибкости в работе с сопротивлением; поддержки в одобрении равноценного взаимодействия в рабочем процессе; экологичности поддерживающей позиции и актуализации безопасной работы; десенсибилизации в снижении уровня фрустрации и пессимистичных установок пациента; объективности для формирования объективной оценки пациентом своей роли в процессе выхода из зависимого коридора; осознанности для целенаправленной работы с саботажем, проявляющимся в виде уклонения, скрытого противодействия рекомендациям; креативности со способностью применять средства искусства, творчески проявлять себя в процессе арт-терапии; конфиденциальности и соблюдении врачебной тайны в процессе самораскрытия.

Применение компетентностного подхода специалистами в процессе арт-терапии позволяет оптимизировать реабилитационный процесс, задействовать творческий потенциал пациента, создать безопасную атмосферу взаимодействия пациента и психотерапевта, преодолеть психологические защиты зависимого поведения.

Литература

1. Андриянова Е.А., Носкова С.В. Компетентностная модель выпускника медицинского вуза // Педагогические технологии реализации компетентностного подхода в современном медицинском образовании: сб. ст./ Межрегиональная научно-практическая конференция. Саратов.: Изд-во СГМУ, 2009. С. 9-18.
2. Мартисоне К. и др. Искусствотерапия; пер с латыш. А. Карповой. СПб.: Речь, 2014. 352 с.

Вопросы специальной психологии и применение уголовного наказания

Егорова Т.И.

Академия Федеральной службы исполнения наказаний
Российской Федерации (г. Рязань, Россия)

Один из сводов древних индуистских источников религиозного миропонимания и мировоззрения – Законы Ману, содержат достаточно много положений относительно ордалистического оправдания преступных наклонностей личности и

следующего за преступлением наказания. Так, ст. 54 главы 12 закрепляет, что люди, совершившие великий грех, проводят многочисленные ряды лет в страшных преисподних, а по окончании этого [срока] подвергаются различным перерождениям. В соответствии со ст. 55: «Убийца брахмана входит в утробу ... чандалы и пулькасы» (Законы Ману, 1960). Также согласно, например, представлениям египтян, период странствования души, подвергшейся деградации в связи с совершением какого-либо преступления, составляет 3 тыс лет (Гегель Г.В.Ф., 2000). Все это время душа преступника вновь обретает возможность очиститься добрыми делами или скорбными обстоятельствами в бытийной жизни.

В то же время, существуют и относительно новые криминологические теории, которые криминализацию личности соотносят к врожденным генетическим или физиологическим факторам, присущим преступникам. Общеизвестная концепция Чезаре Ломброзо является наиболее наглядным отражением тягостного и томительного размышления человечества над вопросами истоков и вероятности криминализации личности (Ломброзо Ч., 1892).

В настоящее время в науке наиболее распространена точка зрения о возможности существования врожденного криминального ответа на социальные условия жизни. Это связано с особенностями психофизиологической деятельности и конституциональных свойств человека, обуславливающих специфику устойчивости и реакций функциональных и нейродинамических показателей организма на внешнее воздействие (Игнатов А.Н., 2015). Несмотря на то, что отсутствуют доказательства доминирования генетического начала над влиянием среды, однако рассмотрение преступности с социологической концепции не противоречит, с точки зрения С. Медника и К. Христиансена, возможности долгосрочного влияния «хорошо определяемых соматических или психологических состояний» (Mednik S.A., Christiansen K.O., 1977). Таким образом, наиболее обоснованной является точка зрения о безусловном наличии некоторых «генетических особенностей, которые проявляются в форме меньшей или большей предрасположенности к аморальному и антисоциальному поведению» (Губанов Н.И., 2020). Однако свободная воля человека и его разум – решающие факторы, которые могут обеспечить ему правильный выбор линии поведения и избежать совершения преступлений при надлежащем воспитании, психокоррекции и личностном самоконтроле.

Как представляется, именно указанные выше направления воздействия следует учитывать при применении уголовного наказания. Гуманитарная направленность пенитенциарного процесса определяется двумя основными причинами. Во-первых, воздействием самого наказания как акта принуждения осужденного к уважению человека, общества, труда, норм, правил и традиций человеческого общежития и стимулирования правопослушного поведения. Во-вторых, общепреventивного уголовно-правового регулирования, содержащего устрашение и имеющего общеохранительный авторитет.

Таким образом, применение современного наказания должно учитывать как определенные психофизиологические и конституциональные особенности осужденных, так и возможность комплексного уголовно-правового воздействия.

Литература

1. Гегель Г.В.Х. Лекции по философии истории / Пер. с нем. А.М. Водена. СПб: Наука, 2000. 477 с.
2. Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Риски в современном обществе. М.: Этносоциум, 2020. 220 с.
3. Законы Ману / Пер. с санскрит. С.Д. Эльмановича; провер. и испр. Г.Ф. Ильиным. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 361 с.
4. Игнатов А.Н. Биологические факторы детерминации насильственной преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 2. С. 223-233.
5. Ломброзо Ч. Новейшие успехи науки о преступнике. СПб: Н.К. Мартынов, 1892. 160 с.
6. Mednik S.A. Christiansen K.O. Biosocial Bases of Criminal Behaviour. Gardner Press. INC. N.-Y, 1977. 298 p.

Изучение особенностей волевого компонента контроля поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы

Кадочникова И.В.

ФКУ «Исправительная колония № 1 ГУФСИН России по Челябинской
области» (г. Копейск, Россия)

Красник В.С.

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»
(г. Челябинск, Россия)

Для сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее-УИС) важной выступает способность субъекта достигать поставленные цели в условиях трудностей и противоречивости требований службы. С позиций системно-субъектного подхода, данная способность реализуется за счет волевого компонента контроля поведения (Сергиенко Е.А. и др., 2010).

Исследование проведено на базе исправительных учреждений Челябинской области. Цель исследования: изучение особенностей волевого компонента контроля поведения сотрудников в зависимости от рода и стажа профессиональной деятельности. В исследовании приняли участие 207 сотрудников, мужчины в возрасте 19-42 лет. Испытуемые распределялись по стажу службы и трудовой специализации. Использовались: «Шкала контроля за действием» (Ю. Куль); «Оценка уровня волевого самоконтроля» (Эйдман Е.В., Зверков А.Г.); «Опросник способов копинга» (Р.Лазарус, С.Фолкман). Математическая обработка результатов была реализована с

использованием непараметрического критерия Н – Краскела – Уоллеса и дискриминантного анализа.

Объект исследования - личность сотрудника. Предмет – особенности волевого компонента контроля поведения сотрудников в зависимости от стажа службы и трудовой специализации. Гипотеза: в зависимости от специализации и по мере увеличения стажа службы у сотрудников УИС происходят изменения в волевом компоненте контроле поведения.

Получены следующие результаты.

1. У сотрудников отдела безопасности:

- использование эмоционально-ориентированного типа совладающего поведения с целью регулирования эмоционального состояния в стрессовых ситуациях (Лазарус Р.С., 1970);

- превалирующими копинг – стратегиями («WCQ») являются «дистанцирование» ($p=0,001$ Н–Краскела–Уоллеса, хи-квадрат=60,071; Лямбда Уилкса=0,466 при $p=0,000$) и «бегство-избегание» ($p=0,000$ Н–Краскела–Уоллеса, хи-квадрат=31,722; Лямбда Уилкса=0,466 при $p=0,001$); тенденции усиливаются соразмерно увеличению стажа службы (ср. знач. в трех группах: 30,31; 46,97; 58,59 и 35,26; 46,6; 56,29, соответственно);

- ослабление волевого контроля поведения: понижение показателей по шкалам «самообладание» ($p=0,001$ Н-Краскела-Уоллеса) и «общий самоконтроль» ($p=0,000$ Н–Краскела-Уоллеса) («ВСК»);

- раскованное поведение, импульсивность: выявлен КД(р)ОД (Ю. Куль) – контроль за действием при реализации с ориентацией на действие (лямбда Уилкса=0,046; $F=33,784$; $p=0,001$).

2. У сотрудников отдела охраны:

-повышенное чувство ответственности и нервно-психической напряженности: статистическая значимость показателей по шкалам «самоконтроль» ($p=0,000$ Н-Краскела-Уоллеса, хи-квадрат=56,656; Лямбда Уилкса=0,054 при $p=0,000$) и «принятие ответственности» ($p=0,000$ Н-Краскела -Уоллеса, хи-квадрат=43,753; Лямбда Уилкса=0,074 при $p=0,001$) («WCQ»); тенденции усиливаются соразмерно увеличению стажа службы (ср. знач. в трех группах: 34,37; 48,15; 58,49 и 31,29; 41,3; 51,06, соответственно);

- усиление волевого контроля поведения: повышение показателей по шкалам «самообладание» ($p=0,000$ Н-Краскела-Уоллеса) и «общий самоконтроль» ($p=0,009$ Н-Краскела-Уоллеса) («ВСК»); а также увеличение показателей по шкале КД(р)ОС (Ю. Куль) – контроль за действием при реализации с ориентацией на состояние (лямбда Уилкса=0,6; $F=25,322$; $p=0,001$).

Гипотеза исследования подтверждена. У сотрудников отдела безопасности уровень волевого компонента контроля поведения имеет тенденцию на «ослабление», в то время как у сотрудников отдела охраны волевая регуляция усиливается.

Литература

1. Лазарус Р.С. Теория стресса и психофизиологические исследования. Л.: Лениздат, 1970. С. 178–208.
2. Сергиенко Е.А., Виленская Г. А., Ковалева Ю.В. Контроль поведения как субъектная регуляция: монография. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 352 с.

Современные зарубежные исследования жизнестойкости и особенности ее проявления у осужденных

Корнилова Т.В.

ВИПЭ ФСИН России (г. Вологда, Россия)

Жизнестойкость – интегральная способность личности, которая формируется в раннем возрасте, и достаточно стабильна с течением времени, хотя и поддается коррекции и развитию. С. Мадди охарактеризовал жизнестойкость как три взаимосвязанных компонента: вовлеченность, контроль и принятие риска. Bartone P.T. определяет ее как обобщенный способ функционирования личности, включающий вовлеченность (убеждение, что жизнь интересна и достойна), контроль (убеждение, что можно контролировать или влиять на результаты) и принятие риска (исследующий подход к жизни). Человек «жизнестойкого стиля» имеет ориентацию на будущее, извлекая уроки из прошлого.

Mund P. дополняет компоненты жизнестойкости выделенным С. Мадди компонентом «сотрудничество» (тесная связь и понимание между клиентом и психологом/психотерапевтом), а также компонентом «культура», который особенно актуален для Индии (Mund P., 2016).

Значительное количество зарубежных исследований посвящены установлению взаимосвязи жизнестойкости с эмоциональными состояниями (Azarian A., et al., 2016), личностными характеристиками (Halata O.S., 2020), с показателями здоровья (Bartone P.T., et al., 2016), изучению ее влияния на личность в экстремальных ситуациях (Nordmo M., et al., 2020).

С. Мадди отмечает, что если полностью устранить стрессовые события, то жизнь не будет комфортной, человек будет искать стимулы (азартные игры, злоупотребление алкоголем, нарушение законов) (Maddi S.R., 2013).

В нашем исследовании приняли участие 60 осужденных мужского пола, неоднократно отбывающие наказание в виде лишения свободы.

По результатам анкетирования выявлено, что 80% опрошенных поддерживают взаимоотношения с родственниками, характеризуя их как довольно позитивные. 63% отмечают, что у них было счастливое детство, но уточняют о недостаточном контроле со стороны взрослых в детском и подростковом возрасте.

Оценивая свое психологическое состояние в последнее время, каждым третьим респондентом отмечаются безысходность, тревога, отчаяние, что связано с

непредсказуемостью будущего, опасением того, что после освобождения их не ждет ничего хорошего в жизни.

По результатам Теста жизнестойкости установлено, что у 27% респондентов низкий уровень «вовлеченности», что порождает чувство отверженности. У 11,7% высокий уровень «контроля», т.е. они упорны в достижении целей. У 21,7% осужденных – высокие результаты по «принятию риска», т.е. они рассматривают жизнь как способ приобретения опыта. Средний показатель жизнестойкости по выборке не выходит за пределы стандартной нормы.

Проведение психокоррекционных занятий, направленных на развитие жизнестойкости осужденных (с учетом выявленных особенностей), может способствовать снижению действия разнообразных стресс-факторов, характерных для пенитенциарной среды, на личность, а также конструктивному преодолению сложных ситуаций.

Литература

1. Azarian A., Farokhzadian A.A., Habibi E. Relationship between psychological Hardiness and Emotional Control Index: A Communicative Approach // International Journal of Medical Research and Health Sciences. 2016. 5 (S). P. 216-221.
2. Bartone P.T., Valdes J.J., Sandvik A. Psychological hardiness predicts cardiovascular health // Psychology, Health & Medicine. 2016. Vol 21. № 6. P. 743-749.
3. Halata O.S. Educational persistence and hardiness of university students // The European Journal of Education and Applied Psychology. № 1/2020. P. 35-39.
4. Maddi S.R. Hardiness. Turning Stressful Circumstances into Resilient Growth. 2013. 88 p.
5. Mund P. Kobasa Concept of Hardiness (A Study with Reference to the 3Cs) // International Research Journal of Engineering, IT & Scientific Research. 2016. Vol. 2. № 1. P. 34-40.
6. Nordmo M., Olsen O.K., Hetland J., et al. It's been a hard day's night: A diary study on hardiness and reduced sleep quality among naval sailors // Personality and Individual Differences. 2020. Vol. 153.

Психологические аспекты профилактики киберпреступности

Левин Л.М.

Московский государственный областной университет (г. Москва, Россия)

Среди многообразия направлений деятельности, которые осуществляют организации, подведомственные Федеральной службе исполнения наказаний России (далее – ФСИН России), выделяется психологическая, воспитательная и социальная работа с осужденными.

Согласно пункту 2 статьи 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) целью наказания является исправление осужденного и предупреждения

совершения им новых преступлений. При этом пункт 4 статьи 109 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) говорит о том, что воспитательная работа с осужденными проводится с учетом индивидуальных особенностей личности и характера осужденных и обстоятельств совершенных ими правонарушений. Пункт 1 статьи 110 УИК РФ уточняет, что с каждым лицом, содержащимся в исправительном учреждении, в обязательном порядке проводятся воспитательные и психологические мероприятия по нравственному, правовому, трудовому, физическому и иному развитию. Осуществляя данные направления деятельности, сотрудники учреждения основываются на принципах законности, гуманизма, уважения прав человека.

С развитием и трансформацией общества меняется и преступность, появляются новые виды преступлений. Одним из новых видов нарушения закона является киберпреступность. Согласно УК РФ, киберпреступность, или преступления в сфере компьютерной информации, это создание, распространение или использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации. По УК РФ к данному виду преступности относятся следующие: неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273), нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей и распространение порнографии (ст. 274).

Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, начиная с 2011 года наблюдается стремительный рост численности преступлений в киберпространстве: так, за 2018 год было зарегистрировано более 100 000 таких деяний, что на 33% больше по сравнению с 2017 годом. При этом, согласно данным научных исследований, наиболее уязвимой категорией пользователей являются дети и пожилые люди. Несмотря на возрастающее число таких преступлений, киберпреступность является одним из наименее изученных видов правонарушений с точки зрения их социально-психологических особенностей.

В целях выполнения социального, психологического и воспитательного сопровождения лиц, совершивших киберпреступления, необходимо организовывать взаимодействие всех подразделений учреждения, ответственных за проведение таких мероприятий. Так, специалистам психологической и воспитательной служб необходимо на основе комплексного углубленного обследования определять специфические особенности личности, анализировать социальные, демографические, биографические и иные особенности осужденного, помогая выстраивать индивидуальную траекторию жизненного пути человека.

С целью предотвращения данного вида правонарушений необходимо разрабатывать психопрофилактические программы по развитию навыков здорового использования Интернета, т.е. целенаправленного использования интернета для

достижения конкретной цели в оптимальные сроки без возникновения поведенческих и иных нарушений (R. Davis, 2001) для различных категорий пользователей виртуального пространства.

Литература

1. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/>
2. Davis R.A. A cognitive-behavioral model of pathological internet use // Computers in Human Behavior, 2001. no. 17. pp. 187–195.

Особенности контроля поведения сотрудников УИС, несущих службу в условиях изоляции

Лунина А.С.

ФКУ «Исправительная колония» №11 ГУФСИН России по Челябинской области»
(г. Копейск, Россия)

Красник В.С.

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»
(г. Челябинск, Россия)

Обеспечивая изоляцию осужденных от внешнего мира, сотрудник уголовно – исполнительной системы (далее – УИС) и сам находится в условии изоляции. Его профессиональная деятельность сопряжена с трудными внешними условиями, требующими от сотрудника способности к контролю поведения. Ресурсной основой контроля поведения являются индивидуальные когнитивные, эмоциональные и волевые ресурсы субъекта (Сергиенко Е.А., 2009).

Мы исследуем сотрудников УИС как субъектов профессиональной деятельности с позиции системно-субъектного подхода. Исследование проведено на базе исправительных учреждений ГУ ФСИН России по Челябинской области. Цель исследования: изучение особенностей контроля поведения сотрудников, несущих службу в условиях изоляции (далее – изолированные).

В исследовании приняли участие 123 сотрудника УИС в возрасте от 18 до 42 лет, мужчины. Из них: изолированные (отдел охраны и отдел безопасности, несущие службу в запираемых помещениях) - 73 человека. Сотрудники отдела безопасности, несущие службу в обычных условиях - 50 человек.

Использованы методики: «Стиль саморегуляции поведения» Моросановой И.В., методика «Прогноз -2» Рыбникова В.Ю., «Контроль за действием» Куль Ю. и «Способы совладающего поведения» Лазаруса Р. Математическая обработка результатов проведена с использованием непараметрического критерия для независимых выборок t-Стьюдента. Обработка результатов проведена при помощи программы IBM SPSS Statistics 23.

Цель исследования – изучить особенности контроля поведения «изолированных» сотрудников.

Объект исследования – личность сотрудника УИС. Предмет – особенности контроля поведения изолированных сотрудников УИС.

Гипотеза: в зависимости от условий осуществления профессиональной деятельности, у сотрудников УИС имеются особенности контроля поведения. Данные особенности проявляются на когнитивном, эмоциональном и волевом уровнях.

Получены следующие результаты:

1. Когнитивный уровень. Статистически значимые различия проявились в уровне саморегуляции по шкалам планирование ($p=0,013$), программирование ($p=0,001$) и общий уровень саморегуляции ($p=0,004$). Показатели по данным шкалам выше у изолированных сотрудников.
2. Эмоциональный уровень. Несмотря на схожие результаты, риск дезадаптации в стрессе у изолированных сотрудников ниже, чем у обычных сотрудников ($p=0,032$).
3. Волевой уровень. Согласно результатам исследования, изолированным сотрудникам, в большей степени присуща ориентация на действие при планировании, нежели обычным сотрудникам ($p=0,033$).

Особенности контроля за действием при реализации у сотрудников исследуемых отделов имеют статистически значимые различия ($p=0,000$).

Исходя из результатов тестирования по методике «Способы совладающего поведения» мы отмечаем, что основным способом совладания с негативными жизненными обстоятельствами у всех исследуемых сотрудников является бегство-избегание. Принятие ответственности в качестве копинг-стратегии практически не используется.

Из отсутствия статистически значимых различий по данной методике следует вывод, что выбор стратегии для преодоления жизненных трудностей не зависит от условий выполнения профессиональной деятельности.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась.

У изолированных сотрудников обнаружено, что контроль поведения как регулятивная функция субъекта отличается более высокими показателями волевой регуляции. По когнитивному контролю выявлены различия в стилевых особенностях основных регуляторных процессов. Общий уровень саморегуляции поведения у изолированных сотрудников значительно выше. Диагностируя эмоциональное состояние сотрудников, мы выявили, что нервно-психическая устойчивость выше у «изолированных» сотрудников. Исследуя волевой компонент контроля поведения, мы обнаружили, что изолированным сотрудникам в большей степени присуща ориентация на действие при планировании, нежели обычным сотрудникам.

Литература

1. Сергиенко Е.А. Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон.

науч. журн. 2009. N 5(7). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/223-sergienko7.html> (дата обращения: 25.08.2020).

- Лунина А.С., Проблема экстремальных условий профессиональной деятельности (системно-теоретический анализ) // Психолого-педагогическое обеспечение профессиональной деятельности силовых структур: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции [Электронное издание]. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2019. С. 78-81.

Причины и особенности совершения правонарушений несовершеннолетними осужденными в воспитательных колониях

Маликова Н. Б.

ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России»

(г. Москва, Россия)

Правонарушения несовершеннолетних осужденных к лишению свободы остаются проблемой для уголовно-исполнительной системы, которой уделяется серьезное внимание на государственном и ведомственном уровнях.

Проводимые мероприятия, направленные на предупреждение и профилактику правонарушений в воспитательных колониях (далее – ВК) не всегда достигают поставленной цели. Одной из причин такого нежелательного результата является явное преобладание в ВК лиц, имеющих педагогическую запущенность. Подавляющее большинство несовершеннолетних осужденных до помещения в ВК состояли на учетах в уголовно-исполнительных инспекциях. Более 60% из них отбывают наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Для выявления причин и особенностей совершения правонарушений несовершеннолетними осужденными в ВК было проведено исследование, по результатам которого было установлено, что основными причинами являются: низкий уровень правовой культуры (53%); правовой нигилизм (23%); личные, персональные особенности (12%).

При опросе сотрудников ВК наиболее распространенные показатели указывают на: отсутствие моральных установок или их несформированность (48 %); непонимание серьезности последствий (27 %); склонность к риску (11 %); отрицание режимных правил (3 %); психические отклонения (2 %).

Причины и условия преступного поведения в местах лишения свободы подразделяются на внешние и внутренние (Некрасов А.П., 2016).

Высокий процент подростков, отбывающих наказание в ВК, с огромным трудом приспосабливаются к требованиям режима, труду, учебе, воспитательному воздействию. Это связано с тем, что ранее несовершеннолетние были лишены контроля со стороны родителей, проводили большую часть времени на улице, демонстрировали асоциальное поведение (Старков О.В., 2014). В этой связи далеко не каждый выбранный метод, методика или технология оказываются действенными.

Вместе с тем, выявляются случаи, когда правонарушения совершаются несовершеннолетними осужденными при попустительском отношении сотрудников ВК к своей деятельности, недооценке серьезности ситуации, сниженном контроле над поведением подростков, их слабой занятости в процессе дня. В отдельных случаях воспитателями не придается значения установлению доверительных отношений с несовершеннолетними, что, по мнению специалистов, является «самым важным в контроле за делинквентностью» (Фокс В., 1985).

Не всегда отмечает должное взаимодействие между службами ВК, участвующими в воспитательном и исправительном процессе.

Отмеченные причины совершения правонарушений в обязательном порядке должны учитываться при построении профилактической работы с осужденными ВК, являться первоочередными «психотерапевтическими мишенями» психолого-педагогического воздействия на несовершеннолетних. Эффективность такой работы может быть гарантирована при одном из условий – если применяемые технологии и методы будут влиять непосредственно на зоны «риска», слабые места в структуре личности подростков, а также окружающих его условий. В противном случае степень эффективности профилактики будет минимальной.

Литература

1. Некрасов А.П. Причинный механизм преступности несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях // Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2. № 1. С. 112–117.
2. Старков О.В. Криминология. Теория и практика [Текст] : учебник для вузов : для студентов, обучающихся по юридическим направлениям и специальностям. – 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2014. 641 с.
3. Фокс В. Введение в криминологию: Пер. с англ. / Под ред. и со вступ. ст.: Б.С. Никифорова, В. М. Когана. М.: Прогресс, 1985. 312 с.

Постановка проблемы исследования совладающего поведения осужденных мужского пола при пенитенциарном стрессе в ситуации условно-досрочного освобождения

Мельникова Д.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственные психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Отбывание наказания в исправительном учреждении относится к жизнедеятельности в экстремальных условиях, так как на осужденных влияют факторы пенитенциарной среды, что существенно ограничивает возможности удовлетворять ряд социальных и психологических потребностей. Стресс может способствовать девиантному поведению, формированию стойкой дезадаптации, развитию неблагоприятных для личности психологических состояний и реакций.

Наряду с постоянно действующими факторами пенитенциарной среды, стрессовое состояние могут вызывать и ситуативные факторы, одним из которых является ситуация условно-досрочного освобождения (УДО). Суд рассматривает заявление осужденного об условно-досрочном освобождении в независимости от поддержки администрации учреждения и характеристики психолога. Хотя в процессе принятия решения об условно-досрочном освобождении позиция администрации учитывается, и тем не менее, даже при ходатайстве администрации исправительного учреждения, доля лиц, которые освобождаются условно-досрочно составляет в настоящее время не более 25% от всех освобожденных. Есть основание полагать, что большинство осужденных, которые ожидают решение суда, и тем более те, которым отказали в УДО, испытывают состояние стресса (фрустрации).

В связи с вышеизложенным, **целью** нашего исследования является выявление особенностей стресса и совладающего поведения у осужденных мужского пола, находящихся в ожидании условно-досрочного освобождения и получивших отказ в условно-досрочном освобождении. **Объектом исследования** является пенитенциарный стресс у осужденных мужского пола, находящихся в ожидании решения об условно-досрочного освобождения и получивших отказ в условно-досрочном освобождении. **Предмет исследования** – закономерности проявления стресса и содержание совладающего поведения у осужденных мужского пола, находящихся в ожидании решения об условно-досрочного освобождения и получивших отказ в условно-досрочном освобождении.

Цель исследования реализуется посредством решения следующих **задач**: анализ состояние исследований стресса у осужденных мужского пола и опыт его учета в процессе исполнения наказания; выявление динамики переживаний осужденными психического состояния в ситуации УДО (предшествующей обращению в суд и при отказе в УДО); установление наиболее распространенных форм совладающего поведения при пенитенциарном стрессе, вызванном отказом в УДО; выявление личностных и ситуативных факторов пенитенциарной среды, влияющих на реакцию осужденных при стрессе в ситуации УДО; подготовка научно обоснованных рекомендаций по учёту стрессового состояния и способов совладающего поведения у осужденных мужского пола в ситуации УДО.

Были обозначены следующие **гипотезы исследования**: подавляющая доля осужденных мужского пола, находящихся в ситуации ожидания решения об условно-досрочного освобождения, находятся в состоянии стресса; у осужденных мужского пола, получивших отказ в условно-досрочном освобождении, преобладает неэффективный репертуар стратегий совладающего поведения, который зависит от личностных свойств осужденного и социальной поддержки окружающих.

Разработана и осуществляется программа исследования в соответствии с поставленной проблемой.

**Социально-демографическая характеристика беременных женщин,
отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России**

Москвитина М.М.

ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России»

(г. Москва, Россия)

Панова Т.Б.

ГБУЗ «Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков имени

Г.Е. Сухаревой Департамента здравоохранения Москвы»

(г. Москва, Россия)

В соответствии с законодательством в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации осужденные женщины, согласно ч.ч. 3 и 4 ст. 74 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации отбывают наказание в исправительных колониях (далее – ИК) и в колониях-поселениях (участках колоний-поселений). Весной 2020 в исправительных учреждениях (далее – ИУ) содержались 72 беременные женщины, что составляет 0,23 % от общего количества женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы. 55,6 % из них содержались в ИК и 44,4 % – в КП (УКП). Возраст осужденных варьировал от 18 до 44 лет. При этом наибольшую долю из них составили осужденные следующих возрастов: 21 год (7 %), 23 года (8 %), 30 лет (10 %), 31 год (7 %), 34 года (8 %), 35 лет (7 %).

Все 100 % респондентов имели гражданство Российской Федерации. Из них 71 % – не замужем. При этом большая часть из них на момент осуждения сожительствовали с отцами их будущих детей. В официальном браке состояли 26 % женщин от общего количества опрошенных.

Анализ данных об уровне образования беременных осужденных женщин показал, что 30,5 % из них имеют среднее специальное образование. Доли респондентов, имеющих среднее и неоконченное среднее образование несколько меньше – 29 % и 28 % соответственно. Осужденных с высшим и неоконченным высшим образованием значительно меньше – 8 % и 3 % соответственно.

Рассматривая социально-демографическую характеристику беременных осужденных женщин, необходимо остановиться на таком аспекте как количество уже имеющих у них детей. Так, детей нет у 25 % опрошенных. Одного ребенка имеют 28 % осужденных; двоих – 25 %, троих – 12,5 %, четверых и более – 9 %.

При этом мы считаем достаточно важным тот факт, что более четверти опрошенных женщин, имеющих детей (28 %), лишены родительских прав, а 4 % – ограничены в правах. Несовершеннолетние дети проживают у родственников, в детских домах, в центрах социальной помощи, в приемных семьях, у опекунов, а также в детских домах при исправительном учреждении.

Сроки беременности исследованных женщин варьировали от 9 до 40 недель. Наиболее распространенный срок беременности составлял 27-28 недель (6 месяцев). Осужденных с небольшим сроком беременности было меньше. Это связано с тем, что женщины не всегда сами знают о своей беременности, или умышленно скрывают

данный факт от администрации ИУ. Также нередко осужденные часть своего срока беременности проводят в следственном изоляторе.

Далее рассмотрим род занятий респондентов до попадания в ИУ. 47 % опрошенных женщин до осуждения работали. Получали образование только 3 % респондентов, из которых половина – получали среднее специальное образование, а другая половина – высшее. Примечательно, что 50 % опрошенных до осуждения не были заняты никакой определенной деятельностью, что может свидетельствовать об их недостаточно высоком уровне социальной ответственности.

Подводя итог анализа социально-демографической характеристики осужденных беременных женщин можно сказать, что «усредненный» представитель данной категории – 31-35 лет со средним полным общим образованием, имеющая двух детей, которая может быть лишена на них родительских прав, безработная. Примерный срок беременности составляет ориентировочно 27-28 недель (Москвитина М.М. 2020).

Литература

1. Москвитина М.М. Исследование социально-демографических характеристик беременных женщин, осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях ФСИН России // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Выпуск 3. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2020. С. 202-206.

Особенности реализации психокоррекционных программ для женщин, отбывающих наказание

Орлова К.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Одним из направлений работы психолога в пенитенциарной системе является психокоррекционная деятельность с целью изменений в ценностно-смысловой сфере личности. В рамках нашего исследования эта сфера выступила мишенью воздействия, нами была разработана и реализована тренинговая коррекционно-развивающая программа, посвященная работе с особенностями привязанности осужденных матерей и направленная на формирование ресурсов психосоциальной интеграции посредством укрепления психоэмоциональной связи с ребенком (Орлова К.С., 2020).

Разработанная нами программа рассчитана на 10 тренинговых встреч по 90 минут. Одной из объективных сложностей проведения исследования стало жесткое расписание дня осужденных, большую часть которого занимает работа и посещение дома матери и ребенка. Таким образом, единственным способом собрать тренинговую группу стал период карантина в ДМР, когда посещение детей было запрещено. В условиях эпидемиологической ситуации на март-апрель 2020 года,

программа была проведена в сокращенном формате: тренинги были сгруппированы по общей тематике, было проведено 5 встреч по 2 часа.

Ермихина М.О. отмечает, что работа с родителями осложняется их уверенностью в своих компетенциях, а трудности в воспитании ребенка объясняются несовершенствами системы, общества, т.д. Подобная установка проявилась у участниц тренинга в сложности с формулированием своих слабых сторон родительства, осужденные не расположены к рефлексии своих материнских качеств и концентрируются только на “позитивных” моментах родительства, перекладывая ответственность по воспитанию своих детей на сотрудников колонии (Ермихина М.О., 2004).

У осужденных вызывало большие затруднения перечисление “отрицательных” сторон родительства (разлука с ребенком, болезнь, усталость, др.). Гущина Т.В. при изучении дисфункциональных семей заключает, что ее члены отрицают существование трудностей в семейной системе, а проблемные ситуации не служат источником опыта для них (Гущина Т.В., 2005). Данная особенность наблюдается у осужденных – основной уход за детьми осуществляют сотрудники ДМР, сами женщины не сталкиваются со всеми тяготами родительства, не получают полноценный опыт материнства, что неизбежно сказывается на их привязанности к детям.

При шерринге от женщин была получена положительная обратная связь – благодарность за проведенные занятия, сожаление, что программа подошла к концу, т.к. в условиях отбывания наказания они испытывают информационный голод. Также необходимо отметить интерес других осужденных к тренингу – через участниц неоднократно поступали запросы на посещение подобных встреч с остальными осужденными, имеющими детей в ИК.

Положительным результатом проведенных встреч стало смещение фокуса внимания женщин с трудностей жизни в отряде и в межличностных отношениях с другими осужденными на воспитание и развитие детей.

Несмотря на объективные сложности в организации психокоррекционной работы в ИК, а также личностные особенности осужденных, в результате проведенной работы удалось получить положительные сдвиги в ценностно-смысловой сфере участниц.

Литература

1. Гущина Т. В. Защитное и совладающее поведение в дисфункциональной семье в период кризиса: дис ... канд. психол. наук. Кострома, 2005. 228 с.
2. Ермихина М. О. Формирование осознанного родительства на основе субъективно-психологических факторов: автореферат дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2004. 22 с.
3. Орлова К.С. Психологические особенности материнской привязанности у женщин, отбывающих наказания // Сборник тезисов участников межвузовской

научно-практической интернет-конференции по юридической психологии 18-21 мая 2020 года. М.: МГППУ, 2020. С.334-336.

Культура насилия в местах лишения свободы

Парфёнова П. А.

РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия» (г. Москва, Россия)

В местах лишения свободы складывается специфическая культура – установки и ценности, разделяемые сотрудниками и заключенными, которые определяют поведение, как правило, внутри учреждения. Она навязывает определенный нормопорядок как в психологическом, так и в физическом отношениях. Эта атмосфера способствует нарушению или умалению прав. Рассмотрим аспекты, представляющие собой факторы, создающие риск нарушения прав.

Отношение к заключенным как к людям второго сорта. Они утратили свои права в связи с совершением преступления. Распространенное мнение о том, что преступники должны подвергаться плохому обращению, так как это часть их наказания, они это заслужили. Понятно, что создание минимальных необходимых условий, которых достоин каждый человек, не надо ставить в приоритет.

Работа в исправительных учреждениях часто связана с рутинной, похожие друг на друга дни по установленному распорядку. В глазах сотрудников из-за этого заключенные могут утратить статус индивидуумов, превращаясь в «неодушевленные предметы» (Goffman E., 1961). Не проводится оценка индивидуальных рисков и потребностей каждого заключенного.

Дискриминация может иметь место на основании этнического, национального происхождения, вероисповедания, сексуальной ориентации, гендерной принадлежности, т.е. в основном по отношению к меньшинствам – группам, вес которых не является доминирующим среди общего числа людей в данном общественном и временном пространстве.

Насилие является нормой в местах лишения свободы. Методы принуждения считаются оправданными и приемлемыми. Администрация учреждений часто закрывает глаза или даже поощряет проявление насилия среди заключенных, также это связано с существованием тюремной иерархии.

Сотрудники думают, что оправдано использование власти над заключенными в личных интересах. Это может быть связано с недовольством уровнем зарплаты, отношением высшего руководства. Сотрудники также могут считать, что им необходимы дополнительные источники дохода для поддержания привычного образа жизни.

Развитие враждебных отношений между сотрудниками и заключенными. Сотрудники могут с подозрением относиться к намерениям или поведению заключенных, надзор за которыми они осуществляют, или конкурировать с ними за

внимание начальства (Coyle A., 2002). Может развиваться установка «никто не понимает, каким рискам мы подвергаемся ради службы». Подобное отношение среди сотрудников связано с повышенным уровнем стресса среди заключенных (Liebling A., 2007).

Терпимость к нарушению прав. Виновные не привлекаются к ответственности посредством гражданского, административного, уголовного и дисциплинарного производства. Либо санкции слишком мягкие, не оказывающие должного эффекта.

Степень престижа учреждения измеряется отсутствием инцидентов, нарушающих безопасность. Вопросы безопасности приобретают первостепенное значение в ущерб правам заключенных.

Литература

1. Антонян Ю. М. , Еникеев М. И. , Эминов В. Е.: Психология преступления и наказания: монография. М.: РГ - Пресс, 2018. 400 с.
2. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев/ Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 740 с.
3. ООН, Обновленный свод принципов защиты и поощрения прав человека посредством борьбы с безнаказанностью, 2005. - (E/CN. 4/2005/102/Add. 1).
4. Coyle A., Managing Prisons in a Time of Change, International Centre for Prisons Studies, 2002, - p. 77.
5. Goffman E. , «On the characteristics of Total Institutions :Staff-Inmate Relations» , in The Prison, Studies in Institutional and Organizational Change, D Cressey (ed), International Thomson Publishing, 1961, p.68.
6. Liebling A., «Why Prison Staff Culture Matters» in The Culture of Prison Violence, Byrne, Taxman and Hummer (eds), Allyn and Bacon, 2007, p. 105.

Психологические условия декриминализации (по материалам зарубежных исследований)

Сечко А.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Анализу движущих сил, позволяющих человеку выйти из порочного преступного круга, посвящены работы как в отечественной, так и в зарубежной психологии.

Потенциальные или фактические обязательства перед значимыми членами семьи были основной причиной желания декриминализации. Приверженность семье была более распространенной среди молодых респондентов мужского пола, чем среди женщин той же возрастной группы. Потеря возможности не иметь семью в

большей степени стрессогенна, нежели риск потери здоровья, преследования со стороны полиции или стигматизации (Brosens D. et al., 2015).

Респонденты младшего возраста связывали прекращение правонарушений с поддержкой службы пробации, социальной работой, религией (Western B., 2014).

Обследованным проще согласиться на наказание в виде лишения свободы, чем заплатить штраф (Barry M., 2013).

Общественные работы эффективны при надзоре должностными лицами, обладающими качествами непредвзятости, проявления уважения к осужденным, стремлением оказывать им поддержку в решении проблем (Barry M., 2013).

Многие предполагают, что постоянные периоды тюремного заключения накапливают и усиливают неблагоприятное воздействие на правонарушителей, состояние стресса, чувства безнадежности, гнева и потери жизненных перспектив (Сечко А.В., 2020).

Генеративность – участие в заботе о других, основанная на собственном опыте, исполнение роли матери, опекуна больных родителей, даже домашних животных, лекторов, предостерегающих молодых людей о ловушках наркотиков и алкоголя, в значительной степени оказывает реабилитирующее воздействие. Посещение, краткосрочный стресс пребывания в тюрьме, может удерживать молодых людей от дальнейших правонарушений, несмотря на то что большинство отрицательно отзываясь о собственном опыте пребывания в тюрьме (Barry M., 2013).

Для предотвращения преступности среди молодежи в будущем им необходимо предложить более качественные и более доступные виды досуга.

Все обследованные признали, что социальное признание очень важно и может быть достигнуто через статус, обеспечиваемый материальным положением: возможностью сдавать имущество в аренду, престижной работой.

Наставничество добровольцев, способных построить доверительные отношения с условно-досрочно освобожденными через последовательные, не осуждающие действия и общение, является многообещающей стратегией предотвращения рецидивизма. Наставники должны обеспечивать процесс координации процесса взаимодействия с агентствами, которые выполняют надзорные функции за условно-досрочно освобожденными. (Petersilia J., 2009).

Литература

1. Кутянова И.П., Сечко А.В., Фомин Н.В., Щекатурова О.М. Модель психолого-воспитательной работы с детьми и подростками, находящимися на ранней стадии наркотизации «Школа жизни» // Психология обучения. 2016. № 6. С.107-114.
2. Сечко А.В. Психологические факторы рецидивизма и его профилактики (по материалам зарубежных исследований) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. №1. С. 85—93. doi:10.17759/jmfp.2020090107

3. Barry Monica. Desistance by Design: Offenders' Reflections on Criminal Justice Theory, Policy and Practice. European Journal of Probation. 2013. Vol. 5, No.2. P. 47 – 65. ISSN: 2006 – 2203.
4. Barriers to Participation in Vocational Orientation Programmes among Prisoners [Электронный ресурс]/ Brosens D., [et al.] // Journal of Prison Education and Reentry. 2015. Vol. 2. No.2. P. 8–22. URL: <https://scholarscompass.vcu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1028&context=jper> (дата обращения: 30.01.2020).
5. Petersilia J. When Prisoners Come Home: Parole and Prisoner Reentry. New York: Oxford University Press. 2009. 320 p. ISBN: 9780195386127.
6. Stress and Hardship After Prison / Western B., [et al.] // Department of Sociology, 33 Kirkland Street, Cambridge MA 02138.2014. URL: <https://scholar.harvard.edu/files/brucewestern/files/trans08.pdf> (дата обращения: 04.02.2020).

Предпрофессиональная подготовка как один из способов подготовки воспитанников к ресоциализации

Соболева О.Е., Токарева О.П.

КСУВУ «Аннинская специальная общеобразовательная школа»

(п.г.т. Анна, Воронежская обл., Россия)

Наши воспитанники – это подростки 11-18 лет, совершившие общественно-опасные деяния, предусмотренные УК РФ, нуждающиеся в особых условиях воспитания и обучения. Их развитие происходило в неблагоприятных жизненных условиях, интернатах, семьях, ведущих асоциальный образ жизни, злоупотребляющих алкоголем, наркотиками. Проблемы воспитанников, как правило, обусловлены наложением семейных проблем, социальных ситуаций на индивидуальные особенности. Вследствие эмоциональной и социальной депривации у них наблюдаются нарушения эмоционально-волевой сферы. Вспыльчивость, неуверенность в себе, ощущение отсутствия жизненной перспективы, искажены представления о нормах и правилах поведения, низкий образовательный уровень. Попадая в специальную школу, подростки сталкиваются с большим количеством правил и ограничений закрытого образовательного учреждения, в связи с этим у многих из них проявляются негативные поведенческие реакции.

В этой связи основной целью функционирования специального учебно-воспитательного учреждения является организация условий для успешной коррекции отклоняющегося поведения. За период пребывания ребёнка в спецшколе важно сформировать у него умения и навыки, необходимые для адаптации в социуме, в том числе помочь в выборе будущей профессии как основы успешной жизни. Находясь в условиях закрытого учреждения и не имея достаточного жизненного опыта, выпускники школы, встав на самостоятельный путь, теряются в жестких рыночных

условиях и часто допускают типичные ошибки в выборе профессии. С 2016 по 2018 год из 21 выпускника только 28% продолжили обучение по профилю предпрофессиональной подготовки, а 72 % не продолжили обучение.

Анализ сложившейся ситуации позволил определить проблему происходящего. А именно: для осознанного личностного выбора и профессионального самоопределения не хватало возможностей для предпрофессиональной подготовки воспитанников, поэтому в 2018 г. было принято решение о разработке социального проекта «Открывая горизонты ...». Цель проекта – разработка и внедрение эффективных практик предпрофессиональной подготовки несовершеннолетних через создание образовательного пространства, обеспечивающего качество обучения в данном направлении.

Координацию комплекса мер по реализации проекта осуществляла рабочая группа, в состав которой вошли:

- 1) администрация школы (осуществляла организационно-правовое сопровождение реализации проекта);
- 2) педагог-психолог (способствовал формированию готовности к адекватному выбору будущей профессиональной деятельности);
- 3) социальный педагог (выполнял роль посредника между подростком и миром профессий, работая в тесной связи с родителями воспитанников и другими специалистами);
- 4) педагоги дополнительного образования (разработали и реализовали программы предпрофессиональной подготовки);
- 5) врач-педиатр (осуществлял мониторинг уровня соматического здоровья).

Выбор программ предпрофессиональной подготовки сделан не случайно. Он основывается на результатах диагностики (ДДО Е.А Климова, анкета оптанта), соотнесен с возможностями учреждения, с образовательными ресурсами субъектов РФ (Республики Коми, Чувашии, Воронежской области) и рынком труда.

Результаты проделанной работы не заставили себя долго ждать. После реализации программ предпрофессиональной подготовки «Столяр», «Растениевод», «Мастер по пошиву мягкой игрушки» повысился уровень учебной и профессиональной мотивации выпускников. 4 из 6 выпускников 2018-2019 учебного года выбрали профессии, связанные с полученными знаниями по программе «Столяр» – 3 человека (Республика Чувашия, г. Сыктывкар, Деревоперерабатывающий комплекс), по программе «Растениеводство» – 1 человек (Аннинский аграрно-промышленный техникум). Во-вторых, сформирован начальный уровень профессиональной компетенции воспитанников (призовые места в конкурсах декоративно-прикладного творчества регионального и муниципального уровня).

Выстраивая вектор доверия: опыт работы Свердловской области по ресоциализации молодых людей, отбывающих наказание в ФКУ «Кировградская воспитательная колония» ГУ ФСИН России по Свердловской области

Титова Ю.А.

Аппарат Уполномоченного по правам ребенка в Свердловской области
(г. Екатеринбург, Россия)

В рамках взаимодействия с ФКУ «Кировградская воспитательная колония» ГУ ФСИН России по Свердловской области (далее – Кировградская ВК) мы пришли к пониманию необходимости работы с молодежью, находящейся в местах лишения свободы, по следующим направлениям: проведение совместных мероприятий молодежи, организация обучающих мероприятий по различным направлениям (творчество, спорт и др.), а также моральная поддержка и помощь освободившимся (ориентир – наставничество). Все это предполагает активное включение молодежных организаций региона.

По вышеназванным направлениям началась совместная работа Аппарата Уполномоченного по правам ребенка в Свердловской области, волонтеров Всероссийского студенческого корпуса спасателей Свердловской области, студентов вузов и колледжей Свердловской области и иных молодежных организаций с Кировградской ВК. В рамках проекта уже запущены театральные кружки, кружок спасательной деятельности, проведено огромное количество совместных мероприятий законопослушной молодежи и осужденных.

Ключевая цель проекта – предотвращение повторного попадания молодых людей, преступивших закон, в места лишения свободы.

Есть две проблемы, которые мы выявили в процессе реализации проекта. Первая – Федеральная служба исполнения наказаний разработала план мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках «Десятилетия детства». В этом плане есть положение: «Для популяризации здорового образа жизни организовать проведение встреч несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях, а также состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях с представителями молодежных организаций». Положение есть, но реализация его неэффективна. Представляется, есть две ключевые причины этого:

1. Мало общественных молодежных организаций, готовых работать со сложными подростками. Особенно с теми, кто находится в местах лишения свободы. Если даже кто-то и начинал, но прекратил эту работу. Как представляется, потому, что это сложно и можно разочароваться, можно устать искать механизмы, которые реально работают. Есть, конечно, и другие причины.

2. Вторая, и на наш взгляд, главная причина – ФСИН России и все ее структуры очень осторожно относятся к любым инициативам НКО. Сложилось мнение, что НКО проводят данную работу для реализации своих целей – использовать деньги гранта или, хуже того, вербовать в нелояльные государству структуры сложную молодежь,

прикрываясь НКО. Это мнение, которое сформировалось на основе наблюдения и анализа многих ситуаций.

Вторая проблема – освобождение осужденных. В некоторых регионах нашей страны есть программы реабилитации и ресоциализации освободившихся из мест лишения свободы. В этих программах отдельным блоком идёт реабилитация тех, кто освобождён из воспитательной колонии (трудоустройство, психологическая поддержка и др.). Однако не во всех регионах такие программы есть. В Свердловской области пока такой программы нет. Многим молодым людям, освобождающимся из мест лишения свободы, тяжело без сторонней поддержки.

Наш опыт показывает, что ресоциализацию несовершеннолетних осужденных эффективнее всего могут осуществлять различные некоммерческие организации (НКО), которые готовы работать в рамках индивидуальных программ реабилитации молодых людей. Это важно как для личности конкретных несовершеннолетних, так и для общества в целом.

Психологическая готовность осуждённых женщин, имеющих детей на свободе, к материнской роли

Толстоноженко Т.Ю.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

По данным ФСИН России в местах лишения свободы содержится более 40 тыс. женщин, в том числе 30662 – в исправительных колониях, лечебных исправительных учреждениях, лечебно-профилактических учреждениях и 9391 – в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях. При женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 372 ребенка в возрасте до 3 лет. (2020 год). Это позволяет в определенной степени реализовать право осужденных женщин на материнство.

Наличие у осужденных женщин детей, материнских чувств, принятие ответственности за судьбу ребенка, являются важными предпосылками их ресоциализации, законопослушного поведения после освобождения, снижает фактор риска повторного преступления.

Особо остро стоит проблема материнства в отношении осужденных женщин, дети которых остались на свободе и проживают с родственниками или находятся в интернате, в приемной семье. К сожалению, даже при специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, доля женщин, имеющих несовершеннолетних детей, не учитывалась. Но есть другие показатели, свидетельствующие о сложности семейной ситуации у осужденных женщин. Так, по данным последней переписи осужденных в 2009 году, не состояли в браке – 74,2% женщин; состояли в браке, семья сохранилась – 15,1%; состояли в браке, но после осуждения семья распалась – 10,7%.

По экспертному заключению начальников отряда, социальных работников и психологов, у 25% осужденных женщин остались несовершеннолетние дети на свободе.

В этой связи актуальной проблемой и *целью исследования* является выявление психологической готовности осужденных женщин к выполнению социальной роли матери.

Основные задачи исследования:

- анализ и обобщение состояния исследований по проблеме подготовки осужденных женщин, в том числе имеющих детей, к жизни на свободе;
- определение психологической готовности различных категорий осужденных женщин к выполнению социальной роли матери и их типология;
- теоретическое обоснование и разработка программы психолого-педагогической подготовки различных категорий осужденных женщин к выполнению социальной роли матери.

Гипотезы исследования: 1). Значительная доля осужденных женщин имеет низкий уровень психологической готовности к выполнению социальной роли матери, прежде всего по таким показателям как материнские чувства, ответственность, наличие четких жизненных планов; 2). Разработка научно обоснованной программы психолого-педагогической подготовки осужденных женщин к освобождению позволит повысить их готовность к выполнению социальной роли матери

Для решения поставленных задач используются следующие методы и методики: авторская анкета; рисуночный тест «Я и мой ребенок», Методика изучения родительских установок PARI (Е. С. Шефер и Р. К. Белл), Методика неоконченных предложений.

Результаты исследования обрабатываются и будут представлены в следующих публикациях.

Современные требования к подготовке специалистов-психологов для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

Ушков Ф.И.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(г. Москва, Россия)

За последние десять лет в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации проведены стратегические изменения, коснувшиеся всех направлений деятельности. Во многом они стали возможны в связи с реализацией Концепции развития уголовно-исполнительной Российской Федерации до 2020 года. Внесены ключевые изменения в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, улучшились условия содержания лиц под стражей и отбывающих наказания в исправительных учреждениях, внедрены новые формы и методы воспитательной работы с осужденными. Активно реализуются проекты, направленные на

ресоциализацию и реабилитацию осужденных, как в период отбывания наказания, так и после освобождения. Изменения коснулись и деятельности психологов учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Пенитенциарные психологи успешно применяют групповые и индивидуальные формы работы с осужденными, в их деятельность внедряются новые психокоррекционные программы и психодиагностические методы, в целях повышения профессионального уровня расширен перечень программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки в ведомственных образовательных организациях Федеральной службы исполнения наказаний. В практическую деятельность пенитенциарных психологов внедряются комплексные программы с привлечением специалистов медицинских, режимных, воспитательных, социальных и оперативных служб учреждений. Таким примером выступают «Ведомственная программа социально-психологической работы в отношении лиц, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость, содержащихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях» и Программа развития мотивации к получению в период отбывания наказания востребованной профессии на рынке труда и трудоустройству по специальности после освобождения из мест лишения свободы.

В связи с этим, образовательные организации, не подведомственные Федеральной службе исполнения наказаний, нуждаются в своевременном получении материалов по внедряемым методам работы с осужденными для внесения последующих изменений в программы подготовки будущих специалистов-психологов.

Актуальность указанных мероприятий подтверждается тем, что значительная часть кандидатов в психологическую службу приходит из гражданских ВУЗов. Отмечается, что специалисты-психологи, закончившие гражданские ВУЗы, в отличие от выпускников ведомственных образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний, уже на этапе адаптации к условиям службы сталкиваются с рядом трудностей. В первую очередь, они обусловлены спецификой деятельности учреждений, установленными ограничениями и требованиями к психологу учреждения, сложностью построения эффективного взаимодействия с осужденными, социально-психологическими процессами в отрядах и трудовых коллективах осужденных, разноплановостью решаемых задач при осуществлении профессиональной деятельности, планированием ежедневных мероприятий, с учетом ведомственных нормативных правовых актов. В итоге молодой специалист испытывает серьезные сложности на первых этапах профессионального становления, у него может наблюдаться снижение мотивации к труду, происходит разочарование в выборе работы.

Решение указанных проблем возможно через создание гражданскими ВУЗами с Федеральной службой исполнения наказаний совместной системы подготовки будущих специалистов для работы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Подготовка должна содержать профориентационные мероприятия со студентами, ознакомление и разъяснение

студентам условий труда пенитенциарного психолога, его служебных обязанностей и прав, привлечение практических работников в образовательный процесс, и создание условий для прохождения производственной практики в учреждении уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, в котором студент планирует начать трудовую деятельность.

Состояние научно-методического обеспечения психокоррекционной работы с осужденными

Филимонова П.М.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(Москва, Россия)

Научный руководитель – М.Г.Дебольский

Начиная с 2000-го года наблюдается снижение количества преступлений несовершеннолетних и численности осужденных в воспитательных колониях, тем не менее, уголовная статистика свидетельствует, что ситуация остается сложной. По данным сайта «Портал правовой статистики», в 2019 году совершено 37953 преступления лицами, не достигшими совершеннолетнего возраста.

С целью анализа состояния развивающей и психокоррекционной работы с несовершеннолетними осужденными нами проведен контент-анализ 113 тренинговых программ, которые имеются в банке данных психологической службы ФСИН России. Остановимся на кратком описании результатов исследования.

По целям психологического воздействия 55% тренингов презентуются как психопрофилактические и развивающие; 45% – как психокоррекционные и развивающие. Реально в ходе тренингов, на наш взгляд, реализуются два вида деятельности. Подавляющее большинство программ тренингов являются социально-психологическими и носят групповой характер; лишь 5% ориентированы на развитие социальных навыков в процессе индивидуальной работы. В качестве содержательных целей программ СПТ, чаще всего заявлены: оптимизация процесса адаптации несовершеннолетних осужденных к условиям ВК; подготовка осужденных к освобождению; развитие эмоциональной устойчивости и управление гневом; развитие коммуникативных умений и навыков поведения в конфликтной ситуации; формирование социальных умений; психопрофилактическая работа с осужденными, склонными к употреблению психоактивных веществ; профилактика криминальной субкультуры.

С учетом накопленного психологической службой ФСИН России опыта нами подготовлена и апробирована программа СПТ, целью которой является осознание несовершеннолетними осужденными причин совершенного преступления и формирование установки на исправление.

Теоретико-методологической основой тренинга являлась когнитивная терапия Арона Бека. Программа рассчитана на 10 занятий, но в связи с объявленным

карантином удалось провести только 5 занятий. Вместе с тем, результаты исследования показали, что у осужденных наблюдалась положительная тенденция в осознании причин совершенного преступления и принятия личной ответственности за свои поступки и адаптации к условиям отбывания наказания.

Литература

1. Адаптация личности в современном мире: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. 110 с.
2. Дебольский М.Г. Проведение социально-психологических тренингов в уголовно-исполнительной системе: Учеб. пособие. Акад. МВД России. М.: Акад. МВД РФ, 1996. 87 с.
3. Портал правовой статистики // URL:http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 10.10.2020).

Особенности членовредительства несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах

Чеботарев И.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Научный руководитель – М.Г.Дебольский

Актуальность проблемы членовредительства несовершеннолетних заключенных следственных изоляторов обусловлена такими факторами, как высокая встречаемость данного явления, а также, ввиду рассмотрения членовредительства, как формы суицидального поведения – отсутствием системы профилактики именно членовредительства как особой формы аутоагрессивного поведения со своими мотивами, не совпадающими с мотивами суицида (Антонян Ю.М., Бойко И.Б. Верещагин В.А., 1994).

В исследовании был проведен анализ 21 ситуации членовредительства несовершеннолетних заключенных, совершенной в 2018-2019 гг. в ряде СИЗО. Основным методом исследования являлся контент-анализ документов, составленных по результатам проверки причин и условий, способствовавших членовредительству, а также результатов психодиагностики несовершеннолетних. Для выявления специфических особенностей членовредительства несовершеннолетних было проведено сравнение полученных данных с аналогичными данными по взрослой выборке.

Исследуя результаты психодиагностики данной категории несовершеннолетних выявлено, что у них отсутствуют какие-либо характерные личностные особенности, в т.ч., акцентуации характера, а высокий суицидальный риск (на момент последней перед актом членовредительства диагностики) был выявлен у 44% несовершеннолетних, что также не позволяет сделать однозначных выводов.

По результатам исследования выявлены такие особенности актов членовредительства несовершеннолетних, как высокая (по сравнению со взрослыми) вероятность совершения рецидивного акта членовредительства, а также тенденция к совершению групповых актов членовредительства, как в форме заранее спланированной акции, так и в форме нескольких актов, совершенных сокамерниками с небольшим интервалом, в знак солидарности с действиями сокамерника или же под влиянием механизмов психологического заражения и подражания.

Рассматривая мотивы совершения актов членовредительства (по данным объяснений несовершеннолетними), мы установили, что в большинстве случаев мотивы поступков носят демонстративно-шантажный характер (что подтверждается и обстоятельствами совершения акта членовредительства, когда подросток находится на виду у сокамерников и сотрудников), целью акта членовредительства является оказание давления на администрацию в достижении значимых целей, выражение протеста. Кроме того, нельзя исключать то, что скрытым мотивом совершения акта членовредительства часто является стремление подростка утвердиться в криминальной субкультуре, что подтверждается высоким уровнем криминальной зараженности, выявленным у несовершеннолетних, совершивших членовредительство. Большинство актов членовредительства совершается в первые две недели пребывания в СИЗО либо после трех месяцев нахождения в изоляции. В первом случае мы это связываем с трудностями адаптации в учреждении, пенитенциарным стрессом (Мельникова Д.В., Дебольский М.Г., 2015), вызванным условиями содержания в СИЗО; во втором случае – с истощением компенсаторных ресурсов подростка либо с его приобщением к криминальной субкультуре, принятием ее ценностей. Полагаем, что приоритетными направлениями в профилактике членовредительства несовершеннолетних заключенных являются индивидуально-психологическое сопровождение и развенчание криминальной субкультуры.

Литература

1. Антонян Ю.М. Бойко И.Б. Верещагин В.А. Насилие среди осужденных: Учебное пособие/ Под ред. Ю.М. Антоняна. М.: ВНИИ МВД России. 1994. 120с.
2. Мельникова Д.В., Дебольский М.Г. Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. № 2. С. 105–116. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n2/77065_full.shtml (дата обращения: 09.10.2020).

Эмоциональная устойчивость сотрудников пенитенциарной системы

Ярошенко Е.И.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Эмоциональная устойчивость является одним из важнейших показателей психологической готовности сотрудников к выполнению своих обязанностей (Соловьев М.Н., 2019). Данный феномен проявляется в способности сохранять и поддерживать в сложных условиях психологическое состояние, благоприятное для профессиональной деятельности (Катунин А.П., 2012). Интерес к изучению эмоциональной устойчивости имеет особое значение в связи с высоким стрессовым и напряженным характером деятельности сотрудников пенитенциарной системы. В контексте современных исследований распространенным является определение психологической устойчивости как особого типа организации существования личности, обеспечивающим наиболее эффективное функционирование более сложной системы «человек - среда» в конкретной ситуации (Рогачева Т.В., 2014). Исходя из этого, можно установить пределы психологической устойчивости, которые ограничены потенциальными способностями человека и объективными требованиями конкретной ситуации.

Цель эмпирического исследования: установить связь между индивидуально-психологическими особенностями личности сотрудников пенитенциарной системы и их эмоциональной устойчивостью.

В исследовании приняло участие 54 сотрудника ФСИН России по Саратовской области.

В соответствии с задачами исследования нами установлены доминирующие показатели по методикам: «Самооценка эмоциональных состояний» Уэссман; Методике диагностики типа эмоциональной реакции на воздействие стимулов окружающей среды (Бойко); Тесту «Смыслжизненные ориентации» (методология LSS), Д.А. Леонтьева, диагностика уровня личной тревожности Спилбергера-Ханина.

В результате проведенного исследования установлено, что у 65% респондентов установлен сниженный показатель эмоционального состояния. Установленный результат отражает затруднения у большинства сотрудников точного выполнения профессиональной деятельности в психологически сложных условиях. Также, у большинства испытуемых выявлен высокий уровень ситуативной (92%) и личностной тревожности (100% опрошенных). Применение корреляционного анализа позволило установить значимую связь между «Общим показателем осмысленности жизни» со шкалами «Результат» и показателем «Локус-Контроля Жизни».

Полученные результаты свидетельствуют о высоком уровне напряжения сотрудников пенитенциарной системы. Негативный эмоциональный опыт усиливается и создает беспокойство, проявляющееся в тревожном поведении. Зачастую, тревожное поведение сопровождается доминированием такой копинг-стратегии, как избегание неудач. Проявление данного совладающего поведения в профессиональной деятельности сотрудников пенитенциарной системы затрудняет их стремление к успеху. Полученные в результате исследования данные позволят разработать соответствующие психопрофилактические и психокоррекционные мероприятия с целью повышения эффективности несения службы сотрудниками уголовно-исполнительной системы.

Литература

1. Катунин А. П. Стрессоустойчивость как психологический феномен Молодой ученый. 2012. № 9 (44). С. 243-246. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/44/5363/> (дата обращения: 14.09.2020).
2. Рогачева Т.В. Представления о психологической устойчивости как предпосылке психологического здоровья // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2014. N 4(27) [Электронный ресурс]. – URL: http://mprj.ru/archiv_global/2014_4_27/nomer/nomer01.php (дата обращения: 14.09.2020).
3. Соловьев М.Н. Психологическая устойчивость личности как "инструмент" от стресса // Вестник Курганского государственного университета. 2019. №2 (53). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-ustoychivost-lichnosti-kak-instrument-ot-stressa> (дата обращения: 14.09.2020).

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Категориальное пространство образа правоохранительных органов в российском общественном мнении

Андрианов М.С.

НИИ Университета прокуратуры РФ (Москва, Россия)

Образ правоохранительных органов формируется в процессе правовой социализации и представляет собой эмоционально окрашенное смысловое образование, встроенное в уникальную мировоззренческую систему социально-правовых представлений индивида. В нем фиксируется опыт человека, его знания об объекте и всей правовой реальности. Такой образ весьма устойчив, но может изменяться под влиянием происходящих событий. (Андрианов М.С., 2016).

На представление о социальном объекте влияет много факторов, которые группируются вокруг трех основных: 1) общественная оценка активности объекта по параметру «одобрение – неодобрение» его деятельности; 2) оценка его влиятельности в обществе; 3) отношение к объекту в зависимости от эмоций, которые он вызывает по шкале «доверие – недоверие». Образ объекта – интегральный показатель, который сложно представить в количественном выражении. А вот определение оценки его составляющих – распространенная практика (Андрианов М.С., 2017). Социологи так и составляют вопросы анкет, выясняя отношение населения к объектам, на этом основании строятся рейтинги институтов. Однако выводы о значимости объекта на основании таких рейтинговых сравнений по одной категории условны и относительны. Более объективными будут суждения, основанные на анализе показателей по всем трем категориям, которые и позволят определить «положение» объекта не только в социальном пространстве, но и в пространстве категориальном.

Собственно, такова научно обоснованная особенность социального восприятия. Специалисты, изучающие коннотации различных понятий, выявили, что все разнообразие оцениваемых атрибутов объекта сводится к трем основным: активен он или пассивен, каким потенциалом действия обладает – насколько он силен, а также насколько он значим (ценен) для воспринимающего. Эти три ключевых параметра составляют «оси координат» внутреннего смыслового пространства – области значений понятий (Osgood Ch., 1976; Петренко В.Ф., 1988). Они необходимы и достаточны человеку для оценивания объекта и его когнитивной категоризации. Определение его «позиции» в таких пространствах на основе оценок респондентов позволяет выявлять уникальное психологическое наполнение в виде определенного «образа», который он приобрел для людей в процессе социализации и взаимодействия с ним.

Как показывает мониторинг общественного мнения, осуществляемый в НИИ Университета прокуратуры РФ, все три составляющие образа правоохранительных органов в последние годы демонстрируют рост показателей. Если в начале XXI в. одобрение их деятельности высказывал лишь каждый четвертый, то в настоящее время такую оценку дают уже более половины респондентов. Динамика параметра «институционального доверия»: с 15–17% доверяющих до 25–30%. Оценка влиятельности органов правоохраны на жизнь страны сейчас на уровне примерно 3,5 баллов по пятибалльной шкале. Таким образом, в российском обществе наметилась позитивная тенденция: люди замечают изменения в правовом регулировании общественных отношений и отмечают вклад правоохранительных органов в удовлетворение базовой социальной потребности в правовой защищенности.

Литература

1. Андрианов М.С. Изучение и мониторинг общественного мнения по социально-правовой тематике // Теоретические основы использования психологических знаний в прокурорской деятельности: монография / Под ред. О.Д. Ситковской. М. Проспект, 2016. С. 84 – 95.
2. Андрианов М.С. Показатели и смысл общественной оценки роли прокуратуры в жизни России / Вестник Академии Генеральной прокуратуры Рос. Федерации, № 6 (62) 2017. С. 37 – 43.
3. Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М. МГУ, 1988. 208 с.
4. Osgood Ch. E. Focus of meaning. Vol. 1: Exploration of semantic space. Hague: Mouton. 1976. 21 – 35 p.

Особенности правосознания подростков, поступающих в юридический вуз

Байтимилова А.А., Коноплева И.Н.

ФГБОУ ВО Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва, Россия)

К специалисту в области юриспруденции на сегодняшний день предъявляется большое количество требований, в том числе и личностно-деловых. Каждый человек, планирующий связать свою жизнь с юриспруденцией, обязан осознавать всю возложенную ответственность и реально оценивать свои возможности уже на этапе поступления в вуз.

Целью нашего исследования стало получение нового знания о взаимосвязи сформированности правового самосознания и выборе специальности обучения. Предметом нашего исследования явилась сформированность правосознания одиннадцатиклассников, желающих связать свою жизнь с правом.

Эмпирическую выборку составили 30 учеников 11 класса, из них 15 человек из обычной средней школы (контрольная группа), и 15 человек из 11 класса школы с

углубленным изучением права (экспериментальная группа). В исследовании принимали участие, как девушки, так и молодые люди. Возрастная категория 16-18 лет.

В своем исследовании мы использовали следующие методики:

1. Авторская анкета, позволяющая получить информацию о личных данных и предпочтениях в дальнейшей учебе испытуемого, причинах данного выбора.
2. Методика изучения правосознания (Ясюкова Л.А., 2000).
3. Анкета «Уровень правового развития» на основе теста незаконченных предложений. С использованием модели правового развития Дж. Тапп и Ф. Левина (Гулевич О.А., 2003).

При анализе результатов использовался непараметрический критерий Манна-Уитни, обработка результатов проводилась с помощью программы IBM SPSS Statistics 25.

Знакомство с правовой культурой человек начинает еще на самых ранних этапах развития – в детстве. Правовые зачатки закладывает в первую очередь семья, затем это развивается с помощью сказок, каких-либо ролевых игр, а также посредством коммуникации со сверстниками. Во всех этих процессах появляется и проявляется пусть простой, неосознанный, но уровень понимания права. Анализ проведенного нами исследования показал следующие особенности выпускников школ.

Было отмечено, что 20% респондентов не были уверены, что определили точное направление подготовки, рассматривая несколько вариантов для получения высшего образования. 23% выпускников школ выбирают специальность по совету родных или друзей. 57% испытуемых определились с направлением подготовки самостоятельно.

Средние значения общего уровня правосознания у выпускников школ, планирующих связать свою жизнь с юриспруденцией, составили 22,3 балла, что соответствует среднему уровню сформированности правосознания, а у одиннадцатиклассников, планирующих поступление на иную специальность – 14,3 балла, что соответствует хорошему уровню.

Правосознание в форме правотворчества находится на более высоком уровне у выпускников школы класса с правовым уклоном, он составляет 60 %, по сравнению с 26%, являющимися показателями обычной школы. Более высокие показатели правоподдержания продемонстрировали учащиеся общеобразовательной школы – 33%, показатель будущих юристов – 20%. Процентное содержание ответов учащихся по шкале правопослушания было приблизительно равным – 26% учеников школы с юридическим уклоном по отношению к 20% выпускников обычной школы.

По результатам исследования, мы можем сделать следующие выводы:

1. Формированию высокого уровня правового самосознания способствует обучение в учреждениях с юридической направленностью.
2. Реализовывать правовую направленность ученики, не интересующиеся юриспруденцией, способны чаще всего только в бытовой сфере. Осведомленность

в правовых знаниях, деловая сфера правосознания, а также гражданская позиция расположена на низком уровне.

3. Правотворчество, как один из уровней правосознания имеет большую выраженность у выпускников школы с юридическим уклоном, одиннадцатиклассники общеобразовательной школы более склонны к правопослушанию. Правоподдержание у обеих групп слабо выражены.
4. Одиннадцатиклассники, планирующие связать свою жизнь с юриспруденцией имеют более высокий уровень правового самосознания, чем их сверстники, желающие связать свою жизнь с иной профессией.

Подводя итоги, можно считать, что у учеников, обучающихся в школах с правовым уклоном, выше уровень правосознания. Данную тенденцию можно объяснить большим количеством социально-гуманитарных дисциплин, изучаемых в «правовых» школах. Истории, обществознанию, литературе, правоведению уделяется весомая доля внимания, что положительно отражается на самосознании и гражданской позиции выпускников.

Психологический анализ почерка как дополнительный диагностический метод в судебной психологической экспертизе

Белодед Д.Р.

ФГБОУ ВО «КГУ им. К.Э. Циолковского» (г. Калуга, Россия)

Научный руководитель – Енгальчев В.Ф.

В процессе расследования преступлений зачастую на помощь следствию приходят различные виды экспертиз, которые оказывают существенное влияние на реконструкцию обстоятельств правонарушения и определение виновности лиц, причастных к нему.

Методы психологического анализа, которые можно применять без личного присутствия подэкспертного, являются значимыми и востребованными. Одним из таких методов является психологический анализ почерка (ПАП), который пока еще не имеет широкого распространения в России, но обладает всеми шансами завоевать доверие и занять свое достойное положение в ряду психодиагностических методик, применяемых в судебной экспертологии (Енгальчев В.Ф., Чернов Ю.Г., 2019). Целесообразно проводить количественную оценку выраженности каких-либо свойств, а затем давать экспертную оценку качественных проявлений (Леонова Е.В., 2017). Методика ПАП как раз следует этому правилу.

Потребность в применении ПАП в судебно-психологической экспертизе может быть вызвана необходимостью анализа почерка предсмертной записки или в качестве помощи в составлении психологического портрета преступника при наличии образца его рукописного текста. Например, опасного серийного убийцы по прозвищу Зодиак, действовавшего в Америке в 60-70 гг XX века. К сожалению, личность преступника не установлена до сих пор. Но до настоящего времени хранятся письма, которые

маньяк направлял в полицейские участки и редакции газет. Многие зарубежные эксперты пытались составить его психологический портрет, чтобы как-то оказать помощь следствию.

Доктор Л. Фридман из Чикаго, анализируя письма и поведение преступника, пришел к выводу, что Зодиак чувствовал себя бессильным, мог быть сумасшедшим и склонным к самоубийству. У. Бейкер, эксперт по почерку, называет Зодиака параноиком и шизофреником. Психолог Д. Найс и эксперт по насилию М. Келлехер предполагают наличие у Зодиака множественного расстройства личности.

ПАП позволил установить более семидесяти индивидуальных проявлений признаков почерка, среди которых опускающиеся строки, отсутствие красных строк, несвязность почерка, нерегулярность почерка и др.

По ним установлены следующие черты:

- Слабая жизненная энергия.
- Эмоциональная уравновешенность и раздражимость
- Эмоциональная стабильность и эмоциональная неустойчивость
- Ответственность и безответственность.
- Внутренний конфликт и др.

Благодаримое в сочетании с практичностью, осторожностью, рассудительностью, развитой интуицией, гибкостью. Осмотрительность, приспособляемость, умение обходить препятствия, расчетливость, адаптивность, предусмотрительность, склонность к обдумыванию и взвешиванию.

Рассмотренный метод позволил нам диагностировать такие личностные качества, которые, на первый взгляд, можно установить лишь в условиях очного обследования. Полученные данные свидетельствуют о возможности успешного применения психологического анализа почерка в судебно-психологических экспертизах и состоятельности этого метода при создании личностного портрета автора рукописного текста.

Литература

1. Енгальчев В.Ф., Шипшин С.С. Практикум по судебно-психологической экспертизе: учебно-методическое пособие для экспертов, учебное пособие студентов факультетов психологии высших учебных заведений. 2-е изд., перераб. и доп. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2013. 288 с.
2. Леонова Е.В. Качественные и количественные методы исследования в психологии: учебник. Калуга: Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Ай Пи Эр Медиа, 2017. 411 с.
3. Психологический анализ почерка. Методические рекомендации по формализованной оценке рукописного текста / Енгальчев В.Ф., Чернов Ю.Г. – М.: ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. Бурназяна ФМБА России, 2019. 172 с.

Формирование положительного профессионального имиджа инспекторов Дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения в ситуациях коммуникативной провокации водителей- блогеров

Борисова С.Е.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова
(г.Орёл, Россия)

Актуальность создания положительного профессионального имиджа инспекторов дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее – ДПС ГИБДД) обусловлена сохраняющимся в обществе критичным отношением к профессионально-личностным качествам полицейских, открытыми, но не всегда позитивными межличностными контактами сотрудников Госавтоинспекции с участниками дорожного движения.

Особое внимание обращают на себя водители-блогеры, целенаправленно использующие коммуникативную провокацию как способ создания отрицательного профессионального имиджа инспекторов ДПС ГИБДД и, одновременно, средство самопродвижения в социальных сетях.

Поясним, что под коммуникативной провокацией понимается стратегия деструктивного поведения, сопровождающаяся вовлечением собеседника в конфликтное взаимодействие или созданием условий для его возникновения. При этом могут применяться типично агрессивные и позитивные тактики поведения, реализующиеся в непосредственной или опосредованной форме (Волкова О.С., 2014).

Например, ненавязчивым, но обладающим провокационным воздействием отличаются речевые обороты, обличенные блогером в форму похвалы в адрес сотрудников Госавтоинспекции. Составляющим элементом позитивной тактики коммуникативной провокации здесь выступает положительная оценка действий полицейских блогером, позиционирующим себя экспертом по осуществлению контроля качества деятельности сотрудников ДПС ГИБДД.

Другим примером может быть проявление такой речевой характеристики водителя-блогера, как косвенность, присущей неудобным вопросам, отражающим недоверие инспектору ДПС ГИБДД и содержащей намек на его отрицательные качества («Зачем Вы тогда на дороге нужны?», «Знаете, почему граждане не уважают полицию?»).

В подобных обстоятельствах возрастает значение способности инспекторов ДПС ГИБДД использовать приемы общения, выступающие уместным ответом на речевые нападки водителей и демонстрирующие выдержку, правовую грамотность, корректную словесную находчивость, уверенность в себе и умение урегулировать конфликтные ситуации.

В связи с этим представляются целесообразными типологизация ситуаций коммуникативной провокации водителей-блогеров, анализ ошибочных действий, допускаемых инспекторами ДПС ГИБДД во взаимоотношениях с указанной

категорией участников дорожного движения, выработка алгоритмов оптимального профессионального, в том числе вербального, поведения сотрудников Госавтоинспекции.

Опираясь на мнение опрошенных нами руководителей подразделений Госавтоинспекции, назовем следующие наиболее эффективные направления создания положительного профессионального имиджа:

- систематическая правовая подготовка сотрудников, сочетающаяся с их самообразованием;

- моделирование проблемных ситуаций взаимоотношений с участниками дорожного движения с целью повышения профессиональной компетентности личного состава;

- обучение приемам самопрезентации профессионально-важных качеств, используемым полицейскими в ходе выполнения оперативно-служебной деятельности;

- совершенствование умений осуществления саморегуляции эмоционального состояния и способов поведенческого реагирования инспекторов ДПС ГИБДД.

В завершение подчеркнем необходимость реализации системы мер организационного, правового и психологического характера с участием разных субъектов формирования положительного профессионального имиджа инспекторов ДПС ГИБДД.

Литература

1. Волкова О.С. Коммуникативная провокация как стратегия деструктивного поведения в бытовом конфликте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2014. № 5 (24). С. 49-55. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.6>.

Возрастная спецификация принятия решений у сотрудников правоохранительной системы

Булыгина В.Г.^{1,2}, Васильченко А.С.², Проничева М.М.², Дубинский А.А.²

¹ ФГБОУ ВО Московский государственный психолого-педагогический университет (Москва, Россия)

² ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава РФ (г. Москва, Россия)

В XXI веке предъявляются высокие требования к стрессоустойчивости личного состава и к снижению потерь силовых формирований при выполнении служебных задач. Значительно возросли риски, связанные с принятием ошибочных решений в ходе планирования служебных задач разного уровня (Булыгина В.Г. и соавт., 2019). При этом важным отличием профессиональной деятельности, связанной с работой в чрезвычайных условиях, являются повышенные требования к личности специалиста,

связанные с возможностью адаптироваться к психотравмирующим воздействиям и принятию наиболее оптимальных решений (Булыгина В.Г., Казаковцев Б.А., Кабанова Т.Н., Проничева М.М., 2018). Несмотря на экстенсивность разработки проблемы факторов принятия решений, фактор возраста редко выступал отдельным предметом исследования. В связи с этим **целью исследования** было выделение возрастных особенностей принятия решений у сотрудников правоохранительной системы.

В исследовании приняли участие 100 сотрудников правоохранительных органов и специалистов другой сферы деятельности в возрасте 19 – 56 лет (средний возраст $32,63 \pm 7,03$). Профессиональный стаж выборки составил от 0 до 33 лет (средний стаж $10,06 \pm 6,90$). Диагностический комплекс включал: 1) опросник интуитивного стиля Эпстайна (апробация Т.В. Корнилова, С.А. Корнилов); 2) новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности (апробация Т.В. Корниловой); 3) Мельбурнский опросник принятия решений (адаптация Т.В. Корниловой); 4) опросник «Личностные факторы принятия решений» (Т.В. Корниловой); 5) методика В. Смекала и М. Кучера; 6) методика Р. Цветковой; 7) опросник «Стили мышления» Р. Брэмсона и А. Харрисона (адаптация А.А. Алексеева); 8) методику «Цель-средство-результат».

Статистическая обработка данных проводилась с помощью линейного и множественного регрессионного анализа, однофакторного дисперсионного анализа. Критерием статистической достоверности считалась общепринятая в психологии величина $p \leq 0,05$. Анализ данных проводился с помощью статистических пакетов IBM SPSS Statistics 23.0 и Microsoft Office Excel 2007.

Наиболее значимым изменением в индивидуально-психологическом профиле группы лиц старшего возраста является выраженная направленность на выполнение задачи, повышение качества выполнения работы, ориентация на деловое сотрудничество и способность отстаивать собственное мнение в деловых вопросах. Одновременно с усилением направленности на выполнение задачи падает стремление в любых обстоятельствах поддерживать отношения с людьми и готовность идти на риск. Возрастные изменения заключаются также в способности данной группы лиц к постановке реалистичных целей, систематизированности мотивов деятельности, склонности к результативному времяпровождению и, как следствие, высокой решительности. Лица молодого возраста ориентируются на профессиональное развитие, компенсируя недостаток опыта и знаний высокой ориентацией на получение новых знаний. Они характеризуются толерантностью к неопределенности, склонностью к критической оценке своих индивидуально-психологических качеств, а также более выраженным прагматическим стилем мышления.

Литература

1. Булыгина В.Г., Дубинский А.А., Проничева М.М., Васильченко А.С. Возрастные характеристики принятия решений у сотрудников правоохранительной системы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 6А. С. 270–278.

- Булыгина В.Г., Казаковцев Б.А., Кабанова Т.Н., Проничева М.М. Профилактика эмоционального выгорания у специалистов профессий социальной сферы: Учебно-методическое пособие. М.: ФГБУ «НМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2018. 233 с.

Психологическое сопровождение расследования: потребности и возможности в решении актуальных проблем

Васкэ Е.В.

ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр»,

Центр юридической психологии,

(г. Москва, Россия)

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный

университет им. Н.И. Лобачевского»,

(г. Нижний Новгород, Россия)

Психологическое сопровождение расследования – это интеграция психологических знаний в процесс раскрытия и расследования преступлений, осуществляемая в процессуальной и внепроцессуальной форме, которая носит междисциплинарный характер и определяется синтезом юридической и психологической наук. Потребность правоохранительных органов в использовании профессиональных психологических знаний в ходе расследования, несмотря на актуальность, реализуется, как правило, в привлечении психолога к участию в следственных действиях с несовершеннолетними. Возможности же внедрения в уголовный процесс профессиональных психологических знаний существенно шире имеющихся на настоящий момент запросов правоохранительных органов.

Так, в минимизации рисков уголовно-процессуальной деятельности следователя важную роль играет консультативная помощь психолога при выезде его на место происшествия, профессиональном общении с различными субъектами уголовного процесса и/или иными носителями уголовно-релевантной информации, в том числе, и при выполнении психологического портрета (розыскного профиля) неизвестного преступника, совершившего преступление в условиях неочевидности. При этом, результаты психологического анализа полученных психологом сведений носят предположительный характер, выступая ориентирующей информацией, фиксируясь в виде справки, заключения специалиста или консультативного заключения. Необходимо помнить: установление достоверности показаний, завуалированно обозначаемой некоторыми авторами как «психологическая достоверность показаний», относится исключительно к прерогативе судебно-следственных органов и невозможно на научной основе, не только в ходе проведения судебной экспертизы, но и при выполнении внепроцессуальных психологических исследований.

Особые трудности, связанные с получением максимально полной информации от несовершеннолетних, возникают у работников следственных органов еще на этапе доследственной проверки заявления о совершении сексуального насилия в отношении малолетнего ребенка. В этой связи, психологическое сопровождение расследования, наряду с обеспечением благоприятных психологических условий для несовершеннолетнего (в широком смысле), должно включать в себя и обязательное профессиональное общение психолога с различными субъектами уголовного процесса, в ходе которого необходим тщательный психологический анализ предъявляемых ими сведений.

Относительно новым направлением в психологическом сопровождении расследования является использование психологических и психофизиологических методов исследования при получении от носителя информации уголовно-релевантных сведений. В том случае, когда взаимодействие психолога с полиграфологом осуществляется в несколько этапов (нами предлагается пять), реализуясь в комплексном подходе к интегративной оценке информации, при условии профессионализма каждого из специалистов, минусы от данной совместной деятельности отсутствуют.

Таким образом, развитие юридической психологии как науки, разработка нового и совершенствование имеющегося прикладного психологического инструментария, а также подготовка молодых специалистов в области юридической психологии, готовых к осуществлению сложной, но чрезвычайно интересной деятельности по психологическому сопровождению расследования, расширяет возможности использования профессиональных психологических знаний при решении актуальных проблем следствия.

Литература

1. Васкэ Е.В. Криминалистическое значение психологического профилирования: Психолого-педагогические технологии в правоохранительной деятельности: (Васильевские чтения – 2013): Материалы всероссийской научно-практической конференции. В 2 частях. Часть 1. Санкт-Петербург, 30-31 мая 2013 года / сост. Статный В.М. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2013. С.76-83.
2. Васкэ Е.В. Прикладные аспекты профессиональной деятельности психолога в уголовном процессе/ Сборник материалов международной научно-практической конференции «Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии» (15-16 сентября 2016 г., г. Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского). Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. С.800-807.
3. Васкэ Е.В. Взаимодействие психолога и полиграфолога в контексте интегративной оценки информации при расследовании преступлений/В сб. Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. Выпуск 4. 2020. С.54-66.

4. Смирнова С.А., Макушкин Е.В., Аснис Я.А., Васкэ Е.В., Дозорцева Е.Г., Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н., Шипшин С.С., Секераж Т.Н., Ошевский Д.С., Бердников Д.В., Калинина А.Н. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы»/Теория и практика судебной экспертизы. 2016. №3(343). С.64-73.

Особенности формирования благоприятного социально-психологического климата в межэтнических служебных коллективах ОВД (на примере МВД по Республике Саха (Якутия) и МВД по Республике Тыва)

Вахнина В.В., Наумова С.Г.

Академия управления МВД России (г. Москва, Россия)

В настоящее время одной из актуальных проблем является формирование этнопсихологической компетентности руководителей ОВД, т.к. в настоящее время исследование этнопсихологических особенностей сотрудников ОВД, их учет в процессе формирования благоприятного социально-психологического климата имеет особую значимость (В. В. Вахнина, Ц. Хишигбаяр, 2019). С 2016 по 2020 гг. было проведено эмпирическое исследование, направленное на исследование особенностей социально-психологического климата в межэтнических служебных коллективах МВД по Республике Саха (Якутия) и МВД по Республике Тыва.

Целью эмпирического исследования явилось изучение влияния этнопсихологических особенностей сотрудников ОВД на формирование благоприятного социально-психологического климата. Оценивался актуальный социально-психологический климат, стиль управления и рейтинг руководителей. Исследование проводилось на базе 46 служебных коллективов МВД по Республике Тыва и 42 подразделений МВД по Республике Саха (Якутия). Эмпирической базой исследования явились результаты психологического тестирования, социометрического рейтинга руководителей ОВД, анкетных опросов личного состава, неформализованных интервью. Совокупность выборки составила 195 руководителей ОВД по Республике Тыва и 181 руководитель ОВД по Республике Саха (Якутия). Общая выборка исследования составила 3334 сотрудника ОВД, включая 390 руководителей ОВД. Средний возраст руководителей составил 39,5 лет; средний стаж службы в органах внутренних дел (руководителей) – 12,5 лет.

Результаты исследования социально-психологического климата в межэтнических служебных коллективах ОВД показали, что благоприятный социально-психологический климат характерен для Республики Тыва в 19% случаев, средне благоприятный климат свойственен 27% ответов и неблагоприятный - 1% ответов. В сравнении с этим выявлено, что 10% ответов характеризуют климат как благоприятный, 36% ответов характеризуют климат как средне благоприятный в Республике Саха (Якутия). Изучение управленческого стиля руководителей ОВД в Республиках Тыва и Саха (Якутия) проводилось на аналогичной выборке. Были

выявлены схожие управленческие стилевые особенности. В частности, в Республике Тыва преобладает демократический стиль управления (54%), менее выражен авторитарный стиль управления (13%), слабо выражен попустительский стиль управления (4%). Соответственно, в Республике Саха (Якутия) демократический стиль присутствует в 44% случаях, 19 % используют авторитарный стиль, и в 8 % случаев преобладает попустительский управленческий стиль. Для выявления статистически достоверных различий стиля управления был применен t-критерий Стьюдента для несвязанных выборок, который сравнивался с критическим значением ($t_{кр}$) для данного числа испытуемых.

Статистически значимых различий в оценке управленческих стилевых особенностей не выявлено. Однако, при анализе средних значений прослеживается тенденция преобладания у руководителей региональных подразделений ОВД характеристик демократического стиля управления. Профессиональная успешность руководителей полиэтнических служебных коллективов определяется стажем управленческой деятельности, высоким социально-психологическим статусом в служебном коллективе, демократическим стилем управления (Реутова В. И., 2019). Учет этнопсихологических особенностей служебного коллектива позволяет сотрудникам эффективно адаптироваться к предъявляемым требованиям системы органов внутренних дел, формировать благоприятный социально-психологический климат в межэтнических коллективах.

Литература

1. Вахнина В.В., Хишигбаяр Ц. Психологические особенности лидерского потенциала руководителей территориальных органов внутренних дел Российской Федерации и полиции Монголии // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2019) [Электронный ресурс]: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 25 апреля 2019 г. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. С. 80 – 86.
2. Реутова В. И. Взаимосвязь управленческих компетенций с личными качествами руководителей органов внутренних дел // Человек: преступление и наказание. 2019. № 3. С. 390–395.

Психологические основы применения ресурсного подхода в управлении следственной деятельностью

Воронова Ю.В.

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Содержание процесса управления в любой организации существенным образом влияет на эффективность ее функционирования в целом. В современном

менеджменте нет универсального подхода к осуществлению процесса управления. Однако существуют подходы, которые позволяют обеспечить максимальную эффективность в зависимости от ряда факторов (в том числе от содержания профессиональной деятельности).

Следственная деятельность представляет собой разновидность метадеятельности, интегрирующей в себе совокупность самостоятельных видов деятельности, реализуемых субъектом в процесс решения профессиональных задач. Отдельные виды деятельности складываются в систему, в результате чего проявляются интегральные свойства следственной деятельности. Специфической особенностью следственной деятельности является и то, что с одной стороны, она жестко регламентирована, с другой, может быть направлена на решение уникальных задач, которые никем и никогда не решались ранее. Следственная деятельность реализуется в различных, порой непредсказуемых условиях, что накладывает отпечаток на содержание и характер выполнения отдельных функций. Так, например, осуществление коммуникации с потерпевшим в процессе следственного действия будет зависеть от его возраста, пола, социального положения и многих других факторов.

С учетом всех возможностей и ограничений, а также требований, предъявляемых к реализации следственной деятельности, по нашему мнению, универсальным и доступным для руководителя следственного подразделения может стать ресурсный подход к управлению.

Ресурсный подход в практике менеджмента появился сравнительно недавно и приобрел статус стратегического. Принципиальным отличием ресурсного подхода является опора при планировании на внутренние возможности организации. Это обусловлено необходимостью своевременного реагирования организации на непредсказуемые изменения во внешней среде организации. Стратегический потенциал организации, как центральное понятие ресурсного подхода, предполагает взаимосвязь уникальности, качества ресурсов организации, их адекватности ситуации с эффективностью организации.

Деятельность сотрудников следственных подразделений, как правило, осуществляется во внешне нестабильных, неконтролируемых, слабо прогнозируемых условиях. При всей сложности, многогранности и специфичности следственной деятельности, руководитель следственного подразделения, как государственный служащий, весьма ограничен в возможности выбора ресурсов. Однако, согласно положениям ресурсного подхода, ресурсы могут быть материальными, нематериальными, человеческими, внешними и внутренними, т.е. в качестве ресурса может выступать все что угодно. При выборе или развитии того или иного ресурса, важно чтобы он соответствовал трем критериями: «ценность», редкость, невозможность (сложность) воспроизведения.

Так, в качестве ресурса могут выступать компетенции сотрудника следственного подразделения. В ресурсном подходе учитываются не только компетенции, позволяющие выполнять профессиональные задачи, но и способность

личности к развитию уже имеющихся и формированию новых. В данном случае учитывается потенциал (ресурс) как самого сотрудника, так и подразделения в целом, частью которого он является. Это всего лишь один из путей реализации подхода в деятельности руководителя следственного подразделения, т.к. в качестве ресурса могут быть выбраны и уникальные технологии, и тактические приемы, и организационная культура и пр.

Таким образом, универсальность и практикоориентированность ресурсного подхода делает его достаточно привлекательным и перспективным для решения реальных задач в профессиональной деятельности как руководителей следственных подразделений, так и рядовых следователей.

Литература

1. Воронова Ю.В.К вопросу об управлении следственной деятельностью // Правда и закон. 2017. № 2. С. 73 – 76.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
3. Толочек В.А. Интерсубъектные, интрасубъектные и внесубъектные ресурсы профессиональной деятельности // Социология и управление персоналом. №2. 2011. С. 48–61.

О необходимости разработки регламента проведения задержания и обыска в присутствии детей

Колесова А.Ю.

Клинический психолог, судебный эксперт (г. Москва, Россия)

В настоящее время процессуальные действия задержания и обыска нередко происходят с применением методов, которые могут быть интерпретированы как применение физического и психологического насилия сотрудниками правоохранительных органов к подозреваемым и обвиняемым лицам. Основываясь на информации из открытых источников (публикации в средствах массовой информации и сети Интернет), некоторых судебных делах, а также опыта специалистов, становится очевидным существование практики участия несовершеннолетних в ситуациях задержания и обыска их родителей или значимых взрослых лиц, что является серьезной проблемой в части обеспечения защиты интересов и прав ребенка. Такая практика может негативно отразиться на психологическом здоровье детей и способна препятствовать их благополучному психическому развитию.

Несмотря на наличие в российском законодательстве общих принципов, регулирующих защиту прав ребёнка, конкретные механизмы обеспечения этой защиты в отношении детей, не участвующих, но присутствующих при проведении обыска, задержания или иных процессуальных действий в отношении его родителей, отсутствуют. В настоящее время ни Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ, ни Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не

содержат в себе положений, обязывающих учитывать факт присутствия детей при осуществлении обыска жилища или задержания их родителей.

Вследствие проведения таких действий у детей могут возникать психологические проблемы, способные ухудшить качество их жизни и препятствовать их дальнейшему благополучному психическому развитию. Задержание родителя или значимого для ребенка взрослого, а также штурм и обыск места жительства в присутствии ребенка с применением насилия являются стрессовым фактором для всех участников процесса, однако, детям, в силу естественных возрастных особенностей развития присущи определенные внутренние реакции на стрессовые ситуации. Непонимание ребенком происходящей ситуации, чувство тревоги, страха и незащищенности, утрата безопасного окружения и авторитета родителя запускают механизмы, способные вызвать тревожные и невротические расстройства, которые могут повлечь ухудшение качества жизни ребенка. Такие естественные возрастные особенности, как недостаточная сформированность способности к самостоятельному и всестороннему анализу и оценке сложившейся ситуации, прогнозу ее дальнейшего развития и возможных последствий, склонность к повышенному фантазированию, в ситуации задержания и обыска способны сформировать у ребенка искаженное представление о родителе и способствовать развитию тревожно-фобических расстройств. Среди наиболее часто встречающихся постстрессовых реакций детей разного возраста можно выделить повышенную тревожность, развитие фобий, нарушения сна, невротические реакции, неврозы и логоневрозы, моторные стереотипы, психологический регресс и замедление развития, ранний сексуальный опыт в качестве «ложного взросления» как попытка разрешить внутренний конфликт, самоповреждения, суицидальные мысли. Реакция каждого ребенка на ситуацию задержания, а также обыск жилья на его глазах с применением физического и психологического насилия к его родителям или значимым взрослым лицам всегда индивидуальна и зависит от возраста и психологических особенностей, но очевидно, что указанные ситуации являются потенциально психотравмирующими.

Защита здоровья, включая психологическое, и обеспечение нормального развития детей является одной из наиболее приоритетных целей государственной политики Российской Федерации. В связи с вышеобозначенной проблемой отсутствия понимания конкретного механизма защиты интересов и прав детей в ситуациях задержаний и обысков их родителей, существует необходимость в проведении серии комплексных исследований, направленных на выявление статистических данных о пострадавших в указанных ситуациях детях. На основании проведенных исследований необходимо принятие решения об изменении законодательной практики с целью обеспечения права детей на защиту и здоровье.

Особенности влияния речевых высказываний на деятельность сотрудников полиции

Косыгина С.В., Мочалова А.В.

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»
(г. Москва, Россия)

Смысл слова — это нечто иное, чем его значение. Смысл слова — это даже не лингвистическая или логическая, а сугубо психологическая категория.

Смысл слова включает в себя то, что выражает отношение обозначаемого данным словом и в данном контексте к актуальным интересам и потребностям конкретных людей. Индивиды, имеющие разные потребности, будут, соответственно, вкладывать различный смысл в одни и те же слова.

Значения слова в общении людей друг с другом с наибольшей полнотой передаются посредством лингвистических характеристик речи, а смысл слова — с помощью ее паралингвистических особенностей (Леонтьев, А. А. 2001).

Речь – это инструмент профессиональной деятельности сотрудника ОВД.

Правоохранительная деятельность всегда была и остается речевой. Словесный способ регулирования общественного поведения - самый цивилизованный. Слово помогает погасить конфликт и достичь согласия.

Каждый сотрудник ОВД знает, что он должен обладать искусством взаимодействия с любым человеком вне зависимости от своего отношения к нему.

Важнейшим составляющим компонентом профессиональной культуры речи является владение терминологией профессиональной области знаний, умение строить речь, организовывать профессиональный диалог и управлять им (Румянцева, И. М., 2004).

Основным путем формирования этих умений (помимо теоретических занятий) следует признать наблюдение за образцовой речью, это основа совершенствования самостоятельных собственных высказываний на профессиональную тему.

Сотруднику ОВД постоянно приходится «переводить» бытовой язык на специальную терминологию и объяснять гражданам юридические термины при помощи бытового языка.

Грамматически неправильная, неразвитая речь сотрудника ОВД затрудняет его общение, вызывает чувство недоумения и дискредитирует его как представителя государственной службы.

Нами было проведено исследование, акцентирующее внимание на грамотности и культуре речи сотрудника ОВД.

В качестве испытуемых выступили курсанты 2 курса факультета психологии служебной деятельности органов внутренних дел Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

На данном этапе испытуемым было предложено пройти тестирование, состоящее из 15 вопросов без ограничения времени. Главной тематикой тестирования было отслеживание уровня грамотного владения речью, чтобы убедиться насколько в

данный момент, еще лишь на учебной стадии, курсанты способны владеть своей речью.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующий вывод. Большинство испытуемых показали результаты среднего уровня и в ответах на 15 вопросов допустили 3 ошибки. Наиболее положительных результатов не наблюдается. Самыми низкими результатами являются те, в которых лишь получилось набрать 8 правильных ответов.

Таким образом, можно сказать, что курсанты в достаточной мере владеют культурой речи, грамотностью языка. Они способны правильно выстраивать монологическую речь. В достаточной мере способны организовывать профессиональный диалог, опираясь на терминологию.

Хочется обратить внимание на пару небольших, но таких значимых правил:

- не допускать употребления вульгарных, грубых слов;
- полезно знать язык тех, против кого вы ведете борьбу, это жаргон хулиганов, спекулянтов и т.п.;
- избегать слов, которые не несут никакой смысловой нагрузки, здесь имеются в виду слова – паразиты: «так сказать», «значит», «вот», «ну» и т.д. Чаще всего они употребляются для заполнения пауз между словами, но они мешают воспринимать речь, делают ее менее привлекательной;
- культура разговора предполагает умение слушать своего собеседника терпеливо и внимательно;
- публичная речь (а сотрудник полиции большую часть времени находится на публике) должна быть построена правильно, красиво и доходчиво.

Речь человека связана не только с его познавательными процессами, но определенным образом соотносится с его личностью в целом. Чем выше уровень личностного развития человека, тем более развитой является его речь, и наоборот.

Раннее выявление признаков девиантного поведения у сотрудников ОВД методом нелокального психосемантического резонанса

Кравченко А.В.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

Кузнецов А.Ю.

Центр информационно-психологической безопасности ООО «Ресурсные технологии»
(г. Москва, Россия)

Анализируя используемые тестовые батареи психодиагностики в органах внутренних дел (ОВД) и требования, предъявляемые к сотрудникам ОВД, делаем вывод, что коэффициенты корреляции являются незначительными. Наши выводы так же подтверждены и руководством ДГСК МВД России: «картина динамической модели психологической работы указывает на три группы проблем научно-методического, организационно-кадрового и мировоззренческого характера». Пути

решения данной проблемы руководство видит в «использование методов, основанных на системно-ситуативном анализе деятельности и поведении сотрудников. Переход к психодиагностике, основанной на разработанных личностно-профессиональных моделях сотрудников в соответствии с основными специальностями» (Кубышко В.Л., 2017).

Наиболее актуальными для психодиагностики сотрудников ОВД являются показатели девиантного поведения, так как по результатам профессионального психологического отбора (ППО) сделать вывод о них с высокой вероятностью не представляется возможности. Такая низкая прогностичность имеющихся методик объясняется опросными методами, применяемыми в процессе ППО. Механизм бессознательного рефлекторного моста заключается в том, что «образы, заложенные в психике, синхронизируются (резонируют) с образами, заложенными в компьютерную программу, т.е. точечные информационные микровоздействия на объект исследования вызывают явление нелокального психосемантического резонанса и могут быть зафиксированы с помощью разработанного нами комплекса нелокального психосемантического резонанса» (Лебедев И.Б., Кузнецов А.Ю., 2019).

Данный принцип реализован в психодиагностическом комплексе «Psy Scanner». Основными преимуществами диагностики на «PsyScanner» является высокая достоверность и оперативность, само исследование занимает 15-20 минут, проводится посредством сети Интернет, обеспечивается полная анонимность, подробный отчет о результатах проведенного исследования приходит в течение нескольких секунд на указанный адрес электронной почты.

Для научной проверки на сотрудниках ОВД использования АПК ««PsyScanner» мы начали НИР «Раннее выявление девиантных мотивов поведения у курсантов посредством психосемантического анализа».

Прогнозируемые нами результаты НИР позволяют предложить в качестве дополнительного метода диагностики мотивов девиантного поведения у кандидатов на этапе отбора и выстроить систему непрерывного оценивания параметров надежности сотрудников на всех этапах служебной деятельности в ОВД.

Литература

1. Кубышко В.Л. Совершенствование психологической работы в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава органов внутренних дел // Национальный психологический журнал. 2017. №4 (28). С. 95–103. DOI: 10.11621/npj.2017.0409
2. Лебедев И.Б., Кузнецов А.Ю. Инновационные подходы к психодиагностике и психокоррекции личности на современном этапе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 6А. С. 277-281. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.182
3. Лебедев И.Б., Кузнецов А.Ю. Методологические основы формирования программных диагностических комплексов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 6А. С. 271-

276. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.181

4. Смирнов И., Безносюк Е., Журавлёв А. Психотехнологии. Компьютерный психосемантический анализ и психокоррекция на неосознаваемом уровне. М.: Прогресс, 1995. 416 с.
5. Шарафутдинова Н.В. Психология девиантного поведения: Учебно-методич. пособие. М.: АРКТИ, 2019. 208 с.

Особенности самооценки воспитанников Суворовского военного училища МВД России

Кулинченко А. В.

адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России

(г. Санкт-Петербург, Россия)

Актуальность изучаемого вопроса заключается в том, что формирование адекватной самооценки является одним из главных факторов личностного развития подростка. Самооценка – компонент самосознания, включающий отношение к собственным знаниям, умениям, навыкам, физическим и интеллектуальным способностям, характеру и поведению (Яньшин П. В., 2007).

В младшем школьном возрасте самооценка неустойчива и зависима от внешних факторов. В подростковом возрасте центр внимания переносится с внешней стороны личности в ее внутренний план (Рубинштейн С. Л., 1989), что способствует самоопределению личности.

Традиционно выделяется завышенный, заниженный и адекватный уровень самооценки. Психодиагностическое изучение уровня самооценки (УС) и уровня притязаний (УП) воспитанников осуществлялось с помощью методики Дембо-Рубинштейна (в нашей модификации).

Выборка составила 117 испытуемых мужского пола в возрасте от 14 до 18 лет, обучающихся на 1 (n=51), 2 (n=33) и 3 (n=33) курсах.

Новизна исследования заключается в специфике его объекта и оригинальности дизайна, а практическая значимость в его прикладном характере.

Цель исследования – качественный анализ особенностей УС и УП воспитанников СВУ МВД России.

Результаты. Первокурсники имеют адекватный УС по шкалам «взрослый/ребенок (В/Р)», «человек (Ч), который хочет/не хочет быть взрослым (В)». УП и УС укладываются в границы нормы, но имеют тенденцию к завышению по шкалам «умный/глупый (У/Г)», «хороший/плохой (Х/П) характер», «счастливый/несчастливый», «авторитетен/презирается (А/П) сверстниками», «красивый/некрасивый (К/Н)», «Ч, который готов/не готов быть В», «уверенный/неуверенный (У/Н) в себе», «миролюбивый/агрессивный (М/А)», «самостоятельный/зависимый (С/З)», «хороший/ плохой (Х/П)», «везучий/невезучий (В/Н)», «намерен/не намерен» стать сотрудником полиции (СП)». Завышенный УС выявлен по шкалам «сильный/слабый»,

«оптимист/пессимист (О/П)», «способный/неспособный», «общительный/замкнутый (О/З)», «жизнелюбивый/унылый (Ж/У)».

Воспитанники 2 курса имеют адекватный УС по шкалам «(У/Г)», «намерен/не намерен стать СП», «Ч, который хочет/не хочет быть В», «В/Р». УП и УС по шкалам «Х/П характер», «способный/неспособный», «А/П сверстниками», «К/Н», «Ч, который готов/не готов быть В», «У/Н в себе», «О/З», «О/П», «сильный/слабый», «Ж/У», «М/А», «С/З», «Х/П», «В/Н» укладываются в границы нормы, с тенденцией к завышению. Завышенный УП второкурсники имеют по шкале «счастливый/несчастный».

Воспитанники 3 курса имеют адекватный УС по шкале «Ч, который хочет/не хочет быть В». УП и УС по шкалам «Х/П характер», «счастливый/несчастный», «способный/неспособный», «А/П сверстниками», «К/Н», «В/Р», «Ч, который готов/не готов быть В», «У/Н в себе», «сильный/слабый», «С/З», «Х/П», «В/Н» среди третьекурсников характеризуется стремлением к завышению. Завышенный УП третьекурсники имеют по шкале «(У/Г)», а завышенный УС выявлен по шкалам: «О/З», «О/П», «М/А», «Ж/У», «намерен/не намерен стать СП».

Выводы. Воспитанники разных курсов позитивно оценивают свои интеллектуальные способности, черты характера, отношение к себе и к своей жизни, а так же намерение стать СП. Однако, УП и УС по многим шкалам находятся на грани завышения. Данная тенденция не очень благоприятна и способствует искажению представлений воспитанников о самих себе, что ведет к безосновательной переоценке своих достоинств.

На всех курсах воспитанники адекватно оценивают свой возраст, несмотря на то, что с психологической точки зрения он считается «переходным».

Психодиагностические показатели УП и УС могут служить валидными ориентирами профориентации воспитанников и эффективности функционирования образовательной системы СВУ.

Литература

1. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии : в 2-х т. М.: Педагогика, 1989. 328 с.
2. Яньшин П. В. Клиническая психодиагностика личности. Учебно-методическое пособие. СПб.: Речь, 2007. 320 с.

Взаимосвязь склонности к риску со смысложизненными ориентациями студентов специальности «Психология служебной деятельности»

Лучшева Л. М.

ВИ (ИТ) ВА МТО, (г. Санкт-Петербург, Россия)

Кружилин В. В.

Новокузнецкий институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк, Россия)

Смыслжизненные ориентации, являясь направленностью личности на смысл жизни, на реализацию целей и их удовлетворение, определяют успешность исхода, получаемого по выходу из рискованной ситуации.

Склонность к риску рассматривается нами как устойчивое, многокомпонентное по своей структуре свойство личности, определяющее стратегию поведения человека в ситуации неопределенности (Колесникова Т. И., 2001; Шмелев А. Г., 1996). В своем исследовании мы считаем, что смыслжизненные ориентации – направленность личности на достижение смысла жизни и смыслжизненных ценностей, обусловленная смысловыми структурами, выступающими в качестве регуляторов жизнедеятельности личности (Леонтьев Д. А., 2007).

Одной из типичных проблем, возникающей у студентов специальности «Психология служебной деятельности» (далее студенты ПСД) во время своего профессионального становления, является формирование смыслжизненных ориентаций, которое связано с осознанием студентами возможных рисков, возникающих в ходе профессиональной деятельности психолога.

Цель исследования: выявление взаимосвязи между склонностью к риску и смыслжизненными ориентациями у студентов ПСД.

На базе НФИ КемГУ было проведено исследование склонности к риску и смысловых структур в смыслжизненных ориентациях у 23 студентов ПСД.

Диагностика склонности к риску при помощи теста «Исследование склонности к риску» А. Г. Шмелева (Райгородский Д. Я., 2001), показала, что в группе студентов ПСД преобладающим уровнем склонности к риску является средний уровень, таковой имеется у 65 % респондентов.

Результаты диагностики по методике «Готовность к риску» А. М. Шуберта таковы: очень низкая склонность к риску наблюдается у 4 % респондентов; у 9 % респондентов – низкая склонность к риску; у 43 % – средняя склонность к риску; высокая склонность к риску – у 22 %; очень высокая склонность к риску – у оставшихся 22 %.

Изучение смыслжизненных ориентаций было проведено при помощи методики «СЖО» в адаптации Д. А. Леонтьева (Леонтьев Д. А., 2000). Данная методика показала, что в группе студентов ПСД у 83 % юношей общий показатель «осмысленность жизни» находится в пределах нормы. В то время как у 76 % девушек этот показатель также в пределах нормы.

Корреляционный анализ К. Пирсона показал, что существует положительная и статистически значимая (при $p \leq 0,05 = 0,41$, $a = 0,43$) корреляционная связь между уровнем склонности к риску (по методике А. Г. Шмелева) и результатом жизни в смыслжизненных ориентациях (по методике Д. А. Леонтьева).

Было выявлено, что чем выше уровень склонности к риску, тем выше значение результата жизни в смыслжизненных ориентациях студента специальности «Психология служебной деятельности».

Литература

1. Колесникова Т. И. Психологический мир личности и его безопасность. М. : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. 176 с.
2. Леонтьев Д. А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности : учебное пособие. М.: Смысл, 2007. 510 с.
3. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) М.: Смысл, 2000. 18 с.
4. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учебное пособие. Самара: БАХРАХ-М, 2001. 672 с.
5. Шмелев А. Г. Основы психодиагностики: учебное пособие. Москва – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 544 с.

Взаимосвязь эмпатии со склонностью к риску у студентов специальности «Психология служебной деятельности»

Лучшева Л. М.

ВИ (ИТ) ВА МТО, (г. Санкт-Петербург, Россия)

Коркина Е. А.

Новокузнецкий институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет»
(г. Новокузнецк, Россия)

С каждым годом профессия психолога становится все более востребована. Человек, поступающий на специальность «Психология служебной деятельности» должен быть социально-направленным и эмпатичным. Специальность «Психология служебной деятельности» требует от человека не только эмпатии, но и готовности действовать в экстренных ситуациях, к риску.

С помощью эмпатии психолог служебной деятельности может лучше «прочувствовать» боль другого человека и точнее понять ее суть. У авторов В. В. Бойко, Е. В. Зинченко и И. М. Юсупова схожие определения понятия «эмпатия», поэтому будем опираться на их определения, из которых следует, что эмпатия является особым отражением партнеров по взаимодействию (Ветлужская, М. В., 2019).

Готовность к риску для психолога служебной деятельности – особая строка в списке качеств. С помощью него человек морально готов прийти на помощь в ситуациях неотложного призыва к действию. Для студентов этой специальности важно развивать эти качества, обучаясь в стенах института. А. М. Шуберт и Т. В. Корнилова имеют схожее понимание склонности к риску. Они считают, что склонность к риску – личностное свойство саморегуляции, проявляемое человеком при принятии решений и выборе стратегий поведения в условиях риска.

Специфичность студенчества как социальной группы заключается в одинаковом отношении ко всем общественным формам собственности, его роли в

общественной организации труда и частичном участии в производительном и непроизводительном труде (Епанчинцева, Г. А., Козловская Т.Н., 2018). Как специфическая социальная группа она характеризуется особыми условиями жизни, труда и быта; социальным поведением и системой ценностной ориентации. В качестве основных черт, отличающих студенчество от остальных групп, выделяются социальный престиж, активное взаимодействие с различными социальными образованиями и поиск смысла жизни, стремление к новым идеям и прогрессивным преобразованиям (Жуматаева, М. С. и др., 2016).

Целью нашего исследования является выявление взаимосвязи эмпатии со склонностью к риску у студентов специальности «Психология служебной деятельности». Мы выдвинули гипотезу о том, что существует взаимосвязь эмпатии со склонностью к риску, а именно, чем ниже эмпатия, тем выше склонность к риску у студентов.

В исследовании принимали участие студенты специальности «Психология служебной деятельности» обучающиеся в НФИ КемГУ в возрасте от 17 до 18 лет, из них 20% юношей и 80% девушек.

В исследовании применялись такие методики, как методика «Диагностика эмпатии» (В. В. Бойко), методика «Диагностика эмпатии» (И. М. Юсупов), методика «Диагностика склонности к риску» (А. Г. Шмелев), Диагностика уровня личностной готовности к риску (А. М. Шуберт).

В процессе исследования по методике В. В. Бойко были выявлены у 65% студентов средний и 35 % высокий уровни эмпатии; по методике И. М. Юсупова определено, что по 50 % – средний и высокий уровни эмпатии. Также нами были выявлены уровни склонности к риску по методике А. Г. Шмелева, в которой было определено, что у 15% – низкий, у 70% – средний и у 15% – высокий уровни склонности к риску. В результате применения методики А. М. Шуберта обнаружено, что у 20% – низкий, 45% – средний, 35% – высокий уровни готовности к риску.

В процессе корреляционного анализа по критерию r -Пирсона полученных данных мы выявили статистически значимые взаимосвязи между эмпатией и склонностью к риску у студентов специальности «Психология служебной деятельности». Чем выше эмпатия, тем ниже склонность к риску.

Выявлена обратная связь между эмпатией (по И. М. Юсупову) и склонностью к риску (по А. Г. Шмелеву) ($r=-0,53$, $p\leq 0,05$). А также обнаружили обратные связи между эмпатией (по В. В. Бойко) и склонностью к риску по методикам А. Г. Шмелева ($r=-0,51$, $p\leq 0,05$) и А. М. Шуберта ($r=-0,42$, $p\leq 0,05$).

Заявленная вначале гипотеза о том, что существует обратная взаимосвязь эмпатии со склонностью к риску у студентов специальности «Психология служебной деятельности» подтвердилась.

Литература

1. Ветлужская М. В. Особенности эмоционального интеллекта и эмпатических способностей у студентов медицинского вуза // Интеграция образования. 2019.

- № 3. С. 404-422. – URL: <http://edumag.mrsu.ru/content/pdf/19-3/06.pdf> (дата обращения: 22.04.2020).
2. Епанчинцева Г. А., Козловская Т.Н. Студенчество как социально-психологическая общность // Вестник Оренбургского государственного университета. 2018. № 2. С. 66-69. – URL: http://vestnik.osu.ru/2018_2/10.pdf (дата обращения: 28.04.2020).
3. Жуматаева М. С., Бапаева М.К., Шайжанова К.У. Психологические и психофизиологические особенности студентов // Современные инновации. – 2016. № 5. С. 76-78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-i-psihofiziologicheskie-osobennosti-studentov> (дата обращения: 28.04.2020).

**Использование полиграфа в судебно-экспертной практике:
постановка проблемы**

Макаренко И.А., Клейберг Ю.А.

АНО ДПО «Современный психофизиологический институт»
(г. Москва, Россия)

Исследование идеальных следов преступления представляет объективную сложность, обусловленную недоступностью их для непосредственного восприятия, закрепления и изъятия. Решение данной задачи частично реализуемо в рамках применения полиграфа. При этом сложившаяся судебная практика критично относится к использованию таких результатов. Верховный и Конституционный Суд РФ четко и конкретно указывают на недопустимость судебных экспертиз, которые имеют единственную основу в виде психофизиологических исследований (далее – ПФИ).

Мнения специалистов разделилась. Одни ученые считают целесообразным выделение ПФИ как отдельного вида экспертизы, другие указывают на недопустимость применения полиграфа. Данные позиции кажутся уязвимыми как со стороны права, так и со стороны науки. Мы не можем игнорировать имеющиеся эмпирические исследования, указывавшие на высокую валидность и надежность метода использования полиграфа, а также на то, что разработаны методологические подходы, позволившие иначе посмотреть на место полиграфа в системе методов экспертизы, примером чему является методологический подход Алексеева Л.Г.

В соответствии с ГОСТом 57344-2016 «Судебно-психологическая экспертиза» имеет объектом психическую деятельность лица в юридически значимых ситуациях, предмет определен как «фактические данные о закономерностях и особенностях протекания и структуры психической деятельности человека». С учетом этого, нам представляется очевидным, что мнестическая деятельность человека, особенности протекания и реализации им высших психических функций по восприятию, хранению и воспроизведению значимой информации входят в предмет именно судебно-психологической экспертизы. М.М.Коченов также указывает, что «общими принципами судебно-психологической экспертизы являются направленность

исследования на анализ содержания и структуры индивидуального сознания людей в момент совершения конкретных поступков (Коченов М.М., 2010).

В качестве примера приведем судебную экспертизу по уголовному делу № 1-105/2018 со следующими вопросами: «Способен ли потерпевший воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них адекватные показания?; Обладает ли потерпевший повышенной внушаемостью ...?; Имеется ли у потерпевшего повышенная склонность к фантазированию...?; Имеется ли у потерпевшего идеальная следовая информация относительно того, что (указываются фактические обстоятельства)?; Имеются ли у потерпевшего индивидуально-психологические особенности, которые могли существенно повлиять на его поведение в исследуемой ситуации?». В своем приговоре суд оценил заключения следующим образом: «<...> находит их относимыми и допустимыми доказательствами по делу ... Объективность выводов экспертов у суда сомнений не вызывает ... Экспертизы проведены с соблюдением правил и процедуры, предусмотренных уголовнопроцессуальным законом и соответствующими инструкциями, имеют надлежащее оформление, содержат мотивированные и непротиворечивые выводы, основания не согласиться с которыми у суда отсутствуют».

Литература

1. Аверьянова Т. В. и др Криминалистика. Учебник / Под общ. Ред. А.И.Бастрыкина. М.: Изд-во «Экзамен», 2014. Т.1. 511 с.
2. Арпентьева М.Р., Макаренко И.А. Психолого-криминалистическая диагностика. Монография. 2 изд, доп./ Под научной редакцией Ю.А. Клейберга. Москва – Калуга: Издательство АКФ «Политоп», 2019. 290 с.
3. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза теория и практика. М.: Генезис, 2010. 352 с.
4. Рассинская Е.Р. , Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) / Под. ред. Е.Р.Россинской. 2-е изд. перераб.и доп. М.: Норма: ИНФА-М, 2017. 368 с.

Влияние социальных деструкций на преподавание дисциплин психологического цикла учащимся юридического профиля подготовки

Мариновская И.Д.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (г. Москва, Россия)

Мусатова О.А.

Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова (г. Москва, Россия)

В современном мире различные социальные деструкции стали повседневным явлением (Сундиев И.Ю., Смирнов А.А., 2016). Конфликты, цинизм, а также массовые беспорядки как форма недовольства - это не полный перечень их проявления. Все эти процессы вызвали и сопровождают психологические изменения личности, глубина и многообразие которых недостаточно учитывается в существующих механизмах социальной регуляции, особенно в области правового поля. А это все приводит к снижению значения права как социального регулятора и повышению уровня правового нигилизма как обычных людей, так и профессионалов (Маеркина Е.П., 2017), профессионально-личностному выгоранию юристов различного профиля.

В современной образовательной парадигме при подготовке юристов происходит освоение психологических знаний в области личностной и социальной деструкции в рамках дисциплины юридическая психология. Студенты изучают комплексные знания из области психологических наук, которые систематизированы по признаку их применения в области права. При этом факторы, носящие деструктивный характер и определяющие развитие прикладной направленности юридической психологии как учебной дисциплины, можно разделить на две условные группы: объективные (стремительное развитие технологий, глобализация и др.) и субъективные (снижение значимости морали и права, рост правового нигилизма, увеличение знаний о нейро- и физиологических особенностях человека и др.) (Мариновская И.Д., Мусатова О.А., Калинин Т.В., 2020). Перечисленные явления усложняют реакцию науки на актуальные тенденции деструктивных изменений современного общества и личности.

Вместе с тем, преподавателю нужно учитывать, что каждое направление знаний в данной дисциплине столкнулось с конкретными проблемами деструктивного характера (правовая психология - новые неразрешенные правовые проблемы, криминальная психология - рост насилия и криминализация общества, психология правоохранительной деятельности - незрелость профессиональной мотивации, психология судебной деятельности - высокий уровень стресса и травматизации психики, пенитенциарная психология - отсутствие гарантированного механизма воздействия на правонарушителя с целью его исправления и т.д.).

Анализ проблематики позволил констатировать, что многообразие отечественных и зарубежных теорий не дает возможность представить знания о деструкции современного общества и человека в единообразном логическом и структурном виде. Все эти процессы влияют и на самих студентов, находящихся на стадии формирования взглядов на общество, личность в современном мире и себя. Поэтому перед юридической психологией стоят серьезные задачи осмысления, проработки и включения в свою содержательную часть знаний о сущности, механизмах, структуре проявившихся социальных деструкций и мер противодействия им.

Литература

1. Ленков С.Л. Сотрудник правоохранительных органов: риски профессионального самоопределения // Психология и педагогика служебной деятельности. 2019. № 2. С. 79-81.
2. Маеркина Е.П. Снижение уровня правового нигилизма студентов юридического колледжа посредством субъективно-ориентированных образовательных технологий // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017, № 7 (207). С.15-18.
3. Мариновская И.Д., Мусатова О.А., Калинин Т.В. Современные проблемы развития юридической психологии с учетом деструктивных тенденций// Государственная служба и кадры. 2020, №1. С. 19-23.
4. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). М.: Русский биографический институт, Институт экономических стратегий, 2016. 433 с.

Актуальные проблемы психологии служебной деятельности в органах внутренних дел

Марьин М.И.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности (Федеральный закон от 7 февраля 2011 года №3-ФЗ). Для выполнения указанной миссии перед психологией служебной деятельности являются актуальными проблемы: психологического обеспечения поддержания правопорядка и общественной безопасности в обычных и экстремальных условиях, обеспечения оперативной работы в широком смысле этого слова, включая расследование и раскрытие резонансных серийных преступлений, управления специальными операциями, связанными пресечением террористических актов, в том числе с захватом заложников; психологического обеспечения следственной деятельности; управления органами внутренних дел; организации психологической работы с личным составом (Марьин М.И., Петров В.Е., 2012).

Наиважнейшими остаются и вопросы психологического обеспечения профилактики коррупционных и иных правонарушений среди личного состава, поскольку злоупотребления должностными полномочиями представителей исполнительной власти, а также постоянные коррупционные события все еще имеют характер повседневного явления, вызывая широкий, притом негативный общественный резонанс. Иногда коррупция поражает служебные коллективы, и в этих условиях речь должна идти не столько об индивидуальной профилактике

правонарушений, сколько о выстраивании многоуровневой системы мер, способной выявлять и ликвидировать очаги поражения, выстраивать систему отношений на всех уровнях организации, позитивно влияющих на качественные и количественные показатели эффективности служебной деятельности персонала.

Кроме того, после поступления на службу молодой сотрудник попадает в служебный коллектив, в ряде случаев обладающий собственными групповыми системами социальных норм и ценностей - регуляторами служебного поведения, связанными принятыми в коллективе правилами, предписывающими или запрещающими какое-либо поведение, действие. Эти нормы и правила могут определять вектор различных типов отклоняющегося поведения. Требования, вытекающие из этой системы норм, могут вступать в противоречия, к примеру, коллектив может требовать от своих членов поступков, осуждаемых обществом, проявлять терпимость к нарушениям норм, неукоснительное соблюдение которых требует государство, профессиональное сообщество. Сказанное, в конечном итоге, определяется понятием морально-психологическое состояние сотрудников и служебного коллектива, закрепленное в нормативно-правовых актах силовых ведомств. Морально-психологическое состояние сотрудников органов внутренних дел и характер их взаимоотношений в служебных коллективах, безусловно, влияет на эффективность служебной деятельности (Черненилов В.И., 2011).

Решение психологических проблем правоохранительной деятельности будет в возрастающей степени способствовать дальнейшему формированию профессионального кадрового состава, повышению уровня психологической готовности сотрудников, дисциплины и эффективности профессиональной служебной деятельности, что в свою очередь позитивно скажется на качественном обеспечении органами внутренних дел законных прав и интересов граждан Российской Федерации.

Литература

1. Психологическая служба в системе управления органами внутренних дел: учебное пособие / М.И. Марьин, В.Е. Петров, О.В. Кузнецова. М. : Академия управления МВД России. 2012. 68 с.
2. Психология управления: учебник / под ред. В.И. Черненилова; Акад. упр. МВД России, 2011. 412 с.

Формирование правового сознания подростков в онлайн-пространстве

Никулова Е. А.

ФГКОУ ВО "Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя" (г. Москва, Россия)

Сегодня в эпоху интернет-среды развитие правосознания у подростков обретает новый смысл. Социализация происходит в онлайн-пространстве. Появляется новый формат взаимодействия между подростками. Им сложно увидеть границы, что

"хорошо" и что "плохо", где справедливость и как эти понятия регулируются в онлайн. В нашей стране данная проблема приобрела остроту и значимость в последние годы в связи с глобальными изменениями в сфере общественных отношений. В условиях девальвации духовных ценностей очевидными являются ослабление семейных связей, отчуждение человека от объективного мира, от самого себя. Личность подростка развивается в эпоху неопределенности будущего. Потому еще сложнее стоит выбор у молодого человека и формирование правового сознания. Ориентиры размыты, представления неустойчивы, и он в сомнениях. Как сформировать у него те или иные смыслы, ценности, установки, ориентирующие его в информационном многообразии? Как сделать этот выбор со смыслом?

Исходя из определения, можно сказать, что подросток стоит перед выбором взять личную ответственность или нет и здесь очень велика роль педагога и других значимых взрослых.

Согласно введенному В.А. Петровским принципу неадаптивности, человек должен взять на себя личную ответственность за осуществление действий с неизвестным исходом и "быть субъектом избрания целей, результат достижения которых не предрешен" (Петровский В.А., 1997, с. 131-132). С. Мадди также говорит о том, что постоянный выбор привычных способов реагирования в привычных ситуациях, обусловленный стремлением к комфорту и безопасности, через некоторое время приводит к недостатку у человека информации, следовательно, происходит снижение когнитивной проницательности, возникает скука, отказ от новых возможностей.

Роль педагога в образовательном процессе - это и снижение тревоги, и ориентир на будущее, стремление к самообновлению, расширению своего существования в мире и оптимального понимания себя и взаимоотношений с окружающими и формирование правового сознания у обучающихся.

Таким образом, преобразующая среда онлайн-образования - это образовательное пространство, где преподаватель, являясь проводником и наставником одновременно с учеником, может мотивировать и научить его делать выбор, научить способности критически анализировать информационный контент с позиции правового сознания.

Преобразующая среда онлайн-пространства несет функцию *трансформации* личности обучающегося. Внутренние изменения коснутся отношения, событий, поступков, смысложизненные ориентиры перейдут на новый этап развития личности.

Сегодня информационное пространство неограниченно и непрерывно в объеме и количестве, потому для современного молодого человека, который делает выбор в преобразующей среде, нужно *видеть* как тот или иной информационный контент изменит его, трансформирует его личностно.

Таким образом, можно говорить о том, что личность трансформируется, когда формируется в целеполагании и достижении своих целей правомерными способами поведения. Эта траектория поведения есть непрерывный процесс творческого самообразования, самовыражения, рефлексии и понимания правовой культуры.

Литература

1. Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018. 212 с.
2. Буюкас Т.М. Проблема и психотехника самоопределения личности // Вопросы психологии. 2002. № 2. С. 28-39.
3. Леонтьев Д.А., Овчинникова Е.Ю., Рассказова Е.И., Фам А.Х. Психология выбора. М.: Смысл, 2015. 464 с.
4. Петровский В.А. Очерки теории свободной причинности // Психология с человеческим лицом: Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии: Сб.ст. Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С.124-144.

Проблемы в развитии современной юридической психологии как науки и области психопрактики

Поздняков В.М.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В «Энциклопедии юридической психологии» (2003 г.) многими авторами был дан позитивный прогноз перспектив развития юридической психологии, причем как в области теории и методов, так и по психопрактике в правовой сфере. Однако за прошедшие почти два десятилетия прогресс наблюдался лишь по психопрактической составляющей. В отношении же развития теории и методического инструментария достижения были более скромные. Это связано, на наш взгляд, с рядом причин.

Во-первых, мало защищено докторских диссертаций, что в итоге не способствовало созданию новых научных направлений с последователями. Кроме того, стремление ведомственных вузов иметь в диссоветах одновременно несколько научных специальностей привело к размыванию их профильности по юридической психологии, а в итоге - к сокращению числа диссоветов по специальности 19.00.06 и функционированию с 2016 года лишь одного.

Во-вторых, недостаточной была разработка юридическими психологами авторского методического инструментария. Как следствие, при изучении психолого-юридических явлений часто применялись методики из других отраслей психологии, причем без предварительной модификации и адаптации.

В-третьих, на внешнем контуре юридическая психология начала восприниматься не целостно, а локально-тематически. Это связано с тем, что в последнее десятилетие преимущественно проводились конференции по отраслям юридической психологии, но отсутствовала ее секция на съездах РПО. С сожалением замечу, что с уходом из жизни ряда видных психологов, имевших юридическое образование (А.Р. Ратинов, В.Л. Васильев, А.И. Папкин, Л.Б. Филонов, К.И. Шахриманян), психологическая позиция стала меньше озвучиваться на конференциях по юриспруденции. В итоге со стороны нового поколения юристов началась критика в адрес психологов. Так, в монографии «Правовая психология» уже во Введении констатируется: «На сегодняшний день юридическая психология как таковая отсутствует. А то, что принято называть юридической психологией, сведено к факультативной части криминалистики» (Сорокин В.В., 2015). Категорически не соглашаясь с автором монографии, императивно-безапелляционно вынесшим вердикт в отношении целой науки при не обнаружении психологических новаций по интересующей его проблематике в области теории права, пришлось после его выступления на конференции «Психология права», состоявшейся в Институте государства и права РАН в октябре 2018 г., сделать совыступление. Обратив внимание на фрагментарность видения им достижений юридической психологии в XXI веке, показал негативность снижения диалогичности между юристами и психологами, когда востребован междисциплинарный подход при обеспечении инноваций в правовой сфере. Ведь он актуален из-за меняющейся модели права, т.к. объектом регулирования становятся новые общественные процессы и явления (Абрамова А.И., 2015).

Нами поддерживается позиция руководителей Института психологии РАН, что междисциплинарный подход должен реализовываться на основе новой антропологической парадигмы (Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., 2011). Именно она может обеспечить выход на проблематику, связанную с трансформацией правосознания в динамично изменяющемся мире и изменениями правовой ментальности в разных социальных стратах, с новыми видами криминализации в условиях цифрового общества, по психологической экспертизе законопроектов и мониторингу новаций в правоохранительной деятельности.

Беседы с психологами правоохранительных органов показали, что среди них чаще стала проявляться ориентация на идеал «нормативность». Подобный прагматизм отражает развитие у «психологов в погонах» специфичной профдеформации, связанной со смысловым дисбалансом при длительной работе в «закрытом социальном институте» (Клочко В.Е., Клочко Ю.В., 2015). Исследования, проведенные под нашим научным руководством среди сотрудников УИС (М.А. Черкасовой (2016) по профессиональному выгоранию, С.В. Горностаевым (2016) по служебной лояльности, И.В. Елатомцевым (2017) по профессиональной ментальности) свидетельствуют, что у психологов при длительной работе в колонии, где сильно влияние атрибутов специфичной оргкультуры, может развиваться несоответствие индивидуальных представлений заданным в вузе эталонным

ценностям и нормам профессии. При этом снижение ориентации на идеал «антропосоразмерность» (Курашов В.И., 2009) идет с диссонанса единичных смыслов при затрудненном взаимодействии с определенным типом клиентов до смыслового профотчуждения.

Разработку и реализацию мер по профилактике смыслового диссонанса у психологов правоприменительных органов следует рассматривать как актуальную проблему. Ведь в итоге происходит не только ухудшение их имиджа, но и наблюдается рост текучести данной категории специалистов. Усиление же идентичности «психологов в погонах» на идеал «антропосоразмерность» позволит им как субъектам труда адекватно решать дилеммы, возникающие при профдеятельности в «закрытой среде»: как эффективно действовать «в пространстве между духом и буквой закона», как при профперегруженности не игнорировать «человеческое в человеке» и др.

В целом, проблемы, затронутые в настоящей публикации, не исчерпывают всех узких мест в развитии современной юридической психологии. Поэтому считаю необходимым расширить диалог в нашем профессиональном сообществе по путям их преодоления, чтобы самим и окружающим было видно, что юридическую психологию надо воспринимать не по принципу утилитарной полезности, а по принципу достоинства.

Литература

1. Абрамова А.И. Междисциплинарный подход к изучению вопросов правоприменительной практики // Журнал российского права. 2015. №10. С. 30-38.
2. Горностаев С.В., Поздняков В.М. Проблемы взаимосвязи служебной лояльности и личностного благополучия государственных служащих // Человек: преступление и наказание. 2016. №3 (94). С. 30-36.
3. Елатомцев И.В. Психология профессиональной ментальности сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний: монография / Предисловие и науч. ред. В.М. Позднякова. Рязань: Академия ФСИН России, 2017. 129 с.
4. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции // Психологический журнал. 2011. Т. 32. №3. С. 5-16.
5. Клочко В.Е., Клочко Ю.В. Человек: открытая система в закрытой среде // Сибирский психологический журнал. 2015. №57. С. 6-16.
6. Курашов В.И. Концепция антропологической соразмерности // Антропологическая соразмерность: материалы Всероссийской научной конференции. Казань: Изд-во Казанского гос. технол. ун-та, 2009. С. 3-12.
7. Сорокин В.В. Правовая психология: вопросы общей теории права: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 320 с.
8. Черкасова М.А., Поздняков В.М. Психологический мониторинг профессионального выгорания сотрудников уголовно-исполнительной системы России: монография. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2016. 135 с.

Взаимосвязь тревожности с самооценкой у студентов специальности «Психология служебной деятельности»

Полина Т. В.

Новокузнецкий институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк, Россия)

Лучшева Л. М.

ВИ (ИТ) ВА МТО, (г. Санкт-Петербург, Россия)

Во время обучения в вузе на личность студента специальности «Психология служебной деятельности» действуют внешние и внутренние факторы, которые могут препятствовать профессиональному становлению. Одним из таких факторов является высокая личностная тревожность, которая не только мешает продуктивной учебной деятельности студента специальности «Психология служебной деятельности», но и оказывает большое влияние на самооценку студента.

Тревожность оказывает очень серьезное влияние на самооценку студента. Высокий уровень тревожности студента может свидетельствовать о недостаточной эмоциональной приспособленности личности к разным социальным ситуациям, а это порождает неуверенность в себе, своих силах и возможностях мешает человеку в социальной жизни.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование взаимосвязи самооценки и тревожности у студентов специальности «Психология служебной деятельности» (ПСД).

Рассматривая категорию «тревожности», мы опирались на понятие, данное Ч. Спилбергером и Ю. Л. Ханиным: реактивная тревожность выступает как реакция на разнообразные социально-психологические стрессоры, а личностная тревожность – как черта личности, говорящая о склонности воспринимать угрозу своему «Я».

Рассматривая понятие самооценки, мы опирались на определение С. А. Будасси где важнейший компонент самосознания — это оценка своего «Я», своих возможностей и способностей.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

На базе Новокузнецкого института-филиала Кемеровского Государственного института было проведено психологическое исследование, направленное на выявление взаимосвязи тревожности с самооценкой у 22 студентов специальности ПСД.

На основе проведенного психодиагностического исследования тревожности у студентов специальности ПСД были установлены следующие результаты. У большинства исследуемых студентов имеется средний уровень личностной тревожности (82%), высокий уровень реактивной (ситуативной) тревожности (41%), по методике «Шкала реактивной (ситуативной) и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера» (адаптация, модификация Ю. Л. Ханина).

По методике измерения уровня тревожности Тейлора (адаптация В. Г. Норакидзе) большинство респондентов обладают средним уровнем тревожности с тенденцией к высокому уровню (41%), и высоким уровнем тревожности (41%).

Для диагностики самооценки у студентов ПСД применялась методика исследования самооценки личности С. А. Будасси. Полученные результаты психодиагностики самооценки свидетельствуют о наличии у большинства испытуемых умеренного уровня самооценки (91%).

Корреляционный анализ К. Пирсона показал, что существуют статистически значимые связи между уровнем тревожности и самооценкой «Шкала реактивной (ситуативной) и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера» (адаптация, модификация Ю. Л. Ханина) и самооценкой по методике исследования самооценки личности С. А. Будасси ($r=-0,50$; $p\leq 0,05$). обнаружилась сильная обратная связь между тревожностью по методике измерения уровня тревожности Тейлора (адаптация В. Г. Норакидзе) и самооценкой по методике исследования самооценки личности С. А. Будасси ($r=-0,62$; $p\leq 0,01$).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Было выявлено, что чем выше уровень тревожности, тем ниже самооценка; чем выше уровень личностной тревожности, тем ниже самооценка у студентов специальности «Психология служебной деятельности».

Литература

1. Спилбергер Ч.Д. Тревога и поведение. СПб.: Питер, 2001. 252 с.
2. Спилбергер Ч.Д. Концептуальные и методические проблемы исследования тревоги: учебное пособие. М.: Наука, 2003. 56с.

Анализ результатов апробации программы по формированию смысложизненных стратегий личности в условиях внутреннего конфликта и постконфликтный период

Рядинская Е.Н.

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

С 2014 года на востоке Украины длится вооруженный конфликт, в зоне которого проживает большое количество мирных жителей. Состояния человека, попавшего в экстремальные условия, варьируются от психической напряженности до острой стрессовой реакции, меняя его жизненные установки, ценности, смыслы. Для определения перспектив будущего мирных жителей особо актуальным является выявление личностных трансформаций, а также отслеживание эффективности предложенной нами программы по формированию конструктивных смысложизненных стратегий (Абакумова И.В., Рядинская Е.Н., 2017).

На первом этапе исследования мы выявили особенности трансформации смысложизненных стратегий населения в условия конфликта. Обобщая результаты

первого этапа исследования, нами были сделаны следующие выводы: реализация смысложизненных стратегий различается у респондентов в зависимости от условий проживания (условия реальной угрозы жизни и здоровью, зона умеренного риска); наиболее значимыми являются материальное положение и возможность реализации; для респондентов второй группы уровень значимости основных жизненных ценностей снижается; удовлетворенность основных жизненных потребностей мужчин и женщин трудоспособного возраста (19-35 лет) из 2 группы в большей степени находится в зоне неудовлетворенности; у большинства мужчин 2 группы обнаружены низкие оценки личностной успешности и удовлетворенности жизнью; умеренная депрессия наиболее выражена у мужчин и женщин второй группы; для второй группы в большей степени характерны подавленность, снижение интереса к жизни, апатия, кратковременные вспышки злости, повышенная тревожность (Рядинская Е.Н., 2017).

На втором этапе была разработана психокоррекционная программа по формированию смысложизненных стратегий. Основная цель программы - переформатирование смысложизненных стратегий регрессивной направленности в прогрессивную. Программа рассчитана на 72 часа, реализуемых в течение 12 недель с обязательным анализом происходящих изменений.

Нами было установлено, что: у участников Программы наблюдается некоторое улучшение самочувствия и настроения (фэмп. = 0.963; фэмп. = 1.007); явная тенденция снижения высокого уровня депрессивности (до тренинга 41,4% женщин с высоким уровнем депрессивности, после тренинга – 31% соответственно); низкий уровень социальной изолированности выражен более у мужчин-участников (55,5%) в сравнении с мужчинами (48,2%), которые не принимали в участия в Программе; увеличилось количество тех, кто считает важным для себя собственное развитие (мужчины – 27,2%; женщины – 26,1%); для большинства мужчин наиболее важным является высокое материальное положение (до тренинга – 59,6%, после – 68,1%); для большинства женщин также важными приоритетными жизненными сферами являются: профессиональная (52,3%) и семейная (61,9%).

Таким образом, в процессе участия жителей из районов интенсивных обстрелов в Программе, наметилась тенденция к позитивным трансформациям в структуре их жизненных смыслов. Однако, эти изменения незначительны и требуют более длительной коррекции с применением административного ресурса региона, задействованием специалистов различного спектра: медицинского, психологического, социального и др..

Литература

1. Абакумова И.В., Рядинская Е.Н. Интегральный сравнительный анализ подходов к постконфликтному урегулированию вооруженных конфликтов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. No 3 (43). С. 257-264.
2. Рядинская Е.Н. К проблеме исследований показателей ценностно-смысловой сферы населения, проживающего в зоне вооруженного конфликта // Известия

Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки (теория и методика профессионального образования). 2017. № 4 (42). С. 102-109.

Профилактика стигматизации в современном обществе

Сокольская М.В*., Мусатова О.А*., Туркулец С.Е**., Гареева И.А***.

*Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И.

Пирогова (г. Москва, Россия)

**Дальневосточный государственный университет путей сообщения

(г. Хабаровск, Россия)

***Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск, Россия)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00152/19)

Преодоление стигматизации, предубеждений и дискриминации провозглашается Всемирной организацией здравоохранения в качестве одного из приоритетных направлений в области политики по отношению к психическому здоровью.

Анализ роли стигматизации как социально-психологического общественного явления позволяет говорить о ней как об инструменте нивелирования, усреднения разнородности общества, «потери» уникальности отдельных его представителей (Бовина И.Б., Бовин Б.Г., 2013).

Стигматизация как негативный социальный конструкт дает определенные бонусы «здоровой» части общества: возможность повышения самооценки, формирование позитивной социальной идентичности, повышение социального статуса и контроль социальных страхов, управление тревожностью.

Тогда неизбежен вывод, что стигматизация – явление, сопровождающее любое общество на всем протяжении его исторического развития, которое может быть безопасным для большинства, но чрезмерно опасным для конкретного индивида. Следовательно, возникает необходимость воспитания самоохранительного поведения человека, формирование личностной устойчивости к стигматизации, которое осуществляется по мере формирования нравственного самосознания личности, способности придерживаться в своем поведении общечеловеческих ценностей и норм, разделять определенную систему ценностей. Все это делает проблему стигматизации особенно актуальной в системе образования на всех ее уровнях, изначально ориентированной на социализацию личности, включение личности в культуру (Сокольская М.В., 2004).

Стигматизация теряет свою актуальность по мере возрастания нравственного самосознания общности и личности, т. е. по мере перехода от внешней социально детерминированной регуляции к внутренней саморегуляции. Она утрачивает свое регулирующее значение и, как правило, широко не используется, если индивид или

общность руководствуются соображениями долга, совести, чести, достоинства, сострадания и т. д.

Обобщение изложенного позволяет рассматривать стигматизацию в качестве сложного социально-психологического феномена, который формируется посредством «ценностно–нормативного взаимодействия представителей различных обществ, культур, традиций и характеризует самоидентификацию субъекта на основе принятых или усвоенных ценностей, норм и традиций, статуса в сообществе, выделения характеристик, не соответствующих принятым образцам» (Сироткин Ю.Л., 2015). Стигматизация – это всегда результат сложного взаимодействия непрерывных процессов, протекающих как в сообществе, так и в сознании личности, поэтому необходимо постоянно изучать его тенденции, анализировать результаты, выявлять причины возникновения и прогнозировать направления эволюции.

Снижению стигмы будут способствовать комплексная программа мероприятий, включающая научно-просветительское, эмоциональное, законодательное, лингвистическое и политическое вмешательство. Систематические социально-психологические исследования позволят изучить личность стигматизируемого, составить его психологический портрет, на основе которого разработать как адресные программы реабилитации стигматизируемых, так и комплексную модель масштабных профилактических мероприятий.

Литература

1. Бовина И.Б., Бовин Б.Г. Стигматизация: социально-психологические аспекты (часть 2) [Электронный ресурс] // Психология и право, 2013. Том 3. №4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n4/66185.shtml> (дата обращения: 30.09.2020).
2. Сироткин Ю.Л. Стигматизация как социокультурный феномен // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015, №2 (20). С.100-107.
3. Сокольская М.В. Ценностные ориентации в структуре личности и деятельности подростков: монография. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2004. 119 с.

К вопросу о роли «стартовых условий» в формировании положительного индивидуального имиджа сотрудников полиции

Соловьева А.В.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

(г. Москва, Россия)

Федеральный закон «О полиции» гласит, что полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств (Федеральный закон ...). Выходит, что влияние сотрудников полиции на правовое состояние общества и граждан осуществляется в условиях постоянной психологически насыщенной коммуникации, неизбежным следствием которой становится перенос в общественном сознании ошибок одного на

всех сотрудников ведомства в целом, что, снижая степень доверия населения, негативно сказывается на имидже всего ведомства. В наиболее общем виде, получается, что только закрепление ролевого поведения по выполнению служебных функций в соответствии с требованиями нормативных документов по типу «второй натуры», когда усвоенные нормы перестают контролироваться сознанием, способствует улучшению отношения населения к полиции. Иными словами, сотрудник должен «быть» (когда совершаемые поступки сочетаются с жизненными убеждениями), а не «казаться».

На основании вышесказанного можно сделать важный вывод: чтобы образ сотрудника полиции вызывал у граждан доверие, работу по его формированию следует строить на качествах, отражающих ролевое поведение компетентного специалиста, при обязательном учете реально присутствующих у сотрудника качеств. Такое понимание открывает широкие перспективы исследованиям по определению так называемых «стартовых» условий, которые выступили бы векторами для организации работы по созданию позитивного индивидуального имиджа сотрудников полиции. И, например, в качестве одного из ключевых векторов, принимая во внимание серьезную психологическую насыщенность деятельности сотрудников полиции, можно предложить их успешность в установлении контакта. Исходя из этого, при обследовании сотрудников полиции, находящихся в самом начале своего профессионального становления (то есть курсантов ведомственного вуза МВД России), было установлено, что наиболее высокая степень напряжения возникает у молодых людей в двух ситуациях установления контакта (методика диагностики психологических барьеров Филонова Л.Б.): при установлении поверхностного контакта, связанного с безусловным принятием партнера по взаимодействию (начало контакта), и при углублении поверхностного контакта через добровольное раскрытие собственных отрицательных качеств (начало глубокого контакта). При этом установление поверхностного контакта в целом происходит менее напряженно, чем его углубление. Такие результаты свидетельствуют о внутренней настроенности молодых сотрудников полиции к осуществлению активных и целесообразных действий по преодолению напряженных ситуаций. Данные о среднем уровне жизнестойкости подтверждают это, поскольку констатируют наличие у курсантов способности достаточно успешно (в том числе и в отсутствие гарантированного успеха) справляться с напряженностью текущей ситуации, за счет менее травматичного ее восприятия (тест жизнестойкости Леонтьева Д.А.).

В конечном счете, детальный анализ полученных данных позволяет утверждать, что поскольку имидж, представляя собой эмоционально окрашенный образ, определяет отношение людей к ведомству путем блокировки рационального познания воспринимаемых объектов, то единственным залогом его успешности становится его правдивость (в контексте конгруэнтности имиджевых качеств реально имеющимся). Как следствие, актуальность изучения личностных качеств сотрудников полиции, позволяющих им при выполнении служебных обязанностей по-настоящему

«быть», а не «казаться», выходит на центральное место в работе по формированию индивидуального имиджа каждого конкретного сотрудника.

Литература

1. Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ «О полиции» // СПС «Консультант Плюс.

Типы реагирования родителей пострадавших несовершеннолетних на ситуацию сексуального насилия

Токарева А.А., Степанова М.А., Гладышева В.А.

ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей»

(г. Воронеж, Россия)

Многолетний практический опыт психологического сопровождения несовершеннолетних, пострадавших от сексуального насилия, показал: особые трудности возникают во взаимодействии участников следственных действий с родителями пострадавших детей. Анализ выявленных трудностей позволил выделить особенности реагирования родителей на ситуацию насилия, на факт обнаружения преступления; на участие в следственных действиях.

1. «Родители отрицают факт насилия над ребенком»

Следствие. Потеря отношений с ребенком. Вторичная травматизация ребенка.

2. «Родители испытывают страх по отношению к преступнику»

Следствие. Упущено время, когда проведение судебно-медицинской экспертизы могло выявить дополнительные следы преступления на одежде и теле ребенка.

3. «Родители не верят словам ребенка»

Следствие. Потеря отношений с ребенком. Вторичная травматизация ребенка.

4. «Родители имеют собственное мнение по поводу участия ребенка в следственных действиях»

Следствие. Например: из-за того, что, отец агрессивно реагировал на вызовы следователя для участия в следственных действиях, высказывал свое недовольство, активно обсуждал эту ситуацию в семье, девочка замкнулась, считала себя виноватой в происходящем, говорила о том, что ей нужна психологическая помощь, но, отец решил к психологу не обращаться. Были затянуты сроки процессуальных действий.

5. «Родители идут на попятную по какой-либо причине, препятствуют следствию»

Следствие. Затягивание сроков расследования дела, увеличение количества следственных мероприятий с участием несовершеннолетнего.

6. «Родители обвиняют ребенка, либо считают его виноватым»

Следствие. У пострадавшей девочки сформировались «Стойкие изменения личности» на фоне «Синдрома жестокого обращения». Данные психического

расстройства находятся в прямой причинно-следственной связи с действиями сексуального характера.

7. «Родители не доверяют правоохранительным органам»

Следствие. Затягивание сроков расследования дела, увеличение количества следственных мероприятий с участием несовершеннолетнего. Отсутствие оказания своевременной, квалифицированной психологической помощи.

8. «Родители скрывают факт насилия по какой-либо причине, случайное раскрытие факта насилия»

Следствие. Оставление ребенка в опасности. Отсутствие оказания своевременной, квалифицированной психологической помощи.

9. «Родители не хотят, чтобы преступник понес ответственность»

Следствие. Отсутствие оказания своевременной, квалифицированной психологической помощи. Вторичная травматизация ребенка.

Основной задачей, стоящей перед психологом, который сопровождает в ходе следственных действий пострадавшего несовершеннолетнего, является организация психологически безопасного пространства.

Несомненно, психолог на следственных действиях является опорой и поддержкой для несовершеннолетнего пострадавшего, но главное для специалиста - предотвратить возникновение у несовершеннолетнего вторичной травматизации, которая может возникнуть в ходе проведения следственных действий.

Психологическая травматизация ребенка может возникнуть в том числе и от того, как родители ребенка будут реагировать на ситуацию насилия в целом и/или на процесс следствия.

Психологу необходимо обращать внимание на типы реагирования родителей на ситуацию насилия, проводить разъяснительные беседы с ними; формировать способы конструктивного общения со всеми участниками следственных действий; предупреждать родителей ребенка о возможных последствиях насилия и последствиях, которые могут наступить от неадекватного реагирования родителей на ситуацию в целом. Эти меры позволят снизить риск нанесения психологической травмы пострадавшему несовершеннолетнему.

Различия в представлении социально-психологического портрета трудного подростка у студентов психологического и юридического профиля обучения

Филимонова А.А., Ушков Ф.И.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(г. Москва, Россия)

Государственная политика Российской Федерации и внимание современного общества направлены на конструктивные решения проблем, связанных с воспитанием подростков, увеличением количества асоциальных проявлений в поведении,

правонарушений и сохраняющийся высокий уровень преступлений. Число подростков группы риска, то есть тех, которых называют трудными, резко возросло. К «трудностям» подросткового возраста традиционно относятся грубость в отношении учителей и родителей, агрессивное поведение в отношении сверстников, недисциплинированность на уроках, нежелание учиться. К указанным проблемам можно добавить наркоманию, подростковый алкоголизм, а также новые формы девиантного поведения, связанные с развитием социальных сетей.

Глава Следственного комитета 3 марта 2020 года на итоговой коллегии ведомства отметил, что в 2019 году число совершённых несовершеннолетними тяжких и особо тяжких преступлений выросло на 4%.

Анализ научной литературы указывает на то, что в методическом обеспечении работы с трудными подростками большинство работ выполнены специалистами психологического или педагогического профиля, но с трудными детьми работают и специалисты юридического профиля, но их точка зрения, представленная в юридической литературе, связана только с процессом выявления и расследования преступлений.

В связи с этим, была предпринята попытка выявить различия, существующие в представлении социально-психологического портрета трудного подростка у студентов психологического и юридического профиля обучения.

В исследовании приняли участие 242 человека, из них 136 являются студентами/курсантами юридического профиля обучения, а 106 психологического. Средний возраст респондентов – 21 год.

Задача принимавших участие в исследовании, заключалась в оценке гипотетического образа трудного подростка. В ходе проведенного опрос-анкетирования участников просили выделить качества, присущие трудному подростку. Респондентам представлялся большой список слов для описания, но их не ограничивали в количестве выборов. Также, использовались методики НЕХАСО и темная триада.

Студенты психологического профиля образования оказались более склонны выделять сильные проявления измеряемого качества, чем студенты юридического профиля образования в методиках НЕХАСО и Темная триада. Различия были выявлены в трех основных факторах: Экстраверсия (Extraversion), Доброжелательность (Agreeableness), Добросовестность (Conscientiousness) и в независимой шкале – альтруизм. В опроснике Темной триады различия выявлены в шкалах Неклиническая психопатия и Макиавеллизм.

В задании с выбором слов при описании трудного подростка большинство из опрошенных, независимо от группы, выделили качество агрессивный как наиболее присущее трудным подросткам. Студенты психологических специальностей при описании трудного подростка выбрали больше положительно окрашенных слов, также, они больше склонны оценивать эмоциональные характеристики. Студенты юридических специальностей выбирали преимущественно те характеристики, которые можно наблюдать через внешнее проявление.

Возможности участия психолога в экспертизе проектов нормативно-правовых актов

Хвалева А.А., Пимонов В.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Современное нормотворчество имеет тенденцию к ежегодному увеличению числа принимаемых нормативно-правовых актов, тематика которых широка настолько, насколько широк перечень существующих отраслей знаний. При этом разработчики проектов нормативно-правовых актов не просчитывают возможные негативные последствия влияния законов и подзаконных актов на психологию личности, не учитывают, что общество зачастую психологически не готово к принимаемым законодательным новеллам. По этой причине оттаивается идея о необходимости привлечения специалистов различных отраслей знаний к нормотворческой деятельности.

На уровне органов исполнительной власти решение этого вопроса ограничивается, как правило, межведомственными рабочими группами по работе над проектами нормативных актов. В состав рабочих групп психологи включаются редко. Ещё реже их привлекают к экспертизе законопроектов в виду ряда проблем. В частности, представители правотворческих органов часто оценивают ситуацию на исключительно житейском уровне, не учитывая общие законы объективного развития. Не проработан и правовой механизм привлечения психологов к такой деятельности.

Полагаем, что в отличие от представителей других областей знаний, специалисты-психологи обладают большей рефлексивностью и более гибким отношением к соблюдению нравственных норм. Эти качества позволяют повысить жизнеотзывчивость законопроектов, их соответствие человеческой природе, в связи с чем целесообразно привлечение специалистов-психологов к экспертизе проектов правовых норм.

Для проверки данной гипотезы мы провели исследование, которое было разделено на 3 части.

В первой части участникам предлагалось прочитать ситуации и ответить на вопросы, которые формулировались на основе материалов, размещённых на федеральном портале проектов нормативно-правовых актов.

Во второй и третьей частях предлагалось пройти методики:

- методика диагностики уровня развития рефлексивности, опросник А.В. Карпова;

- методика измерения отношения к соблюдению нравственных норм А.Б. Купрейченко;

Характеристика выборки:

1 группа: студенты и выпускники факультета «Юридической психологии» МГППУ;

2 группа: студенты и выпускники по специальности «Юриспруденция» МГУ и МосУ МВД;

3 группа: студенты и выпускники любых специальностей (кроме психологии и юриспруденции).

Возраст участников всех групп 20-30 лет.

Результаты по 1 части исследования следующие:

- психологи и юристы владеют одной терминологией, их мнения во многом схожи. Представителям других специальностей воспринимать правовые тексты сложно;

- 90% психологов, 60% юристов, 80% представителей других профессий считают, что участие психологов в экспертизе проектов нормативных актов могло бы снизить несовершенство законов.

Результаты по 2 части:

У психологов и представителей других специальностей одинаковый результат - 6 баллов (средний уровень рефлексивности). Это говорит о том, что они имеют склонность к самоанализу в конкретных жизненных ситуациях и склонность к анализу уже выполненной в прошлом деятельности и свершившихся событий.

У юристов результат 4 балла находится на границе между низким уровнем рефлексивности и средним. Это говорит о несформированности процессов самопознания, низком самоконтроле поведения в актуальной ситуации, недостаточном осмыслении ее элементов.

Результаты по 3 части:

Полученные данные указывают, что у юристов отношение к соблюдению нравственных норм ниже, чем у психологов, но оба результата находятся на среднем уровне.

Результаты проведенного исследования подтверждают нашу гипотезу: психологи обладают большей рефлексивностью и более гибким отношением к соблюдению нравственных норм.

Полагаем, что психологи могли бы быть привлечены к работе над проектами нормативно-правовых актов на всех этапах их разработки. Результат их деятельности может фиксироваться в психологическом заключении.

Психологический иммунитет как протектор психологической устойчивости сотрудников полиции к негативному информационно-психологическому воздействию

Шаповал В.А., Курдюкова В.Ю.

ФГКОУ ВО "Санкт-Петербургский университет министерства внутренних дел Российской Федерации" (г. Санкт-Петербург, Россия)

В условиях современных гибридных угроз, информационных войн и инфодемий не вызывает сомнений факт высокой актуальности исследования проблемы психологической устойчивости (ПУ) человека к негативному информационно-психологическому воздействию (НИПВ). В особой мере это касается сотрудников полиции (СП), кроме прочего подверженных деструктивному социальному прессингу маргинально-криминальной микросреды, служащему катализатором роста правонарушений и различных форм отклоняющегося поведения среди самих стражей закона.

Наиболее эффективным путем решения данной проблемы нам представляется поиск валидных протекторов ПУ СП к НИПВ на основе концептуально-методологического базиса психодинамической Я-структурной модели личности (Г. Аммон, 2018), а также разработанной на её основе концепции психологического иммунитета (ПИ) и профессионального психологического здоровья (ППЗ). Формулой концепта ПИ является соотношение конструктивных и деструктивно-дефицитарных компонентов центральных Я-функций личности (агрессии, страха, внешнего и внутреннего Я-отграничения, нарциссизма и сексуальности), укорененных в бессознательном, но при этом операционализированных и квантифицированных с помощью специального психодиагностического инструментария - Психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс» (Шаповал В.А., 2015), позволяющего осуществлять градацию испытуемых на 4 группы ППЗ. Группа ППЗ – организационно-психодиагностическая форма его оценки, прогнозирования, экспертного заключения и организационного решения, автоматически рассчитываемая на основе сравнения линейных классифицирующих дискриминантных функций, учитывающих пол, возраст испытуемого, показатели ресурса личностной конструктивности (ПИ), субъектно-профессиональной идентичности и профессионально-психологической успешности.

Наиболее высокий уровень ПУ к НИПВ (I ГППЗ) обусловлен высоким ПИ, имеющим место при выраженном преобладании конструктивных центральных Я-функций (общей конструктивности Я-структуры личности) над деструктивно-дефицитарными, что способствует формированию здоровых фильтров восприятия и селекции поступающей информации. Обратная картина отмечается при низком ПИ (IV ГППЗ), обусловленном выраженным преобладанием деструктивно-дефицитарных Я-функций над конструктивными. При среднем уровне ПИ (II ГППЗ) отмечается примерная сбалансированность или незначительный дисбаланс конструктивных и деструктивно-дефицитарных Я-функций, а при сниженном (III ГППЗ) умеренное преобладание деструктивно-дефицитарных над конструктивными. Детерминированность ПУ СП к НИПВ преобладанием их конструктивных проявлений центральных Я-функций их личности и интегральных характеристик Я-идентичности над деструктивно-дефицитарными была подтверждена нами в результате проведенных эмпирических исследований.

Научная новизна и практическая значимость концепта ПИ, а также психодиагностической системы его оценки, прогнозирования и мониторинга состоит

в том, что они позволяют эффективно осуществлять анализ психодинамических протекторов и механизмов ПУ СП к НИПВ в процессе массовых психопрофилактических обследований и психологического аудита подразделений, на основе чего разрабатывать и реализовывать адресные программы её повышения.

Литература

1. Гюнтер Аммон. Динамическая психиатрия в ракурсах времени. К столетию со дня рождения. Сб. М.: ИД «Городец», 2018. 568 с.
2. Шаповал В.А. Профессиональное психологическое здоровье сотрудников органов внутренних дел: диагностика, прогнозирование, мониторинг: монография. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России. 296 с.

Саморазвитие руководителя органов внутренних дел Российской Федерации в современных условиях

Шумилина И.В.

Академия управления МВД России (г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Мальцева Т.В.

Подразделения органов внутренних дел Российской Федерации (далее ОВД РФ) в целом, так и сотрудники сегодня служат в условиях постоянных изменений. На самом деле, в современном мире труда принято считать, что любые организации не могут полагаться на то, что они делали в прошлом, но им постоянно нужно развивать себя (Ottinger R., 2013). Следовательно, и организации, и сотрудники, и руководители должны быть динамичны и адаптивны (Поздняков В.М., Реуцкая И.Е., 2005; Эрдынеева К.Г., Филиппова В.П., 2009; Горелов С.А., 2011; Pulakos, E. D., Arad, S., Donovan, M. A., & Plamondon, K. E., 2000 и др.).

Одна из стратегий адаптаций к современным условиям, которую предпринимают организации во всем мире для решения проблем развития, заключается в большем внимании неформальным программам обучения саморазвитию. Повышенное внимание в данном ракурсе следует уделить неформальному обучению руководителей развитию у себя лидерских качеств.

Саморазвитие руководителя подразделения ОВД РФ относится к деятельности, которую он берет на себя, чтобы развить свой лидерский потенциал. Эта форма развития представляет собой проактивное поведение и может происходить без каких-либо инвестиций, кроме временного ресурса.

Уточним два различных термина: лидерское развитие и саморазвитие. Развитие лидера следует понимать как деятельность или опыт, которые служат для развития лидерских навыков отдельного руководителя. Саморазвитие руководителя ориентировано на него самого и используется для описания деятельности по саморазвитию, которую предпринимают для повышения своего лидерского потенциала.

Одним из ключевых моментов в определении саморазвития руководителя является то, что это такая форма развития, при которой ответственность за инициирование и продолжение деятельности лежит исключительно на личности (Сомов А.В., Мальцева Т.В., 2012; Мальцева Т., Реуцкая И.Е., Петров В.Е., 2020; Parker, S. K., Bindl, U. K., & Strauss, K., 2010 и др.). Таким образом, любая деятельность, требуемая должностными обязанностями, вышестоящим руководителем или любым другим субъектом вне руководителя, не является саморазвитием. Второй ключевой момент в саморазвитии руководителя заключается в том, что деятельность по развитию должна быть направлена на повышение лидерского потенциала. Саморазвитие руководителя может охватывать множество различных форм развития до тех пор, пока он проявляет инициативу, чтобы начать и поддерживать деятельность, и эта деятельность направлена на повышение его лидерского потенциала.

Исходя из выше сказанного, предполагаемые практические преимущества саморазвития руководителя потенциально могут быть значительными, однако на деле подобная практика все еще находится в зачаточном состоянии. Одним из пробелов является определение количества и качества мероприятий по саморазвитию лидерских навыков, так в настоящее время не существует ни психологического, ни какого-либо другого инструментария для подобного измерения саморазвития лидера. Еще одним заметным пробелом является отсутствие мотивационных стимулов у руководителей подразделений ОВД РФ, побуждающих включиться в саморазвитие.

В заключение следует отметить, что саморазвитие имеет интерактивную природу, оценка руководителей по стремлению к саморазвивающей деятельности несомненно будет способствовать прогнозированию эффективности руководства подразделением ОВД РФ.

Литература

1. Горелов С.А. Саморазвитие как важнейшее условие эффективности деятельности руководителя ОВД // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2011. № 3 (73). С. 41-44.
2. Мальцева Т., Реуцкая И.Е., Петров В.Е. Психологическое консультирование личности в процессе профессионализации М., 2020. 136 с.
3. Поздняков В.М., Реуцкая И.Е. Проблемы в профессионально-личностном росте руководителей органов внутренних дел и психологическая помощь при их разрешении: научно-практическое пособие М., 2005. 160 с.
4. Сомов А.В., Мальцева Т.В. Личностные качества и их значение в управленческой деятельности руководителя органов внутренних дел // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 105-109.
5. Эрдынеева К.Г., Филиппова В.П. Адаптационный потенциал как условие саморазвития руководителя // Педагогическое образование и наука. 2009. № 2. С. 82-87.

6. Ottinger, R. (2013). Disrupt or be disrupted. *Forbes*. Retrieved May 10, 2016, from <http://www.forbes.com/sites/johnkotter/2013/04/03/how-to-lead-through-business-disruption/#3f06892070b6>.
7. Parker, S. K., Bindl, U. K., & Strauss, K. (2010). Making things happen: A model of proactive motivation. *Journal of Management*, 36(4), 827-856. doi:10.1177/0149206310363732
8. Pulakos, E. D., Arad, S., Donovan, M. A., & Plamondon, K. E. (2000). Adaptability in the workplace: Development of a taxonomy of adaptive performance. *Journal of Applied Psychology*, 85(4), 612–624. doi:10.1037//0021-9010.85.4.612.

Особенности Я виртуального у пользователей социальной сети

Алимова Д.Х.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель - Богданович Н.В.

Интернет — это новый пласт социальной реальности, который позволяет сочетать в себе различные виды деятельности, такие как: познавательная, коммуникативная, игровая (Балыкина А.М., 2017). Проблематика виртуальной среды все чаще поднимается в академическом сообществе, так как интернет конструирует ранее не существовавшие понятия, знания, ценности, поведенческие образцы и приводит к появлению новой социальной культуры и образа жизни (Зекерьяев Р.И., 2019). Также возникают новые виды аддикций и девиаций. В структуре идентичности возникает Я-виртуальное, которое в современных исследованиях рассматривается наряду с Я-концепцией (Бутрова Н.Н., Цариценцева О.П., 2014). Всеобщая виртуализация ставит ряд задач по анализу особенностей виртуального образа Я, определению его границ, а также созданию методологии.

Весной 2020 года нами было проведено исследование на тему “Особенности Я-виртуального у пользователей социальных сетей”. Целью данного исследования было выявление специфических особенностей я-виртуального у пользователей социальных сетей. Нами были предложены следующие гипотезы:

- 1) Пользователи социальной сети обладают высокой самооценкой Я-виртуального.
- 2) Ведущей сферой жизни Я-виртуального у пользователей социальных сетей является сфера досуга.
- 3) Особенности Я-виртуального отражаются в медийном контенте на странице в социальной сети.

В результате исследования было выявлено, что показатели самооценки изменяются в зависимости от средового фактора, выявлено отсутствие выраженности половой идентичности в структуре Я-виртуального, повышенная самооценка Я-виртуального сравнительно с Я-реальным, изменение ведущей сферы жизни при переходе в виртуальное пространство. Данные особенности не являются исчерпывающими.

Отсутствие выраженности половой идентичности возможно связано с иллюзией анонимности, обезличенностью, так как виртуальная реальность предоставляет возможность создания различных ролей и образов, не ограниченных по количеству (Зекерьяев Р.И., 2019). Самооценка повышается за счет выстраивания этого образа самим индивидом, как показало исследование, на основе собственных

интересов, увлечений, вкусов. По данным исследования, гипотеза о повышении самооценки в пространстве социальных сетей подтверждена. На первый план в ценностных ориентациях Я-виртуального выходят интимно-личностные отношения, которые легче выстраиваются в условиях социальной сети.

Проведенный контент-анализ страниц респондентов в социальной сети позволил опровергнуть альтернативную гипотезу. Особенности не отражаются на самой странице в социальной сети. Медийный контент личного характера (личные фото) чаще всего приукрашен, что говорит о повышении самооценки в данном случае. На самой странице крайне важен текст, написанный самим пользователем, текст несет в себе информацию об интересах пользователя. Данная работа представляет собой материал для дальнейшего развития темы, подробного изучения половой идентичности в социальных сетях, а также более качественного анализа персональных страниц.

Литература

1. Балыкина А.М. Информационная социализация студентов в компьютерном сетевом взаимодействии // Живая психология. 2017. Том 4. № 4. С. 311-316.
2. Бутрова Н. Н., Цариценцева О. П. Содержание образа «Я-виртуальное» пользователей Интернета (на примере юношеского возраста) // Концепт. 2014. No 12 (декабрь). ART 14338. – URL: <http://ekoncept.ru/2014/14338.htm> (дата обращения: 07.10.2020).
3. Зекерьяев Р.И. Типы виртуальной личности интернет-пользователя // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. №1. С.49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-virtualnoy-lichnosti-internet-polzovatelya> (дата обращения: 07.10.2020).

К проблеме анализа онлайн-поведения пользователей в социальных сетях

Богданович Н.В., Делибалт В.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В настоящее время как в России, так и за рубежом остро стоит проблема кибер-рискованного / отклоняющегося онлайн-поведения несовершеннолетних. Уже не первый год перед педагогами образовательных организаций ставятся задачи по проведению мониторинга, анализа и оценки риска антинормативного поведения учеников в сети Интернет.

Однако даже у специалистов нет на данный момент научно обоснованного ответа можно ли прогнозировать отклоняющееся поведение в реальности на основе анализа поведения в социальных сетях.

Для начала разберемся в тех методах, которыми пользуются психологи на данный момент для анализа особенностей пользователей социальных сетей. Условно можно выделить три вида методов:

1. Анкетирование. В основном, это прямые вопросы о представлениях пользователей о времяпрепровождении в сети Интернет. Часто исследователи спрашивают о времени, проведенном в Интернете, о мотивах использования и предпочтениях того или иного ресурса. Данный метод, однако, может быть использован только как дополнительный, поскольку уже есть данные об искаженном восприятии пользователями, например, времени пребывания в сети (см. Рубцова О.В., 2018).
2. Различные психологические методики, модифицированные или нет, проводимые опосредованно (без прямого контакта с исследователем). Разрабатываются и адаптируются методики, позволяющие выявлять и описывать специфику различных видов девиантного поведения. Так, например, для определения склонности к зависимости от социальных сетей производится модификация и апробация опросника проблемного использования Facebook на русскоязычной выборке (см. Сирота Н.А. и др., 2018).
3. Контент-анализ текстов. Довольно часто в данную группу входит сбор различных демографических данных (пол, возраст, место проживания, группы и т.д.). Часто объектами анализа становятся комментарии, хэштеги, картинки, видео, что позволяет исследователям получить информацию как об эмоциональных состояниях пользователей, так и о различных характеристиках пользователей и сообществ в целом. На основе полученной информации возможно создание “языка того или иного “девиантного сообщества” (например, Польская Н.А., Якубовская Д.К., 2019).

Однако все эти методы получения информации о психологических особенностях пользователей Интернета мало дают информации об онлайн поведении пользователей. Даже последний вид дает информацию скорее о продуктах активности пользователей. Так, например, наличие лайка в социальной сети может означать как одобрение контента, так и возмущение, а может говорить о том, что пользователь отметил этот контент для прочтения позднее или как знак внимания для автора - типа “посмотрел”.

Таким образом, установление наличия (или отсутствия) цифрового следа не может говорить о механизмах онлайн-поведения. Цифровой след – это продукт поведения, большей частью вербально выраженный, хотя иногда воплощенный различными художественными средствами (в виде картинки, музыки или видео). Иными словами, это результат опосредования в виде знаков той или иной активности человека в онлайн-пространстве, в т.ч. его деятельности.

Для исследования поведения человека в виртуальной реальности необходимо не только оценивать его индивидуально-психологические особенности, цифровые следы в аккаунте или каком-то паблике, отношение к тому или иному сетевому феномену, но и непосредственно сам процесс активности. А это, в свою очередь,

требует использования экспериментальной стратегии исследования, погружающей пользователя в те или иные условия. Например, анализ стратегий поведения в процессе игрового взаимодействия, прохождения онлайн-квеста, решения когнитивной или иной задачи.

Более того, накопление данных о поведении пользователей в рамках таких экспериментальных стратегий должно приводить к двум важным следствиям – прогнозированию поведения в различных ситуациях риска и выделению мишеней воздействия в рамках профилактической деятельности и оказания психологической помощи.

Литература

1. Польская Н.А., Якубовская Д.К. Влияние социальных сетей на самоповреждающее поведение у подростков // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Том 27. № 3. С. 156–174. doi:10.17759/cpp.2019270310
2. Рубцова О.В., Панфилова А.С., Смирнова В.К. Исследование взаимосвязи личностных особенностей подростков с их поведением в виртуальном пространстве (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Психологическая наука и образование. 2018. Том 23. № 3. С. 54–66. doi:10.17759/pse.2018230305
3. Сирота Н.А., Московченко Д.В., Ялтонский В.М., Ялтонская А.В. Разработка русскоязычной версии опросника проблемного использования социальных сетей // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Том 26. № 3. С. 33–55. doi:10.17759/cpp.2018260303

Особенности копинг-стратегий и эмоционального интеллекта в ситуации кибербуллинга

Вакуленко А.А., Делибалт В.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Актуальность нашей работы обоснована тем, что, во-первых, наблюдается неразработанность проблемы профилактики травли как в онлайн, так и в оффлайн среде, а во-вторых, присутствует необходимость определения мишеней воздействия для ее осуществления. Хотелось бы отдельно отметить результаты исследования относительно буллинга в онлайн среде. Благодаря появлению возможностей использования современных технологий, появилась и новая форма травли – кибербуллинг. Часто упоминается как электронные издевательства или социальная онлайн жестокость. Основными особенностями травли в Интернете можно назвать: анонимность, непрерывность, множественность известных и неизвестных свидетелей, отсутствие обратной связи и феномен растормаживания (Joinson, A. N., 2007), а также хотелось бы отметить особенности повторяемости травли и несбалансированности сил (Vandebosch, H., Van Cleemput, K, 2008).

Выборку составили 77 учащихся 6-8 классов общеобразовательного учреждения г. Москвы. Возрастной диапазон – 12-15 лет. Выборка была разделена на экспериментальную и контрольную группы на основании результатов методики-опросника риска буллинга (Бочавер А.А., Кузнецовой и др.). В экспериментальную группу вошло 38 учащихся классов с риском буллинга в классе, в контрольную – 39 подростков без риска буллинга в классе. Описанные ниже результаты были получены на основании опросника, используемого в Европейском проекте по вмешательству в ситуацию кибербуллинга, опросника копинг-стратегий Р. Лазаруса, опросника на эмоциональный интеллект Д.В. Люсина. В процессе дальнейшей статистической обработки данных подсчитывались: среднее значение по каждой из шкал, непараметрический критерий Манна-Уитни для оценки различий между двумя выборками, критерий корреляции Спирмена, описательная статистика.

При сравнении двух групп, с риском травли в классе и без, было обнаружено, что в группе риска большая вероятность столкновения с травлей в сети. Результаты исследования в рамках изучения кибербуллинга показали, что имеет место прямая связь между участием в кибербуллинге и стратегией дистанцирования и самоконтроля. Что может говорить о том, что подросток, столкнувшийся с травлей в онлайн-пространстве, выбирает такую стратегию поведения, при которой он пытается забыть ситуацию кибербуллинга, уменьшить ее значение. Подросток не воспринимает травлю в Интернете всерьез. Возможно, это некий защитный способ реагирования на наблюдаемую жестокость. Подростки зачастую также предпочитают сдерживать свои реакции, когда сталкиваются с интернет-травлей. Все усилия у них направлены на контроль своего поведения, предпочитают сдержанные формы реагирования на ситуацию. Здесь же хотелось бы отметить, что опыт участия в кибербуллинге имеет обратную связь с внутренним эмоциональным интеллектом и способностью управлять эмоциями. На наш взгляд это означает, что низкая способность понимать и управлять своими эмоциями зачастую сопутствует участию подростков в кибертравле. Они имеют низкую способность вызывать определенные эмоции, снижать интенсивность нежелательных эмоций у собеседника, а также имеют низкую способность и потребность управлять своими эмоциями, в том числе поддерживать желательные и контролировать нежелательные.

Ситуация травли накладывает определенный след на развитие задействованной в ней личности. Опираясь на выявленные особенности, некоторые из которых описаны выше, нами была построена профилактическая программа буллинга и кибербуллинга.

Литература

1. Joinson, A. N. Causes and implications of disinhibited behavior on the Internet//Psychology and the Internet. – Boston, MA: Academic Press – 2007. – P.43-60.

2. Vandebosch, H., Van Cleemput, K. Defining cyberbullying: A qualitative research into the perceptions of youngsters. // Cyber Psychology & Behaviour – 2008. – №11. – p.499–503.

Использование знаний психологии в профилактике и расследовании киберпреступлений

Воронин Д. А.

Иркутский юридический институт (филиал) Университет прокуратуры
(г. Иркутск, Россия)

Научный руководитель – Ильина В.А.

Под председательством Генерального прокурора РФ 17.07.2020 года состоялось заседание координационного совещания руководителей правоохранительных органов РФ, на котором была обозначена проблема растущего уровня киберпреступности. Для ее решения Генеральный прокурор потребовал принятия мер по совершенствованию профилактики и раннего выявления киберпреступлений. В целях обеспечения данного требования были поставлены задачи по внедрению специализации сотрудников, осуществлению профессионального отбора и обеспечению тесного взаимодействия прокуроров с сотрудниками оперативных и технических служб.

Наибольшую эффективность профилактика показывает себя в непосредственной работе с гражданами. Так 10.04.2020 года прокуратурой Башкортостана было опубликовано обращение к гражданам с просьбой быть более бдительными в связи с распространением киберпреступности. Опубликованные разъяснения и правила предосторожности нацелены на подготовку граждан к возможным рискам стать жертвой киберпреступника.

Знание психологических особенностей личности киберпреступников позволяет действующим сотрудникам проводить более эффективные мероприятия по раскрытию подобных правонарушений.

Определение психологических особенностей преступника в условиях неограниченности круга субъектов преступления может помочь в установлении категории личности, которой они присущи (Оловянников Д. Ю., 2019).

Одной из важнейших особенностей киберпреступника является высокий интеллект и компетентность в отношении знаний о механизмах работы «среды», где совершается преступление, что дает преступнику мнимую уверенность в безнаказанности подобных действий (Мавринская Т. В., 2018).

За анонимностью закреплена возможность для пользователя создать новый образ собственной личности. Поэтому распространенным явлением считается наличие у киберпреступников Интернет-зависимости, диссоциативных и тревожных расстройств личности (Косенков А. Н., 2012).

В момент совершения преступления киберпреступник может не ощущать страха быть обнаруженным. Злоумышленник не ощущает психологического

напряжения, может трезво планировать свои действия, даже в условиях полной неопределенности (Косенков А. Н., 2012).

В заключение следует подчеркнуть, что учет знаний о психологических особенностях киберпреступников является важной составляющей в разработке методов профилактики и расследовании киберпреступлений, позволяющих установить субъективную сторону преступления, цели и мотивы преступника, дальнейшие действия и возможность рецидива.

Литература

1. В связи с распространением киберпреступлений прокуратура просит граждан быть более бдительными 10 апреля 2020 года [Электронный ресурс] // Прокуратура Республики Башкортостан. 2020. URL: http://bashprok.ru/the_prosecutor_explained/razyasnenie-zakonodatelstva/v-svyazi-s-rasprostraneniem-kiberprestupleniy-prokuratura-prosit-grazhdan-byt-bolee-bditelnymi.php (дата обращения: 06.09.2020)
2. Координационное совещание руководителей правоохранительных органов Российской Федерации 17 июля 2020 года [Электронный ресурс] // Москва, Генеральная прокуратура Российской Федерации. 2020. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1880616> (дата обращения: 06.09.2020).
3. Косенков А. Н. О применении юридической психологии в борьбе с киберпреступностью // Библиотека криминалиста. 2012. № 10. С. 207–217.
4. Косенков А. Н. Общая характеристика психологии киберпреступника // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 3. С. 87–94.
5. Мавринская Т. В. Психологические особенности киберпреступников // Инновационное развитие. 2018. № 21. С. 156–158.
6. Оловянников Д. Ю. Некоторые вопросы изучения психологических особенностей личности преступника // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения. 2019. № 39. С. 157–160.

Цифровой профайлинг несовершеннолетних пользователей, вовлеченных в деструктивный контент (на примере социальной сети «ВКонтакте»)

Гриненко У.Б., Малашина А.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

АНО «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды»

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Особенностью цифрового профайлинга и заложенной в нем поисково-реконструктивной деятельности выступает поведенческий анализ следов пользователей в социальной сети «ВКонтакте», результатом которого является вероятностное описание психологически значимых характеристик, а также прогнозирование возможной деятельности лиц, вовлеченных в деструктивный контент. Однако термин «деструктивный контент» не имеет концептуального научного определения. Законодательство РФ также не дает четкого объяснения данного понятия. Однако под деструктивным контентом авторы данного текста подразумевают такое информационное содержание и наполнение Интернет-источников (в том числе ресурсов и объектов социальных сетей), которое воздействует на объекты и субъекты путем их разрушения и причинения им ущерба.

Сетевой портрет пользователя – это совокупность всей информации, которую предоставляет владелец профиля в рамках пользования социальной сетью. Сетевой портрет включает в себя информацию из сетевого профиля и сетевую активность. Под сетевым профилем в данном случае понимается персональная страница зарегистрированного пользователя социальной сети, на которую он размещает любую информацию о себе. Сетевая активность включает в себя общую информацию о действиях зарегистрированного пользователя в социальной сети.

Сетевой портрет пользователя составляется на основе контент-анализа определенного набора online-признаков, выявляемых в социальной сети «ВКонтакте». Изучение и систематизация данных признаков дает возможность создания сетевого портрета, вовлеченного в деструктивный контент, на основании которого несовершеннолетний пользователь потенциально может быть отнесен к «группе риска». Основной функцией цифрового профайлинга несовершеннолетних выступает выявление тех пользователей, которые вовлечены в деструктивный контент для дальнейшей профилактической работы.

В дальнейшем мы предполагаем проведение эмпирического исследования, целью которого выступает изучение особенностей как «online-признаков», так и «offline-признаков». Личностные особенности несовершеннолетних тесным образом связаны со структурой их «профилей» в социальной сети «ВКонтакте» (Рубцова О.В., Панфилова А.С., Смирнова В.К., 2018).

Предполагается, что вовлеченность профилей в деструктивный контент в социальной сети «ВКонтакте» выступает предиктором включения этих же пользователей в группу риска в «offline» среде в соответствии с определенными признаками. Среди offline-признаков авторы данной работы выделяют следующие: выраженная лабильность аффективных реакций, антивитальные переживания, сниженный фон настроения, самоповреждения, неадекватная самооценка, неблагоприятные внутрисемейные и межперсональные отношения, наличие конфликта и предшествующая суицидальная активность и др. Так, при включении профилей в суицидальный контент у пользователей в «online» среде отмечается заинтересованность сообществами и группами депрессивного характера; сохраненные фотографии, публикации и комментарии профиля отражают суицидальные

настроения и намерения; статус и главное фото профиля имеет депрессивный характер.

Перспективы исследования связаны с комплексным подходом к определению уровня вовлеченности профиля в деструктивный контент в социальной сети «ВКонтакте» за счет оценки сетевого портрета совместно с изучением личностных особенностей пользователя для выявления группы риска и создания дальнейшей профилактической работы с несовершеннолетними.

Литература

1. Рубцова О.В., Панфилова А.С., Смирнова В.К. Исследование взаимосвязи личностных особенностей подростков с их поведением в виртуальном пространстве (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. No 3. С. 54– 66. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2018230305>

Взаимосвязь проблемного использования Интернета, индивидуально-психологических особенностей структуры темперамента у подростков

Жукова Н.В.

магистр психологии

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

С точки зрения междисциплинарной науки, риск формирования проблемного использования Интернета необходимо рассматривать системно как динамическое взаимодействие биологических, психологических и социальных факторов.

Фундаментальные принципы педагогики рекомендуют оптимально учитывать индивидуально-психологические особенности детей, обусловленные взаимодействием генетических и средовых факторов (модель «интегральной индивидуальности»). Изучалась взаимосвязь индивидуально-психологических особенностей структуры темперамента (ИПоСТ), проблемного использования интернета (PIU), субъективного психологического благополучия (СПБ).

Выборка. N= 90 чел. 15-25 лет (M=18,267 лет, SD=2,933): подростки N=54 чел. 15-18 лет M=16,167, SD=0,863 (Москва, родной язык – русский).

Методики: PIU – «Шкала интернет-зависимости Чена», «Опросник структуры темперамента» (Русалов В.М., Трофимова И.Н., 2011), «Шкала самооценки уровня тревожности Ч. Спилбергера», «субъективное психологическое благополучие» - «The Warwick-Edinburgh Mental Well-being Scale».

Результаты. Обратная связь «проблемного использования интернета» (PIU) с «Возрастом» $r=-0,218^*$ на $\alpha=0,039<0,05$ (кр. Спирмена) согласуется с

закономерностями возрастной психологии (улучшение метакогнитивных навыков). Более высокие значения PIU имели обратную связь с «Физической эргичностью» (N=90 чел. $\rho=-0,716$ $\alpha=0,00<0,01$), «Физич. Темпом» ($\rho=-0,513$ $\alpha=0,00<0,01$), «Социальной эргичностью», «Довольностью»\ДВ ($\rho=-0,411$ $\alpha=0,00<0,01$); прямая корреляция PIU с «Нейротизмом»\NEU (N=90 чел. $\rho=0,215$ $\alpha=0,04<0,05$), «Личн. тревожностью»\ЛТ ($\rho=0,600$ $\alpha=0,00<0,01$), «Реакт. тревожностью»\РТ, «Импульсивностью»\ИМР (N=90 чел. $\rho=0,226$ $\alpha=0,03<0,05$).

Обсуждение. Многое зависит от индивидуальных характеристик, предрасположенности (и коморбидности), контента ресурсов, воспитания, социализации и цифровой грамотности (Kardefelt-Winther D., 2017). Обзоры приводят данные о том, что подростки с высокими показателями «нейротизма»\NEU (ЛТ, РТ) могут искать в Интернете комфортные варианты для деятельности: учебы, общения, хобби и т.п. (генотип-средовая ковариация), т.к. NEU коррелирует с «Эмпатией»\ЕМР (N=90 чел. $\rho=0,439$ на $\alpha=0,00<0,01$); в свою очередь, ЕМР с «Интеллектуальной эргичностью» ($\rho=0,261$ $\alpha=0,013<0,05$) и «Интеллектом» ($\rho=0,234$ на $\alpha=0,026<0,05$).

При сравнении возрастных групп, кластеризации и факторном анализе (первый фактор - 27,871%, два фактора - 42,517% и т.д., 5 факторов объясняют 73,131 % общей дисперсии) выводы о корреляционных связях подтвердились (Жукова Н.В., Айсмонтас Б.Б., Трофимова И.Н., Макеев М.К., 2020).

Выводы. При разработке практических рекомендаций «здорового использования Интернета» необходимо учитывать возрастные нормы, необходимую физическую активность (Guthold R. et al., 2020). Высокие уровни «Физич. эргичности», «Физ. темпа» при определенных условиях могут вносить вклад в «протективные» механизмы по отношению к формированию проблемного использования интернета, а высокие значения «Нейротизма», «Импульсивности» рассматриваться как предикторы избыточного использования.

Литература

1. Жукова Н.В., Айсмонтас Б.Б., Трофимова И.Н., Макеев М.К. Учет индивидуально-психологических особенностей учащихся в условиях «цифровой образовательной среды» // Научная школа В.В. Давыдова: традиции и инновации: Сборник тезисов участников международной научно-практической конференции 21–24 сентября 2020 г. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 159-164.
2. Русалов В.М., Трофимова И.Н. О представленности типов психической деятельности в различных моделях темперамента // Психологический журнал. 2011. Т. 32 № 3. С.74-84.
3. Global trends in insufficient physical activity among adolescents: a pooled analysis of 298 population-based surveys with 1· 6 million participants / Guthold R. et al. // The Lancet Child & Adolescent Health. 2020. Vol. 4. P. 23-35.

4. Kardefelt-Winther D. How Does the Time Children Spend Using Digital Technology Impact Their Mental Well-being, Social Relationships and Physical Activity? Florence, Italy: UNICEF Office of Research-Innocenti, 2017.

К вопросу о понятии «цифровое общество» в юридической психологии или проблема подмены понятий

Ильина В. А.

Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия)

Всякая наука начинается с понятий, которым она дает научно обоснованные определения и оперирует ими при изучении своих явлений. Понятия, согласно теоретикам психологии, вводятся в науку на основе трех принципов: 1) от абстрактного к конкретному; 2) обращения явления и сущности; 3) встречной (биогенетической и социокультурной) детерминации психического (Петровский А. В., Ярошевский М. Г., 1998).

Очевидно, что понятие «цифровое общество» в науке еще не устоялось. В зависимости от конкретной научной отрасли знаний под цифровым обществом понимают разные стороны данного явления. В ряде гуманитарных наук под цифровым обществом понимают культурно-исторический контекст развития человека; в экономике – постиндустриальное общество, новая историческая фаза развития цивилизации, в которой главными продуктами производства являются информация. В кибернетике встречаются несколько пугающие определения: цифровое общество – это глобальный проект, целью которого является построение нового рабовладельческого общества, управляемого посредством использования информационно-коммуникативных технологий.

Очевидно, что для юридической психологии данные определения не являются удачными, поскольку в своих исследованиях она исходит, прежде всего, из того, что общество (социум) – это человеческая общность. Например, исходя из принципа от абстрактного к конкретному, вряд ли можно говорить о существовании общества цифр. Исходя из принципа явления и сущности, так называемое «цифровое общество» проявляется лишь в совокупности оцифрованной информации о людях, животных, предметах быта и проч., и хранящейся на электронных носителях. О биогенетической и социокультурной детерминации психического в понятии «цифровое общество» говорить в целом не приходится.

Однако возникает вполне закономерный вопрос о том, может ли цифровое общество быть самостоятельным объектом реальности, либо это несуществующий симулякр. Данный вопрос поднимает проблему подмены понятий. Опасность таких «подменных» понятий заключается в том, что человек становится заложником искаженного понимания окружающего мира, при котором представляется существование разных реальностей. При этом он не видит в этом какой-либо

проблемы, не понимает, что никакой другой реальности в принципе не существует, кроме природной, а, так называемая, «вертуальная реальность» есть ничто иное как стимуляция воображения с помощью цифровых технологий. Опасность же подмены понятий заключается не только в том, что данные понятия ведут в тупик научные исследования, но и в том, что благодаря им у человека формируются такие феномены сознания, которые граничат с психиатрическими диагнозами.

Между тем, сегодня находится немало желающих, пытающихся доказать существование некоего самостоятельного цифрового мира, цифрового общества, информационного пространства. «Цифровая реальность принципиально отличается от природной, в которой человечество жило большую часть своего существования» <...> «новое поколение, родившееся в цифровом мире, заметно отличается от старшего» (Макаров В. Л., 2017). Автор этих строк не берет во внимание то, что во все времена каждое новое поколение имело свою особенность и отличалось от старшего. Однако это не означало, что новое поколение людей жило в каком-то ином мире.

Таким образом, понятие «цифровое общество» – это скорее образное понятие и оно не приемлемо в науке. На него нельзя ориентироваться во избежание выявления и анализа нереальных (идеалистических) феноменов.

Литература

1. Макаров В. Л. Глобальное цифровое общество и трансформация ценностей // Материалы XVII Лихачевских научных чтений (г. Санкт-Петербург, 18–20 мая 2017). СПб : СПбГУП. 592 с.
2. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Основы теоретической психологии: учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 1998. 525 с.

Подростки – участники кибербуллинга и их индивидуально-психологические характеристики

Кирюхина Д.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Е.Г.Дозорцева

Современные технологии создают благоприятные условия не только для развития разносторонней продуктивной деятельности подростков, но и для распространения негативных явлений. Одно из них - буллинг, осуществляемый в новой виртуальной среде (Wegge D., Vandebosch H., Eggermont S., 2014). Кибербуллинг рассматривается как отдельное направление травли (буллинга) и включает в себя преднамеренные агрессивные действия, осуществляемые с использованием электронных форм взаимодействия и направленные против жертвы, которая не может себя защитить (Бочавер А.А., Хломов К.Д., 2014). Как и буллинг,

кибербуллинг предполагает три типа участников: преследователей, жертв и наблюдателей. Занятие подростком одной из данных позиций обусловлено, в том числе, индивидуальными характеристиками самого юного пользователя (Menesini E., Camodeca M., 2010).

Целью предпринятого нами исследования было выявление характеристик подростков, выступающих в разных ролях в кибербуллинге.

Исследование проводилось в 2017-2019 гг., его участниками стали 165 учеников 7-9 классов в возрасте 12-16 лет. Для исследования был специально разработан опросник, который позволил выявить частоту столкновения школьников с онлайн-травлей, характер их участия в нем, а также их оценку допустимости тех или иных действий в сети Интернет, попадающие по своему содержанию под определение кибербуллинга. Для оценки индивидуально-психологических свойств подростков использовались методика «ИТДО» Л.Н. Собчик и опросник «Диагностики склонности к агрессии» А. Басса и М. Перри.

Полученные результаты показали, что в процессе кибербуллинга подростки занимают позицию как преследователя, так и жертвы, чаще всего, сочетая эти роли. Активная реализация действий, относящихся к кибербуллингу, связана с таким индивидуально-психологическим качеством подростков, как агрессивность. Подростки, для которых характерно проявление физической агрессии в реальной жизни, переносят подобные действия в виртуальное пространство. Жертвами кибербуллинга становятся и склонные к интенсивным переживаниям перенесенной агрессии тревожные, ранимые подростки, которые болезненно реагируют на негативные действия по отношению к себе. Одновременная подверженность кибербуллингу и собственное участие в нем в качестве преследователя связана с тем, что жертвами Интернет-травли являются либо те учащиеся, которые пострадали от кибер-атак, либо школьники, ответившие агрессией на агрессивные или воспринятые ими как агрессивные действия и включившиеся, таким образом, в непрерывный процесс кибербуллинга.

Полученные результаты позволяют более подробно описать феномен кибербуллинга и разработать эффективные способы по его предотвращению.

Литература

1. Бочавер, А. А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А. А. Бочавер, К. Д. Хломов // Высшая школа экономики. 2014. № 3. С. 177–191.
2. Menesini E., Camodeca M. Bullying among siblings: the role of personality and relational variables. – *British Journal of Developmental Psychology*, 28, 2010, - pp. 21-939.
3. Runions K.C. Toward a Conceptual Model of Motive and Self-Control in Cyber-Aggression. *Journal of Youth and Adolescence*, 2013, 42(5), - pp. 751–771.
4. Wegge D., Vandebosch H., Eggermont S. Who bullies whom online: A social network analysis of cyberbullying in a school context. *Communications*, 2014, 39(4), - pp. 415–433.

Факторы устойчивости несовершеннолетних к кибергрумингу

Медведева А.С.

Федеральное бюджетное учреждение Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Наряду с усилением интернет-активности детей и подростков возросла угроза их столкновения с кибергрумингом (сексуальным домогательством, реализуемым в процессе онлайн-общения). Подробные исследования данной проблемы необходимы для разработки эффективных мер борьбы с ней. Важно обучать несовершеннолетних безопасному использованию интернет-технологий и выявлять способы повышения их устойчивости к кибергрумингу.

Преступники, как правило, преследуют следующие цели: получить доступ к материалам интимного характера ребенка, произвести с ним сексуальные действия в реальной жизни и/или вынудить совершать таковые в процессе онлайн-общения. Об устойчивости ребенка к кибергрумингу можно говорить в случае, если преступник не смог реализовать свои цели вследствие наличия у его собеседника реакций, способствующих эффективному противодействию атакам.

Для организации профилактики виктимности несовершеннолетних представляется важным определить их реакции, которые как способствуют сопротивляемости кибергрумингу, так и повышают уязвимость для него.

В настоящее время имеются многочисленные исследования указанной проблемы, авторы которых единодушно признают значимость ряда факторов, обеспечивающих устойчивость несовершеннолетних к кибергрумингу, в частности: адекватная самооценка, понимание четкой разницы между отношениями онлайн и реальными (особенно с людьми, которые существенно старше), отсутствие интереса к общению на сексуальные темы с незнакомым человеком и критическое отношение к нему (Mitchell K.J., Finkelhor D., Wolak J., 2007). Предполагается, что наличие данных факторов может обуславливать как отказ детей и подростков от общения с кибергрумерами в виде первичной реакции на знакомство, так и согласие на него, но с соблюдением осторожности и возможностью пресечь его в нужный ребенку момент.

В качестве факторов уязвимости несовершеннолетних для кибергруминга выделяют неуверенность ребенка в себе и искаженное представление себя в онлайн-среде, приводящее к расторможенному поведению, стремление проверить свою сексуальность, отсутствие родительского контроля за использованием сети Интернет (Whittle H., Hamilton-Giachritsis C., Beech A., Collings G., 2013).

Для повышения устойчивости несовершеннолетних к кибергрумингу необходимо доводить до их сведения существование данной проблемы и других Интернет-рисков, формировать критическое отношение к онлайн-знакомствам, обучать способам пресечения нежелательного общения без страха рассказать о нем другим людям. Существуют конкретные рекомендации для детей и подростков,

позволяющие снизить риск столкновения с кибергрумингом (Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Дренёва А.А., Илюхина С.Н., 2019). Также представляется важным обучать взрослых людей (учителей, родителей) позитивной поддержке ребенка и навыкам проведения бесед на сексуальные темы. Параллельно необходимо разрабатывать специальные реабилитационные программы для подвергшихся кибергрумингу детей и подростков и обеспечивать психологическое сопровождение судебно-следственных действий с такими потерпевшими.

Литература

1. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Дренёва А.А., Илюхина С.Н. Мы в ответе за цифровой мир: Профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете: Учебно-методическое пособие. М.: Когито-Центр, 2019. 176 с.
2. Mitchell K.J., Finkelhor D., Wolak J. Youth internet users at risk for the most serious online sexual solicitations // American Journal of Preventive Medicine. 2007. No 32. С. 532-536.
3. Whittle H., Hamilton-Giachritsis C., Beech A., Collings G. A review of online grooming: Characteristics and concerns // Aggression and Violent Behavior. 2013. Т. 18. No 1. С. 62-70.

Особенности морального сознания подростков с девиантным поведением в социальных сетях

Мордвинова Д.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

По данным ежегодного отчета Digitel 2020, опубликованного We Are Social и Hootsuite, почти 60% населения мира уже подключено к Интернету, а аудитория социальных сетей в России на начало 2020 года составила 48% от всего населения страны. Одной из задач психологической науки становится изучение последствий широкого распространения ИКТ и феноменов, которые возникают в виртуальной реальности. Один из таких феноменов - девиантное поведение в социальных сетях, которое способно нанести реальный вред физическому и психическому здоровью человека.

Многие психологи выделяют моральное сознание как один из важных факторов регуляции поведения. Известные нам моральные нормы требуют адаптации для Интернета. Существуют локальные нормы поведения в тех или иных сообществах, форумах, при нарушении которых пользователь рискует попасть в бан (лишение или ограничение каких-либо прав пользователя), но они не всегда эффективны. По данным исследований, подростки часто встречаются с оскорблениями, угрозами,

сплетнями и т.п. в социальных сетях (Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А., 2019).

Подростки являются наиболее активными Интернет-пользователями, тем самым находясь в зоне риска, а также для них крайне актуальной является проблема морального сознания, так как в подростковом возрасте происходят серьезные изменения в осознанности человека и его поведении.

Цель нашего исследования - обнаружение особенностей морального сознания подростков с девиантным поведением в социальных сетях. Мы проанализировали результаты 85 испытуемых от 11 до 18 лет (Мвозр. = 16,05).

Были использованы: Опросник Европейского проекта по вмешательству в киберзапугивание; «Общая шкала проблемного использования Интернета-3» (Герасимова, А.А., Холмогорова А.Б., 2018); «Справедливость-забота» (Молчанов С.В., 2005); Модификация методики «Оценка моральных суждений» (Ошевский Д.С., 2006). Также был проведен контент-анализ страниц в социальной сети ВКонтакте (Пономарёва, Е.С., 2020, Соколова М.В., 2019).

Анализируя результаты методик девиантного поведения в сети и контент-анализ страниц, мы разделили выборку на 3 группы: 1) Подростки с просоциальным поведением в социальных сетях; 2) Подростки с девиантным поведением; 3) Подростки с полидевиантным поведением в сети. На основании критерия Манна-Уитни были обнаружены статистически значимые различия между уровнями морального сознания в Интернете и в реальности: Н0 – распределение уровня морального сознания одинаково для реальности и виртуальности отклонилась ($p=,010$). По графику распределения мы увидели, что в интернете чаще, чем в реальности, можно встретить преконвенциональный уровень морального сознания. Конвенциональный уровень напротив чаще наблюдается в реальности. Постконвенциональный уровень встречается нередко в реальности, тем не менее, чаще других уровней встречается и в Интернете. По результатам расчета критерия Манна-Уитни наша вторая гипотеза о том, что существует разница между моральным сознанием в Интернете у подростков с монодевиантным поведением и полидевиантным поведением отклонилась ($p=,636$).

Полученные данные помогут так или иначе пролить свет на теоретические аспекты феноменов интернет-поведения, а также могут быть использованы в дальнейших психологических исследованиях Интернета и его влияния на личность, для разработки и проведения профилактических программ асоциального поведения подростков в социальных сетях.

Литература

1. Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Львова Е. Н. Онлайн-агрессия и подростки: результаты исследования школьников Москвы и Московской области // Международный научно-практический журнал Эпоха науки. 2017. № 12. С. 103–109.

2. Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А. Кибербуллинг в опыте российских подростков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 276–295. doi:10.17759/psylaw.2019090219

Психологические особенности девочек-жертв Интернет-груминга

Нуцкова Е.В.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Миздрава РФ (г. Москва, Россия)

Развитие информационных технологий, расширение возможностей виртуального общения и взаимодействия, доступность интернет-связи приводит к возникновению новых форм криминальной агрессии. Одной из самых опасных для психического развития ребенка является ситуация интернет-груминга. Груминг, или сексуальные домогательства, строится на выстраивании доверительных отношений с ребенком для его дальнейшей сексуальной эксплуатации. Согласно опросу школьников Москвы и Московской области, проведенному Г.У. Солдатовой и коллегами, 48% 14-17-летних подростков поступали предложения пообщаться на тему сексуальных отношений, выслать видео или фото в обнаженном виде. В 2017 г. среди обратившихся на линию помощи «Дети онлайн» 33% просили поддержки именно в решении проблемы сексуальных домогательств (Солдатова Г.У. и др., 2017). Исследование распространенности груминга проведенное шведскими исследователями A.Landberg & L.Jonsson (2018) показало, что 45% всех нежелательных контактов несовершеннолетних начиналось в Интернете. Согласно их данным, 42% детей-потерпевших от груминга были жертвами 1 посягателя, 27% - 2, 30% - 3 и более (Landberg A., Jonsson L., 2018).

Отличительными особенностями развратных действий в Интернете в первую очередь является возможность посягателя быть на связи с жертвой в любое время и в любом месте. Анонимность, которую дает Интернет-среда, позволяет посягателю представляться человеком любого возраста и пола. Еще одной важной особенностью взаимодействия преступника и жертвы является чувство мнимой безопасности, которое дает онлайн общение.

Для выявления и описания специфики интернет-груминга было проведено пилотное исследование. Было обследовано 37 несовершеннолетних потерпевших женского пола, экспериментально-психологическое исследование которых было выполнено в рамках КСППЭ в 2011 – 2020 годах в ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» МЗ РФ. Все подэкспертные находились в возрастном интервале от 8 до 17 лет.

Анализ семейной ситуации показал, что 16 девочек воспитывались в неполной семье.

У 28 потерпевших выявлялось неблагополучие в сфере общения. Двадцать одна девочка жаловалась на отсутствие близких друзей и недостаток общения, 7 - были жертвами буллинга со стороны одноклассников.

Изучение процесса взаимодействия с посягателем выявило причины почему девочки вступали в такой вид общения, основными из них можно было назвать стремление к общению и интерес к теме межполовых отношений.

Основные актуальные переживания, которыми делились девочки, можно было обозначить как опасение, что полученные посягателем фото- и видео-материалы попадут в открытый доступ или третьим лицам, произошедшее приобретет широкую огласку (узнают друзья, одноклассники, учителя). У потерпевших обнаруживались чувства самообвинения, безысходности, социальной изоляции и одиночества.

Наиболее уязвимыми к Интернет-грумингу категориями детей можно назвать несовершеннолетних, подвергающихся социальной изоляции и не имеющих безопасной среды для изучения сексуальности.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что важным направлением развития исследований в области юридической психологии является разработка мер профилактики интернет-груминга, создание и апробация инструментария диагностики и оценки психологических последствий данного вида преступлений.

Литература

1. Солдатова Г.У., Ртищева М.А., Серегина В.В. Онлайн-риски и проблема психологического здоровья детей и подростков // Академический вестник Академии социального управления. 2017. № 3 (25). С. 29-37.
2. Landberg A., Jonsson L. A part of reality on children, sexual abuse and the Internet. Sweeden. Stiftelsen Allmänna Barnhuset & Barnafriid, Linköpings universitet. 2018. 32 p.

Проактивное копинг-поведение в Интернете

Пономарева Е.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В настоящее время, когда активно развиваются информационные технологии, актуализируется проблема предупреждения онлайн-рисков. По данным компании «Positive technologies», специализирующейся в сфере информационной безопасности, количество киберинцидентов растет: по сравнению с 1-м кварталом 2020 года, во 2-м их количество выросло на 9%. Онлайн-риски затрагивают разные стороны деятельности в Интернете, что отражено в построенной на основе анализа

эмпирических данных классификации Г.У. Солдатовой, включающей контентные, коммуникативные, потребительские и технические риски (Солдатова Г.У., 2017).

В связи с разработкой рекомендаций по обращению с личной и другой важной информацией в Интернете возникает вопрос о степени готовности пользователей им следовать. J. Jansen и P. van Schaik сравнивают возможности 3-х когнитивных моделей («*Protection motivation theory (PMT)*»), «*The reasoned action approach (RAA)*» и «*Интегративная модель*») в объяснении факторов этих моментов.

Автор теории *PMT*, R.W. Rogers, рассматривает влияние акцентирования неблагоприятного исхода на изменение установок вследствие каких-либо действий или бездействия. Основной компонент акцентирования – «обращение к страху», который характеризует стимул с функцией предостережения.

R.E. Crossler, используя *PMT* в контексте защиты информации, рассматривает соотношение описанных в ней механизмов и частоту резервного копирования файлов компьютера пользователем. В формировании и реализации проактивного копинг-поведения выделяются 3 этапа: получение информации, когнитивная *оценка угрозы* и *возможных стратегий совладания*, реализация действий. R.E. Crossler устанавливает значимость *самоэффективности* и *эффективности ответа* в возникновении проактивного копинг-поведения, что говорит о важной роли уверенности пользователя в своей способности защитить данные и достаточную действенность избранного способа.

Для теории *RAA* (авторы – M. Fishbein, I. Ajzen) отметим, что ее базовый элемент состоит в том, что предпосылками человеческого поведения служат представления о нем, которые продуцируют *установку относительно поведения*, *воспринимаемые нормы* и *контроль* (*актуальный* – объективные данные; и *воспринимаемый* – субъективные представления человека о личностных и средовых факторах). Эти факторы приводят к формированию *намерения* вести себя определенным образом.

Цель исследования J. Jansen и P. van Schaik – оценить *PMT* и *RAA* с точки зрения качества объяснения проактивного копинг-поведения в онлайн-среде. Была создана *Интегративная модель*, обладающая всеми характеристиками описанных теорий. В ней *воспринимаемый контроль (RAA)* видится как комбинация *самоэффективности (PMT)* и *локуса контроля*, а *эффективность ответа* и *самоэффективность (PMT)* несут ту же функцию, что и *намерение (RAA)*. Отмечается значимость *серьезности* угрозы и *локуса контроля*, что говорит о повышении вероятности применения проактивных копинг-стратегий, если человек чувствует ответственность за предотвращение события, воспринимаемого достаточно опасным (Jansen J., 2016).

Таким образом, указанные подходы позволяют выделить аспекты, на которые следует обратить внимание при построении программ повышения цифровой компетентности. Видна определяющая роль когнитивных процессов в принятии решения, особенно при оценке возможных стратегий поведения, а также – восприятия себя и угрожающей ситуации.

Литература

1. Солдатова Г.У. Российские подростки и родители: цифровая компетентность и онлайн-риски // Академический вестник. 2017. No 3(25). С. 7–18.
2. Jansen J. Understanding Precautionary Online Behavioural Intentions : A Comparison of Three Models / J. Jansen, P. Van Schaik // Proceedings of the Tenth International Symposium on Human Aspects of Information Security & Assurance (HAISA 2016) / eds. N.L. Clarke, S.M. Furnell. Plymouth: University of Plymouth, 2016. P. 1–11.

Связь Интернет-зависимости девочек-подростков с поведением отца и матери и отношением дочерей к ним

Розанова В.А., Бусарова О.Р.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Интернет стал неотъемлемой частью жизни современных подростков, выполняя образовательные, коммуникативные, рекреационные и другие функции. Для многих подростков в условиях пандемии COVID-19 использование Интернета стало условием продолжения школьного обучения.

Среди негативных психологических последствий пребывания во всемирной паутине прежде всего специалистами отмечается аддиктивное Интернет-поведение. Большинство исследователей склонны относить это расстройство к варианту зависимого поведения, где объектом зависимости выступают ресурсы Интернет (Малыгин В.Л., Меркурьева Ю.А., 2015, с.131). Отдаленные последствия Интернет-зависимости у подростков проявляются их значительной социальной дезадаптацией: затруднениями в приобретении профессии, трудовой деятельности, неудачами в межличностных отношениях, неспособностью к созданию семьи (Малыгин В.Л., Меркурьева Ю.А., 2020,). К детерминантам Интернет-зависимости относят, в частности, амбивалентность и дисгармоничность при воспитании и фрустрацию потребности близких отношений с родителями (Смирнова Е.А., 2013).

Целью нашего исследования стало выявление связи Интернет-зависимости девочек подросткового возраста с установками и поведением отца и матери и отношения дочерей к ним.

Исследование проведено в общеобразовательной школе № 1210 г. Москвы. В исследовании приняли участие 25 семиклассниц в возрасте 13-14 лет. Применялись следующие методики эмпирического исследования:

1. Тест Кимберли Янг на Интернет-зависимость.
2. Методика «Поведение родителей и отношение подростков к ним» Е. Шафера.

Для математико-статистической обработки данных использовался пакет прикладных программ SPSS Statistics 22.0.

Было установлено, что 76% участниц исследования обнаружили Интернет-зависимое поведение, 24% девочек чрезмерно увлечены Интернетом. Обычных пользователей Интернета не выявлено.

В результате статистической обработки обнаружена положительная корреляция Интернет-зависимости девочек-подростков со следующими показателями установок, поведения и методов воспитания матерей: директивность ($p < 0,05$), враждебность ($p < 0,05$) и фактор критики ($p < 0,05$) и отрицательная корреляция интернет-зависимости с фактором близости матери ($p < 0,001$) и отца ($p < 0,01$) и с позитивным интересом дочери к матери ($p < 0,05$).

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Интернет-зависимость девочек-подростков статистически связана с несколькими аспектами установок и поведения матерей и отношения дочерей к ним, в то время как связь с отцовским воспитанием обнаружена только по одному показателю, что показывает различие в характере детско-родительских отношений матерей и отцов.

2. Поведенческие особенности матерей, отражающие жесткость, авторитарность, желание беспрекословного подчинения детей (директивность), отвержение, конформизм матерей, их зависимость от мнения других (враждебность) и жёсткий контроль можно рассматривать как факторы риска развития Интернет-зависимости у их дочерей-подростков.

3. Психологические принятие, доверительные взаимоотношения, отсутствие авторитарности и давления (близость) со стороны отца и особенно матери и позитивный интерес дочери по отношению к матери могут выступать как факторы-протекторы Интернет-зависимости.

На основании результатов исследования была разработана авторская программа профилактики Интернет-зависимости в аспекте семейных взаимоотношений.

Литература

1. Малыгин В.Л., Меркурьева Ю.А. Нейропсихологический профиль подростков с интернет-зависимым поведением // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Том 23. № 4. С. 130–137. doi:10.17759/cpp.2015230408
2. Малыгин В.Л., Меркурьева Ю.А. Дифференцированная психологическая коррекция интернет-зависимости у подростков // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28. № 3. С. 142–163. doi:10.17759/cpp.2020280309
3. Смирнова Е.А. Особенности семейного воспитания интернет-зависимых подростков // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2. № 1. С. 246–252.

Социально-психологическая проблема приобщения молодежи к криминальным субкультурам в социальных сетях

Романова Н.М., Ярошенко Е.И., Киселев К.А.

Национальный исследовательский Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия)

В настоящее время с прогрессом в области Интернет-технологий, с одной стороны, открываются новые возможности для образования и саморазвития, с другой – появляются новые виды преступлений против личности несовершеннолетних, в том числе и приобщение молодежи к криминальным и девиантным субкультурам.

Д. Г. Донских связывал криминальную субкультуру с комплексом противоправных ценностей, традиций, норм и правил поведения группы лиц, направленных на формирование преступной жизнедеятельности (Донских Д. Г., 2009). Опасность криминальных субкультур, представленных в Интернет-среде, связана, прежде всего, с тем, что молодые люди могут начать совершать настоящие преступления.

В результате проведенного нами теоретического и эмпирического анализа (мониторинг социальных сетей) мы установили следующие виды Интернет-сообществ, направленных на приобщение молодежи к криминальным субкультурам, представляющие угрозу нормативному психологическому развитию личности:

1) Интернет-сообщества, пропагандирующие идеи российской уголовной среды («А.У.Е») и романтизирующие преступный быт как таковой, позитивное восприятие тюремной субкультуры, криминального образа жизни, неприязни к законным органам власти.

2) Радикальные политические и религиозные течения, пропагандирующие неприязнь и ненависть по конфессиональным, расовым, половым и другим признакам, оправдывающие совершение преступлений по отношению к представителям различных социальных групп, а также насильственное изменение конституционного строя – сепаратистские и шовинистские группы, террористические секты религиозного толка.

3) Шоплифтинг-сообщества, пропагандирующие воровство в магазинах. На данных ресурсах размещается подробная информация о методах воровства и поведении в случае обнаружения факта кражи, формируются противоправные ценности как способ «восстановления справедливости в капиталистическом обществе», продаются товары, облегчающие кражи в магазинах («глушилки сигнализаций», магниты и т.п.), проводятся некоторого рода соревнования – кто украл на большую сумму и т.п.

4) Группы, посвященные подросткам, формирующие негативное представление несовершеннолетних об их родителях, преподавателях и социальных институтах под предлогом защиты их «прав». В данных сообществах публикуются посты, содержащие нецензурную брань в адрес учителей, оправдание побегов из дома, пропагандируется «сексуальная свобода» и недоверие по отношению к опыту и советам старшего поколения.

5) Наркогенные сообщества, выступающие за легализацию так называемых легких наркотиков, а также сообщества, вовлекающие в распространение наркотических веществ.

Нами выделены следующие приемы психологического воздействия и манипулирования, наиболее часто применяемые в группах, пропагандирующих криминальную субкультуру:

а) генерализация – деление людей на «своих», выбирающих путь «свободного человека» и «остальных», подчиняющихся общественным нормам и законам, желающим честно работать и т.п.;

б) замена нейтральных понятий эмоционально-оценочными, содержащих оскорбительное названия;

в) ложная аналогия – «кто понял жизнь, тот не работает» – провозглашение идеи преступного образа как связанного с некой особой осмысленностью и «верным» пониманием мира;

г) апелляция к престижу, статусу субъекта психологического воздействия и возможности достижения его уровня развития;

д) осуждение жертвы и проявления любой слабости в противовес «реальной силе» – преступникам, которые живут «как хотят»;

е) пресуппозиции – скрытые допущения, декларируемые в качестве само собой разумеющегося: «раз нас грабят магазины, мы обязаны грабить их» – утверждение восприятия магазинов, как обязательно обкрадывающих своих клиентов.

Стоит отметить, что способы психологического воздействия, применяемые молодежными криминальными субкультурами, не исчерпываются перечисленными и имеют множество других разновидностей.

Литература

1. Донских Д. Г. Понятие и соотношение терминов «субкультура» и «контркультура». Криминальная субкультура // Бизнес в законе. 2009. № 2. С. 251-253.

О развитии родительской компетентности цифровой гигиены обучающихся

Симакова Т. А.

Академия ФСИН России (г. Рязань, Россия)

Развитие навыков цифровой гигиены у обучающихся является одной из наиболее актуальных в настоящее время, поскольку темпы цифровизации образования наращиваются и вероятность дистанционного обучения возрастает. Многие родители столкнулись с беспомощностью в отношении организации жизнедеятельности дошкольников и школьников в условиях дистанционного обучения.

В родительской среде, как показывают многолетние исследования проблемы киберрисков, достаточно часто бытует низкий уровень качества контроля поведения и характера занятий дошкольников и школьников в киберпространстве, что выражается

в житейском заблуждении «сидит за компьютером, не озорничает, все лучше, чем во дворе». При отсутствии должного контроля со стороны родителей за Интернет активностью ребенка возникают угроза благополучия психологического развития личности ребенка в качестве пользователя Интернет ресурсов. Это может выражаться в формах кибераддикций.

Отсутствие фильтров и доступность информации, имеющей небывалую скорость и объем, могут представлять угрозу развития детей и подростков. Что актуализирует проблему развития родительской компетентности обеспечения цифровой гигиены обучающихся. Безусловно, информационное пространство Интернет среды может являться и является при правильной организации ресурсом всестороннего развития и удовлетворения индивидуальных потребностей личностного роста обучающихся. Но реальность простроенности многочисленных контентов такова, что даже взрослый человек, попадая в безграничное информационное пространство, теряет контроль над своим поведением. Информационная перегрузка, возникающая в результате восприятия многочисленных неясных, противоречивых и откровенно ложных фактов, системы интегративных стимулов, воздействующих на разные уровни сознания, являются дезориентирующими факторами целенаправленного поведения человека. Следствием этого является снижение эффективности мышления, потеря критичности, рассеянность внимания, раздражительность, неспособность принимать самостоятельные взвешенные решения. Родительская компетентность в области цифровой гигиены является важнейшим ресурсом, поддерживающим активность обучающихся. Цифровая гигиена представляет комплекс знаний, навыков и компетенций здоровье сберегающего поведения обучающегося в интернет среде:

знание временных границ допустимого для каждого возраста пребывания в Интернет среде;

знание рисков Интернет среды и способов их самостоятельного предотвращения и при помощи взрослых;

навык предварительного определения целей пребывания в Интернет среде и сознательное удержание цели до момента ее реализации (включая удовлетворение познавательных потребностей, отдых, развлечение, поиск новых интересов, хобби и т.д.), профилактика эффекта «скольжения» по информационным пластам, приводящим к ситуации утраты временного контроля как возникновение ситуации «уже забыл, когда и зачем зашел»;

самоконтроль как распознавание, понимание причин возникновения и предвосхищение последствий эмоциональных состояний (восторг, радость, страх, печаль, зависть), возникающих в процессе получения информации;

психологический иммунитет к вредоносной информации, навык перепроверки информации на основе развития критичности мышления;

знание правил всех видов ответственности за свое поведение в Интернет среде как основа правосознания и понимание «что можно, что должно и чего категорически нельзя».

Весь комплекс знаний умений, навыков и привычек цифровой гигиены воспитывается с учетом онтогенетических закономерностей, психический новообразований и возрастных особенностей личности обучающихся. Ключевая цель цифровой гигиены обучающихся заключается в оптимизации их жизнедеятельности в условиях усиления гибридного характера современного социума по принципу «Интернет для меня, а не я для Интернета».

Кибербуллинг и стратегии поведения несовершеннолетних

Шпагина Е.М., Синани Н.П.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Многие, в том числе и негативные социальные явления (некоторые виды насилия и жестокого обращения) перешли в виртуальную форму. Кибербуллинг (особый вид запугивания или «травли») - одно из них. Билл Белси, президент и основатель организации Bullying.org, определил это явление как использование информационных и коммуникационных технологий (текстовых сообщений сотового телефона (SMS) и мультимедийных сообщений (MMS), обмен мгновенными сообщениями (IM), общения на в веб-журналах (блогах) и личные веб-сайты) для поддержки преднамеренных, повторяющихся и враждебных действий индивида или группы, направленных на причинение вреда другим (Belsey B.).

Последствия кибербуллинга для подростка, ставшего жертвой: социальная изоляция, развитие форм асоциального поведения, тревожные расстройства, депрессивные состояния, психосоматические симптомы (нарушение сна, плохой аппетит, головная боль и т.д.), посттравматическое стрессовое расстройство, риск суицидального поведения. Каждый второй продолжает думать об опыте школьного буллинга во взрослой жизни. Основные поводы для кибербуллинга: внешность; интересы и хобби; успеваемость (низкая и высокая); уровень достатка; семья и друзья; гендер; особенности развития и здоровья; раса; культурная идентичность; религия; сексуальная ориентация (Солдатова Г.В., 2017).

В 5 общеобразовательных организациях г. Москвы (с участием школьников 5-9-х классов в возрасте от 11 до 16 лет) большая часть подростков, сталкивались с кибербуллингом, и часто не один раз. Многие из подростков, инициирующих травлю, сами становились жертвами кибербуллинга ранее (Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А., 2019).

В нашем опросе, проведенном в 2020 году, приняли участие 40 школьников в возрасте от 13 до 14 лет одной из школ г. Москвы. Подростки используют следующих стратегии поведения при кибербуллинге: 1) техническое решение: пожаловаться в администрацию, «забанить», заблокировать, заблокировать контакт, закрыть свой профиль (29%); 2) поиск социальной поддержки: написать друзьям, встретится с друзьями, поделиться с родителями, попросить помощи у друзей, попросить совета у

родителей (21%); 3) избегание проблем: удалиться из сети, уйти в себя, пойти на спортплощадку, укрыться дома, заболеть, поехать к бабушке (18%); 4) поведенческие стратегии: ответить в несколько раз большим, впасть в ответную агрессию, оскорбить в ответ, урегулировать конфликт, ответить тем же (18%); 5) эмоциональные стратегии: обидеться, не принимать близко к сердцу, не грустить (14%).

Стратегии, объединенные в группу «поведенческие стратегии», являются самыми неадаптивными и нежелательными для использования, среди остальных стратегий. Было выявлено, что подростки, сталкивавшиеся или наблюдавшие феномен кибербуллинга имеют более адаптивные представления о копинг-стратегиях, и наоборот, подростки, не сталкивавшиеся с кибербуллингом используют менее адаптивные копинг-стратегии. Просвещенность в данном вопросе помогает не испытывать сильного стресса при встрече с ним впервые. Необходимо освещать проблемы кибербуллинга среди подростков, его формы и суть процесса, а также адаптивные способы совладания, повышая психологическую устойчивость к ситуации кибербуллинга.

Механизмы преодоления стресса и негативных последствий кибербуллинга интересны специалистам, работающим с этой проблемой, что требует продолжения исследований.

Литература

1. Солдатова Г. В. Дети в интернете: онлайн-риски и киберагрессия. [Электронный ресурс] URL: <http://files.runetid.com/2017/riw/presentations/2nov.riw17-blue.11-00--soldatova.pdf> (дата обращения: 13.09.2020).
2. Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А. Кибербуллинг в опыте российских подростков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 276–295. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2019/n2/107185_full.shtml (дата обращения: 13.09.2020).
3. Belsey B. Cyberbullying: An Emerging Threat to the «Always On» Generation. Available at: <http://www.billbelsey.com/?p=1827>(accessed 13.09.2020).

СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ОПОСРЕДОВАННОЙ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Радикализация межполовых отношений и деструктивное влияние сообщества «Мужское государство» в социальных сетях

Батыршина М. А.

ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр» (г. Москва, Россия)

Сообщество «Мужское государство» (группы в социальной сети «ВКонтакте», каналы и чаты в мессенджере Telegram) на сегодняшний день является наиболее узнаваемым и громким движением, чья идеология описывается создателем как «националистический патриархат» и строится в том числе на представлении о неравенстве между мужчиной и женщиной. Деятельность сообщества привлекает внимание общественности, вызывает резонанс и оценивается обществом неоднозначно. Идеи и деятельность сообщества «Мужское государство» также привлекала внимание властей, что вылилось в приговор для создателя по ч. 1 ст. 282 УК РФ за разжигание вражды, ненависти в отношении женщин (приговор был отменен в связи с частичной декриминализацией статьи) и по ч. 1, 2 ст. 282.1 УК РФ для его единомышленников (приговор также был отменен).

Одним из основных направлений деятельности сообщества «Мужское государство» является так называемый слив персональной информации женщин и последующая их травля. Мишенями становятся женщины, которые когда-либо были вовлечены в сферу сексуальных услуг и порноиндустрию; женщины состоящие в межнациональных, межрасовых отношениях. Свою деятельность создатель «Мужского государства» представляет как «социальное порицание», тем самым представляет себя и своих единомышленников как а) носителей нормы социального поведения; б) как уполномоченных «наказывать» тех, кто эту норму не соблюдает.

Сообщество «Мужское государство» отличается от иных деструктивных интернет-сообществ не только выбором «мишени воздействия», но и способом действия – массовые атаки жертвы и ее близких в интернет-пространстве, что заглушает чувство ответственности за свои действия среди участников «набегов».

Внутри сообщества существуют жесткие правила, за нарушение которых пользователя блокируют, исключают из сообщества, а в некоторых случаях провинившиеся также становятся объектами «слива» и общего порицания. Правила запрещают высказывания, противоречащие идеологии сообщества: женщины и их поведение являются не предметом дискуссии, а исключительно осуждения и порицания. Тем самым, сообщения в чате представляют собой своеобразную тенденциозную подборку ситуаций, личного опыта каждого из участников, что способствует подкреплению негативной установки в отношении женщин и непрерывному эмоциональному заражению участников. Эмоциональное заражение,

равно как и массовость «набегов», снижают критическое восприятие происходящего у участников сообщества. Указанное, в совокупности с представлением о моральном превосходстве и сетевой анонимностью, формирует чувство вседозволенности.

Таким образом, деятельность сообщества «Мужское государство» нормализует сетевой буллинг, раскрытие и распространение персональных данных, способствует стигматизации женщин, вовлеченных в сферу сексуальных услуг, порноиндустрию, способствует закреплению ксенофобских установок (запрет на межнациональные / межрасовые отношения), негативно сказывается на общественном диалоге о правах и интересах женщины (способствуют дегуманизации и объективизации женщин). Деструктивное влияние также сказывается на участниках сообщества посредством закрепления у них ригидных, агрессивных и насильственных форм поведения, что может затруднить социализацию в обществе и может привести к проблемам в выстраивании межличностных отношений.

На сегодняшний день сообщество «Мужское государство» является не единственным в своем роде, но в российской социально-культурной сфере является прецедентом в вопросах межполовых отношений и его влияние на общественную дискуссию о правах и интересах женщины нам еще следует изучить.

Литература

1. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. Питер, 2011. 448 с.
2. Плешаков В. А. Киберсоциализация: социальное развитие и социальное воспитание современного человека // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Том 16., 2010. С. 15-18.
3. Узнадзе Д. Н. Психология установки. Питер, 2001. 416 с.

Проявление особенностей мышления авторов информационных материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму (на примере психолого-лингвистических исследований)

Блинова Д. Н.

ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр» (г. Москва, Россия)

Сеть Интернет, в частности социальные сети, представляет актуальное пространство для взаимодействия пользователей друг с другом, где есть возможность делиться информацией, отображающей мнения, чувства, эмоции авторов в различной форме (в виде текста, изображений, видео и аудиозаписей).

Некоторые материалы, публикуемые в сети Интернет, в частности в социальных сетях, и поступающие на исследование по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, имеют определённые особенности, которые могут вызывать у адресата различные реакции, в том числе отрицательные эмоции, недовольство, неприятие точки зрения автора. Такие реакции обусловлены неоднозначностью интерпретации информации, её конфликтностью, социальной

значимостью темы, а также индивидуально-психологическими особенностями как автора, так и адресата.

При психологическом исследовании информационных материалов исследуются как особенности публикации представленного объекта (коммуникативная ситуация), так и самого материала, его направленность, а не психологическое состояние автора и его индивидуально-психологические особенности, в отличие от ситуации проведения судебно-психологической экспертизы по экспертной специальности «Исследование психологии и психофизиологии человека» (Секераж Т. Н., 2019). Таким образом, какое-либо психическое состояние и/или нарушение психической деятельности автора, в целом, не влияют на процесс проведения исследования информационных материалов и его результат, однако наличие характерных особенностей, соответствующих нарушениям мышления, могут быть отражены в заключении. Информация об особенностях мышления автора материалов, представленных на исследование, позволяет более точно описать его установки и отношение к предмету речи, тем самым, оказывая содействие сотрудникам правоохранительных органов в установлении мотивов автора.

Информационные материалы, обладающие специфическими особенностями, характерными для нарушений мышления, могут вызывать затруднения у экспертов в процессе проведения их исследования, связанные с невозможностью установить социально-психологическую направленность материала.

В соответствии с экспертной специальностью «Психологическое исследование информационных материалов» и методикой проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму (Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н., 2014) любые информационные материалы, в том числе обладающие специфическими особенностями, характерными для нарушения мышления, исследуются одинаково.

Нарушение мышления как симптом преимущественно связан с наличием какого-либо психического заболевания, в зависимости от вида нарушения (Зейгарник Б. В., 2018). Понимание того, как симптомы проявляются в продуктах деятельности человека, в том числе в создании информационных материалов, позволяет более точно определить установки автора и социально-психологическую направленность материала.

Литература

1. Зейгарник Б. В. Патопсихология: учебник для академического бакалавриата / Б. В. Зейгарник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 367 с.
2. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с

3. Секераж Т. Н. Психологическое исследование информационных материалов: становление нового вида судебной психологической экспертизы и новой экспертной специальности // Теория и практика судебной экспертизы. Том 14, 2019. № 1. С. 35–43.

Некоторые экспертные задачи, решаемые в рамках судебных экспертиз межличностной коммуникации в сети Интернет

Волохова Л.А.

Лаборатория судебной психологической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (г. Москва, Россия)

Развитие и распространение Интернет технологий привело к появлению новых объектов исследования, в которых зафиксирована межличностная интернет-коммуникация – диалоговые переписки в социальных сетях и мессенджерах. Данные объекты отличаются сложным составом, поскольку в ходе общения между коммуникантами может происходить обмен информацией, сочетающей в себе вербальный (текст сообщения), невербальный (изображения), аудиальный (голосовые сообщения) и визуальный (видео сюжеты) компоненты.

В экспертной практике данные объекты определяются как информационные материалы, требующие, как правило, междисциплинарных исследований и комплексного подхода – взаимодействия экспертов двух специальностей – психолога и лингвиста. Комплексный характер исследования обусловлен необходимостью исследования как содержания (устанавливается лингвистом), так и направленности коммуникативной деятельности (определяется психологом).

Чаще всего потребность в проведении судебных исследований данных объектов у правоохранительных органов возникает при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 132 УК РФ (Насильственные действия сексуального характера), ст. 133 УК РФ (Понуждение к действиям сексуального характера), ст. 135 УК РФ (Развратные действия), ст. 110.1 УК РФ (Склонение к совершению самоубийства или содействие в его совершении), ст. 110.2 УК РФ (Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства).

Помимо схожих объектов исследования в данных видах экспертиз решаются близкие задачи:

1) установление направленности коммуникативной деятельности каждого участника диалога, в том числе установление их коммуникативных ролей, целей, инициатора общения,

2) установление побуждения к различным действиям сексуальной окрашенности (демонстрации половых органов, манипуляции с ними и пр.) либо совершения аутодеструктивных действий (нанесения самопорезов, суицидальных попыток),

3) определение механизмов формирования готовности к совершению действий сексуальной окрашенности / аутоагрессивных действий, выявления формируемых социальных установок и способов их формирования – тактик, стратегий и приемов психологического воздействия.

Лингвистическое исследование осуществляется с использованием словарного метода, методов синонимического перефразирования, семантической декомпозиции, методов контекстологического (контекстуального) анализа, предметно-тематического и целевого анализа.

Психологическое исследование проводится с использованием психологического анализа коммуникации, интенционального анализа сообщений коммуникантов, мотивационно-целевого анализа коммуникативной деятельности, феноменологического анализа способов, приемов и направленности психологического воздействия (см., например, Гулевич О.А., 2007; Доценко Е.Л., 1997; Кабаченко Т.С., 2000; Латынов В.В., 2013; Павлова Н.Д., 2017 и др.).

Алгоритм экспертного исследования включает в себя проведение внешнего осмотра и описания содержания объекта; анализа коммуникативной ситуации (условия коммуникации, особенности поведения автора и адресата, а также их взаимодействия); лингвистического исследования (включающего в себя предметно-содержательный анализ, установление предмета речи и речевых целей); психологического исследования (направленного на описание интенциональной структуры коммуникации, выявление установок и способов их формирования).

Литература

1. Гулевич О.А. Психология коммуникации М., 2007. 384 с.
2. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. 344 с.
3. Кабаченко Т.С. Методы психологического воздействия. М, 2000. 544 с.
4. Латынов В.В. Психология коммуникативного воздействия. М.: Издательство: «Институт психологии РАН», 2013. 368 с.
5. Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А. Интент-анализ: основания, процедура, опыт использования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 151 с.

Психологическое насилие в межличностной коммуникации в сети Интернет

Гурина О.Д.

ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр»

Москва, Россия

В судебной психологической практике актуальным и востребованным видом экспертиз становится комплексная психолого-лингвистическая экспертиза информационных материалов. Назначаются такие экспертизы по различным

категориям дел: по делам о противодействии экстремизму, терроризму; по делам о склонении несовершеннолетних к совершению сексуальных действий; по делам о распространении информации, причиняющей вред здоровью несовершеннолетних и др. Объектом психологического анализа в данном виде экспертиз является информационный продукт, которой, например, может представлять собой, с одной стороны, зафиксированный акт коммуникации, с другой стороны, выступать в качестве самостоятельной законченной публикации, размещенной в сети Интернет. Такое сложное многофункциональное состояние объекта комплексной психолого-лингвистической экспертизы позволяет оценивать его с разных сторон и различные его характеристики использовать для решения разных правовых задач. Одной из них является установление приемов психологического воздействия объекта и/или зафиксированной в нем информации. С точки зрения судебной экспертизы интерес будут представлять только юридически значимые приемы психологического воздействия: к ним могут быть отнесены такие психологические виды воздействия как шантаж, угроза, принуждение, унижение, оскорбление и др. Перечисленные явления могли бы быть объединены, с нашей точки зрения, в единое понятие – психологическое насилие.

Психологическое насилие как правовое явление в судебной экспертной практике встречается достаточно часто, однако не является самостоятельным понятием для экспертной оценки. Это связано с тем, что установление признаков психологического насилия не является основным критерием для определения юридически значимой ситуации. С другой стороны, это может быть связано с неразработанностью данного понятия как в праве, так и в экспертном поле. В этом отношении психологическое насилие как понятие представляется подходящим для оценки таких событий, происходящих в сети Интернет как, например, видеосъемка издевательств и травли, и как следствие – шантаж и угрозы с использованием данных записей; склонение к совершению сексуальных действий в процессе переписки в социальных сетях; вербовка различными способами в экстремистские, террористические, деструктивные организации; использование различного устрашающего контента в межличностном общении и др.

Психологическое насилие, например, в случае травли может выражаться как принуждение к совершению унижительных действий, в том числе сексуального характера; как угроза распространением личной информации, причинением вреда здоровью; как высмеивание и осуждение каких-либо поступков; как публичное обсуждение интимной жизни и так далее.

В уголовном кодексе психологическое насилие может быть описано рядом статей, таких как, например, ст. 101.1 УК РФ (склонение к самоубийству); ст. 117 УК РФ (причинение психических, физических страданий); ст. 240 УК РФ (вовлечение в проституцию), ст. 309 УК РФ (принуждение к даче показаний) и др. Однако практика возбуждения уголовных дел по этим статьям очень низкая, что может быть связано со сложностью доказывания представленных деяний.

Использование термина психологическое насилие позволит закрепить в экспертной практике ряд действий, которые могут быть в дальнейшем оценены как юридически значимые. Предполагаем, что это позволит правоохранительным органам более дифференцированно подходить к вопросу о квалификации деяний.

Литература

1. Еремеев С. Г. Психологическое воздействие (насилие) как фактор противоправного поведения (на основе анализа УК РФ) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 3. С. 41-44.
2. Секераж Т. Н., Кузнецов В. О. Комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза: форма, виды и перспективы развития // Теория и практика судебной экспертизы. № 4. 2016. С. 98-107.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ ДЕТСТВА

Оценка эффективности методов и технологий профилактики радикализации подростков и молодежи в Интернете (на примере технологии Стритворк-онлайн в ФРГ)

Аруин С. Е.

Verein AVP - Akzeptanz Vertrauen Perspektive e.V. (Düsseldorf, Германия)

Чиркина Р. В. (г. Москва, Россия)

В настоящее время актуальными являются проблемы предупреждения деструктивных тенденций в молодежном сегменте Интернет-среды в контексте оценки результативности социально-педагогических практик дерадикализации молодежи. Для разработки и реализации успешных проектов в рамках системы профилактики в целом необходимо проводить исследования эффективности предпринимаемых интервенций. Таким образом, предметом исследования в таком формате может становиться и психологическая реальность субъектов профилактики, и факторы влияния, и социально-экономические процессы, и организационные механизмы профилактической деятельности.

В 2019-2020 гг в рамках магистерской диссертации нами были исследованы личностные и средовые факторы формирования радикальной направленности и склонности к совершению экстремистских поступков в контексте социальной ситуации развития современного юношества и молодежи. Эмпирическая часть исследования была посвящена исследованию эффективности технологий дерадикализации, применяемых в рамках проекта «Стритворк-онлайн» организации AVP, цель которого - с помощью широкого спектра (в большинстве своём) онлайн-мероприятий системно противодействовать исламистской радикализации берлинской молодежи (возрастная группа 16-27 лет).

Streetwork – это самостоятельная отрасль социальной работы. Мобильная форма социальной работы - достигает клиентов в их непосредственном жизненном окружении. В первую очередь ориентирована на социально незащищенные группы в тяжелых жизненных обстоятельствах. Эффективность работы была связана с построением долгосрочных отношений, основанных на эмпатии к клиенту. В качестве нового подхода к социальной работе streetwork@online предполагается использовать виртуальную уличную работу, чтобы создать предложение, позволяющее установить контакт в социальных сетях (Аруин С.Е., 2019).

В рамках данной исследовательской работы были выбраны разные подходы, для того чтобы проанализировать феномены радикализации, насилия, экстремизма и процесса вовлечения в них несовершеннолетних как на индивидуальном, так и социально-общественном уровнях.

В качестве параметра эффективности применения методики стритворк в интернете можно выделить динамику интереса (количество просмотров и положительных комментариев) к роликам и постам с контентом нерадикальной направленности, предлагаемым стритворкерами, что является показателем эффективности технологии мобильной социальной работы в интернете.

Проведенные исследования направлены на то, чтобы стритворкеры могли понимать, каким образом они могут достичь лучших результатов своих интеракций. Должна быть установлена эффективность проекта, определены индикаторы успеха.

В качестве теоретико-методологического основания эмпирического исследования была использована модель остракизма К.Д. Вильямса (Williams K.D., 2001): в ситуации остракизма у индивида нарушаются одна или несколько базовых потребностей: в контроле, самоуважении (снижается уровень самооценки), принадлежности и осмысленном существовании, что, в конечном итоге, может детерминировать у остракируемого радикальные реакции: аутоагрессию, замещённую агрессию, решение вступить в экстремистские организации или культы и другие акты антисоциального поведения (цит. по Бойкина Е.Э., 2019). Именно эксплуатация чувств, связанных с переживаемым отвержением, игнорированием, исключением часто используется агентами радикальных сообществ для вовлечения в них представителей уязвимых молодежных групп риска.

В процессе исследования нами были установлены следующие факты.

- Активное вовлечение подростков и молодых людей в деструктивные (радикальные, экстремистские, ксенофобские и пр.) сообщества опирается на имеющиеся у групп риска индивидуально-личностные и социально-типологические проблемы.

- Активные участники соцсетей радикальной направленности переживали или переживают социальное отвержение, игнорирование, исключение (остракизм) и имеют высокий уровень повреждения базовых потребностей (в принятии и самоуважении).

- Поскольку юношеский возраст является кризисным, переходным от школьного статуса к статусу взрослого человека, неизбежные трудности в адаптации и проблемы социализации испытывают практически все представители поколения, риски поиска экзистенциальных альтернатив и моральной и физической компенсации, а также подверженности Интернет-влиянию могут относиться к подавляющему большинству молодых людей.

В процессе эмпирического исследования было выявлено:

- Возраст, пол, место рождения, социальный статус (мигрант, титульная нация) и знание языка не определяют значимых различий при сравнении вовлеченности в радикальные интернет-группы.

- Были установлены значимые различия между группами испытуемых, выбирающих Интернет-группы экстремистского содержания и придерживающихся умеренных взглядов:

- по уровню переживаемого остракизма группа радикализированных респондентов показала более выраженные значения, чем их умеренные сверстники: более 83% против 28% периодически подвергаются остракизму (игнорированию, исключению).

- склонные к радикализму испытуемые оценивают базовые потребности в принятии и самоуважении как нарушенные, в то время как неэкстремизованные испытуемые оценивают данные потребности как удовлетворенные или удовлетворенные с незначительными нарушениями.

- динамика изменения в оценке нарушенных потребностей в процессе пребывания в сетевых сообществах разной направленности у обеих групп изменилась незначительно, что может говорить о низком потенциале радикальных Интернет сообществ компенсировать дефициты молодежи.

- Участники радикальных Интернет-сетей, вступившие в контакт с онлайн-стритворкерами, значимо чаще готовы рассматривать альтернативные идеи, демонстрируют менее радикальные взгляды, чем те, кто не включен в контакты (анализ комментариев и постов, анкет обратной связи, опросников, материалы интервью).

- Динамика интереса (количество просмотров и положительных комментариев) к роликам и постам с контентом нерадикальной направленности, предлагаемым стритворкерами, является показателем эффективности технологии мобильной социальной работы в интернете.

Полученные данные и показатели эффективности технологии мобильной социальной работы в Интернете подтверждают обоснованность выбора общественной организацией AVP.e.V. (Германия) инновационной технологии профилактики и преодоления радикальных тенденций в поведении юношества и молодежи в сети интернет - streetwork-online.

Можно констатировать безграничное и беспрепятственное распространение радикального, экстремистского контента в области Интернета. Этот процесс оказывает основополагающее влияние на процесс социализации и общественной адаптации в рядах молодежи. Особенность этого влияния обуславливается тем, что интернет является абсолютно независимым от «физического» мира, пространством, в котором существуют свои неконтролируемые процессы, которыми пользуются экстремисты. Безусловное большинство интеракций между индивидуумами в интернет-пространстве по сравнению с реальным миром подтверждает необходимость внедрения и проведения элементов социально-педагогического метода социальной работы «streetwork».

Литература

1. Аруин С.Е. Проект „Local Streetwork – offline/online“. Цель: дерадикализация молодежи [Электронный ресурс] // Сборник тезисов участников межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии 18-21

мая 2020 года. М.: МГППУ, 2020. - URL:
<http://jp.mgppu.ru/forum/index.php?topic=421.0> (дата обращения: 10.09.2020).

2. Бойкина Е.Э. Агрессия сквозь призму социального остракизма [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 3. С. 60–67. doi:10.17759/jmfp.2019080 (дата обращения: 10.09.2020).

**Технология освоения навыков «умелый класс» (Skilful class)
как основа формирования
психо-социокультурной зрелости младшего школьника**

Бригадиренко Н.В.

МОУ «Музыкально-эстетический лицей им. А.Г. Шнитке»

(г. Энгельс, Саратовская область)

Проблема зрелости в психологии в течение многих лет остается актуальной. Так как «зрелая личность социально адаптирована и одновременно социально активна и ответственна; стремится к цельности, к смыслу, к развитию» (Олпорт Г., 2002). Именно поэтому формирование зрелой личности – основная задача школы. При этом, одним из главных достижений процессов обучения и воспитания выступает психосоциокультурная зрелость (ПСКЗ), а значит, особого внимания требует построение образовательной среды, где психолого-педагогическое сопровождение позволяет исключить провоцирующие факторы отклоняющегося поведения, расширяет безопасное для ребенка пространство, «запускает» в ребенке механизмы саморазвития, саморегуляции, самовоспитания, где ему по-настоящему будет хорошо и интересно.

Именно такие условия были заложены в образовательном процессе Музыкально-эстетического лицея (далее – МЭЛ), который на начальной ступени обучения реализует технологию «Умелый класс», разработанную ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» на основе метода «Skilful Class» Бена Фурмана (B.Furman, T. Ahola, Helsinki Brief Therapy Institute).

Технология заинтересовала педагогический состав МЭЛ тем, что в руках педагога появляется действенный метод преодоления психологических проблем самим ребенком через освоение необходимых навыков (Niu S.J., Niemi H., 2020). Главное преимущество и залог успеха такого подхода в том, что взрослый объединяет свои усилия с ребенком в решении той или иной проблемы, что повышает вероятность успеха. Ребенок вовлекается в интересный и безопасный процесс, сам пытается понять, в чем проблема, чему ему нужно бы научиться, чтобы ее решить, кто мог бы ему в этом помочь и, что не менее важно для ребенка, как закрепить победу над своей проблемой.

Кроме того, технология поощряет взаимодействие с родителями, рассматривая их как партнеров и включая их в команду поддержки ребенка в процессе закрепления

новых навыков, в ходе преодоления эмоциональных и поведенческих проблем. Взрослые не просто толкают школьника вперед или ведут за собой, он сам занимает активную жизненную позицию. Результатом такой деятельности является развитие и накопление полезного опыта.

Присутствие в образовательной практике МЭЛ технологии «Умелый класс» позволило объединить усилия субъектов воспитания; укрепить и сделать разнообразнее воспитательный процесс; расширить диапазон педагогических возможностей; сэкономить время и силы как взрослых, так и детей. При этом появились новые традиции, которые придают устойчивость всей системе, повышают ее жизнеспособность.

Постепенно технология «Умелый класс» стала ядром воспитательного процесса лицея. Теперь «Умелый класс» охватывает учебные занятия, внеурочную жизнь детей, и деятельность, и общение.

Проводимые в лицее исследования показывают в течение трех лет значительный рост учебной и коммуникативной активности, самостоятельности, ответственности. Дети демонстрируют все компоненты ПСКЗ: позитивное отношение к одноклассникам, к учебной ситуации в целом, уважение к себе и другим, оптимизм. Наблюдается проявление уверенности в своих силах, самоуважения, развивающегося на основе саморефлексии, самокритичности, способности адекватно воспринимать себя и оценивать свои поступки.

При этом специально моделируются условия для самоутверждения личности, что способствует благоприятному протеканию процесса социализации и росту уровня ПСКЗ. Благодаря технологической цепочки «Умелый класс» позволяет процесс развития трансформировать в саморазвитие, воспитание – в самовоспитание. Игровая оболочка позволяет спонтанно, непринужденно, быстро и безопасно сформировать привычку самоконтроля, позитивного оценивания ситуации, бесконфликтного взаимодействия в коллективе.

Такой подход делает воспитательную систему эффективной и способной во многом повлиять на окружающую среду, стать реальным центром воспитания в любой школе.

Литература

1. Олпорт Г.В. Становление личности. М.: Смысл, 2002. 461 с.
2. Niu S.J., Niemi H. Teachers support of students` social-emotional and self-management skills using a solution-focused Skillful-Class method [Электронный ресурс] / European journal of social and behavioural sciences. Vol. XXVII. Iss. 3. 2020. p.3095 – 3113. doi: org/10.15405/ejsbs.269.

Сопровождение молодежи в период перехода из стадии юношества к взрослой жизни

Гельман Н.

руководитель НКО Ламерхав (г. Тель-Авив, Израиль).

Возрастной период перехода из стадии юношества к взрослой жизни, определяемый как «ЕА – Emerging adulthood», приходится на возраст 18-29 лет и считается новым, отличным от подросткового и юношеского периода (14-17 и 18–23 лет). Этот возрастной период согласно концепции Арнетт (Arnett, 2001) наиболее важен для самоидентификации. В то время как в подростковом возрасте человек начинает формировать свою идентичность, в юношеском возрасте он реализует и живет в соответствии с сформулированными определениями, в период ЕА человек свободен от ограничений, характерных для предыдущих периодов. На практике в течение этого периода человек пробует разные формы жизни и постепенно принимает решения о своей личности и связанных с ней личностно-поведенческих производных, в том числе тех, которые являются главным отличием ЕА от предыдущих периодов. Это период, в котором выбирается предпочтительное образование, в котором наблюдается относительное снижение семейных связей (особенно среди юношей), и увеличивается количество самостоятельных решений, особенно на экономическом и романтическом уровне (Sneed, Johnson, Cohen, Gilligan, Chen, Crawford, 2006). Это период рисков деструктивного поведения (незащищенный секс, употребление наркотиков, опасное вождение и т.д.). Возраст ЕА определяется по-разному: в ООН это 15-25 лет, в Европе – 15–29, США – 18–24. В Израиле от 18 до 25, 30 и даже 35 в зависимости от ведомства.

Вопреки существующим различиям между культурами и странами, можно сказать, что переход от подросткового возраста к взрослой жизни стал гораздо более постепенным и продолжительным по сравнению с тем, который был в прошлом. Одним из примеров этого является тот факт, что когда-то было достаточно получить диплом о высшем образовании, чтобы иметь право на постоянную работу и относительно стабильную заработную плату, а сегодня получение диплома о высшем образовании все еще не гарантирует какую-либо занятость. Еще одним следствием этой ситуации является растущее давление на родителей, которые продолжают поддерживать своего ребенка, как материально, так и эмоционально, в течение более длительного периода времени, чем в прошлом. Этот момент особенно проблематичен для детей из дисфункциональных семей или лишенных семейной поддержки. Этим молодым людям необходима поддержка взрослого, который мог направлять, учить и поддерживать на протяжении всей фазы ЕА. В свете вышеизложенного формируется мнение о том, что эти изменения должны сопровождаться изменением государственной политики в отношении благосостояния и образования таким образом, чтобы помочь молодым людям достичь разумной экономической независимости (Furstenburg, 2010). Особенно это актуально для детей, которые

вынуждены осваивать роли взрослого вне семьи (после интерната, приемной семьи, в эмиграции и пр.).

Продолжительные исследования, которые сопровождали приемных детей после выхода из приемной семьи или интерната, показали важность связи со стабильными структурами и **«авторитетными» взрослыми**, которые были частью образовательной или профессиональной структуры. В свете этих исследований, одна из альтернатив помощи выпускникам приемных семей или интернатов - это их сопровождение при переходе к самостоятельной жизни. Сопровождение осуществляется «наставником/ментором/гейткипером». Желательно, чтобы образ **«авторитетного» взрослого** был знаком ребенку, пока он еще является частью приемной семьи или находится в интернате, и который постепенно выстроит с ним систему отношений и будет поддерживать контакт после выхода из приемной семьи или интерната. Этим персонажем может быть учитель, консультант по делам молодежи, раввин/пастор/священник и т. д. Некоторые исследования подчеркивают важность наличия взрослой фигуры, которая является одновременно источником поддержки и образцом для подражания, когда молодой человек без семейного тыла сталкивается со сложными жизненными задачами, такими как жилье, поиск работы, выбор профессии, создание семьи, когда не хватает навыков для решения вопросов, связанных с самоидентификацией и развитием независимости, необходимой для взрослой жизни.

Многолетний опыт (20 лет) работы НКО «Ламерхав» с выпускниками интернатов и приемных семей, подтвердил влияние «авторитетного» взрослого на их дальнейшее развитие. Однако наблюдение за деятельностью «авторитетных» взрослых и сложность задач, с которыми выпускники интернатов/приемных семей должны были справиться, показали необходимость в профессиональной подготовке менторов, тех кто брал на себя ответственность в сопровождении выпускников интернатов и приемных семей. Это были работники интернатов, волонтеры, работники городских структур, полиции, НКО, работающих с молодежью в зоне риска и т.д. В конце 2019 «Ламерхав» совместно с Академическим Центром им. Руппин, открыла программу по подготовке таких специалистов.

Литература

1. Arnett, J. J. Emerging adulthood. A theory of development from the late teens through the twenties. *American Psychologist*, 55(5), 2001. 469-480.
2. Furstenberg, F. Passage to adulthood. *The Prevention Researcher*, 2010. 17(2), 3-7.
3. Sneed, J. R., Johnson, J. G., Cohen, P., Gilligan, C., Chen, H., Crawford, T. N., & Kasen, S.. Gender differences in the age-changing relationship between instrumentality and family contact in emerging adulthood. *Developmental Psychology*, 2006. 42(5), 787-797.

Профилактика социальных рисков детства путем апробации метода Skilful class

Егоркина О.В., Заболотная И.В., Клейменова О.Н., Новенко Е.В.,
Политик И.В., Прутова Н.Г., Познякова С.Н.
ГКУСО МО «Электростальский СРЦН «Доверие»
(г. Электросталь, Московская область, Россия)

С октября 2019 г. специалисты ГКУСО МО «Электростальский СРЦН «Доверие» (далее – Центр) принимают участие в проекте ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» «Инструменты доказательного подхода к анализу и оценке практик, программ и политик в сфере профилактики социальных рисков детства». Ниже представлены результаты апробации в нашем Центре финской игровой программы Skilful Class (Умелый класс), основанной на ориентированном на решение авторском методе Kids' Skills (B.Furman, T. Ahola, Helsinki Brief Therapy Institute).

Часто трудности, возникающие в процессе воспитания и обучения, относят к трудностям овладения навыками и обработки когнитивной информации. Проблемы могут начаться не только в когнитивных процессах, но также и в поведенческой сфере. При освоении новых социальных правил ребенок часто находится в состоянии нервного перенапряжения. В таком случае при отсутствии должной поддержки у несовершеннолетнего снижается самооценка, развиваются психосоматические реакции. К сожалению, многие родители и педагоги вместо того, чтобы помочь, поддержать, заняться развитием необходимых навыков и функций, сосредотачивают свое воздействие через воспитательные методы. Это может привести к прямо противоположному результату и ещё больше развить неуверенность в себе и снизить самооценку ребенка, ухудшая адаптацию в коллективе.

Нам особенно понравилось, что методика «Умелый класс» (от англ. Skilful Class) предполагает позитивный и творческий подход (Niu S.J., Niemi H., 2020). Нет необходимости жесткой оценки и никакой критики! Скорость усвоения навыка также не важна, так как все происходит в темпе, который комфортен конкретному ребенку.

В программу было включено 15 несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации. Из них 6 детей дошкольного возраста и 9 детей младшего и среднего школьного возраста. Самому старшему участнику было 14 лет. Родители заинтересовались возможностью скорректировать поведение ребенка. С удивлением, а затем с интересом наблюдали за изменениями. Дети не очень любят обсуждать свои проблемы, именно поэтому, переформулирование «проблемы» на «навык» воодушевило. Воспитанники активно включились в игру. Обычный режим работы отделения не был нарушен. Дети посещали индивидуальные занятия со специалистами (психологом, дефектологом, логопедом, педагогом дополнительного образования), участвовали в плановых групповых занятиях, в том числе в культурно-развлекательной и досуговой деятельности Центра. Так как реализация проекта проходила поэтапно, было легче отслеживать динамику. Результаты освоения

навыков ребята отслеживали сами, но под наблюдением специалистов. Дети старшей группы были вдохновлены своим успехом и очень хотели продолжать участие в проекте. Младших особенно привлекло участие в «группе поддержки». Они искренне поддерживали друг друга и с радостью делились своими успехами с окружающими. Навыки были усвоены всеми без исключения. Во всяком случае, на время проекта. Единственное, что нас огорчало – это неумение некоторых детей применять полученные навыки в школе и дома. Над решением этого вопроса работают все специалисты, по возможности обучая детей жить в тех условиях, которые они не в состоянии поменять в силу возраста.

Наши результаты:

1. Абсолютно все дети демонстрируют улучшение результатов усвоения выбранных навыков, но не все могут их применять вне Центра.

2. Все участники проекта (несовершеннолетние, специалисты и родители) получали психологическую поддержку.

3. Достаточно быстрая положительная динамика позволила понять, что командная работа и замена понятия «проблема» на «навык» более результативна.

4. Важно осознание, что никто не будет осуждать и смеяться, а наоборот, в этом тебе помогут и поддержат. Для успешной социализации нет необходимости кардинально менять себя, а достаточно научиться определенным навыкам.

Специалисты Центра готовы продолжать участие в проекте, так как убедились в эффективности метода и программа *Skilful Class* доступна для широкого пользования.

Литература

1. Niu S.J., Niemi H. Teachers support of students` social-emotional and self-management skills using a solution-focused Skillful-Class method [Электронный ресурс] / *European journal of social and behavioural sciences*. Vol. XXVII. Iss. 3. 2020. p.3095 – 3113. doi: org/10.15405/ejsbs.269.

Деятельность судебного психолога по делам молодежи во Франции

Казакова Т. А.

Академия ФСИН России (г. Рязань, Россия)

Справедливость – нравственно-психологическая характеристика судебных решений, его моральная безупречность, наиболее целесообразное применение права, наилучшая реализация его социально положительной сущности. И в ее реализации психолог может оказать неоценимую помощь (Литвинова Г.В., 2010). В связи с этим особый интерес вызывает деятельность судебных психологов в ювенальных судах во Франции.

Должность судебного психолога по делам молодежи (РJJ) в соответствии с Законом № 45-174 от 2 февраля 1945 года «О правонарушениях несовершеннолетних»

введена в штат подразделений судебной защиты по делам молодежи Управления судебной защиты молодежи (DPJJ). Он играет определяющую роль в понимании личности молодого человека, находящегося в трудной жизненной ситуации, и в объяснении его поступков. Судебный психолог по делам молодежи (PJJ) работает с несовершеннолетними, совершеннолетними молодыми людьми, а также с их семьями. Он рассматривает их социальную среду, анализирует психические проблемы, оценивает различные социальные проблемы, с которыми они сталкиваются (Le gouvernement français // <http://www.justice.gouv.fr/art>).

Судебный психолог изучает личность подростка, дает соответствующие рекомендации о необходимости прохождения курса лечения, реабилитации (при наличии определенных зависимостей); разрабатывают соответствующие рекомендации по коррекции личности подростка и оптимизации его межличностных отношений.

Он участвует в разработке и мониторинге образовательных проектов для подростков делинквентов, находящихся под судебным надзором, анализируя их проблемы, причины совершения правонарушения, психическое состояние несовершеннолетних.

Благодаря этой аналитической работе психолог разрабатывает и внедряет образовательные проекты, направленные на сопровождение молодого человека и его семьи. Он тесно сотрудничает с образовательными организациями, учреждениями, педагогами, а также с различными специализированными организациями. Он работает с подростком делинквентом, его окружением, семьей в частности (La justice française // <http://www.annuaires.justice.gouv.fr>).

Также он следит за развитием событий в сложившейся ситуации, составляет долгосрочный перспективный план и адаптирует свой проект с учетом полученных результатов.

Судебный психолог может также работать в открытой среде (центр образовательной деятельности), в подростковых и молодежных центрах, а также в различных государственных организациях. Психолог должен обладать соответствующими умениями и навыками: умение анализировать, синтезировать; умение слушать; иметь глубокие познания в области подростковой психопатологии; обладать легкостью в общении.

Судебный психолог принадлежит к корпусу категории А государственной гражданской службы и может менять классы и ступени на протяжении всей своей карьеры. Чистая ежемесячная заработная плата составляет примерно от 1 563 € до 3 259 €.

Для получения этой должности надо принять участие в конкурсах, организованных Министерством юстиции. Претенденты на эту должность должны иметь базовое образование не ниже степени бакалавра +3/5 по психологии, далее они допускаются к сдаче устных и письменных экзаменов по психологии, праву, затем они проходят собеседования, а в случае успешного прохождения конкурсных испытаний занимают должность стажера (1 год). В течение этого времени они

получают теоретические знания в Национальной школе судебной защиты молодежи (ENPJJ), а также проходят восьминедельную практику.

Литература

1. Литвинова Г.В. Психологическое консультирование и роль психолога в разрешении уголовных и гражданских дел с участием несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2010. № 6. С. 12 – 14.
2. Le gouvernement français [Электронный ресурс] // <http://www.justice.gouv.fr/> (дата обращения: 05.09.2020)
3. La justice française [Электронный ресурс] // <http://www.annuaires.justice.gouv.fr> (дата обращения: 15.09.2020)
4. La librairie studyrama [Электронный ресурс] // <https://librairie.studyrama.com> (дата обращения: 21.09.2020)
5. La protection judiciaire de la jeunesse [Электронный ресурс] // <https://www.studyrama.com/> (дата обращения: 23.09.2020)

Отказ от посещения школы: факторы и методы помощи детям в ФРГ. Проект «Schule t(u) go»

Соколова О., Риже Е.

Клиника социальной психиатрии и психотерапии для детей, подростков и семей
(г.Дюссельдорф, ФРГ)

Возможность оптимального медико-психологического обеспечения детей и подростков с индивидуальными проблемами является одним из важнейших пунктов, находящихся в центре общественного внимания. Особое место при этом занимают проблемы, связанные со школой. Большую сложность представляет работа с детьми, уклоняющимися от посещения школы. В этой области можно выделить несколько категорий: дети со страхами, связанными непосредственно со школой (трудности в учебе, проблемы со сверстниками, учителями и т.д.); дети со страхами покинуть свой дом (болезни родителей и связанная с этим ответственность, боязнь покинуть помещение, соматические боли и т.д.); дети, прогуливающие школу (подростковые сложности, хвастовство перед сверстниками и др.) (Rothaus W., 2019; Ricking H., 2014). В подобных ситуациях зачастую многие семьи чувствуют себя беспомощными. В ФРГ школьное образование является обязательным, поэтому в случае постоянных пропусков детьми школьных занятий родителям грозят штрафы. У детей без школьного образования (или с недостаточным образованием) повышется риск психических заболеваний либо уже имеющиеся отклонения могут перейти в хроническую форму. Такие дети нуждаются в интенсивной, квалифицированной помощи.

При финансировании Министерства здравоохранения земли Северный Рейн-Вестфалия был разработан проект «Schule t(u) go» (г. Дюссельдорф). Форма работы –

клиника дневного пребывания, участники – 50 детей и подростков школьного возраста без когнитивных отклонений, которые либо вообще не посещали школу, либо посещали нерегулярно (пропуски занятий в течение месяцев или лет). Цель проекта – дать детям возможность восполнить пробелы, вернуться в школу и посещать ее с удовольствием.

На данный момент проект находится на заключительной стадии. Результат оказался успешным: 80% детей из числа тех, кому мы оказали помощь, удалось вернуть в школу. При этом дети не только смогли успешно ее закончить (катамнез), но и показали существенные положительные изменения в психике, что было зарегистрировано с помощью стандартных психологических тестов, проводившихся до начала и после окончания посещения проекта. Если при первичном тестировании были сильно выражены страхи (особенно страх, оказаться отверженным), наблюдались сложности взаимопонимания и, особенно, чувство одиночества, то в ретесте эти параметры сильно уменьшились или совсем исчезли. По окончании семьям был разослан анонимный опросник для оценки индивидуальной ценности участия ребёнка в проекте (10-балльная шкала): 1/3 респондентов оценила проект в 8 баллов (хорошо), 2/3 - в 10 баллов (очень хорошо).

Работа с детьми проводилась в индивидуальной и в групповых формах, была скоординирована со школами. Как один из важнейших факторов проводилась работа с родителями: в «школе родительской компетенции» и в семейных разговорах. Поскольку дети – часть системы, были применены методы системной терапии/консультации. В работе с родителями применялись так же методы по Омеру Х. (Omer H, 2016). Медицинская часть (с соматическими расстройствами/жалобами) была рассмотрена в аспекте поливагальной теории Поргеса Шт.В (Porges S.W., 2010).

Эффективная реализация проекта «Schule t(u) go» дает возможность предотвратить не только срывы в школьном обучении, но и вернуть детей и подростков к жизни с уравновешенным психическим здоровьем.

Литература

1. Rothaus W. Schulprobleme und Schulabsentismus (Störungen systemisch behandeln) / Carl-Auer-Systeme Verlag und Verlagsbuchhandlung GmbH [Verlag]. 2019. 255 S.
2. Ricking H. Schulabsentismus / Cornelsen Verlag GmbH (Berlin) 2014. 154 S.
3. Omer H. Wachsame Sorge: Wie Eltern ihren Kindern ein guter Anker sind / Vandenhoeck & Ruprecht Verlag. 2016. 246 S.
4. Porges S. W. Die Polyvagal-Theorie: Neurophysiologische Grundlagen der Therapie. Emotionen, Bindung, Kommunikation & ihre Entstehung / Junfermann Verlag. 2010. 336 S.

Медиация как способ сокращения судебных издержек: финский опыт

Хилтунен О.В.

Хельсинкское конфликтное бюро
(г. Хельсинки, Финляндия)

Конфликт, влекущий за собой привлечение третьих лиц, обходится дорого не только с психологической, но и с материальной точки зрения. При обращении в суд граждане вынуждены нести материальные затраты и отсутствие финансовой возможности участвовать в процессе разбирательства зачастую приводит к невозможности защитить свои законные права.

В Финляндии стоимость судебного процесса во многом зависит от характера дела и готовности сторон привлекать сторонних специалистов. Согласно подсчетам Союза адвокатов Финляндии, гражданский процесс обходится стороне в среднем в 10 тысяч евро, из которых на государственные пошлины затрачивается около 150 – 300 евро, а остальную сумму составляют услуги адвокатов и других привлекаемых специалистов и, в случае так называемого проигрыша, – расходы противоположной стороны процесса.

Первые упоминания о медиации как способа решения конфликтов появились в Финляндии еще в 1977 году. Первые попытки использовать медиацию в работе с молодежью были осуществлены в городе Вантаа в 1983 году, после чего модель стала быстро (по финским меркам) распространяться по всей стране. Закон о медиации в уголовных и некоторых гражданских делах вступил в силу в начале 2006 года и действует практически неизменным по сегодняшний день.

Возвращаясь к финансовой составляющей, хотелось бы упомянуть заключение, сделанное финским специалистом Юхани Иивари по заказу Министерства социального обеспечения и здравоохранения Финляндии еще в 2000 году. Согласно расчетам вышеупомянутого специалиста, организация конфликтных бюро позволит государству ежегодно экономить более 35 миллионов финских марок и стоимость одной процедуры медиации не будет превышать 1560 финских марок. В расчете использовалось предположение, что в Финляндии будет существовать 60 конфликтных бюро и в год будет проводиться около 12 тысяч процедур медиации. Согласно статистике 2019 года, на сегодняшний день в Финляндии существует 18 организаций (как государственных, так и частных), финансируемых из государственного бюджета и предоставляющих услуги медиации в соответствии с законом о медиации от 2006 года. В конфликтные бюро в 2019 году было направлено 15 215 уголовных и 596 гражданских дел. Средняя стоимость процедуры составляла 433 евро, объем выплаченных сторонами компенсаций по договорам составлял более 2 миллионов евро (Elonheimo P.&Kuoppala T., 2020).

В Финляндии для сторон конфликта, обращающихся в конфликтные бюро, медиация бесплатна. Основная масса дел, направляемая на медиацию, связана с уголовными правонарушениями против личности: физическое и психологическое

насилие, клевета и угрозы. Согласно многочисленным исследованиям, достижение договоренностей путем медиации практически сводит на «нет» рецидивы и помогает сторонам выработать новую, более здоровую схему решения конфликтов (Elonheimo H., 2017).

В последнее время растет количество дел, связанных с кибер-преступлениями. Особенно характерны такие нарушения для несовершеннолетних. В Финляндии ведется серьезная работа по борьбе и профилактике таких конфликтов. И в ситуациях, когда преступление совершается лицом, не достигшим 15 лет и, следовательно, не подпадающим под уголовную ответственность, конфликтное бюро становится единственным местом, где преступлению и его последствиям можно уделить максимальное внимание.

Литература

1. Elonheimo H. Kolmas tie: restoratiivinen oikeus ja rikosten sovittelu.// Teoksessa Kari Enqvist, Ilari Hetemäki & Teija Tiilikainen (toim.): Kaikki vapaudesta. Helsinki: Gaudeamus & Tieteellisten seurain valtuuskunta. 2017. С. 157-171.
2. Elonheimo P.&Kuoppala T. Rikos- ja riita-asioiden sovittelu 2019 Sovitteluun ohjatuista rikoksista yli puolet väkivaltarikoksia. // [Электронный ресурс] THL статистические данные 20.10.2020. Ресурс доступа:URL:https://www.julkari.fi/bitstream/handle/10024/140598/TR40_20.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 23.10.2020).

CHILD-TO-PARENT VIOLENCE IN SPAIN. A SOCIOLOGICAL APPROACH

Palma-Durán J.A., Ruiz-Callado R.
University of Alicante (Alicante, Spain)

In Spain, child-to-parent violence, a hitherto scarcely studied subject (Condry R., Miles C., 2014), has drawn much attention in recent years. This academic interest has paralleled the growing concern of the country's judicial system.

The difficulty in establishing the true scope of the phenomenon lies both in the methodological differences and in the very definition of child-parent violence. In Spain results of the data extracted from population samples indicate that child-parent violence accounts for 3.2% of cases of physical violence and 14.2% of cases when including psychological violence (Calvete et al., 2013).

However, official data from the State Prosecutor's Office (*FGE*- its Spanish acronym) has revealed a strong increase in recent years of such child-to-parent violence. This rise has been understood to reflect the unrest present among the young and, on occasions, their troubled relationships with their families (*FGE*, 2010).

The present study addresses the phenomenon taking the specificities of the Spanish judicial system into account, as well as the socioeconomic changes following the 2008

economic crisis. We compared the evolution of the FGE's official data according to different types of crimes, as well as to population sample data.

The statistics show that the growth trend in cases of child-to-parent violence is not unrelated to the indicators of other types of crime or other deviant behaviours, after comparing both, official sources and population surveys. The results show an upsurge of cases over a few years, especially as from 2008, followed by a decline.

In this sense, the upsurge of violence could be interpreted as a result of increased tensions within families in homes (Cottrell B., Monk P., 2004). It is also necessary, however, to further explore the institutional response given to a type of violence prosecuted as a consequence of minors' legislative reform, Organic Law 8/2006, and a lack of specific resources, made worse by the economic crisis.

Another element to consider is the structure of the Spanish institutions that work with juvenile offenders, which are largely in the hands of private entities. Some entities specialised in this type of family violence have strongly recommended to report any type of aggression by minors with the objective of uncovering the types of aggressions that authorities are unaware of.

The results of the studies highlight the impact of factors hitherto scarcely explored but that need to be considered. Indeed, interventions directed toward teenager aggressors must be based on evidence, moving away from prejudices and stereotypes which could lead to stigmatising them and their families.

Bibliography

1. Calvete, E., Gámez-Guadix, M., Orue, I., González-Diez, Z., Lopez de Arroyabe, E., Sampedro, R., Pereira, R., Zubizarreta, A. & Borrajo, E. Brief report: The Adolescent Child-to-Parent Aggression Questionnaire: An examination of aggression against parents in Spanish adolescents. // *Journal of Adolescence*. 2013. N° 36(6). P. 1077-1081.
2. Condry, R., & Miles, C. Adolescent to parent violence: Framing and mapping a hidden problem. // *Criminology & Criminal Justice*. 2014. N° 14(3). P. 257-275.
3. Cottrell, B. y Monk, P. Adolescent-to-parent abuse. A qualitative overview of common themes. // *Journal of Family Issues*. 2004. N° 25 (8). P. 1072-1095.
4. State Prosecutor's Office. NOTICE 1/2010, On the treatment given by the juvenile justice system to parental abuse by children.

МЕДИАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМАЯ ПРАКТИКА

Возможности использования медиации как механизма разрешения конфликтов в учреждениях здравоохранения

Верёвкина Е.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Михайлова Е.О.

ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (НИУ)» (г. Москва, Россия)

Во многих странах медиация является успешным способом разрешения конфликтов между врачом и пациентом (Wang M. et al. 2020), однако отношение к этой технологии в нашей стране среди медицинских работников довольно скептически. Причина этого — недостаточное представление врачебного сообщества о том, как работает медиация и какие конфликты она разрешает.

Общественный запрос на внедрение медиации в России созрел. Свидетельством этому могут служить подготовленные в сентябре 2019 года Министерством здравоохранения РФ поправки в ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В частности, ст. 19 закона предлагается дополнить нормой, регулирующей возможность применения процедуры медиации в спорах между пациентами и медицинскими организациями в соответствии с ФЗ от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (2). Таким образом, может быть создана правовая база для расширения практики применения медиативных технологий.

Для медицинских учреждений использование медиации позволит минимизировать негативные последствия даже в случае наступления врачебных ошибок, ее применение поможет не только избежать огласки, сохранить репутацию медицинского учреждения, но и прийти к взаимовыгодному решению, как для пострадавшей, так и виновной стороны, не освобождая врача от ответственности.

Преимуществом медиации является оперативность разрешения спора, что отличает ее от судебного разбирательства, требующего экспертных оценок, занимающего длительное время.

Использование медиации позволяет снять недопонимание между сторонами, даёт возможность пациентам реализовать своё право на охрану здоровья, врачам — на защищённость в рамках их профессиональной деятельности (Шамликашвили Ц.А. и др., 2017).

Сегодня всё ещё нет явной заинтересованности медицинских работников в создании служб внесудебного урегулирования споров (медиации). По мнению С. М. Маркова, препятствуют развитию медиации в здравоохранении сложная трактовка

примирения (мирового соглашения), обусловленная менталитетом врачебного сообщества и пользователями их услуг (Марков С.М., 2017). Одним из ключевых препятствий к внедрению медиации в отечественную сферу здравоохранения является «информационная асимметрия» врача и пациента, что противоречит принципу равноправия сторон (Шамликашвили Ц.А. и др., 2017).

Из-за постоянного увеличения числа жалоб и судебных исков, связанных с медицинскими услугами, игнорирование медиативных практик более не представляется возможным. В связи с этим, медиация должна действовать не только как механизм разрешения жалоб пациентов, но и как способ выявления, анализа, и предотвращения дефектов в функционировании системы медицинской помощи.

Таким образом, внедрение практики медиации в систему здравоохранения позволит не только повысить качество последней, но и сформировать доверительные отношения между медицинским сообществом и пациентами.

Литература

1. Марков С. М. Медицинская медиация в России, ее возможности и перспективы // Медицинское право. 2017. №6. С.25-29.
2. Проект ФЗ «О внесении изменений в статью 19 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <https://regulation.gov.ru/p/95116> (дата обращения: 05.10.2020).
3. Шамликашвили Ц.А., Островский А.Н., Кабанова Е.В., Сильницкая А.С. Медиация в здравоохранении: от правоприменения к диалогу о правах // Социология медицины. 2017. №2. С.75-81.
4. Wang M., Liu G. G., Zhao H., Butt T., Yang M., Cui Y. The role of mediation in solving medical disputes in China [Электронный ресурс] // BMC health services research. 2020. Vol. 20 (1), Issue 225. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7079467/> (дата обращения: 05.10.2020).

Медиация и медиативный подход в современной России: проблемы и перспективы развития

Вечерина О.П.

ГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Медиация появилась в России как один из проектов, направленных на развитие гражданского общества в начале 1990-х годов. В первой фазе (2011–2020) легального развития была сделана попытка развития медиации как правового института. В 2013 г. создан Федеральный институт медиации для развития школьной медиации,

медиации в социальной сфере и семейной медиации, в том числе в трансграничных родительских спорах (ликвидирован в 2020 г.). В декабре 2014 г. утвержден профстандарт «Специалист в области медиации». В стране работает около несколько сотен организаций – провайдеров процедур или образования в сфере медиации. Подготовлено от 2000 до 4000 медиаторов (большая часть не работает в профессии). Подводя итоги этой имплементации, авторы учебника «Альтернативное разрешение споров» пишут: «Последствия такого подхода известны: процедура медиации практически не востребована гражданами и организациями» (Борисова Е.А., 2019).

Развитие медиации как социального института может стать более успешным. Алгоритмы и этапы этого процесса известны и описаны (Вечерина 2017; Борисова Е.А., 2019). Необходимы дальнейшая разработка и применение новых технологий на основе теории медиации А.С. Ахиезера, теоретических разработок акад. В.А. Лекторского и др., методологии социокультурного анализа А.П. Давыдова, позволяющих выявить логику и структуру медиационных процессов как механизмов развития общества (Давыдов А.П., 2018). Очевидно, что эта работа является междисциплинарной и требует координации усилий специалистов в самых разных областях гуманитарного знания.

Целесообразно более широкое внедрение медиативного подхода, который можно считать дальнейшим развитием концепции деятельностного подхода классиков российской психологии (Рождествина А.А., Железовская Г.И., 2017), что позволяет интерпретировать его как новую технологию проектной деятельности. Созданный на основе медиативного подхода (разработка Ц.А. Шамликашвили) метод школьной медиации стал основой работы значительного количества (свыше 25 000) служб школьной медиации во всех регионах страны. Результатом может стать смена парадигмы развития российского социума в желаемом направлении.

По разделяемому нами мнению Ц.А. Шамликашвили, необходимо дальнейшее развитие образовательных программ: интеграция модулей медиации на всех уровнях системы общего и специального образования; как часть магистерских программ, программ дополнительного образования взрослых, повышения квалификации, переподготовки; как часть системы непрерывного образования взрослых, с целью сохранения социальной востребованности людей пенсионного возраста и развития человеческого потенциала (Шамликашвили Ц.А., 2017). Необходимая практическая база для постепенного изменения социокультурной парадигмы развития российского социума на основе медиации уже имеется – теперь необходима настойчивая, планомерная и долгосрочная работа по ее развитию.

Литература

1. Борисова Е.А. и др. Альтернативное разрешение споров: Учебник / колл. авторов; под ред. Е.А. Борисовой. М.: Городец, 2019. 416 с.
2. Вечерина О.П. Проблемы и институциональные ограничения развития социально-правового института медиации в России // Современное право. 2017. № 1. С. 73–80.

3. Давыдов А.П. Основание развития как социокультурная проблема (к вопросу о медиационной теории эволюции западного социума) // Вестник Института социологии. 2018. № 24. С. 27-51.
4. Рождествина А.А., Железовская Г.И. О некоторых аспектах содержания понятия «медиативный подход» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17. Вып. 4. С. 489–493.
5. Шамликашвили Ц.А. Медиативный подход и его возможности в развитии человеческого капитала и совершенствовании общественных отношений // Вестник Федерального института медиации. 2017. №3. С.10–25.

Проактивная модель медиации в социальной сфере

Графский В.П.

Окружная служба медиации ЦАО г.Москвы,
ГБУ ЦПСИД «Красносельский» (г. Москва, Россия)

В настоящее время медиация активно используется в различных областях человеческой деятельности, в том числе в социальной сфере. В 2019г. Департамент труда и социальной защиты г. Москвы создал сеть служб медиации в районах на базе Семейных центров. Медиация становится одной из важных технологий, способствующих политике сотрудничества и доверия в вопросах защиты прав детей и помощи семьям.

Но применение медиации в работе с социально неблагополучным контингентом и детьми с девиантным поведением имеет свою специфику, свои трудности - *добровольность участия, исполняемость принимаемых решений*. Поэтому приходится искать новые формы. Мы делаем ставку на *проактивность* в медиации.

Проактивность — представление о природе психики человека, лежащее в основе гуманистической психологии. Согласно ему, между стимулами – воздействующими на человека раздражителями – и его реакцией на них лежит свободная независимая воля. Способность самому осознанно выбирать свою реакцию на внешние раздражители и есть проактивность.

Термин «проактивный» был предложен В.Франклом. Это понятие обозначает человека как личность, принимающую ответственность за себя, свою жизнь, а не ищущую причин для происходящих с ним негативных событий в окружающих людях и обстоятельствах (Франкл В.,1990). Проактивность – это упреждающая реакция на обстоятельства с целью поставить развитие событий под свой контроль.

В медиации интересов такая реакция уже присутствует априори (Шамликашвили Ц.А.,2013). Но мы делаем еще больший акцент на проактивность сторон конфликта. В нашей работе мы опираемся на понятие постнеклассической рациональности, предложенное академиком В. С. Степиным.

Классический тип научной рациональности в схеме "субъект - средства - объект", выделяет объект в качестве ключевого компонента указанного отношения (Степин В.С., 2013). В правовой сфере аналогом такого подхода можно считать судебно-правовую систему.

Неклассический тип характеризуется осознанием влияния познавательных средств на объект. Альтернативность медиации суду обуславливается расширением арсенала применяемых средств для достижения результатов.

Постнеклассический тип рациональности – это когда знания об объекте соотносятся не только с особенностями его взаимодействия со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности субъекта.

В модели проактивной медиации мы опираемся на такой постнеклассический подход. В рамках этой модели процедура медиации рассматривается как некий исследовательский проект по определению проблем, связанных с конфликтом, и способов их разрешения. Стороны включаются в этот процесс на проактивных позициях наравне с медиатором. Для этого они должны отчасти владеть инструментами, которыми пользуется сам специалист.

Исходя из вышеизложенного, мы не ограничиваемся работой только в формате процедуры медиации. Наша позиция – участники любого переговорного процесса должны участвовать в нем, опираясь на свое максимальное осознание всего происходящего, а не быть просто объектами медиативной деятельности. Это осуществляется через обучение наших потенциальных клиентов стартовым знаниям и навыкам в области медиативных и восстановительных технологий.

В рамках *проактивной модели медиации* мы и при проведении процедуры медиации делаем больший акцент на обучающую составляющую. Такой подход особенно важен именно в социальной сфере.

Литература

1. Степин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма. «Сложность. Разум. Постнеклассика» № 4, 2013, С. 45-59 <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-nauchnoy-ratsionalnosti-i-sinergeticheskaya-paradigma> (дата обращения: 02.09.2020).
2. Франкл Виктор. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
3. Шамликашвили Ц.А. Основы медиации как процедуры урегулирования споров. Учебное пособие. М.: МЦУПК, 2013.

Особенности восприятия и решения конфликтов в журналистской среде в условиях работы в международной компании Кошелева М.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Глобализация повлекла за собой явление, прежде редко встречавшееся: мультикультурные корпорации, где и в горизонтальной, и в вертикальной структурах присутствуют представители разных обществ с разными культурными традициями. Руководство и службы кадров таких компаний зачастую ищут универсальный инструмент для уменьшения количества ситуаций непонимания и поддержания рабочей обстановки в коллективе. Важность проблемы трудно переоценить, глобальные исследования на кросс-культурную тематику проводили и продолжают проводить ученые с именами мировой величины – Р. Инглхарт (Инглхарт Р., 2018), Г. Хофстеде (Hofstede G., 2011), Р. Льюис (Льюис Р., 2013), и это далеко не полный список. Мы рассмотрели отношение к восприятию и решению конфликтов у представителей трех стран, проведя опрос работников международных информационных СМИ, жителей России, Франции и США. Задачей исследования было выявить основные сходства и различия в их отношении к решению конфликтных ситуаций и предпочитаемые способы их разрешения, в том числе медиация.

Все участники опроса сошлись во мнении, что достижение общего устойчивого решения, в том числе путем медиации – это благо; людей, считающих попытки найти устраивающее всех решение, излишними, не нашлось. Даже при недостижении идеального результата (полного разрешения конфликта), попытка мирного урегулирования оказывает в целом положительное влияние на стороны, что перекликается с идеей (Шамликашвили Ц.А., 2017): «В медиации вовсе не обязательно, чтобы стороны в результате примирились. Они могут предпочесть любой итог спора. Более того, целью сторон может быть вовсе не примирение, а цивилизованный развод, разрыв, прекращение отношений».

Универсальной чертой можно назвать отношение к конфликту как к негативному и нежелательному явлению. Только один участник опроса, из США, упомянул, что конфликт – источник нового опыта, и это является положительным эффектом.

Еще одной универсальной чертой можно назвать всеобщее стремление к достижению общего решения, работоспособное в течение длительного периода, и даже попытка нахождения такового приветствуется всеми участниками опроса вне зависимости от национальности. Присутствие беспристрастной третьей стороны также вызывает поддержку участников безотносительно их культурного бэкграунда. Наблюдается разница в том, какие ограничения процедуры и метода медиации видят респонденты из разных стран, и в уровне доверия к этому виду посредничества. У российских коллег наименьший уровень доверия к посредникам в решении конфликтов.

В целом, представители трех стран единодушно рассматривают конфликт как нежелательную ситуацию, и в качестве оптимального решения называют диалог сторон и поиск взаимовыгодного устойчивого решения. Однако налицо различие в готовности принять решение, вынесенное наверху – в США и Франции такой подход нежелателен и как минимум маскируется дискуссией и аргументацией, российские же

коллеги принимают формат авторитарного единоличного решения как вполне рабочий вариант. Это может объяснить трудности внедрения медиации в корпоративную практику российского общества в настоящее время.

Литература

1. Инглхарт Р.Ф. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 334 с.
2. Льюис Р. Столкновение культур. Путеводитель для всех, кто делает бизнес за границей. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 640 с.
3. Шамликашвили Ц.А. Суд. АРС. Медиация. // Сборник статей. М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2017. 140 с.
4. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context [Электронный ресурс] // Online Readings in Psychology and Culture, Unit 2. 2011. – URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8> (дата обращения 22.05.2020).

Участие адвокатов в процедуре медиации: существующие сложности и пути их преодоления (при оказании юридической помощи по семейно-правовым вопросам)

Макаров С.Ю.

Кафедра адвокатуры Университета им. О.Е.Кутафина (МГЮА)
(г. Москва, Россия)

Медиация появляется и закрепляется в нашей юридической практике слишком медленно. Однако перспективы развития медиации в России представляются весьма положительными благодаря тому, что с помощью медиации проблемы, возникающие между субъектами права, можно урегулировать надёжнее и быстрее.

Особенно это касается такой важной части социальной сферы, как семейно-правовые отношения, которые зачастую сопровождаются пониманием сторонами необходимости мирного урегулирования споров (особенно по вопросам, связанным с детьми).

Причин малого распространения медиации много, и они весьма разнообразны. Затронем лишь причины, связанные с адвокатами.

Это тем более нелогично, что процедуры медиации дают адвокатам возможность участвовать в них в 2 различных статусах:

- 1) в качестве медиатора и
- 2) в качестве представителя одной из сторон.

Эти статусы противоположны друг другу и по требованиям, необходимым для их осуществления, и по функциям.

Важно выявить психологические причины, препятствующие участию адвокатов в процедуре медиации в обоих этих статусах.

Существенной особенностью медиации, трудной для восприятия адвокатами, является то, что медиатор не вправе принимать решение за стороны, предлагать варианты решения или давать оценку обсуждаемым самими сторонами по их инициативе вариантам.

Адвокат как профессиональный юрист весьма вероятно может стремиться, во-первых - управлять ходом медиации (сверх рамок поведения, предписываемых процедурой медиации), во-вторых – профессионально оценивать обсуждаемые варианты с юридической точки зрения (то есть проявлять *экспертность*), и может быть даже - давать консультации сторонам медиации. И то, и другое – по общему правилу недопустимо для медиатора.

При этом адвокат как медиатор может стремиться дать оценку ситуации в контексте равной защиты прав обоих супругов, и что немаловажно, - учета всех охраняемых законом интересов ребенка/детей, с тем, чтобы спор между родителями не повлиял на его/их права и не нарушил их. Более того, выполняя в данном случае функцию медиатора, адвокат как раз может абстрагироваться от интересов супругов (бывших супругов) как сторон медиации и сосредоточить все свое профессиональное внимание на интересах ребенка/детей. Но даже эта мотивация не дает адвокату права проявлять в данном случае экспертность.

В качестве представителя одной из сторон медиации адвокат не должен стремиться получить преобладание над другой стороной, так как это может привести к нарушению принципа равенства сторон медиации.

Однако ещё большей опасностью представляется то, что очень многие российские адвокаты в принципе недоверчиво относятся к медиации как таковой, предпочитая ей как способу разрешения споров обращение к государственным органам (прежде всего – в суд). Отчасти это обусловлено финансовыми причинами, отчасти - психологическими причинами (равно относимыми и к медиации, и к переговорам). Последние во многом связаны с тем, что в отличие от процессуальной сферы, где каждое действие адвоката очень подробно регламентировано, в непроцессуальной сфере подобной регламентированности нет.

Таким образом, российские адвокаты в силу указанных выше причин не готовы к участию в медиации.

Необходимо создать у адвокатов понимание того, что медиация - это не только собственно процедура медиации, но и – медиативный инструментарий, весьма применимый при оказании любых видов юридической помощи.

В свете всего вышесказанного представляется, что преодоление существующего противопоставления адвокатской деятельности и медиации возможно посредством инкорпорирования медиативных техник в адвокатскую деятельность - с тем, чтобы подготовить адвокатов к более широкому участию в процедурах медиации в обеих предусмотренных формах (статусах).

Медиация как способ разрешения конфликтов в сфере страхования

Никольская И.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Известные на сегодня механизмы урегулирования конфликтов не позволяют в достаточной мере разрешать споры и конфликты в сфере личного страхования. Потребитель страховых услуг (страхователь или выгодоприобретатель) часто недоволен исходом дела, поскольку его истинные потребности и желания не являются основой для принимаемого решения. Но и страховые компании не всегда могут защитить себя от недобросовестного страхователя, поскольку не до конца могут выявить его истинные намерения еще на стадии заключения договора страхования. Внедрение процедуры медиации или медиативного подхода в практику работы страховых компаний при разрешении споров с клиентами позволит избежать долгих судебных разбирательств и повысит уровень доверия населения к страховым организациям и личному страхованию (Белоусова Т.А., 2013).

Авторы, исследующие способы разрешения конфликтов в страховании (Дюжиков С.А., Нор-Аревян О.А., 2019; Степанова М.Н., 2016), выделяют медиацию в качестве эффективного способа достижения согласия между участниками страховых правоотношений. Недостаточная информированность о медиации как альтернативном способе разрешения конфликтов во многих сферах жизни и деятельности, ее преимуществах перед судебным производством приводят к обращению сторон в суд, хотя одной из причин возникновения споров между потребителями страховых услуг и страховыми организациями является, на наш взгляд, недостаточно полное выявление истинных потребностей и желаний потенциального клиента еще до заключения договора страхования.

От профессионализма финансового консультанта зависят удовлетворенность клиента услугами страховой компании и перспективы отношений между ними. Поэтому необходимо обучение финансовых консультантов страховых компаний не только техникам эффективных продаж, но и техникам, помогающим установить и сохранить отношения «страхователь–страховщик» на длительную перспективу. Навыки медиатора – например, активное слушание и «петля понимания» (Шамликашвили Ц.А., 2013), могут успешно применяться финансовыми консультантами при взаимодействии с действующими или потенциальными клиентами.

Преимущества медиации обусловлены ее принципами: добровольности, конфиденциальности, ответственности сторон за принятое решение, сотрудничества, а не состязательности, нейтральности медиатора, равноправия сторон. Поскольку в страховых отношениях взаимодействие сторон осуществляется длительное (более одного года) время, выявление в ходе

процедуры медиации подлинных интересов сторон конфликта и их понимание сторонами, поможет достижению ими консенсуса и обеспечит сохранение конструктивных отношений между ними на будущее. Обучение финансовых консультантов страховых компаний медиативным техникам будет способствовать повышению их профессионализма и улучшению качества взаимодействия с клиентами, повысит уровень доверия населения к институту страхования в целом.

Литература

1. Белоусова Т.А. Возможности использования института медиации в страховании // Страховые интересы современного общества и их обеспечение: Материалы XIV Международной научно-практической конференции. Саратов: Издательство Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, 2013. С. 261-265.
2. Дюжиков С.А., Нор-Аревян О.А. Страховой омбудсмен как механизм урегулирования конфликтов в сфере страховых правоотношений // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. No 12 (115).
3. Степанова М.Н. Развитие системы досудебного урегулирования страховых споров // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26, No 4. С. 622-628.
4. Шамликашвили Ц.А. Основы медиации как процедуры урегулирования споров. Учебное пособие. М.: МЦУПК, 2013. 128 с.

К вопросу о правовом регулировании профессиональной деятельности медиатора (на примере анализа законопроекта)

Путалова И.Б.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого – педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Внесенный Правительством РФ проект Федерального закона «Об урегулировании споров с участием посредника (медиации) в Российской Федерации» (далее – законопроект) своими целями определил создание правовых условий для применения в РФ процедуры медиации, формирование этики делового оборота и гармонизацию социальных отношений. Что касается формирования этики делового оборота, то, видимо, для достижения указанной цели авторы законопроекта посчитали необходимым существенно изменить действующие нормативные требования к статусу медиатора. Целью представленного материала не является сравнительный анализ ныне действующего закона и обсуждаемого законопроекта, но вынесенные на обсуждение новации вызывают больше вопросов, чем проясняют и без того довольно невнятное нормативно – правовое регулирование деятельности медиатора.

Законопроект определяет **медиатора** как незаинтересованное физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредника в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора, соответствующее требованиям, установленным законом (п.3 ст.2 законопроекта).

Кроме медиатора, авторы законопроекта упоминают о **судебном примирителе** с отсылочной нормой на процессуальное законодательство и о **медиаторе, осуществляющем деятельность в образовательных организациях** в соответствии с требованиями, установленными федеральным органом исполнительной власти в сфере образования. Те есть по логике авторов это три самостоятельных субъекта, осуществляющих деятельность медиатора (ч. 2 ст.10 законопроекта). Но конкретные требования определены только для медиатора.

К ним относятся:

- достижение 30 - летнего возраста;
- наличие высшего образования исключительно в области юриспруденции, психологии и педагогики;
- наличие подготовки, соответствующей требованиям стандартов и программам подготовки медиаторов;
- стаж работы по специальности не менее 5 лет;
- стажировка в течение одного года;
- внесение медиатора в федеральный реестр медиаторов.

Перечисленные требования – это определенно новация, которая соответствует определенной логике, но что вызывает сомнение, так это прописанный в части 2 статьи 5 состав Государственной квалификационной комиссии, а именно отсутствие в этом составе представителей медиативного сообщества. Даже если брать за аналогию Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, то в соответствии с этим нормативно – правовым актом в составе квалификационной комиссии предусмотрены представители научного сообщества и действующие нотариусы.

Бурную дискуссию вызвал прямой запрет на осуществление деятельности медиатора лицам, имеющим действующий статус адвоката и полномочия нотариуса. Вполне понятно стремление авторов законопроекта исключить конфликт интересов, но эта проблема решаема. Ничто не мешает принять правила о том, что нотариус не имеет право удостоверить медиативное соглашение, при принятии которого он в качестве медиатора проводил процедуру медиации. Также как и адвокат не может участвовать в судебном процессе представителем той стороны, которая участвовала в процедуре медиации, которую он же проводил как медиатор. На взгляд автора, сложность в другом. Насколько психологически адвокат – медиатор способен «выключить» адвоката в процедуре медиации и «включить» медиатора в судебном процессе. Но это тема отдельного исследования.

Огорчает, что обсуждаемый законопроект не предусматривает возможность создания саморегулируемых организаций медиаторов, поскольку функции разработки и установления стандартов и правил профессиональной деятельности

медиаторов, а также порядка осуществления контроля за соблюдением требований указанных стандартов и правил медиаторами в случае принятия нового закона будут переданы соответствующему уполномоченному органу, т.е. государству. «Медиация становится государственной». Насколько это эффективно и целесообразно, время покажет.

Литература

1. Проект Федерального закона Российской Федерации «Об урегулировании споров с участием посредника (медиатора) в Российской Федерации». [Электронный ресурс]//Сайт адвокатской палаты города Москвы https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/3a9/Zakon_o_mediatsii_ot_MinYUsta.pdf (дата обращения: 15.10.2020 г.)

Медиация как социально значимая практика

Трубицына И.Н.

ГОБУ г. Липецка «Центр развития семейных форм устройства, социализации детей, оставшихся без попечения родителей, и профилактики социального сиротства «Семья»
(территориальное отделение г. Ельца)
(г. Елец, Россия)

В последние годы одним из эффективных способов урегулирования конфликтов в разных сферах человеческих взаимоотношений является медиация. Это своеобразная школа общения, которая позволяет ребёнку, взрослому в будущем решать конфликты мирным путем, развиваться в той сфере, которая ему интересна.

В моем понимании медиация начитается со школьных служб примирения. Школьная медиация – это новый подход к разрешению и предотвращению спорных и конфликтных ситуаций на всех уровнях системы российского образования. И от того, как будет организован процесс понимания конфликтов на всех этапах взросления ребенка, зависит и то, с каким багажом выйдет он во взрослую жизнь. В подобном познании и изучении на равных с ним принимают участие и взрослые: преподаватели, психологи, родители.

Однако мой прошлый опыт показал, что для решения конфликта участие в примирительных процедурах было необычным и непривычным. Проблема заключалась в том, что для населения понимание, что такое медиация была новым, несмотря на то, что велась большая информационно-разъяснительная работа в образовательных учреждениях города г. Ельца и Елецкого района. И до тех пор, пока практика не будет показывать социальную значимость в проведении медиации, в ней будут сомневаться. Поэтому я стала активно сотрудничать с образовательными учреждениями города, района, с КДНиЗП, с Елецким городским и Елецким районным судами. Совместно с судьями по уголовным и гражданским делам мы проводили

родительские собрания, лекции, игры, тренинги, конкурсы рисунков и сочинений.

Конечно, мы сможем научить детей конструктивному взаимодействию, адекватным способам решения конфликтных ситуаций. Но как быть с взрослыми? Семья является одним из важных и значимых факторов, который влияет на развитие, воспитание, социализацию ребенка, учит внешнему эффективному взаимодействию в социуме. Однако это бывает далеко не так.

Рассматривая семейные споры по порядку общения, места жительства, я поняла, что разрешение подобных конфликтов может быть болезненным и длительным, т.к. сторонами по делу являются в прошлом близкие друг другу люди. И сам процесс проведения медиации позволяет участникам конфликта понять истинные переживания, помочь пережить накопленные эмоции, осознать их и посмотреть на конфликтную ситуацию с другой стороны.

Преимущества применения медиации в уголовном процессе в отношении несовершеннолетних заключается в том, что несовершеннолетние правонарушители получают реальную возможность избежать суда, но при этом осознать все последствия своего противоправного поступка и загладить причиненный вред, а потерпевший загладить вред.

В заключении хотелось бы отметить, что переговоры как средство урегулирования конфликтов становятся все более востребованы. Медиативный подход ориентирован на получение сторонами опыта успешного совместного нахождения решения актуальных проблем здесь и сейчас, который стороны смогут применять в дальнейшем.

Литература

1. Журнал «Медиация и право. Посредничество и примирение». М.: Изд-во ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2006-2014. – URL: <https://www.mediationandlaw.ru/> (дата обращения: 14.09.2020).
2. Загайнова С.К., Тарасов Н.Н. Медиация в практике нотариуса М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 22–23.
3. Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. М., 2011. 220 с.
4. Пель М. Приглашение к медиации: Практическое руководство о том, как эффективно предложить разрешение конфликта посредством медиации. М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования. 2009. 400 с.

Применение медиации при разрешении конфликтов в торговой компании

Шаховец Е.М.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)
Научный руководитель – О.П.Вечерина

Сфера торговли – важный элемент социально-экономической системы общества, в которой работают миллионы людей и вовлечены как потребители все члены общества. Вместе с тем, типология конфликтов и предпочтительных, наименее травматичных для потребителей и сотрудников торговых организаций, способов их разрешения в нашей стране недостаточно изучены (Никонова М.А. 2014; Левина А.В. 2016; Стрельникова Т.Ю., 2019).

В межличностных отношениях в коллективах ввиду постоянного контактирования со множеством людей, избежать противоречий, противостояний практически невозможно. Убеждение, что любой конфликт, возникший в организации, требует скорейшего разрешения для избегания негативного влияния, изменилось, стала превалировать точка зрения, что некоторые виды конфликтов полезны для организации (Стрельникова Т. Ю., 2019).

Конфликту как взаимодействию, протекающему в форме столкновения интересов сторон, при котором хотя бы одна сторона воспринимает действия другой как угрозу ее интересам, предшествует некая конфликтная ситуация, которая может сложиться объективно, а может быть спровоцирована одной из сторон. На завершение конфликта оказывают влияние разные факторы: цели конфликтующих сторон, средства их достижения, роль третьей стороны. Часто конфликты в сфере обслуживания рассматривают как социально-коммуникационную проблему (Левина А.В., 2016).

Для правильного разрешения конфликтов руководителям торговой компании представляется перспективным использование медиации – альтернативного способа разрешения спора, в рамках которого стороны добровольно и совместно вырабатывают взаимоприемлемое и жизнеспособное решение. Медиация и медиатор могут помочь сотрудникам компании понять, что лежит в основе конфликта и как можно с этим справиться.

Работа медиатора как нейтрального посредника состоит в том, чтобы помочь сторонам разговаривать друг с другом, дать, насколько возможно, чувство спокойствия, психологической безопасности, чтобы стороны осознали свои глубинные интересы и не боялись их выразить и отстаивать, обеспечивая равные возможности для сторон в высказывании своей точки зрения, позиции, каких-либо пожеланий (Шамликашвили Ц.А., 2013).

Таким образом, благодаря внедрению медиации торговая компания может получить в свое распоряжение эффективные механизмы, снижающие риск негативно воздействия конфликтов на компанию в целом. При использовании медиации повышается вероятность достижения договоренностей и успешного взаимодействия различных групп стейкхолдеров.

Быстрое изменение социальных реалий общества требует от руководителей, сотрудников компаний осознания, что такое конфликт, причин его появления, последствий для компании, основных общепринятых правил поведения в любой конфликтной ситуации, и необходимости овладения знаниями и навыками для успешного разрешения конфликта.

Литература

1. Левина А.В. Конфликт в сфере обслуживания как социально-коммуникационная проблема // Экономика и управление в XXI веке: наука и практика. 2016. № 3. С. 214–217.
2. Никонорова М.А. Организационные конфликты в современном обществе: особенности проявления в больших торговых организациях // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2014. № 3. С. 67–72.
3. Стрельникова Т. Ю. Межличностные конфликты в организации: сущность и причины // Молодой ученый. 2019. № 4 (242). С. 173-174.
4. Шамликашвили Ц. Основы медиации как процедуры урегулирования споров. Учебное пособие. М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования». 2013. 128 с.

СПИСОК АВТОРОВ

Абрамова Аида Алексеевна, старший научный сотрудник ФГБНУ «Научный Центр Психического Здоровья», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Агафонов Михаил Сергеевич, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Адмакина Татьяна Анатольевна, доцент НОУ ВО «Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов», кандидат психологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Алехин Анатолий Николаевич, заведующий кафедрой клинической психологии и психологической помощи ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», доктор медицинских наук, профессор

Алигаева Нигар Назимовна, аспирант ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского» (г. Калуга, Россия)

Алимова Динара Хайдаровна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Андреанов Михаил Семенович, ведущий научный сотрудник отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Андреанова Светлана Борисовна, медицинский психолог ГБУЗ «Психоневрологический диспансер №21» (ПКБ №1 им. Н.А. Алексеева ДЗМ) (г. Москва, Россия)

Аруин Сергей Евгеньевич, магистр психолого-педагогического образования (МГППУ, Факультет юридической психологии), директор Akzeptanz, Vertrauen, Perspektive – AVR e.V. (г. Дюссельдорф, Германия)

Атаджыкова Юлия Акмурадовна, младший научный сотрудник ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

Бадмаева Валентина Дорджиевна, руководитель отдела социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних, ФГБУ "НМИЦ ПН им. В.П. Сербского" МЗ РФ, доктор медицинских наук (г. Москва, Россия)

Байтимирова Анна Александровна, психолог, выпускница ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Баранская Людмила Тимофеевна, профессор кафедры психиатрии, психотерапии и наркологии ФГБОУ ВО "Уральский государственный медицинский университет", доктор психологических наук, доцент (г. Екатеринбург, Россия)

Батыршина Маргарита Артуровна, главный эксперт ГБУ г. Москвы "Московский Исследовательский Центр" (г. Москва, Россия)

Белодед Диана Роналдовна, аспирант ФГБОУ ВО КГУ им. К.Э. Циолковского" (г. Калуга, Россия)

Белякова Мария Юрьевна, научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Бизюкова Елизавета Сергеевна, студентка ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Беленко Светлана Сергеевна, аспирант ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет», (г. Сочи, Россия), психолог отдела полиции по Центральному району УВД по г. Сочи. (г. Сочи, Россия)

Блинова Дарья Николаевна, главный эксперт ГБУ г. Москвы "Московский Исследовательский Центр" (г. Москва, Россия)

Богданович Наталья Викторовна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Бойкина Екатерина Эдуардовна, аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Бойко Ольга Михайловна, научный сотрудник ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

Борисова Светлана Евгеньевна, доцент ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова», кандидат психологических наук (г. Орёл, Россия)

Бородина Любовь Георгиевна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат медицинских наук, доцент (г. Москва, Россия)

Бочкова Маргарита Николаевна, магистр психологии (г. Москва, Россия)

Бригадиренко Наталья Владимировна, руководитель ресурсного центра «Одаренные дети», ассоциированный член общественной академии Акмеологических наук, педагог-психолог, (г. Энгельс, Россия)

Булыгина Вера Геннадьевна, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», руководитель Лаборатории психогигиены и психопрофилактики ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Бусарова Ольга Ренатовна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Вакуленко Анжелика Андреевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Валевич Алёна Алексеевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Валицкас Гинтаутас, заведующий кафедрой психологии Вильнюсского государственного университета, PhD, профессор (г. Вильнюс, Литва)

Ванагайте Кристина Петровна, доцент кафедры юридической и когнитивной психологии Вильнюсского государственного университета, доктор психологических наук (г. Вильнюс, Литва)

Васильченко Алеся Сергеевна, младший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Васкэ Екатерина Викторовна, профессор кафедры уголовного права и процесса ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», (г. Нижний Новгород, Россия), главный эксперт ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр», руководитель Центра юридической психологии (г. Москва, Россия), доктор психологических наук, доцент

Вахнина Виктория Владимировна, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор психологических наук (г. Москва, Россия)

Верёвкина Елена Вячеславовна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Вечерина Ольга Павловна, доцент кафедры медиации в социальной сфере факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат исторических наук (г. Москва, Россия)

Велигодская Карина Денисовна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Виноградова Екатерина Павловна, доцент кафедры Высшей нервной деятельности ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кандидат биологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Власова Наталия Викторовна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Волохова Людмила Анатольевна, руководитель группы - ведущий государственный судебный эксперт лаборатории судебной психологической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (г. Москва, Россия)

Воронин Данил Александрович, студент Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации» (г. Иркутск, Россия)

Воронина Виктория Геннадьевна, исполнительный директор ЧУ "Ковалевский центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей" (с. Ковалево, Костромская обл., Россия)

Воронова Юлия Владимировна, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат психологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Воронцова Оксана Юрьевна, научный сотрудник ФГБНУ «Научный Центр Психического Здоровья», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Ганузин Валерий Михайлович, доцент Ярославского государственного медицинского университета, кандидат медицинских наук, доцент (г. Ярославль,

Россия).

Гартвик Елена Владимировна, управление судебного департамента в г. Санкт-Петербурге, судья в отставке (г. Санкт-Петербург, Россия)

Гареева Ирина Анатольевна, профессор кафедры социальной работы и психологии, Тихоокеанский государственный университет, доктор социологических наук, доцент (г. Хабаровск, Россия)

Гельман Натан (Natan Gelman), исполнительный директор НКО Ламерхав (Lamerhav), ответственный за профессиональную подготовку и развитие персонала, руководитель программы подготовки менторов для работы с молодежью в зоне риска (Академический центр им. А. Рупина), супервизор (Тель-Авив, Израиль)

Гладышева Валерия Андреевна, психолог ГБУ ВО "Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей" (г. Воронеж, Россия)

Голованова Екатерина Евгеньевна, студентка ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», (г. Москва, Россия)

Графский Владимир Павлович, медиатор, руководитель окружной службы медиации ЦАО г. Москвы, ГБУ ЦПСИД «Красносельский» (г. Москва, Россия)

Гребень Наталия Федоровна, научный сотрудник ГУ «Республиканский научно-практический центр психического здоровья» (г. Минск, Республика Беларусь)

Григорова Зинаида Николаевна, доцент кафедры общей и прикладной психологии ФГБОУ ВО "Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет, кандидат социологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Григорьева Инесса Викторовна, ведущий научный сотрудник ГУ «Республиканский научно-практический центр психического здоровья», кандидат медицинских наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь)

Гриненко Ульяна Богдановна, аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Гурина Оксана Дмитриевна, главный эксперт ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» (г. Москва, Россия)

Дворянчиков Николай Викторович, декан факультета юридической психологии, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Дебольский Михаил Георгиевич, ведущий научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний», профессор кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Делибалт Варвара Васильевна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Дёмина Марина Леонидовна, преподаватель Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Иркутск, Россия)

Добрякова Анна Романовна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Дозорцева Елена Георгиевна, профессор кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», заведующая лабораторией психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Дрыкина Людмила Леонидовна, врач-психиатр ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница №1 им. Н.А. Алексеева» Департамента здравоохранения Москвы (г. Москва, Россия)

Дубинский Александр Александрович, научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Егоркина Оксана Владимировна, заведующая ОДСР, ГКУСО МО «Электростальский СРЦН «Доверие» (г. Электросталь, Московская область, Россия)

Егорова Татьяна Игоревна, докторант Академии ФСИН России, кандидат психологических наук, (г. Рязань, Россия)

Емелин Глеб Дмитриевич, студент факультета психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» (г. Москва, Россия)

Ениколопов Сергей Николаевич, заведующий отделом медицинской психологии ФГБНУ «Научный Центр Психического Здоровья», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Ефремов Александр Георгиевич, старший научный сотрудник отдела медицинской психологии ФГБНУ «Научный Центр Психического Здоровья», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Евстафеева Евгения Александровна, доцент ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», кандидат психологических наук (г. Челябинск, Россия)

Жукова Наталия Владимировна, магистр психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Заболотная Ирина Викторовна, психолог ГКУСО МО «Электростальский СРЦН «Доверие» (г. Электросталь, Московская область, Россия)

Загайнов Александр Александрович, руководитель центра информационной безопасности детей ОГБОУ "Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи "Развитие" (г. Ульяновск, Россия)

Иванова Елена Николаевна, научный консультант МБУ ДПО УМЦ г. Реутов, кандидат психологических наук (г. Реутов, Россия)

Иванова Ирина Валерьевна, педагог-психолог, юрисконсульт ГКУ «Тверской областной центр ППМС-помощи», кандидат психологических наук (г. Тверь, Россия)

Ильина Валентина Анатольевна, доцент кафедры организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», кандидат психологических наук, доцент, юрист 1 класса (г. Иркутск, Россия)

Кадочникова Ирина Владимировна, начальник психологической лаборатории ФКУ «Исправительная колония № 1 ГУФСИН России по Челябинской области» (г. Копейск, Россия)

Казьмина Ольга Юрьевна, ведущий научный сотрудник отдела медицинской психологии ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Калашникова Анна Сергеевна, доцент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», старший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Киселев Константин Анатольевич, инженер лаборатории юридической психологии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Кирюхина Дарья Валерьевна, аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», (г. Москва, Россия)

Клейберг Юрий Александрович, президент Международной Ассоциации девиантологов, АНО "Академия национального образования и науки", Международной академии ювенологии, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Клейменова Ольга Николаевна, дефектолог ГКУСО МО «Электростальский СРЦН «Доверие» (г. Электросталь, Московская область, Россия)

Климова Марина Олеговна, кандидат психологических наук (г. Челябинск, Россия)

Колесова Алиса Юрьевна, клинический психолог, судебный эксперт (г. Москва, Россия)

Коноплева Инга Николаевна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Коркина Екатерина Александровна, студентка Новокузнецкого института (филиала) ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк, Россия)

Корнилова Татьяна Владимировна, старший научный сотрудник ВИПЭ ФСИН России (г. Вологда, Россия)

Корчагин Никита Юрьевич, аспирант ГБОУ ВО МО «Московский государственный областной университет» (г. Москва, Россия)

Косыгина Светлана Викторовна, преподаватель ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя» (г. Москва, Россия)

Кошелева Мария Сергеевна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Кравченко Александр Владимирович, старший научный сотрудник Московского университета МВД России имени В.Я.Кикотя (г. Москва, Россия)

Кралько Алексей Аркадьевич, заведующий Республиканским центром

наркологического мониторинга и превентологии, кандидат медицинских наук
(г. Минск, Республика Беларусь)

Красник Вадим Семенович, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

Кроз Михаил Владимирович, ведущий научный сотрудник ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Кружилин Виталий Витальевич, студент Новокузнецкого института (филиала) ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк, Россия)

Кузнецов Александр Юрьевич, генеральный директор Центра информационно-психологической безопасности ООО «Ресурсные технологии», ассоциированный член Психологического института Российской академии образования (г. Москва, Россия)

Кузнецова Светлана Олеговна, старший научный сотрудник ФГБНУ «Научный Центр Психического Здоровья», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Куныкина Кристина Геннадьевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Кулькова Жанна Геннадьевна, методист МБУ ДПО «Центр развития образования» (г. Челябинск, Россия)

Кулинченко Алина Владимировна, адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)

Курдюкова Виктория Юрьевна, адъюнкт кафедры юридической психологии ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России», кандидат медицинских наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Ламыкина Софья Олеговна, студентка ФГКО ВО "Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации" (г. Санкт-Петербург, Россия)

Левин Леонид Маркович, аспирант ГБОУ ВО МО «Московский государственный областной университет» (г. Москва, Россия)

Литвиненко Ольга Андреевна, медицинский психолог СПб ГКУЗ «Городская психиатрическая больница №6» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Логина Ирина Олеговна, заведующая кафедрой психологии и педагогики с курсом медицинской психологии, психотерапии и педагогики последипломного образования,

декан факультета клинической психологии Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения и социального развития РФ, доктор психологических наук, доцент (г. Красноярск, Россия)

Луковцева Зоя Вячеславовна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Лунина Анастасия Сергеевна, психолог ФКУ «Исправительная колония» №11 ГУФСИН России по Челябинской области» (г. Копейск, Россия)

Лучшева Людмила Михайловна, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин ВИ (ИТ) ВА МТО, кандидат психологических наук, (г. Санкт-Петербург, Россия)

Макаревская Юлия Эдуардовна, доцент ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Сочи, Россия)

Макаренко Ирина Александровна, руководитель "Экспертного бюро судебной психофизиологии и поведенческого анализа", кандидат психологических наук (г. Калуга, Россия)

Макаров Сергей Юрьевич, доцент кафедры адвокатуры Университета им. О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Макеев Михаил Константинович, врач отделения хирургической стоматологии ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова» Минздрава Росси, кандидат медицинских наук (г. Москва, Россия)

Малашина Анна Сергеевна, специалист АНО «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды» (г. Москва, Россия)

Маликова Надежда Борисовна, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Мариновская Ирина Давидовна, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук (г. Москва, Россия)

Мартынова Анна Олеговна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Марьин Михаил Иванович, профессор ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Маскова Галина Станиславовна, доцент Ярославского государственного медицинского университета, кандидат медицинских наук (г. Ярославль, Россия).

Медведева Анна Сергеевна, старший государственный судебный эксперт, Федеральное бюджетное учреждение Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Медведева Татьяна Игоревна, младший научный сотрудник ФГБНУ «Научный Центр Психического Здоровья», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Мельник Мария Романовна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Мельникова Дарья Вячеславовна, специалист по УМР, аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Мешикова Наталья Владимировна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Микуличюте Вита, кафедра юридической и когнитивной психологии, Вильнюсский университет, Институт психологии, PhD (г. Вильнюс, Литва)

Михайлова Екатерина Олеговна, старший преподаватель кафедры "Государственное управление и социальные технологии ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (НИУ)» (г. Москва, Россия)

Москвитина Мария Михайловна, научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний», (г. Москва, Россия)

Мординова Дарья Владимировна, психолог, выпускница ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», (г. Москва, Россия)

Морозова Марина Валентиновна, старший научный сотрудник, заведующая Отделением психологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский

центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Мочалова Алина Витальевна, курсант ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя» (г. Москва, Россия)

Мусатова Оксана Алексеевна, доцент ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Мынкина Виктория Сергеевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Насонова Дина Викторовна, заместитель руководителя ГБУ Воронежской области «Центр психолого–педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж, Россия)

Наумова Светлана Геннадьевна, Академия управления МВД России (г. Москва, Россия)

Нечесова Светлана Валерьевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Никольская Ирина Сергеевна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», (г. Москва, Россия)

Никулова Екатерина Александровна, доцент Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Новенко Елена Владимировна, психолог ГКУСО МО «Электростальский социально-реабилитационный центр «Доверие» (г. Электросталь, Россия)

Нуцкова Елена Владимировна, научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Орлова Ксения Сергеевна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Ошевский Дмитрий Станиславович, старший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Панова Тина Борисовна, медицинский психолог ГБУЗ «Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков имени Г.Е. Сухаревой» Департамента здравоохранения Москвы» (г. Москва, Россия)

Пантелеева Анастасия Олеговна, студентка ФГКО ВО "Санкт-Петербургская академия Следственного комитета РФ" (г. Санкт-Петербург, Россия)

Пантелеева Вероника Сергеевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Парфёнова Полина Андреевна, студентка МГЮА им. О.Е. Кутафина (г. Москва, Россия)

Петрова Анастасия Игоревна, медицинский психолог КГБУЗ «Краевая клиническая больница № 2» Министерства здравоохранения Хабаровского края, (г. Хабаровск, Россия)

Пешкова Наталия Владимировна, руководитель отдела МБУ ДПО УМЦ г.Реутов, кандидат психологических наук (г. Балашиха, Россия)

Пимонов Владимир Александрович, доцент кафедры юридической психологии и права, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат юридических наук (г. Москва, Россия)

Полина Татьяна Владимировна, студентка Новокузнецкого института (филиала) ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк, Россия)

Политик Ирина Васильевна, психолог ГКУСО МО «Электростальский СРЦН «Доверие» (г. Электросталь, Московская область, Россия)

Поздняков Вячеслав Михайлович, заместитель декана факультета экстремальной психологии по научной работе, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Познякова Светлана Николаевна, логопед ГКУСО МО «Электростальский СРЦН «Доверие» (г. Электросталь, Московская область, Россия)

Попова Татьяна Витальевна, профессор кафедры иностранных языков Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», доктор филологических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)

Проничева Мария Михайловна, младший научный сотрудник, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, (г. Москва, Россия)

Прутова Надежда Григорьевна, специалист по реабилитационной работе, ГКУСО МО «Электростальский СРЦН «Доверие» (г. Электросталь, Московская область, Россия)

Пуговкина Дарья Алексеевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Путалова Ирина Борисовна, доцент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат педагогических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Рапинова Наталья Александровна, ведущий научный сотрудник отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Репникова Карина Сергеевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Рется Станислава Эрновна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Рижэ Эвелина, социотерапевт, координатор проекта "Schule tu go", Клиника социальной психиатрии и психотерапии для детей, подростков и семей (г. Дюссельдорф, Германия)

Розанова Валерия Александровна, психолог, выпускница ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Романова Наталья Михайловна, доцент кафедры общей и социальной психологии, заведующая лабораторией юридической психологии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», кандидат социологических наук, доцент (г. Саратов, Россия)

Рудакова Елена Николаевна, ведущий научный сотрудник НОЦ «Правовые исследования» ФГАОУ ВО «Российского университета дружбы народов»; профессор кафедры гуманитарных, социальных, экономических и информационно-правовых дисциплин АННИО «МИИГУ имени П.А. Столыпина», доктор политических наук, кандидат педагогических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Рядинская Евгения Николаевна, докторант ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», кандидат психологических наук (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Савина Ольга Феликсовна, ведущий научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Сафуанов Фарит Суфиянович, заведующий лабораторией психологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Свободный Борис Феликсович, студент Алтайского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Барнаул, Россия)

Свободный Феликс Константинович, доцент кафедры управления следственными органами ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Семенов Владимир Николаевич, начальник управления судебно-психологических экспертиз главного управления судебно-психиатрических экспертиз центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз, кандидат психологических наук (г. Минск, Республика Беларусь)

Сечко Александр Владимирович, доцент факультета экстремальной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Симакова Татьяна Александровна, ведущий научный сотрудник ФКОУ ВО «Академия права и управления» (Академия ФСИН России), кандидат психологических наук, доцент (г. Рязань, Россия)

Синани Никита Петрович, психолог, выпускник ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», (г. Москва, Россия)

Смирнова Марина Владимировна, доцент ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Соболева Ольга Евгеньевна, педагог-психолог, Казенное специальное учебно-воспитательное учреждение Воронежской области «Аннинская специальная общеобразовательная школа», (п.г.т. Анна Воронежской области, Россия)

Соколова Ольга, руководитель Клиники Sozialpsychiatrische Praxis für

Kinder, Jugendliche und Familie, психотерапевт (Dr.med.Olga Sokolova, Sozialpsychiatrische Praxis für Kinder, Jugendliche und Familie), (г. Дюссельдорф, Германия)

Сорокина Елена Сергеевна, студентка ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», (г. Москва, Россия)

Сочивко Дмитрий Владиславович, профессор ФКОУ ВО «Академия права и управления» (Академия ФСИН России), доктор психологических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Степанова Марина Александровна, психолог ГБУ ВО "Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей" (г. Воронеж, Россия)

Сухотин Александр Александрович, директор Академии стратегических инициатив (г. Москва, Россия)

Сыроквашина Ксения Валерьевна, старший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Терехина Светлана Алексеевна, старший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Тимошенко Серафима Олеговна, студентка ФГКО ВО "Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации" (г. Санкт-Петербург, Россия)

Титова (Итяйкина) Юлия Александровна, ведущий специалист отдела специальных проектов и мероприятий АНО ТРК "Гора Белая", член Общественной палаты Свердловской области, общественный помощник Уполномоченного по правам ребенка в Свердловской области (г. Екатеринбург, Россия)

Токарева Анна Алексеевна, заведующая отделом ГБУ ВО "Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей" (г. Воронеж, Россия)

Токарева Ольга Павловна, педагог - организатор КСУВУ Воронежской области «Аннинская специальная общеобразовательная школа», (п.г.т. Анна Воронежской области, Россия)

Толстоноженко Татьяна Юрьевна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Торопов Дмитрий Иванович, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Трофимова Ирина Николаевна, адъюнкт-профессор (приглашенный профессор) при факультете психиатрии в МакМастерском университете, кандидат психологических наук (г. Гамильтон, Канада)

Трубицина Ирина Николаевна, педагог-психолог Государственного (областного) бюджетного учреждения «Центр развития семейных форм устройства, социализации детей, оставшихся без попечения родителей, и профилактики социального сиротства «Семья» г. Липецка, (г. Липецк, Россия).

Туманова Екатерина Павловна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Туркулец Светлана Евгеньевна, профессор кафедры «Уголовно-правовые дисциплины», Дальневосточный государственный университет путей сообщения, доктор философских наук, доцент (г. Хабаровск, Россия)

Ульянина Ольга Александровна, руководитель Федерального ресурсного центра психологической службы в системе образования Российской академии образования, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Устинов Дмитрий Вячеславович, заместитель начальника Отдела по делам несовершеннолетних МВД ДНР; аспирант кафедры психологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (г. Донецк, ДНР)

Ушков Федор Игоревич, старший преподаватель кафедры экстремальной психологии факультета психологии МГУ, (г. Москва, Россия)

Федоров Андрей Анатольевич, юрист ООО «Квалифицированная юридическая помощь» (г. Чита, Россия)

Федорова Елена Прокопьевна, доцент ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Федонкина Анастасия Александровна, научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Филимонова Анастасия Александровна, студентка МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Филимонова Полина Михайловна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Хвалева Анна Андреевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Хилтунен Ольга (Hiltunen Olga), инспектор по медиации, Хельсинкское конфликтное бюро (г. Хельсинки, Финляндия)

Храмцова Ольга Викторовна, медицинский психолог КГБУЗ «Краевая клиническая психиатрическая больница" Министерства здравоохранения Хабаровского края» (г. Хабаровск, Россия)

Цух Екатерина Алексеевна, медицинский психолог ГБУЗ «Психоневрологический диспансер №21» (ПКБ №1 им. Н.А. Алексеева ДЗМ) (г. Москва, Россия)

Чеботарёв Иван Васильевич, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Чернушевич Владимир Анатольевич, заведующий учебно-производственной лабораторией факультета юридической психологии, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Чиркина Римма Вячеславовна, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Чунихина Ксения, психолог, Вильнюсский государственный университет, Институт психологии, PhD (г. Вильнюс, Литва)

Шаповал Валентин Анатольевич, профессор кафедры юридической психологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России», кандидат медицинских наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Шарафутдинова Наталья Владимировна, доцент ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Шаховец Екатерина Михайловна, медиатор, магистрант факультета Юридической психологии ФГБОУ ВО МГППУ, (г. Москва, Россия)

Шипицын Дмитрий Юрьевич, психолог Агентства социологических исследований "Столица", выпускник ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Шипшин Сергей Сергеевич, заведующий отделом судебных психологических экспертиз ФБУ Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, кандидат психологических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Шпагина Елена Михайловна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Шульга Татьяна Ивановна, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии, Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»), доктор психологических наук, профессор, (г. Москва, Россия)

Шумилина Ирина Вячеславовна, адъюнкт Академия управления МВД России (г. Москва, Россия)

Щеглова Александра Алексеевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Ярошенко Елена Игоревна, старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Palma-Duran José Abdón, Ph D student, University of Alicante (Alicante, Spain)

Ruiz-Callado R., University of Alicante (Alicante, Spain)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИВЕТСТВИЕ ОРГКОМИТЕТА.....	3
КРИМИНАЛЬНАЯ И СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГИЯ	4
Алёхин А.Н., Литвиненко О.А. Этно-культуральные аспекты патопсихологического обследования.....	4
Андрианова С.Б. Исследование родительского отношения у матерей, находящихся под диспансерным наблюдением в связи с шизофренией	6
Андрианова С.Б., Цух Е.А., Дрыкина Л.Л. Материнство и отцовство лиц, страдающих психическим расстройством, в условиях пандемии	7
Атаджикова Ю.А., Ениколопов С.Н. Феномен обыденного садизма и антисоциальное поведение	9
Баранская Л.Т., Попова Т.В. Синдром патологического фантазирования у девочек 8-12 лет и его роль в возбуждении уголовных дел по сексуальным преступлениям ненасильственного характера	10
Белякова М.Ю. Особенности социальной перцепции больных шизофренией с различной выраженностью и структурой нарушений мышления, совершивших общественно опасные действия	12
Бойко О.М., Воронцова О.Ю., Ениколопов С.Н., Казьмина О.Ю., Логинова И.О., Медведева Т.Ю., Петрова А.И. Психологические факторы нарушения противоэпидемических мер в пандемию COVID-19	14
Бородина Л.Г. Проблема физической агрессии у взрослых с детским диагнозом аутистических расстройств	15
Бочкова М.Н. О связи эмоционального интеллекта и антисоциальной креативности у курсантов и кадетов	17
Гребень Н.Ф. Вина как личностное содержание пациентов с психическими расстройствами и противоправным поведением	19
Гриненко У.Б., Калашникова А.С. ИмPLICITное отношение к смерти у лиц с аутоагрессивным поведением	20
Добрякова А.Р. Особенности правосознания в юношеском возрасте.....	22
Евстафеева Е.А., Климова М.О. Особенности личностной беспомощности – самостоятельности у молодых мигрантов из стран ближнего зарубежья.....	23
Емелин Г.Д. К вопросу об актуальности проблемы агрессии на рабочем месте	25
Жукова Н.В., Виноградова Е.П., Трофимова И.Н., Макеев М.К. Геномика + психология: перспективы психодиагностики и судебной психолого- психиатрической экспертизы	26

Корчагин Н. Ю., Дворянчиков Н.В. Специфика криминальной активности в отношении несовершеннолетних в сети Интернет у лиц, страдающих психическими расстройствами	28
Кроз М.В., Ратинова Н.А. Криминально-психологическое исследование личности террориста	30
Кузнецова С.О., Ениколопов С.Н., Абрамова А.А., Ефремов А.Г. Психологические особенности суицидального поведения	31
Ламыкина С.О., Пантелеева А.О. Тенденции развития педофилии в современном информационном обществе	33
Луковцева З.В., Рется С.Э. Домашнее насилие и психические расстройства в подростковом возрасте	35
Макаревская Ю.Э., Беленко С.С. Психология жертвы: взаимосвязь тенденции к самообвинению и конформности личности	36
Мартынова А.О., Дворянчиков Н.В. Возможности составления проспективного портрета в отношении «чистых» типов серийных сексуальных преступников	38
Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Бойко О.М., Воронцова О.Ю. Моральные решения, особенности мышления и копинги во время пандемии	40
Мешкова Н.В. О высоких и низких макиавеллистах в рамках исследования симптомокомплекса жертв мошенничества.....	42
Мынкина В.С., Коноплёва И.Н. Гендерные особенности виктимности к разным видам преступлений	43
Нечесова С.В. Этиология зависимого поведения серийных сексуальных убийц	45
Пантелеева В.С. Особенности совладания со стрессом и защитных механизмов личностей, склонных к созависимому поведению	47
Пуговкина Д.А. Агрессия и гендерная идентичность у лиц, практикующих БДСМ ...	48
Романова Н.М. Определение недостоверной информации: теория лакун.....	50
Савина О.Ф., Морозова М.В. К проблеме экспертного анализа суицидоопасного состояния у несовершеннолетних	51
Сафуанов Ф.С. Практика комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы: ключевые проблемы	53
Свободный Ф.К., Свободный Б.Ф. Выявление осведомленности лица о деталях преступления через анализ динамики кожно-гальванической реакции на неосознаваемые визуальные стимулы.....	54
Семенов В.Н. Возможности экспертной психологической оценки «беспомощного состояния» в иных категориях насильственных преступлений	56

Смирнова М. В., Голованова Е. Е., Сорокина Е.С. Диагностика риска суицида с помощью контент-анализа текстовых документов (на примере творчества М. Цветаевой).....	57
Сочивко Д.В. Экзистенциальная психодинамика исправления личности осужденного	59
Тимошенко С.О. Особенности допроса подозреваемого/обвиняемого, страдающего психическим расстройством	60
Устинов Д.В. Личностные предпосылки формирования преступного мотива безопасности у несовершеннолетних правонарушителей	62
Шипицын Д.Ю., Дворянчиков Н.В. Специфика полового самосознания и межличностного восприятия у лиц, осужденных без изоляции от общества за половые преступления	65
Шипшин С.С. Психологическая экспертиза свидетеля: о тенденциях в развитии	62
Щеглова А.А. Ценностные ориентации лиц экстремистской направленности, совершивших преступления ненависти	68
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА	70
Адмакина Т.А. Специфика эмоциональных переживаний детей в ситуации высоконфликтного развода родителей	70
Бизюкова Е.С. Становление представлений о сексуальных отношениях у подростков в аспекте судебно-психологической экспертизы	71
Богданович Н.В., Мельник М.Р. Связь совестливости как личностного проявления совести и уровней выраженности морального развития и нравственности у молодежи	73
Бойкина Е.Э., Воронина В.Г. Джокер – идеал отверженных?	74
Валевич А.А. Влияние народных игр на дезадаптивное поведение детей старшего дошкольного возраста	76
Ванагайте К., Валицкас Г., Чунихина К., Микуличюте В. Можно ли изменить знания о налогах детей 8-10 лет, применяя интервенцию?	78
Велигодская К.Д. Проблемы реализации внутришкольного учета в условиях действующего законодательства	79
Власова Н.В. Психологическое сопровождение младших школьников в период дистанционной формы обучения и самоизоляции	81
Гартвик Е.В. Особенности модели психического подростков с делинквентным поведением.....	82
Григорова З.Н. Психологический тренинг в практике сопровождения взросления подростков с противоправным поведением	84
Дёмина М. Л. К вопросу о критериях выявления признаков фантазирования	85

Дозорцева Е.Г. Агрессивное поведение подростков и сеть Интернет	87
Загайнов А.А. Кибербуллинг: негативные последствия и профилактика	88
Иванова И.В. Исследование представлений о своих правах воспитанников учреждений для детей-сирот	90
Кулькова Ж.Г. К вопросу об инструментарии судебно-психологической экспертизы детско-родительских отношений	92
Куныкина К.Г. Особенности проспективной памяти у подростков	93
Насонова Д.В. Мобильная антикризисная бригада: опыт, перспективы	95
Пешкова Н.В., Иванова Е.Н. Актуальные вопросы психологической диагностики кандидатов в замещающие родители	96
Репникова К.С. Социально-психологический тренинг как средство профилактики виктимности в старшем подростковом возрасте	98
Рудакова Е.Н. Некоторые аспекты профилактической работы с девиантным поведением подростков в рамках школы	99
Сухотин А.А. О необходимости учета интересов ребенка органами опеки и попечительства в брачно-семейных спорах о воспитании детей	101
Сыроквашина К.В. Судебно-психологическая оценка в рамках посмертных КСППЭ по делам о самоубийствах несовершеннолетних	102
Таран Ю.Ю. Результаты реализации краткосрочной программы наставничества для детей и молодежи (15-23 лет) в трудной жизненной ситуации	104
Торопов Д.И. Особенности использования различных технологий формирования правосознания в подростковом возрасте	105
Туманова Е.П. Опыт скалолазания как средство профилактики девиантного поведения	107
Ульянина О.А. Психологическая профилактика воздействия идеологии терроризма на обучающихся	108
Федонкина А.А., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Терехина С.А. Клинико-психологическая оценка и модели экспертных решений при ретардированном психическом развитии у несовершеннолетних обвиняемых	110
Федорова Е.П., Федоров А.А. Устойчивость жизненного мира подростка, переживающего трудности взросления: опыт построения психопрофилактической программы	111
Храмцова О. В. Ценностно-смысловые аспекты подросткового суицида	113
Чернушевич В.А. О предмете юридической психологии	115
Шарафутдинова Н.В. Актуальные вопросы в подготовке специалистов по проблемам девиантного поведения личности	116

Шульга Т.И. Жизненные планы подростков как фактор профилактики девиантного поведения	118
ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ	120
Агафонов М.С., Дебольский М.Г. Интернет-ресурсы как источник информации об имидже уголовно-исполнительной системы	120
Алигаева Н.Н. Инвалидность в тюрьме: современный взгляд на данную проблему ...	121
Ганузин В.М., Маскова Г.С. Подросток в неволе: ресоциализация и полипрофильная помощь по возвращению к нормальной жизни	123
Григорьева И.В., Кралько А.А., Гребень Н.Ф. Готовность лиц с алкогольной зависимостью и противоправным опытом к психокоррекционным вмешательствам	124
Григорьева И.В. Использование компетентностного подхода в процессе применения арт-терапии у лиц с зависимостью от алкоголя	126
Егорова Т.И. Вопросы специальной психологии и применение уголовного наказания	127
Кадочникова И.В., Красник В.С. Изучение особенностей волевого компонента контроля поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы	129
Корнилова Т.В. Современные зарубежные исследования жизнестойкости и особенности ее проявления у осужденных	131
Левин Л.М. Психологические аспекты профилактики киберпреступности	132
Лунина А.С., Красник В.С. Особенности контроля поведения сотрудников УИС, несущих службу в условиях изоляции	134
Маликова Н. Б. Причины и особенности совершения правонарушений несовершеннолетними осужденными в воспитательных колониях	136
Мельникова Д.В. Постановка проблемы исследования совладающего поведения осужденных мужского пола при пенитенциарном стрессе в ситуации условно-досрочного освобождения	137
Москвитина М.М., Панова Т.Б. Социально-демографическая характеристика беременных женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России	139
Орлова К.С. Особенности реализации психокоррекционных программ для женщин, отбывающих наказание	140
Парфёнова П. А. Культура насилия в местах лишения свободы	142
Сечко А.В. Психологические условия декриминализации (по материалам зарубежных исследований)	143

Соболева О.Е., Токарева О.П. Предпрофессиональная подготовка как один из способов подготовки воспитанников к ресоциализации	145
Титова Ю.А. Выстраивая вектор доверия: опыт работы Свердловской области по ресоциализации молодых людей, отбывающих наказание в ФКУ «Кировградская воспитательная колония» ГУ ФСИН России по Свердловской области	147
Толстоноженко Т.Ю. Психологическая готовность осуждённых женщин, имеющих детей на свободе, к материнской роли	148
Ушков Ф.И. Современные требования к подготовке специалистов-психологов для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации	149
Филимонова П.М. Состояние научно-методического обеспечения психокоррекционной работы с осужденными	151
Чеботарев И.В. Особенности членовредительства несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах	152
Ярошенко Е.И. Эмоциональная устойчивость сотрудников пенитенциарной системы	153
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	156
Андрианов М.С. Категориальное пространство образа правоохранительных органов в российском общественном мнении	156
Байтмирова А.А., Коноплева И.Н. Особенности правосознания подростков, поступающих в юридический вуз	157
Белодед Д.Р. Психологический анализ почерка как дополнительный диагностический метод в судебной психологической экспертизе	159
Борисова С.Е. Формирование положительного профессионального имиджа инспекторов Дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения в ситуациях коммуникативной провокации водителей-блогеров	161
Булыгина В.Г., Васильченко А.С., Проничева М.М., Дубинский А.А. Возрастная спецификация принятия решений у сотрудников правоохранительной системы	162
Васкэ Е.В. Психологическое сопровождение расследования: потребности и возможности в решении актуальных проблем	164
Вахнина В.В., Наумова С.Г. Особенности формирования благоприятного социально-психологического климата в межэтнических служебных коллективах ОВД (на примере МВД по Республике Саха (Якутия) и МВД по Республике Тыва)	166
Воронова Ю.В. Психологические основы применения ресурсного подхода в управлении следственной деятельностью	167

Колесова А.Ю. О необходимости разработки регламента проведения задержания и обыска в присутствии детей	169
Косыгина С.В., Мочалова А.В. Особенности влияния речевых высказываний на деятельность сотрудников полиции	171
Кравченко А.В., Кузнецов А.Ю. Раннее выявление признаков девиантного поведения у сотрудников ОВД методом нелокального психосемантического резонанса	172
Кулинченко А. В. Особенности самооценки воспитанников Суворовского военного училища МВД России	177
Лучшева Л. М., Кружилин В. В. Взаимосвязь склонности к риску со смысложизненными ориентациями студентов специальности «Психология служебной деятельности»	175
Лучшева Л. М., Коркина Е. А. Взаимосвязь эмпатии со склонностью к риску у студентов специальности «Психология служебной деятельности»	177
Макаренко И.А., Клейберг Ю.А. Использование полиграфа в судебно-экспертной практике: постановка проблемы	179
Мариновская И.Д., Мусатова О.А. Влияние социальных деструкций на преподавание дисциплин психологического цикла учащимся юридического профиля подготовки .	180
Марьин М.И. Актуальные проблемы психологии служебной деятельности в органах внутренних дел	182
Никулова Е.А. Формирование правового сознания подростков в онлайн-пространстве	183
Поздняков В.М. Проблемы в развитии современной юридической психологии как науки и области психопрактики.	185
Полина Т. В., Лучшева Л.М. Взаимосвязь тревожности с самооценкой у студентов специальности «Психология служебной деятельности»	188
Рядинская Е.Н. Анализ результатов апробации программы по формированию смысложизненных стратегий личности в условиях внутреннего конфликта и постконфликтный период	189
Сокольская М.В., Мусатова О.А., Туркулец С.Е., Гареева И.А. Профилактика стигматизации в современном обществе	191
Соловьева А.В. К вопросу о роли «стартовых условий» в формировании положительного индивидуального имиджа сотрудников полиции	192
Токарева А.А., Степанова М.А., Гладышева В.А. Типы реагирования родителей пострадавших несовершеннолетних на ситуацию сексуального насилия	194
Филимонова А.А., Ушков Ф.И. Различия в представлении социально-психологического портрета трудного подростка у студентов психологического и юридического профиля обучения	195

Хвалева А.А., Пимонов В.А. Возможности участия психолога в экспертизе проектов нормативно-правовых актов	197
Шаповал В.А., Курдюкова В.Ю. Психологический иммунитет как протектор психологической устойчивости сотрудников полиции к негативному информационно-психологическому воздействию	198
Шумилина И.В. Саморазвитие руководителя органов внутренних дел Российской Федерации в современных условиях	200
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И РИСКИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА	203
Алимова Д.Х. Особенности Я виртуального у пользователей социальной сети	203
Богданович Н.В., Делибалт В.В. К проблеме анализа онлайн-поведения пользователей в социальных сетях	204
Вакуленко А.А., Делибалт В.В. Особенности копинг-стратегий и эмоционального интеллекта в ситуации кибербуллинга	206
Воронин Д. А. Использование знаний психологии в профилактике и расследовании киберпреступлений	208
Гриненко У.Б., Малашина А.С. Цифровой профайлинг несовершеннолетних пользователей, вовлеченных в деструктивный контент (на примере социальной сети «ВКонтакте»)	209
Жукова Н.В. Взаимосвязь проблемного использования Интернета, индивидуально-типологических особенностей структуры темперамента у подростков	211
Ильина В. А. К вопросу о понятии «цифровое общество» в юридической психологии или проблема подмены понятий	213
Кирюхина Д.В. Подростки – участники кибербуллинга и их индивидуально-психологические характеристики	214
Медведева А.С. Факторы устойчивости несовершеннолетних к кибергруммингу	216
Мордвинова Д.В. Особенности морального сознания подростков с девиантным поведением в социальных сетях	217
Нуцкова Е.В. Психологические особенности девочек-жертв Интернет-грумминга	219
Пономарева Е.С. Проактивное копинг-поведение в Интернете	220
Розанова В.А., Бусарова О.Р. Связь Интернет-зависимости девочек-подростков с поведением отца и матери и отношением дочерей к ним	222
Романова Н.М., Ярошенко Е.И., Киселев К.А. Социально-психологическая проблема приобщения молодежи к криминальным субкультурам в социальных сетях	223
Симакова Т. А. О развитии родительской компетентности цифровой гигиены обучающихся	225

Шпагина Е.М., Синани Н.П. Кибербуллинг и стратегии поведения несовершеннолетних	227
СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ОПОСРЕДОВАННОЙ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	229
Батыршина М. А. Радикализация межполовых отношений и деструктивное влияние сообщества «Мужское государство» в социальных сетях	229
Блинова Д. Н. Проявление особенностей мышления авторов информационных материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму (на примере психолого-лингвистических исследований)	230
Волохова Л.А. Некоторые экспертные задачи, решаемые в рамках судебных экспертиз межличностной коммуникации в сети Интернет	232
Гурина О.Д. Психологическое насилие в межличностной коммуникации в сети Интернет	233
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ ДЕТСТВА	236
Аруин С. Е., Чиркина Р.В. Оценка эффективности методов и технологий профилактики радикализации подростков и молодежи в Интернете (на примере технологии Стритворк-онлайн в ФРГ)	236
Бригадиренко Н.В. Технология освоения навыков «умелый класс» (Skilful class) как основа формирования психо-социокультурной зрелости младшего школьника.....	239
Гельман Н. Сопровождение молодежи в период перехода из стадии юношества к взрослой жизни	241
Егоркина О.В., Заболотная И.В., Клейменова О.Н., Новенко Е.В., Политик И.В., Прутова Н.Г., Познякова С.Н. Профилактика социальных рисков детства путем апробации метода Skilful class	243
Казакова Т. А. Деятельность судебного психолога по делам молодежи во Франции .	244
Соколова О., Рижке Е. Отказ от посещения школы: факторы и методы помощи детям в ФРГ. Проект «Schule t(u) go»	246
Хилтунен О.В. Медиация как способ сокращения судебных издержек: финский опыт	248
Palma-Durán J.A., Ruiz-Callado R. Child-to-Parent Violence in Spain. A Sociological Approach	249
МЕДИАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМАЯ ПРАКТИКА	251
Верёвкина Е.В., Михайлова Е.О. Возможности использования медиации как механизма разрешения конфликтов в учреждениях здравоохранения	251
Вечерина О.П. Медиация и медиативный подход в современной России: проблемы и перспективы развития	252

Графский В.П. Проактивная модель медиации в социальной сфере	254
Кошелева М.С. Особенности восприятия и решения конфликтов в журналистской среде в условиях работы в международной компании	255
Макаров С.Ю. Участие адвокатов в процедуре медиации: существующие сложности и пути их преодоления (при оказании юридической помощи по семейно- правовым вопросам)	257
Никольская И.С. Медиация как способ разрешения конфликтов в сфере страхования	259
Путалова И.Б. К вопросу о правовом регулировании профессиональной деятельности медиатора (на примере анализа законопроекта)	260
Трубицына И.Н. Медиация как социально значимая практика	262
Шаховец Е.М. Применение медиации при разрешении конфликтов в торговой компании	263
СПИСОК АВТОРОВ	266

Коченовские чтения «Психология и право в современной России»

Сборник тезисов участников Всероссийской конференции
по юридической психологии с международным участием.

Редакторы: *В.В. Рубцов, Ю.М. Забродин, А.А. Марголис, З.И. Кекелидзе,
Н.В. Дворянчиков, И.Б. Бовина, Н.В.Богданович, О.П.Вечерина, В.В.Делибалт,
М.Г. Дебольский, Е.Г. Дозорцева, А.С. Калашикова, И.Н. Коноплева,
З.В.Луковцева, И.Б.Путалова, Ф.С. Сафуанов, Р.В.Чиркина*

Составитель: О.Р.Бусарова

Корректор: О.Р.Бусарова

Художественная верстка: В.В. Делибалт

Компьютерная верстка: О.Р.Бусарова

Подписано в печать: 06.11.2020.

Формат 60*88/16. Гарнитура Times.

Уч.-изд. л. 17,0.

САЙТ МГППУ:
mgppu.ru

САЙТ КОНФЕРЕНЦИИ:
conf.childpsy.ru/the_kochenov_conference

САЙТ ФАКУЛЬТЕТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ МГППУ:
jp.mgppu.ru

СТРАНИЦА КОНФЕРЕНЦИИ В FACEBOOK:
facebook.com/KochenovConference

ГРУППА ФАКУЛЬТЕТА В КОНТАКТЕ:
vk.com/up_mgppu

**ВСЕРОССИЙСКАЯ ОНЛАЙН-КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«КОЧЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ—2020. ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»
МГППУ, МОСКВА, 2020, НОЯБРЬ 11-13**